

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№2 (95)
АПРЕЛЬ

2022

Объявлена подписка на 2-е полугодие 2022 г.

Цена подписки:

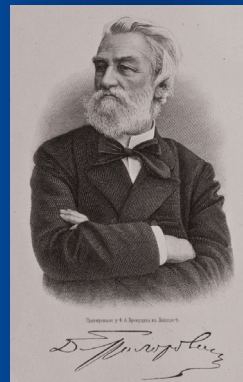
1 номер – 218,55 руб.

3 номера – 655,65 руб.

Стоимость подписки в редакции:

1 номер – 140 руб.

Индекс ПА041

Стать поистине русским писателем.
К 200-летию со дня рождения Д.В. Григоровича

стр. 4

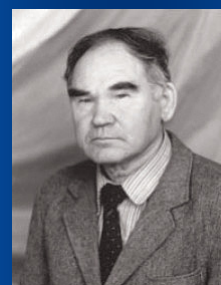
«Волжский благовест». Итоги молодежного литературного конкурса

стр. 85

Слово о «Черемшане». К 70-летию литературного объединения «Черемшан»

стр. 97

Заволжье родное. Жизнь и творчество Петра Мельникова

стр. 102

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Отблеск пасхального света. Слово редактора 3

Литературное наследие

Ольга Даранова. Статья поистине русским писателем.
К 200-летию Д.В. Григоровича.....4-11

Архив

Николай Марянин. Конек Ростислава Ступишина ...12-15

Страна поэзия

Нина Ягодинцева. Наилегчайший из всех даров16-19
Наталья Джурович. Узор на ткани20-23
Александр Хабаров. Страж. Стихи24-27

Глубинка

Владимир Дворянсков.
Всё это русское, наше. Стихи.....28-31

Молодые голоса

Владислав Ванюков. Стихи32-33
Илья Разумовский. Отражение. Рассказ34-35
Алла Дроздова. Физик и лирик..... 36
Артём Даллакян. Впереди весна. Стихи 37
Лариса Утина.

Весна. Просмотр. Выставка молодых художников ...39-42
Моментальные снимки. В объективе – весна. 43
Маргарита Смирнова. Та самая птица!
Выставка в музее народного творчества44-45
Весенняя капель. Итоги Всероссийского творческого
конкурса – фестиваля.....46-48

Дороги памяти военной

Ольга Шейпак. Небывалая весна. Рассказ.....49-56
Елена Токарчук. Претерпевший всю боль – спасётся.
Стихи57-59

Река воспоминаний

Татьяна Алисевич.
Рассыпанные бусы. Страницы из книги60-65
Владимир Янушевский.
Слова, слова, слова... (Продолжение).....66-75
Людмила Дягилева. Вечная молодость.....76-81

Книжная полка

Дмитрий Савельев.
Свет вместо смерти. Размышления на тему.....82-84

Дорога к храму

Сергей Николаев.
Волжский благовест. Итоги конкурса85-86
И снова мир рождён спасением.
Стихи участников конкурса.....87-88
Светлой Пасхи день весенний.
Фотографии и эссе участников конкурса89-93

Черемшан

У истоков «Черемшана»94-96
Раиса Кашкирова. Слово о «Черемшане».....97-99
Юрий Шерстнёв. Из недопетого. Стихи..... 100-101

Память сердца

Нина Васильева. Заволжье родное. О творчестве Петра
Мельникова 102-113

Соло

Валерий Кузнецов. Иное звучанье. Стихи 114-118

С любовью ко всему родному

Пока идут старинные часы. Памяти А.И. Фролова.....119-121

Житейские истории

Ольга Борисова. Девяностые. Рассказы 122-124

Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО..... 125-126

Юбилейный календарь 127-176

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11.

Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 18.04.2022 г.

Дата выхода 25.04.2022 г.

Тираж 700 экз. Заказ №196

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №2 (95), 2022

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела –
Наталья Степченко.

На обложке: Людмила Слесарская.
«Воробышки-братишки и синички-сестрички».
На обороте обложки: фото Ольги Тюльпа.

- Рукописи принимаются только в электронном виде,
не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами,
материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность
авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией
редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске:

ул. Пушкинская, 11, каб.104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку
на II полугодие 2022 года
(подписной индекс ПАО41)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

ОТБЛЕСК ПАСХАЛЬНОГО СВЕТА

В новом весеннем номере журнала – стихи и проза, краеведческие очерки и статьи, публикации молодых авторов.

В рубрике «Литературное наследие» читайте очерк Ольги Дарановой к 200-летию со дня рождения Дмитрия Григоровича (1822–1900).

Николай Марянин рассказывает о писателе XIX века Ростиславе Ступишине, возвращает забытое имя читателям.

В этом номере много ярких поэтических страниц. В «Страну поэзию» читателей приглашают Нина Ягодинцева (Челябинск), Наталья Джурович (Черногория), известный ульяновский поэт Валерий Кузнецов. Поэтические публикации номера продолжают стихи Александра Хабарова (1954–2020).

В подборке стихотворений «Всё это русское, наше» замечательного ульяновского поэта Владимира Дворянского (1948–2016) проникновенно звучит тема любви к родной земле.

В рубрике «Молодые «голоса»» читайте рассказ Ильи Разумовского, стихи Владислава Ванюкова и Артёма Даллакяна. Бодрым маршем пополняют ряды литераторов молодые авторы. «Я иду! Мой Бог со мной. Впереди весна!», – пишет двадцатилетний Артем Даллакян. Талантливая творческая молодежь проявляет себя в разных видах искусства. На цветных страницах представляем выставку молодых художников «Весна. Просмотр», организованную в выставочном зале Дворца книги. Художник Людмила Слесарская рассказывает об итогах Всероссийского конкурса-фестиваля детского и юношеского творчества «Весенняя капель», публикуем работы лауреатов.

В разделе «Дороги памяти военной» представлены рассказ Ольги Шейпак «Небывалая весна» и тематическая поэтическая подборка Елены Токачук «Претерпевший всю боль – спасётся».

В рубрике «Река воспоминаний» продолжаем публикацию страниц прозы Владимира Янушевского «Слова, слова, слова...». Здесь же предлагаем вниманию читателей главы из книги Татьяны Алиевич «Очень личные истории», а также воспоминания Людмилы Дягилевой «Вечная молодость».

Приглашаем читателей поразмышлять о повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Одно из заседаний литературной студии «Восьмёрка» было

посвящено этой теме. Читайте статью священника Дмитрия Савельева «Свет вместо смерти».

В рубрике «Дорога к храму» публикуем итоги молодёжного литературного православного конкурса «Волжский благовест», подборку стихов, а также конкурсные фотографии и эссе.

В марте в Димитровградском краеведческом музее состоялось торжественное мероприятие, посвященное 70-летию литературного объединения «Черемшан». Об этом событии рассказывает Раиса Кашкирова. Здесь же публикуем поэтическую подборку Юрия Шерстнёва (Димитровград).

В разделе «Память сердца» – очерк краеведа Нины Васильевой о писателе Петре Трофимовиче Мельникове, который обладал даром воссоздавать ушедший мир русской крестьянской жизни.

Памяти Анатолия Ивановича Фролова (1930–2022), хранителя Симбирских курантов, посвящена публикация Лейсан Фиргалиевой.

В рубрике «Житейские истории» читайте рассказы самарского писателя Ольги Борисовой.

На страницах журнала – новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО».

По традиции завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Маряниным.

В стихотворении «Страж» Александра Хабарова есть такие строчки:

*...Может, и мне зачтется всё, что казалось тяжко:
Чёрная эта краюшка да белая эта рубашка.
Небо в тяжёлых звёздах, зыбкое бездорожье –
Я ведь иду без жалоб, знаю, что всё здесь – Божье.
Я ведь из самых верных, пусть и не скорых шагом.
Я ведь всегда на страже – с хлебом, вином и флагом.
Мне ведь шагать по снегу,
под хвойной непрочной сенью,
Лишь бы успеть к ночлегу –
к пятнице и воскресенью.*

Из напутствия мудрого старца о. Иоанна (Крестьянкина): «Постараемся, чтобы на каждый день нашей жизни, на каждый миг ее ложился отблеск пасхального света, даруя земной жизни непреходящий светлый смысл».

Мира и добра вам, дорогие друзья, духовной крепости, светлой Пасхальной радости!

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

СТАТЬ ПОИСТИНЕ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ

К 200-летию со дня рождения
Д.В. Григоровича

*И.Н. Крамской. Портрет Д.В. Григоровича.
1876 год. Холст, масло. Третьяковская галерея*

В созвездии русских писателей-классиков есть имена, чьи слава и авторитет ранее были бесспорны, а ныне их жизнь и творчество, к сожалению, обойдены вниманием общества. К таким писателям относится и Д.В. Григорович.

С детства Дмитрию Григоровичу предстоял нелёгкий путь стать не только русским человеком, но и русским писателем. В своих «Литературных воспоминаниях» он напишет: «*В кругу русских писателей вряд ли можно найти таких, которым в детстве привелось встретить столько неблагоприятных условий для литературного поприща, сколько было их у меня. Во всяком случае сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из них таким трудом, как мне, досталась русская грамота. Мать моя хотя и говорила по-русски, но была природная южная француженка... Воспитанием моим почти исключительно занималась бабушка, шестидесятилетняя старуха.*»

Дмитрий Васильевич Григорович родился 31 марта 1822 года в селе Никольское Ставропольского уезда Симбирской губернии (ныне р.п. Никольское-на-Черемшане Мелекесского района Ульяновской области) в семье отставного офицера Василия Ильича Григоровича и его супруги-француженки Сидонии Вармо. В России её звали Сидония Петровна.

Бабушка Дмитрия Григоровича – эмигрантка Мари-Сесиль (урождённая Вабль), француженка, родилась в 1773 году. Вступив в брак с Петром Вармо, родила дочь Сидонию, будущую мать Д.В. Григоровича. Во втором

браке с Пьером-Рене Ле Дантю родились дочери Луиза, Амалия и Камилла и сыновья Шарль и Евгений. Как пишет Г. Юнкер в воспоминаниях «Детские годы Д.В. Григоровича по архиву Ивашевых», «Ле-Дантю был во Франции богатый негодник, вынужденный по своим политическим убеждениям спастись от преследований входившего в силу Наполеона и по этому случаю разорившийся. Ему, по словам Григоровича, удалось перевести в Россию ценную голландскую галерею, из которой картины, особенно Строгановскую коллекцию». В 1803 году семейство эмигрировало в Россию. А в 1812 году, спасаясь от Наполеона, семья Ле Дантю переехала в Симбирск на постоянное жительство. Здесь, в Симбирске, бабушка стала воспитательницей детей симбирского помещика, генерала П.Н. Ивашева. Будучи уже в пожилом возрасте и не зная русского языка (так как всё общество тогда говорило на родном ей языке), бабушка отправилась в Сибирь за дочерью и её мужем-декабристом. Пережив три крупные потери (смерть сына, дочери и зятя), Мари-Сесиль смогла с чисто мужской твёрдостью добиться разрешения вернуться в Россию, вывезти внуков и посвятить себя их воспитанию. В России её звали Мария Петровна.

«Можно привести ещё немало доказательств симпатичности характера Марьи Петровны...» – пишет Г. Юнкер. Неутомимая француженка редко сидела без дела, увлекалась садоводством и огородничеством, её часто можно было видеть с заступом в руке, в палисаднике, копающую грядки и пересаживающую цветы, а в плохую погоду сидящую в кресле у окна за вязанием.

Отец Григоровича, Василий Ильич, был родом из Малороссии, около тридцати лет служил в гусарах, получил чин майора. Выйдя в отставку, занимал место управляющего имениями графа Соллогуба. «Наш управляющий Василий Ильич Григорович был, что называется, мастер своего дела, <...> человек очень типический, своеобразный. Он был невелик ростом, сухопарый, крепко сложенный, гладко выбритый и подстриженный, во всей его фигуре проглядывал отставной кавалерист, кем он и был в действительности. А также здоровья изумительного и деятельности необычайной. Едва займётся заря, он уж на коне скачет на работы, приказывает, распоряжается, журит. Крестьяне его побаивались, но обращались к нему за советами по своему собственному хозяйству, что для крестьянского упрямого самолюбия образует высшую степень уважения <...> Он любил агрономию, как музыкант любит музыку и живописец живопись» (Соллогуб В.А. Воспоминания).

Первые годы жизни Дмитрия прошли в Никольском, имевшем богатую историю. По воспоминаниям графа В.А. Соллогуба (1813–1882), наследственного владельца имения: «Дом в Никольском был огромный и построен на века – из кирпича и железа. Он состоял из главного корпуса и четырёх флигелей по углам. Перед главным фасадом, обращённом к красивой реке Черемшан, располагался за железной решёткой цветник без цветов. С другой стороны у противоположного фасада устроен был въездной двор с окружающим его каменным забором. За забором тянулся на несколько десятков огромный сад-парк, разделяющий село на две половины».

Дом в Дулебино. Фото из фондов Озерского краеведческого музея им. А.П. Дорониной

Дулебино. Начало пути

В 1825 году отец писателя приобретает усадьбу в живописных местах Подмосквья – Дулебино. Так маленький Дмитрий, будущий писатель Дмитрий Григорович, впервые попал на берег красивой русской речки Смедвы, притока Оки, воспетой впоследствии во многих его произведениях. Василий Ильич мало занимался сыном, посвящая почти всё своё время работе в усадьбе. Да и недолго ему пришлось вести хозяйство на новом месте. Он скончался в 1830 году. Воспитанием мальчика занимались мать и бабушка. Первой его книжкой была азбука на французском языке, выписанная из Парижа. До восьми лет мальчик не брал в руки русской книжки, а до четырнадцати лет практически по-русски не говорил.

Свои мысли о детстве и своём воспитании и становлении писатель излагает в «Литературных воспоминаниях»: «До восьми лет в моих руках не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я от дворовых, крестьян и больше от старого отцовского камердинера Николая. Он любил меня, как будто он десять раз был его родным сыном, как будто отец мой, перед памятью которого он благоговел, завещал ему утешать меня, любить и ласкать. О нём можно сказать то же, что Филарет (патриарх всея Руси, XVII века) говорил о русском народе: в нём свету мало, но теплоты много. По целым часам караулил он, когда меня пустят гулять, брал на руки, водил по полям и рощам, рассказывал разные приключения и сказки <...> ...За весь холод и одиночество моей детской жизни я отогревался только, когда был с Николаем».

Заложенное от природы и воспринятое по наследству от бабушки и матери глубокое понимание прекрасного дополнилось у Григоровича пребыванием в живописных местах на берегу Смедвы. Вот небольшой фрагмент рассказа «Смедовская долина»: «Пространство между краем берега и подошвою ската пересекается беспрестанно ключами; то тихо и почти незаметно пробиваются они в длинной, густой траве или лозняке, из которого наши рыбаки плетут верши; <...> то разливаются они на довольно большое пространство, делятся на бесчисленное множество тоненьких рукавов, образуя бесчисленное множество островков, покрытых изумрудной тиной,

золотыми макушками куриной слепоты или сплошной голубой скатертью мелких незабудок... Одним словом, я не знаю ничего живописнее этого места».

Когда пришло время подумать об образовании сына, много хлопот выпало на долю его матери, Сидонии Петровны. Десятилетним отроком Дмитрий Григорович вместе с матерью прибыл в Москву, чтобы определиться на учёбу. Сначала это была гимназия, потом частный пансион мадам Монигетти, созданный специально для её собственных детей и закрывшийся сразу же по их взрослению. В пансионе Григорович проучился три года, параллельно получая уроки рисования в Строгановском училище. Пребывание в пансионе можно было назвать не столько образованием, сколько домашним воспитанием, причём опять же во французской среде. Это был добрый дом, где, кроме троих детей Монигетти, воспитанников было всего шестеро и все они были под неусыпным вниманием хозяйки пансиона и под крылом доброй Катерины, по-матерински заботившейся о своих подопечных. *«Г-жа Монигетти была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно над мужем, но, в сущности, имела доброе сердце и обращалась с нами по-родительски. Не следовало ей только противоречить; она сама говорила, что тогда горчица подступает ей к носу; голос её в таких случаях раздавался по всему дому, и всё мгновенно затихало как перед бурей; но «горчица отходила от носа» – и снова все шло обычным порядком <...> Артистическое наше образование дополнялось уроком танцев, сопровождавшимся всегда некоторою торжественностью: приглашались знакомые, зажигались жирандоли с восковыми свечами, нам надевали новые курточки, башмаки, и мы выводились в залу. К семи часам являлся старый, лысый скрипач, и вскоре входил танцмейстер г. Бодри, во фраке с необыкновенно высокими буфами на плечах, завитым хохлом и вывороченными, как у гуся, ногами. Раскланившись с изысканною грацией на все стороны, он устанавливал нас в ряд: сначала учили нас, как входить в комнату, как шаркать ногой, соблюдая при этом, чтобы голова оставалась неподвижной, как подходить к дамской ручке и отходить, не поворачиваясь правым, но непременно левым плечом; затем начинались танцы; французская кадрили едва входила в моду; танцевали больше экосез, гротфатер и обращали внимание на характерные танцы: гавот, матлот и ещё какой-то особенно сложный, называвшийся «Швейцарка на берегу озера» (Д.В. Григорович. Литературные воспоминания).*

Русский язык был в пренебрежении, и сам Григорович в своих воспоминаниях удивлялся, каким образом он мог выучиться у Монигетти читать по-русски и особенно писать. Содержание у Монигетти было не дешёвым и легло на плечи матери тяжким бременем. Но природная предприимчивость и упорство помогли Сидонии добиться назначения ей пенсии после смерти мужа, в дальнейшем устроиться классной дамой в Смольный институт благородных девиц, чтобы не разлучаться надолго с сыном, а также заручиться в Петербурге поддержкой великого князя Михаила Павловича и найти сыну учителя, который помог подготовить его к поступлению в Санкт-Петербургское Главное инженерное училище, куда Дмитрий был зачислен в 1836 году.

Некрасов и Достоевский. «Натуральная школа», первые литературные опыты

На своём жизненном пути Дмитрию Григоровичу встретилось редкостное число крупнейших российских литераторов. В Петербурге Григоровича жизнь свела в буквальном смысле слова под одной крышей с Фёдором Достоевским. Они вместе снимали жильё на углу Владимирской и Графского переулков. Именно Достоевский стал первым слушателем «Петербургских шарманщиков» Григоровича, сделав ему существенную подсказку в эпизоде, а Григорович – первым слушателем «Бедных людей» Достоевского. На всю жизнь сохранили они память о скромной «келье», ставшей их первой творческой мастерской почти на три года.

Пребывание и учёба в училище не нравились Григоровичу. Муштра, рутина, зубрёжка были не по душе ему. Точные науки ему не давались, он любил заниматься словесными, его привлекали изящные искусства, танцы, песни, живые картины жизни. Григорович уходит из училища, не окончив его.

Влечение к искусству не оставляет молодого человека. Ещё в 1840 году он брал уроки живописи в Академии художеств, а в 1842 году случай сводит его с директором Императорских театров А.М. Гедеоновым, впечатлившимся бойким французским языком юноши. Гедеонов приглашает Григоровича на службу в канцелярию Петербургского Большого театра. Сладкий плен закулисья, общение с актёрами и драматургами побудило молодого человека заняться литературным творчеством и прежде всего переводами. *«Сделаться литератором, – вспоминал Григорович, – казалось мне чем-то поэтическим, возвышенным, – целью, о которой только и стоило мечтать».* Он перевёл французские водевили «Наследство», «Шампанское и опиум», напечатал рассказы «Театральная карета» (1844), «Собачка» (1845), которые сам признаёт как очень слабые, подражательные, хотя и напечатанные в приложении к «Русскому инвалиду». Вообще, по его же словам *«в ту пору русская грамота давалась мне всё ещё с большим трудом, его мало-помалу побеждали практика и главным образом моё юношеское неутомимое усердие».*

Судьба приготовила ему встречу с Некрасовым. *«Пример молодого литератора, жившего исключительно своим трудом, действовал возбуждительно на моё воображение».* Некрасов привлёк Григоровича к участию в издаваемом им альманахе «Физиология Петербурга». На основе наблюдений за жизнью уличных музыкантов в 1845 году Григорович пишет очерк «Петербургские шарманщики», получивший положительный отзыв В.Г. Белинского.

«Некрасов обратился ко мне, прося написать для первого тома один из таких очерков <...>. Согласившись, я долго не знал, на чём остановиться. Проходя раз в дождливый осенний день по Обуховскому проспекту, я увидел старого шарманщика, с трудом тащившего на спине свой инструмент. До этого ещё моё внимание не раз приковывали эти люди, – итальянцы по большей части, – добывающие таким ремеслом насыщенный хлеб <...> Я прежде всего занялся собиранием материала. <...> Рукопись «Шарманщиков» очень понравилась Некрасову».

Григорович становится «своим» в узком кружке

петербургских литераторов, группировавшихся во-круг Виссариона Белинского.

Чувствуя в себе ростки литературного мастерства и одновременно осознавая незрелость своих произведений и понимая, что прорости они могут вне почвы Петербурга, Григорович отправляется в родное Дулебино, чтобы там напитаться животворящей силой родной земли. *«Моему самолюбию было больно за мою отсталость... литературными моими попытками и тем, что они печатались, нечем было гордиться; я вполне уже сознавал их незначительность и незрелость... Я чувствовал, что дальше так идти нельзя ...Внутренний голос подсказал мне, что во мне что-то есть, что я могу что-то сделать, могу пойти вперед, но для этого нужны другие условия, нужно, прежде всего, расстаться с праздной жизнью и оставить Петербург. Я так и сделал. Написав матушке о своих намерениях, я в 1848 году, с наступлением весны, уехал в деревню».*

Именно здесь, на просторах Приокского края, родился русский писатель Дмитрий Григорович. Здесь он и написал вдохновенные откровением строки: *«Не знаю, обделила меня судьба или наградила, знаю только, что прожив 25 лет сряду на Оке, я ни разу не жаловался. Я скоро сроднился с нею и теперь люблю её, как вторую отчизну. Не вините же меня в пристрастии – в некоторых случаях пристрастие извинительно, – не вините же, если берега Оки, её окрестности и маленькие речки, в неё впадающие, кажутся мне краше и живописнее других берегов, местностей и речек России».*

Начинался дулебинский период его жизни и творчества. Здесь вскоре он создаёт две повести, «Деревня» и «Антон-Горемыка», произведшие эффект разорвавшейся бомбы для того времени. О помещиках, влюблённых барышнях-крестьянках и забитых чиновниках самого низшего ранга уже было сказано слово Пушкиным, Радищевым, Гоголем. По-своему изображали русскую деревню Тургенев и Писемский. Но лишь Григорович в свойственной ему манере изобразил русскую деревню обстоятельно и точно, с любовью и нежностью, состраданием и печалью. Как точно подмечено современником писателя, педагогом и литератором В.П. Острогорским, *«...серой мужицкой жизни, мужицкого, бабьего, детского горя, всей ужасающей прозы этой каторжной жизни до Григоровича ещё не изображал никто».* Повести не оставили равнодушными практически никого. Многие известные литераторы горячо откликнулись на них.

Лев Толстой в письме Григоровичу: *«Вы мне дороги... в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «Записками охотника», ваши первые повести. Помню умиление и восторг, произведённые на меня, тогда 16-летнего мальчика, не смеявшего верить себе, – «Антоном-Горемыкой», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика – нашего кормильца и – хочется сказать, нашего учителя, – можно и должно описывать, не глумясь и не для оживления пейзажа, но с уважением и даже трепетом».*

К концу 1840-х годов Григорович стал уже широко известным писателем, постоянным автором журнала «Современник», на счету которого были повести и рассказы «Похождения Накатова»,

«Четыре времени года», «Капельмейстер Сусликов», «Штука полотна», «Бобыль», в которых Григорович блестяще описывает аристократов-бездельников, их незадачливых подражателей-буржуа и прочих небокоптителей разного ранга. С Григоровичем, как и с Иваном Тургеневым, Львом Толстым, Александром Островским и Иваном Гончаровым, было заключено «обязательное соглашение», по которому писатель получал проценты от журнальной выручки, обязуясь печатать свои вещи исключительно в «Современнике». На известной фотографии «первой редакции» журнала мы видим Григоровича среди коллег-писателей.

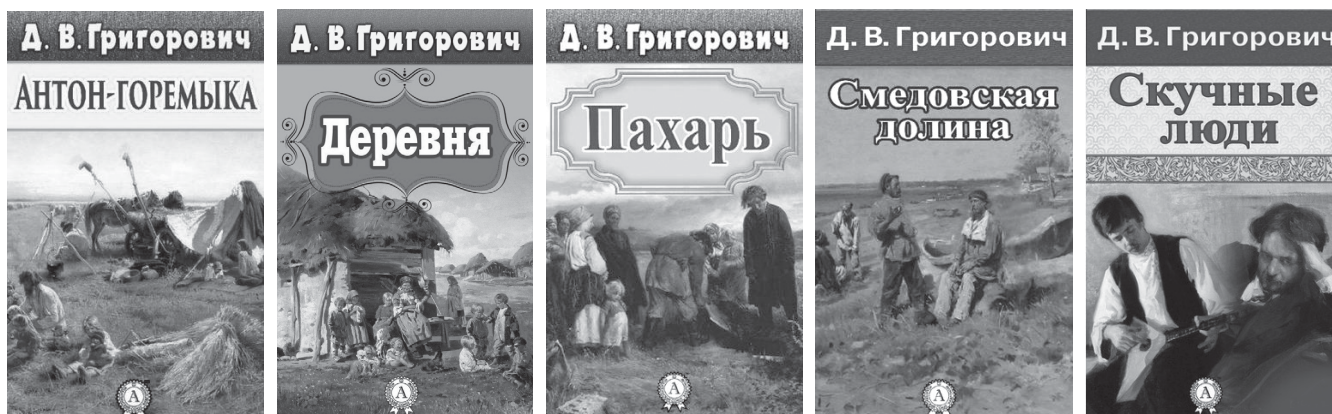
В литературе этого времени постепенно изменяются границы прозаического жанра, физиологический очерк всё более вбирает в себя повествовательные черты эпической прозы, повесть становится основным жанром, подготавливая почву для появления романа. С конца сороковых до середины пятидесятых годов 19-го столетия в литературе чувствуется очень сильное влияние мощного таланта Гоголя, и произведения многих авторов «натуральной школы» словно поют с чужого голоса, отличаясь вторичностью замысла и подражательностью. Григорович это прекрасно понимал, об этом он написал в своих мемуарах: *«Все в одинаковой степени были увлечены Гоголем; почти всё, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя, преимущественно повести «Шинель»».*

В 1853 году выходит роман Григоровича «Рыбаки». Описывая два поколения семейства рыбаков, автор не избежал условности в изображении характеров, но мастерство Григоровича здесь опять проявляется в поэтическом созерцании и умении живописно, словно кистью художника, передавать картины природы и быта людей. Литературоведы определяют жанр новой повествовательной формы письма Григоровича как «народный роман».

Н.А. Некрасов пишет Григоровичу: *«Ваш роман «Рыбаки» без преувеличения удивительно хорош. Это все находят в Петербурге, и здесь я отовсюду слышу ему похвалы <...>. Я еду на самое место действия Вашего романа – в деревню, лежащую при Оке, и мне любопытно будет посмотреть, насколько верны Ваши описания».*

В 1850-е годы из-под пера Григоровича вышли: «Пахарь» (1856), «Кошка и мышка» (1857), «Пахотник и бархатник» (1860), рассказы «Мать и дочь» (1851), «Смедовская долина» (1852), «В ожидании паромы» (1857), ряд очерков. Перо Григоровича отличалось высочайшим описательным мастерством, это было перо художника-реалиста, подробнейшее и живописное. Во многих его произведениях почти нет сюжета, но не этим силен Григорович, а своей неспешной и скрупулёзной художественной убедительностью.

Переломной в творчестве явилась его повесть «Пахарь». В чём же здесь новизна Григоровича, ранее яркого представителя «натуральной школы»? А в том, что в повести автор попытался показать не только безжалостную картину бытования простого народа, угнетённого крестьянина, его безысходность и забитость, но и духовную красоту простого русского человека, воспел поэзию крестьянского

труда, показал святость человека-труженика, не утратившего связь с животворной природой.

Не избежав назидательности, повесть эта всё же ступень в творческом развитии Григоровича. Если ранее, в рассказах «Деревня» и «Антон-Горемыка», показаны лишь боль и жестокость действительности и совершенное отсутствие нравственного смысла жизни, то здесь уже изображён народ, хранящий историческую память своего земледельческого труда, гармонически связанный с землёй, которая и формирует целостного человека.

«Нянюшка Дюма»

5 июля 1858 года в культурной жизни России случилась настоящая сенсация – в Петербург прибыл известный романист Александр Дюма, автор «Графа Монте-Кристо» и «Трёх мушкетеров». Дюма путешествовал по России год, с июля 1858-го по март 1859-й. За это время он посетил Петербург, Карелию, остров Валаам, Углич, Москву, Царицын, Астрахань, Калмыцкие степи, Закавказье.

Удачным это путешествие и пребывание в России французского романиста можно назвать не в последнюю очередь потому, что рядом с ним оказался писатель Григорович.

Из воспоминаний А.Я. Панаевой: «Знаменитый французский романист Александр Дюма, приехав в Петербург, гостил на даче у графа Кушелева, и литератор Григорович сделался его другом, или, как я называла, «нянюшкой Дюма», потому что он всюду сопровождал французского романиста. Григорович говорил как француз, и к тому же обладал талантом комически рассказывать разные бывалые и небывалые сцены о каждом своём знакомом. Для Дюма он был сущим кладом».

Об этом же писал и Иван Панаев в своем фельетоне: «лучшего путеводителя по Петербургу г. Дюма не мог бы найти. Ему (Григоровичу. – О.Д.) знаком Петербург во всех его подробностях, начиная от аристократических салонов, до самых последних и тёмных закоулков толкучего рынка».

Беседы с Григоровичем явились для Дюма путеводителем по истории русской литературы, и те страницы книги Дюма «En Russie», которые посвящены Пушкину, Полежаеву, Некрасову, современным журналистам и самому Григоровичу, обязаны своим происхождением сообщениям Дмитрия Григоровича.

Путешествие на «Ретвизане» (1858–1859)

В 1858 году по приглашению Морского министерства Дмитрий Григорович совершил путешествие вокруг Европы и описал его в ряде очерков, получивших название «Корабль «Ретвизан». Такой опыт путешествия русского писателя уже был не нов и памятен путешествиями Карамзина и Гончарова. Именно об этом, приглашая к путешествию, Григоровичу и сообщили: «Что касается цели, с какой в экспедицию приглашают литератора, – цель самая простая, естественная: вы поедете на том основании, как Гончаров ездил в Японию».

В отличие от путешествия Гончарова к восточным берегам, маршрут Григоровича был европейским. Литературная экспедиция побывала в Германии, Дании, Испании, Италии, Греции, Франции.

По технической оснащённости корабль не уступал лучшим судам иностранных морских держав. На «Ретвизане» все было сделано руками русских мастеров. А шведское название («ретвизан» значит «правосудие») напоминало о славной победе Петра: корабль с таким названием был пленён русскими. С тех пор имя «Ретвизан» сохранилось в нашем флоте. Патриот Григорович радуется появлению «Ретвизана», построенного в Петербурге в 1855 году: «...на нём всё русское, национальное, начиная с леса и кончая машиной <...> «Ретвизан» выражает, следовательно, две мысли, которые в одинаковой степени могут удовлетворить нашу гордость: победа над шведами и, главное, преуспевание наше в кораблестроительном искусстве».

Из каждого приморского порта Григорович в компании попутчиков стремится попасть вглубь континента. Коляской или поездом, он хочет попасть в Копенгаген и Париж, Гамбург и Севилью, оставляя «Ретвизан» далеко позади на долгие недели отсутствия.

В каждом городе писатель, если позволяют время и возможности, ходит на вечерние представления. Это важно для того, чтобы зафиксировать настроения и наряды публики, но ещё и для того, чтобы выдать умозаключение, касающееся ментальных особенностей той или иной чужой культуры.

Книга отличается искренностью и неподдельностью, живостью языка, подробными пейзажными зарисовками, написанными, словно кистью художника и детальнейше передающими архитектуру, пейзажи, одежду, нравы.

«Приморские Альпы, которые поражают своим строгим, величавым характером от Виллафранки и далее до Монако, совершенно изменяют свой вид по мере того, как приближаешься к Ницце. Отвесные голые скалы, узкие темные ущелья, кремнистые кряжи, исполосованные трещинами, – все постепенно сглаживается и уступает место почве, покрытой роскошной растительностью. От этого самые цвета скатов, окружающих Ниццу, получают особенную какую-то, бархатную нежность; глаза не перестают тешиться разнообразною гаммою красок, которых не в силах была бы передать даже живопись».

На посту секретаря Общества поощрения художников (1864)

Мир искусства привлекал Григоровича ещё с детства, а если точнее, восприимчивость к прекрасному была передана ему на генетическом уровне, унаследована от просвещённых предков-французов, неутомимой и энергичной бабушки и образованной любящей матери.

Ещё в пансионе мадам Монигетти юный Григорович с удовольствием посещал уроки рисования в Строгановском училище, позже поступил в Академию художеств, но не окончил её. В дальнейшем это природное стремление находит благодатную почву в общении с известными писателями и деятелями искусства, группировавшимися вокруг журнала «Современник». Григорович начинает увлекаться собиранием картин и художественных раритетов, приобретает известность знатока-коллекционера, превосходно знающего изобразительное искусство.

В 1864 году Д.В. Григорович принимает пост секретаря Общества поощрения художников (после 1882 года – художеств) и занимает этот пост в течение двадцати лет, что принесло ему не просто удачу, а определило судьбу на много лет вперёд. За время его многолетней работы в обществе поощрения художников сфера деятельности этой организации намного расширилась. Ещё в статье «Императорская Академия художеств» (1858) прослеживается главная тенденция его искусствоведческой деятельности – популяризация основ искусства среди широких слоёв населения и в особенности знакомство и продвижение русской школы живописи, которую тогда почти не признавали. Под его руководством Общество поощрения художников (ОПХ) уделяло большое внимание русскому декоративно-прикладному искусству. Дмитрий Григорович принимал активное участие в развитии Московского художественно-промышленного музея и школ – Рисовальной в Петербурге и Строгановской в Москве, считая, что для России их недостаточно. Задачи развития этих школ Григорович видел в использовании лучшего западного опыта в преподавании, открытии при школах мастерских с целью применения рисунка к технике производства, открытии библиотек, постоянных выставок-продаж предметов всех отраслей изящного промышленного производства местных фабрик и мастерских, а также работ учеников этих школ.

Имея широкие связи в художественных кругах, Григорович привлекал к преподаванию в Рисовальной школе при Обществе лучших художников того времени, среди которых был, к примеру,

Санкт-Петербург. Здание Общества поощрения художеств. (ул. Большая Морская, 38 – наб.р. Мойки, 83)

И.Н. Крамской, умело использовал средства меценатов, в том числе и царской семьи.

Очень верное обобщение о сущности «Общества» сделано В.И. Покровским, экономистом, редактором, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, в книге «Д.В. Григорович: его жизнь и сочинения»: «Это общество, образовавшееся благодаря частным пожертвованиям и пособиям от правительства, представляет замечательный пример быстрого и вместе с тем прочного развития <...>. Душой этого общества был Григорович. Ради тех художественных целей, которое преследовало общество, Григорович в цвете развития своего литературного таланта и своей известности почти бросил занятия литературою и отдался всем сердцем новому делу. Он собрал по Европе драгоценнейшие образцы художественной промышленности и работал по образованию музея и школы с таким знанием дела и с той несокрушимой энергией, которые у нас так редки. Он всего себя отдал этому делу, которое и выросло благодаря тому, что в него вложена была вся душа человека. Эта деятельность не бросается в глаза, о ней не кричат, но о ней говорят прочные результаты, она закладывает целую систему учреждений подобного рода, образует своего рода науку в наглядной и неустанной деятельности лица, которое так превосходно обнимало и сооружало и подробности, и общий план. Руководимое Григоровичем Общество поощрения художников представляло собой как бы частную академию, во многом дополнявшую иправлявшую академию официальную. Эта частная академия была менее проникнута классическою рутинною и более доступна новым веяниям и течением в искусстве. В ней жил литературный дух, которого сильно недоставало казённым академикам, и она была ближе, роднее молодым талантам. В 1860–1870-е годы в печати выходят его статьи как критика-искусствоведа: «Несколько слов о поощрении художеств в России»; «Художественное образование в приложении к промышленности на Всемирной выставке в Париже 1867 г.», «Выставка учеников императорской Академии художеств»; «Очерки художественно-промышленного производства».

«Дело, порученное мне, заинтересовало меня с самого начала, и чем больше я входил в него, тем больше оно меня завлекло», – писал Григорович в мемуарах.

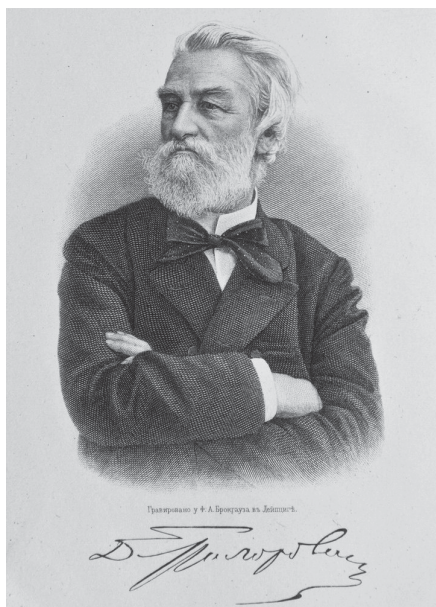
Как справедливо замечает В.П. Мещеряков в своём исследовании «Д.В. Григорович – писатель и

искусствовед», «... для официального и общественного мнения (редкое по тому времени единодушие) Общество поощрения художников и имя Д.В. Григоровича представлялись неразрывно связанными».

Григорович стал автором первого описания музейного хранилища Эрмитажа. В путеводителе «Прогулка по Эрмитажу» (СПб., 1865) он развивал свою мысль: «Эрмитаж со всеми заключающимися в нём сокровищами невольно приподымает чувство национальной гордости, действует в пользу развития вкуса, незаметно просвещает посетителя, так как удовольствие, которое дает созерцание предметов художеств, зарождает в душе одно из лучших чувств – любовь к изящному и мало-помалу обращает в потребность высокие эстетические наслаждения <...> Произнесите слово Эрмитаж! В любом конце России – каждый уже слышал его. О нём спрашивают даже те, которые никогда не бывали в Петербурге».

Парламентёр русской культуры

В апреле 1867 года в Париже открылась Всемирная выставка произведений земледелия, промышленности и художеств. Дмитрий Григорович был назначен Генеральным комиссаром Русского отдела. На Марсовом поле для неё возвели огромное здание из стекла и железа, внутри которого разместились 7 экспозиционных галерей. 70 гектаров прилегающей площади заняли более 200 больших и малых павильонов. Всего в выставке участвовали около 42 тысяч экспонентов. Русский отдел насчитывал более 1300 предметов. Всё то, что было новым и передовым в науке и технике того времени, было представлено на этой выставке: телеграфный аппарат Хьюга, электрические фары, подводный кабель; гидравлический лифт, шарикоподшипники, механическая тестомешалка и более совершенные земледельческие орудия.

Новизной было и то, что, начиная с этой выставки свои экспозиции страны-участницы стали размещать в специально построенных ими национальных павильонах: здесь можно было увидеть тирольскую деревню, русскую избу, египетский караван-сарай, восточный минарет, турецкие бани,

китайский театр, английский коттедж, американское ранчо, голландскую ферму, японский киоск и реконструкцию римских катакомб. «Толпы посетителей приходили посмотреть на бронзовую модель Петропавловской крепости работы петербургской Фабрики художественной бронзы, и резную деревянную избу, сооруженную без единого гвоздя плотницкой артелью из Владимирской губернии» (Д.С. Григорович. Литературные воспоминания).

Впервые за рубежом были широко представлены картины молодых российских художников реалистического направления – В.Г. Перова, В.В. Пукирева, А.И. Мещерского, петербуржцев Г.Г. Мясоедова, Н.Н. Ге, К.Д. Флавицкого, А.А. Попова, М.К. Клодта, А.А. Рипцони, А.Д. Литовченко, Т.Г. Шевченко, П.А. Суходольского, Б.П. Виллевалде (батальные работы), исторического живописца Ф.А. Бронникова и многих других, получивших высокие оценки зрителей и жюри.

Посещали выставку жившие в это время в Париже И.С. Тургенев, И. А. Гончаров. С большим успехом прошли на выставке четыре концерта русской музыки. Симфоническим оркестром выставки были исполнены произведения М.И. Глинки, П.И. Чайковского, Д.С. Бортнянского, А.Г. Рубинштейна, А.С. Даргомыжского и других композиторов. Вскоре, после закрытия выставки в свет вышел «Обзор Парижской всемирной выставки 1867 года», написанный Д.В. Григоровичем.

В 1868 году писатель избран почётным членом Академии художеств. В 1879 году Григорович выезжает за границу с целью пополнения петербургского и московского музеев. Он осматривает рисовальные школы в Вене, Мюнхене и Париже, приобретает для школ необходимые материалы. В «Отчёте о состоянии рисовальных школ в Вене, Мюнхене и Париже в 1879 году» он предлагает заимствовать некоторые методы профессионального обучения, позволяющие улучшить подготовку русских художников и, в свою очередь, отмечает прогрессивность русских школ живописи, отличающихся инициативностью учащихся, оживлённой творческой атмосферой. Григорович заботился о развитии эстетического вкуса учеников, об их эрудированности и самообразовании.

Благодаря инициативе Григоровича при Обществе поощрения художеств был организован музей, который, по отзывам в тогдашних газетах, «может быть смело поставлен наряду с лучшими подобными же музеями Европы».

По просьбе императора Александра III Григорович принимает участие в формировании экспонатов будущего Русского музея в Петербурге. Это описи предметов Гатчинского дворца, дворца в Летнем саду, дворца в Ропше, Екатерингофского дворца, Елагинского, Зимнего дворца, Большого Петергофского, Петровского, Александровского в Царском селе и других.

В Русском музее находятся скульптурные и графические портреты Григоровича, в отделе рукописей хранятся его письма.

За свои достижения на посту главы общества Григорович получил статус действительного статского советника и пожизненную пенсию.

После почти тридцатилетнего перерыва Григорович вновь возвращается к литературному творчеству. В свет выходит его пронзительная повесть «Гуттаперчевый мальчик» (1883), которая и поныне числится в классике детского чтения. Трагическая судьба маленького сироты, ставшего цирковым акробатом, не оставила равнодушным ни школьника, ни взрослого. Истинная доброта и ледяное равнодушие, лишения одних и довольство других, светлое и тёмное, добро и зло – вот основные мотивы повести. Произведение переиздавалось множество раз и переводилось на иностранные языки. Именно детские образы позволили Д.В. Григоровичу остро раскрыть тему трагизма судьбы народа в условиях крепостнической России, поскольку именно перед детьми общество несет нравственную ответственность и именно дети – залог будущего. Поэтому произведение современно и сегодня. В 1957 году повесть была экранизирована, и все мы помним яркие образы, созданные прославленными мастерами прошлого: Алексей Грибов (клоун Эдвардс), Михаил Названов (акробат Беккер), Андрей Попов (граф), Марианна Стриженова (графиня), Иван Коваль-Самборский (директор цирка).

«Каждый дюйм джентльмен»

Из века нынешнего мы с удовольствием заглядываем в минувшее время, читая мемуары. В воспоминаниях современников о Григоровиче перед нами встаёт обаятельная личность, образованный, увлечённый, общительный человек, эстет, всю свою жизнь преданный искусству. Критик, редактор и биограф П.В. Быков в своих воспоминаниях «Силуэты далёкого прошлого» оставил нам яркий образ Григоровича: «благородный, великодушный, аристократ в лучшем смысле этого слова, «каждый дюйм джентльмен», Григорович долгое время считался львом в нашей столице, одевался у французских портных, носил одноглазку и не пропускал ни одного бала, ни одного маскарада. Петербургские франты подражали Григоровичу в выборе костюма, в манерах, во вкусах. Он был тонким гастрономом, эстетом до мозга костей и чрезвычайно интересным собеседником <...> Когда он рассказывал самую простую историю, пустячок, его можно было заслушаться. Он увлекал слушателей и сам увлекался своим рассказом, давая простор фантазии, ради которой жертвовал правдой».

Д.В. Григорович. Фотография с дарственной надписью Чехову: «От старого писателя на память молодому таланту». 1886

Источник: Чехов в портретах, иллюстрациях, документах / Сост. М.М. Калаушин; Под ред. В.А. Мануйлова. – Л.: Учпедгиз. Ленгр. отд-ние, 1957.

Короткие, но ёмкие и точные воспоминания о человеческой щедрости Дмитрия Васильевича Григоровича оставил А.Ф. Кони: «Чуждый зависти и крайнего самомнения, способный сознаваться в своих промахах и ошибках, дружелюбно, вопреки господствующим нравам отзывавшийся о товарищах по перу, Григорович умел признать в Чехове, когда к последнему относились ещё свысока и небрежно». Седовласый мэтр писал юному Антону Чехову: «Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий». Стоит ли говорить, что слово одобрения «старика Григоровича» было воспринято Чеховым как благословение, как неожиданная «благая весть», полученная в ту пору, когда сам он не относился серьёзно к своему «писательству»: «Ваше письмо, мой добрый горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния. Я едва не заплакал...». Как и в случае с Достоевским, писатель чутким слухом

уловил дыхание таланта и поддержал его и ободрил. Через два года после письма Григоровича была написана «Степь» – один из первых и абсолютных чеховских шедевров...

Григорович неоднократно подчёркивал в своих записках, что осваивать русский язык ему было нелегко, а многие коллеги по писательскому цеху всячески старались уколоть его французским происхождением и соответственно, невозможностью, по их мнению, освоить русский язык и постичь жизнь простого русского человека. «Моя живость, истолкованная недостатком «разумного спокойствия» и легкомыслием, была, по мнению кружка Островского, совершенно, впрочем, естественным явлением со стороны человека, у которого мать француженка».

Сегодня, по истечении двух веков, мы осознаём, что всей своей жизнью Дмитрий Григорович совершал подвиг собственного становления, постигая и продвигая русскую культуру. Он не только освоил русский язык, но и стал поистине русским писателем, парламентарём русской культуры, с достоинством и по праву считавшим себя русским.

Материал подготовила Ольга ДАРАНОВА,
учёный секретарь Дворца книги –
Ульяновской областной научной библиотеки
имени В.И. Ленина

В апреле 2022 года в рамках областной выставки «Симбирская книга – 2021» состоялась научно-практическая конференция «Д.В. Григорович и русская культура второй половины XIX века».

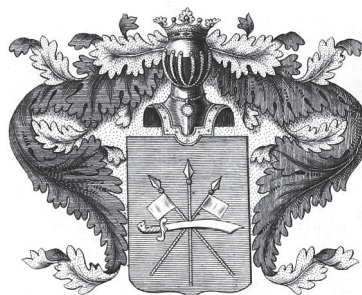
АРХИВ

КОНЁК РОСТИСЛАВА СТУПИШИНА

Немало есть имён в русской литературе, громко заявивших о себе при жизни, но вычеркнутых затем из памяти последующими поколениями. Одно из них принадлежит известному в XIX веке писателю, драматургу Ростиславу Дмитриевичу Ступишину, имевшему симбирские корни. Его отец был симбирским дворянином, а род Ступишиных внесён в VI часть родословной книги Симбирской губернии. Своим коньком в литературе Ростислав Ступишин считал историческую драму и журнальную прозу, а в действительности случилось так, что запомнили его как автора сказки «Конёк-Горбунок», незаслуженно обвинённого в плагиате...

Родословное древо

Дворянский род Ступишиных известен в России с XVI века. Среди его представителей были архиепископы и стольники, окольничие и стряпчие, наместники и губернаторы. Наибольшую известность получили Алексей Алексеевич – генерал-аншеф, нижегородский, костромской и вятский наместник, Пётр Алексеевич – губернатор в Выборге, Иван Алексеевич – губернатор в Пензе, Иван Васильевич –

Герб рода Ступишиных

московский губернский предводитель дворянства. Род Ступишиных был внесён в VI часть родословных книг Московской, Костромской, Пензенской, Казанской и Симбирской губерний. Сохранился даже герб рода Ступишиных, на котором в голубом поле щита изображены крестообразно два знамени и копьё, имеющие золотые древки, и серебряный меч, положенный горизонтально. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом

с дворянской на нём короной, а намёт на щите – голубого и красного цвета, подложенный золотом.

Один из представителей старинного рода – казанец Никита Ступишин – с 1682 года владел землёй в селе Алекино Симбирского уезда (ныне это село Старое Алейкино Ульяновского района Ульяновской области). В XIX веке его потомок, симбирский дворянин и отставной поручик Дмитрий Николаевич Ступишин приобрёл в Казанском уезде деревню Пановка, где ему принадлежали 60 душ крестьян и 252 десятины земли. Имели Ступишины 160 десятин земли и в селе Гусиха Спасского уезда Казанской губернии (сегодня оно расположено в Спасском районе Татарстана у границы со Старомайским районом Ульяновской области). Было у Дмитрия Николаевича четыре сына – Дмитрий, Николай, Степан и Ростислав. Доподлинно известно, что Дмитрий Дмитриевич Ступишин служил коллежским регистратором и в 1859 году женился на дочери чиновника Елизавете Правковой. Его брату Николаю Дмитриевичу досталось в наследство то самое имение в селе Гусиха. Степан Дмитриевич тоже считался помещиком Казанской губернии.

А вот Ростислав Дмитриевич Ступишин избрал себе совсем иную судьбу. В его биографии отмечено, что родился он в 1836 году в Спасском уезде Казанской губернии. Конкретное место рождения не указано, но возможно, что это произошло как раз в помещицьем имении в Гусихе. Село в то время носило название Воскресенское по имеющейся здесь церкви на берегу реки Бездны (приход в ней возник ещё в 1795 году, здание церкви долгое время было деревянным, а в 1875 году рядом возведён трёхпрестольный кирпичный храм в честь Воскресения Господня).

В 1853 году семнадцатилетний Ростислав Ступишин окончил курс 1-й Казанской гимназии и поступил на государственную службу. Сначала он попал в город Алатырь – уездный город Симбирской губернии (ныне районный центр в Чувашии), где работал в местной удельной конторе. Затем перевёлся в Томск, в губернское правление. Но уже вскоре вышел в отставку и перешёл на службу в частные учреждения. Работал контролёром на двух железных дорогах, а позже надзирал за табачными фабриками в Киевской губернии. Все эти годы Ростислав Дмитриевич вёл активную литературную деятельность.

Известный прозаик

Первые свои сочинения Ступишин опубликовал в 1863 году. Его произведения охотно печатали периодические литературные издания Санкт-Петербурга. Ростислав Дмитриевич был хорошо знаком с Альбертом Старчевским – известным российским историком, журналистом и издателем. Еженедельно выпускавшийся Старчевским научный и литературный журнал «Сын Отечества» с 1862 года был преобразован в ежедневную газету для массового читателя. В ней-то и публиковались рассказы, повести и даже романы Ростислава Ступишина. Их социально-нравственная направленность прослеживается даже в названиях произведений писателя, появившихся на страницах «Сына Отечества»: повести – «Белица», «Семейная

тайна», «Падчерица», «Карьера», «Пылкая любовь», «Две доли», «Катя»; рассказы – «Приказчик», «Повар», «Ямщик», «Маша», «Две жертвы»; романы – «Сила воли», «Мечтатели и практики». Кроме литературных опусов, Ступишин также публиковал здесь очерки и статьи по злободневным вопросам российской действительности.

Ещё одно петербургское издание, с которым активно сотрудничал Ростислав Ступишин, – это политическая и литературная газета «Северная пчела». В 1860-х годах её издавал Павел Усов. В газете публиковались произведения писателей-демократов, статьи о Некрасове, Салтыкове-Щедрине и других известных литераторах России. Ростислав Дмитриевич опубликовал в «Северной пчеле» роман «Дети времени», повесть «Разбитое счастье» и комедию «Брак по расчёту». Критика хорошо отзывалась о его творчестве, но в итоге Ступишин так и остался во втором эшелоне русской литературы. Нужно было обладать недюжинным талантом и упорством, чтобы на фоне популярных в те годы Ивана Тургенева, Льва Толстого, Ивана Гончарова попытаться обрести свой неповторимый голос в литературном многообразии России.

В Санкт-Петербурге сочинения Ростислава Ступишина печатали даже «Биржевые ведомости» – газета больше финансово-экономическая, чем литературная. А в конце 1860-х годов в местных издательствах вышли и отдельные книги с его произведениями. Ростислав Дмитриевич в то время увлёкся историческими повествованиями. В 1869-м была издана трагедия в стихах и в 5 действиях «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», которая начиналась с монолога героини:

*«Что слышу я, соотчичи мои!
Идти хотите вы в московский стан
И с унижением молить у князя
Себе пощады? Мыслите ли вы,
Что ожидает вместе с этим вас?
Свободу воли, мысли, чувства! Всё,
Чем дорожит так каждый человек,
Хотите добровольно променять
На плаху, топоры и тяжкие цепи,
Чем так позорное богато рабство!..
Вы трусы! Недостойны вы названья
Потомков тех, при имени которых
Великий Цареград дрожал. Неужли
В вас не осталось даже капли славы
Воинственных доспехов и побед...»*

А в 1870 году вышла стихотворная драма в 6 картинах «Избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова». В одном из эпизодов герой пьесы сообщает прибывшему в Москву князю Пожарскому:

*«Я с матерью своей, во время смут,
В одной обители святой укрывлся.
Ты знаешь, не любил ещё я с детства
Рассказы слушать про войну, про битвы;
Мне становилось жаль всегда убитых,
И я как будто слышал стоны их,
Страдания от тяжких смертных ран.
Так согласись, что должен был бы я
Перенести, когда б на самом деле*

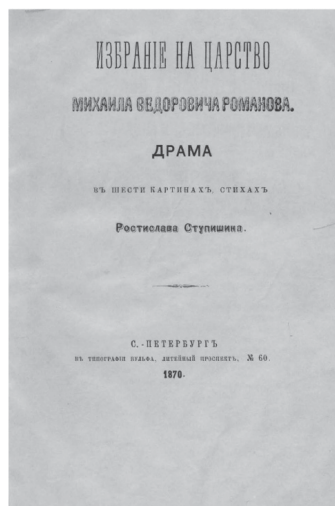
*Я раненых и мёртвых увидал.
Нет, предпочёл я лучше удалиться
Туда, где в тишине я мог всечасно
Молить Творца, чтоб родину Он спас...»*

Имя Ростислава Ступишина обрело общественную известность в России, но полностью посвятить себя литературному труду он не мог. Гонимый от опубликованных и изданных произведений на жизнь не хватало, и Ступишин вынужден был продолжать службу железнодорожного контролёра. А вскоре он и вовсе переехал в Киев, где ему предложили работу по надзору за табачными фабриками. Здесь писатель активно сотрудничал с местной газетой «Киевлянин». А ещё анализировал лексику и постоянно записывал слова, вошедшие в обиход из других языков. Результатом этого увлечения Ростислав Дмитриевич стал изданный в Киеве в 1879 году «Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык». Словарь Ступишина содержал более 5 тысяч статей и для того времени был заметным явлением в развитии русского языкознания.

Подражание Ершову

Но самой заметной книгой Ростислава Ступишина, изданной в 1880 году в Киеве, стала стихотворная сказка для детей «Конёк-Горбунок». Чтобы читатели не спутали её с известным всей России произведением и не обвинили опрометчиво в плагиате, автор дал книге подзаголовок: «Подражание сказке Ершова».

Сама сказка Петра Ершова «Конёк-Горбунок» принесла ему известность ещё в 1834 году. Первые четыре строки в ней, как утверждают исследователи, набросал Александр Пушкин, читавший сказку в рукописи и заявивший: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить». Только при жизни Ершова книга выдержала семь изданий. Автор считал сказку народным произведением, почти слово в слово взятым из уст рассказчиков, от которых он его слышал. В то же время критик Виссарион Белинский видел в ней подделку, «написанную очень недурными стихами», но в которой «есть русские слова, а нет русского духа». Народ же, несмотря на разногласия мнений, принял сказку «Конёк-Горбунок» душой и сердцем. Но лишь в 1856 году сказка была издана в полном виде. Раньше цензура беспощадно зачёркивала места, «имеющие прикосновение к православной церкви, к её установлениям и к поставленным от царя властям». А в 1864 году на петербургской сцене по сказке Ершова был даже поставлен одноимённый балет.

*Титульный лист книги
Ростислава Ступишина.
1870 год*

*Рисунок Владимира Милашевского
к сказке «Конёк-Горбунок»*

Многие десятилетия сказка была самой популярной в детской и лубочной литературе, вызывая многочисленные подражания. Одним из первых решил по-новому переосмыслить известный сюжет Ростислав Ступишин. Он знал о враждебном отношении к «Коньку-Горбунку» западников во главе с Белинским и, возможно, в своём варианте хотел устранить повод для подобной критики. К тому же, в то время уже были изданы знаменитые «Народные русские сказки» Александра Афанасьева, среди которых значилась и история о Коньке-Горбунке в свободном устном пересказе, записанном собирателем фольклора и включённом в сборник на правах самобытного текста. Всё это предоставляло Ступишину широкий простор для фантазии и давало возможность в полной мере проявить свой поэтический дар.

Однако «Конёк-Горбунок» Ступишина затерялся среди множества других подражаний Ершову, которых только в конце XIX века было сочинено несколько десятков. Причём авторы уже в названиях пытались продемонстрировать оригинальность: «Конёк-Горбунок с золотой щетинкой», «Новый Конёк-Горбунок, или Рассказы Фомы-старичка про Ивана-дурачка», «Московская сказка о Коньке-Скакунке, Конька-Горбунка сынке» и т.д. С приходом XX века в отношении к сказке появились другие нюансы. В 1906 году, например, солдат и офицеров предавали военному суду за одно только чтение в армии революционной версии под названием «Конёк-Скакунок». А в 1925 году была популярна сказка «Конёк-Летунок», где прогрессивно настроенный Иван поступал в лётную школу, а верный Конёк-Горбунок превращался в самолёт. В таком многообразии версий о сказке Ступишина быстро забыли.

Пора переиздать

В 1884 году Ростислав Ступишин оставил службу в Киеве и поселился в Москве. Но уже в январе 1885 года он неожиданно скончался в возрасте 48 лет. Некрологи о смерти писателя были опубликованы во «Всеобщей газете», в журнале «Библиограф»

и в очередном выпуске «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей». Именно эти источники послужили позже для подготовки статьи о Ростиславе Ступишине в многотомном Русском биографическом словаре под редакцией Александра Пловцова, изданном в 1896–1918 годах. В нём было отмечено о Ступишине, что «с внешней стороны жизнь его чрезвычайно скудна событиями». То есть авторы словаря уже через 20 лет после смерти писателя затруднялись найти подробности его жизни, кроме перечисления опубликованных произведений. В более известном словаре Брокгауза-Ефрона, изданном сто лет назад, о Ступишине и вовсе было написано лишь несколько строк.

Но и эта скудная информация о писателе сегодня является бесценной. Ведь после революции произведения Ростислава Ступишина ни разу не переиздавались. Не нашлось в Советском Союзе, а затем и в России исследователя, который отыскал бы в архивах более подробные сведения о его жизни и творчестве. Писатель Ступишин на долгие десятилетия вычеркнут был из памяти россиян. Вспомнили о нём разве что один раз за столетие в «Книге весёлой мудрости», изданной в 1969 году в Киеве. Да и то авторы похода навесили на Ступишина ярлык, который и в наши дни гуляет по интернету. Вот цитата из книги: «Наиболее выдающимся плагиатором в России был малоизвестный писатель, создатель исторических произведений, драматург Ростислав Дмитриевич Ступишин. Его так увлекла известная сказка П. Ершова, что в 1880 году он

издал её за своей подписью и с тем же названием «Конёк-Горбунок».

У несведущего читателя после прочтения такого откровенного обвинения может сложиться впечатление, что Ступишин просто взял сказку Ершова и издал её под своим именем. Ведь авторы «Книги весёлой мудрости» не пояснили, что общее в этих двух сказках – только название, и что в подзаголовке Ростислав Дмитриевич намеренно написал «подражание сказке Ершова», чтобы его не смогли обвинить в плагиате какие-нибудь «весёлые мудрецы» из Киева, сами сказку Ступишина не читавшие. Наверное, сегодня следовало бы переиздать «Конёк-Горбунок» Ростислава Ступишина, чтобы в этой истине имел возможность убедиться каждый.

Несколько лет назад ко мне обратились из издательства «Большая Российская энциклопедия» с просьбой подготовить подробную литературоведческую статью о Ростиславе Ступишине в готовящийся 6-й том биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917». И предложили поработать в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, чтобы наиболее полно осветить его литературное творчество. К сожалению, у меня тогда для этого не нашлось времени и возможностей, и 6-й том словаря в 2019 году вышел без биографии Ступишина...

Надеюсь, что когда-нибудь произведения писателя всё же будут переизданы и найдут полтора столетия спустя своих благодарных читателей хотя бы на его малой родине в Среднем Поволжье.

*Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед*

Внимание, конкурс!

Объявляется
открытый межрегиональный молодежный литературный конкурс
«Друзья по вдохновенью».

Номинации:

- поэзия (не более 3-х произведений);
- стихотворение или эссе о поэте Татьяне Александровне Эйхман (1956–2020);
- «Что за прелесть эти сказки...». Сказка или рассказ, связанные с героями произведений А.С. Пушкина;
- произведение (в любом литературном жанре) о художественном творчестве, ремёслах, традициях, фольклоре народов России.

Работы принимаются до 10 мая 2022 года по электронной почте: yashkovaov@mail.ru

Итоги конкурса будут оглашены в июне 2022 года на празднике Поэзии в селе Языково Карсунского района Ульяновской области.

Положение о конкурсе опубликовано в газете «Карсунский вестник».

Нина ЯГОДИНЦЕВА, поэт, секретарь Союза писателей России, кандидат культурологии, лауреат премии имени П.П. Бажова, координатор работы Совета молодых литераторов Союза писателей России. Живёт в Челябинске. По итогам 2021 года Нина Ягодинцева отмечена дипломом журнала «Симбирскъ» за поэтическую публикацию «Еще немного снега».

НАИЛЕГЧАЙШИЙ ИЗ ВСЕХ ДАРОВ

* * *

Нельзя ни на миг оставить одну
Эту полночь, эту страну,
Наилегчайший из всех даров –
Эту бессонницу на Покров.

Нельзя ни на миг! Но, закрыв глаза,
Я забываю про все «нельзя»,
Я затеваю почти побег
Пламенем вдоль невесомых век.

Я прохожу по сырой траве
С белым лебедем в рукаве,
С тихим озером на душе –
И открываю глаза... Уже?

Да. Ни на миг. Разверни теперь
Белый свиток своих потерь.
Белым по белому – о былом:
Лебедь, бьющий о лёд крылом.

То-то зима в России долга!
Из году в год на Покров снега,
Да и какие мы сторожа –
Укараулишь тебя, душа?..

* * *

И только там, где город шаток,
где он надтреснут,
Где карусельные лошадки сбегают в бездну,
Откуда змеи тайных трещин на свет крадутся,
Где оглянуться не страшней,
чем не оглянуться,

Возможно вычислить иное существование,
Уже встающее волною над головами.
Возможно даже руки вскинуть в немой защите,
Но трещины стреляют в спину,
огнём прошиты.

И только там, где город зыбок,
как наважденье,
Видны следы молочных зубок на сладкой лени,
На беззащитном любопытстве,
на честном слове,
Что на свету черствеет быстро, как на изломе.

* * *

На туберкулёзном сквозняке предместья
Вспыхнули сирени грозные созвездья,
Ясны, безымянны и неумолимы:
Аромат надежды с привкусом малины.

Май сочится в листья, разъедает стены,
Длинно запевают дальние сирены,
Девочки гуляют, всхлёбывая пиво,
С краешку чужого чумового пира.

Тяжко бремя жизни, очи жизни кротки.
Правая в кармане, лезвие на кнопке,
Молния без грома – молча третий лишний
Прямо в пыль и мусор рассыпает вишни.

Ягода-малина, сладкая забава,
Что ж у вас за праздник – тёмно да кроваво...
И проходит краем вдоль обиды майской
Женщина под чёрной бесполезной маской.

* * *

И всё равно меня влечёт
В жестокий мир, под низкий кров,
Пока испуганный сверчок
Поёт любимую, без слов.

Кто одарил тебя? О чём
Он размышляет над строфой,
Вздыхая, словно огорчён,
И повторяя: «просто – пой...»

Из всех пронзительных утех,
Во всей томительной тщете –
Простая песенка для тех,
Кто умирает в темноте.

Сквозь ледяную скань зимы
Как мы идём на этот зов,
Необъяснимо спасены
Наивной песенкой без слов!

Как будто пить небесный мёд
Счастливо шествуем тропой
Прозрачных полуночных нот,
Легко затверженных тобой.

* * *

Выходя из маршрутки у базара или вокзала,
«Ты высокий как небо» – цыганка ему сказала
И пошла, загребая подолом сухой снежок,
У бродячей судьбы золотой забирать должок.

А водила... Водила до первого поворота
На дорогу глядел и лыбился криворотом,
И дышало небо в крутое его плечо
Равнодушно разгневанно, холодно горячо.

* * *

Как будто волки день порвали
И страшно посмотреть назад:
На скорости сто пятьдесят
Мы входим в ночь на перевале.

На перевале снегопад
Стоит просторный, как шатёр
Из влажных розовых полотен,
И растворяется, бесплотен,
Девятый вал окрестных гор...

Мы входим. Стража за спиной
Беззвучно расправляет ткани.
Мы пьём горячими глотками
Последний воздух ледяной,
И, пряча лёгкий шаг в коврах,
За спинами проходит страх...

Кто на престоле? Тьма и свет
Так перемешаны и свиты,
Что даже у кромешной свиты
Никак не разглядишь примет.

И только холод или жар
Идёт неровными волнами –
И замирает перед нами,
И осыпается, кружа...

Но вот сырое полотно
Легко сворачивают слуги,
Мираж растаял – и в округе,
И в сердце пусто и темно...

Дороги нет. Молчит мотор.
Полночный час проходит мимо –
И движется неумолимо
Девятый вал окрестных гор.

ДРАХМА

Я прежде жила у моря, и море пело,
Когда я к нему сходила крутою тропкой,
Тёплой пылью, розовыми камнями,
Сухой и скользкой травой, щекотавшей пятки.

Море было обидчивым и ревнивым,
Безрассудным и щедрым – оно дарило
Диковинные раковины и камни...

Однажды оно швырнуло к ногам монету –
Так ревнивец бросает на пол улику
Измены, которая будет ещё не скоро,
Но он предвидит судьбу и её торопит,
Бессильным гневом своё надрывая сердце.

Я подняла монету. Тяжёлый профиль
Неведомого царя проступал и таял
На чёрном холодном диске. Рука застыла,
Как бы согреть пыталась морскую бездну.

Какими тайными тропами сновидений
Нашёл меня этот образ? Какой галерой
Везли его? Какие шторма разбили
Скорлупку судна, посеяв зерно в пучине?
Каких ожидали всходов тоски и страсти?

Море лежало ничком и казалось мёртвым.
Прошлое стало будущим и забыло
Меня, легконогую, в грубом холщовом платье.

Я молча поднялась по тропинке к дому.
Мать не обернулась, шагов не слыша.
Занавес не колыхнулся, и только солнце
На миг почернело: это жестокий профиль
Едва проступил – и тут же сгорел бесследно...

...Теперь я живу далеко-далеко от моря.
Мы виделись лишь однажды. Будто чужие,
Мы встретились и расстались. Но я не помню
Тысячелетия нашей разлуки – значит,
Рим не царил, не горел, не скитался прахом
В небе и на земле. Просто я проснулась –
И позабыла сон. Только этот профиль,

Всеми страстями обугленный, проступает
Сквозь невесомую ткань моего забвенья –
Словно к ней с другой стороны подносятся
Чёрный огонь чужого воспоминанья...

* * *

Из этой любви, как младенец из кори,
Я вышла вслепую. И свет, нестерпим,
Казался мне горем, невыносимым горем,
Огромным и радужным горем моим.

И так же, как робко выходит младенец
К забытой песочнице в солнечный двор,
Глаза открываю, живу и надеюсь –
Надеюсь на то, что люблю до сих пор.

ОХОТНИКИ НА ХИМЕР

А.П., с воздушной почтой

1.
Воздушная почта – надёжная почта. И вести
Летят непрерывно, и там,
 где путей перекрестья,
То звёзды горят, то всюду полыхают созвездья.
Сегодня мы вместе.
 Но только сегодня мы вместе.

2.
Подкидыш, пасынок, паскуда!
Рычишь и скалишься, покуда
В водичке мутной есть улов...
Но жизнь не сваря, мир – не зона,
И мы храним его бессонно –
Мы ходим стражей между снов
И, вглядываясь в лица спящих,
Вниз головой во тьму летящих,

Неразличимые почти,
Мы входим в чёрные зрачки,
Распяленные, как тоннели,
Животным ужасом... Сквозь них
От века в этот мир летели
Создания миров иных –
Крылами своды задевая,
Вонзая перьев сталь и медь
В глазное дно... Так жизнь живая
Глядит в свою живую смерть
И узнаёт её, не смея
Открыть или закрыть глаза,
В зрачке сжимая птицевизья,
Паукольва, ящеропса...
Ты полагаешь, это странно?
Слабо увидеть наяву,
Как эти твари мнут траву
В Центральном парке у фонтана?

3.
Ты видишь – это их следы:
Асфальт продавлен и раскрошен.
Они – посланники беды,
Гнездящейся в далёком прошлом,
Но приходящей в тёмный сад
На бал, на выпас, на расправу...

Ты знаешь, что такое ад?
Боль подвергается расплаву
И превращается в металл.
Когда бы ты об этом знал,
Не стал бы лгать себе так честно.

Когда б тебе открылась бездна –
Ты запер бы ворота в сон.

Дай руку! Прыгай на газон!
Теперь за мной. Так ты не видел,
Чем в полночь полнится фонтан?
Смотри – хромою чугунный идол
Ворота сторожит вон там,
Где все они уже толпятся
И выдыхают жирный чад.
Их перепончатые пальцы
Сквозь прутья частые торчат,
Их глотки клёкотом и рёвом
Взрывают ночь, вздымают дым.
Смотри – ты ими очарован.
Смотри: ты поклонялся им.

4.
Нас укрывает только тишина.
Ты полагаешь, я была должна
Принять твои предательства? И молча
Простить тебя? Ну нет! Сегодня ночью
Проществуют садовою тропой
На затяжной кровавый водопой
Чудовища твои! Смотри, как слизь
Неотвратимо разъедает жизнь,
Как, осыпая чешую и перья
На каменных дорожках и мостах,
Идут тобою вскормленные звери,
Идут твои бессилие и страх.

Да, по утрам сюда детей приводят,
К фонтанам, на дорожки, на траву,
Но камень сохраняет смертный холод
И продолжает бредить наяву.

Вот лук – держи. Серебряной стрелой,
Светящейся лучом в ночи сырой,
Во тьму меж крыл старательно прицелься –
Там у химеры что-то вроде сердца,
Котёл углей... Оттуда дым и смрад,
Когда они друг с другом говорят.

Дрожишь? Роняешь стрелы? Прячешь взгляды?
Их слишком много на дорожках сада:
Один удар любой из этих лап –
И всё.

Да я уже сказала: слаб
Подкидывай! Дай стрелу. Уйди за спину.
Учись: я на мгновение застыну
Меж двух ударов сердца наяву –
И отпущу тугую тетиву.

5.
Как тут не оглохнуть
от дикого смрадного крика!
Ворота открыты.
Мы встанем и выйдем открыто,
У всех на виду. Ничего, никого не боюсь.
У этих химер вместо крови – холодная грязь.

Идём, же, идём!
Не смотри и не бойся расплаты –
Сквозь молнии взглядов и рёва глухие раскаты
Идём! За спиною,
в крошечной звериной тоске,
Химера сдыхает на грубом садовом песке,
И крылья её темноту полосуют в лохмотья...

Ты был на охоте. Запомни: ты был на охоте.

6.
Ночь удалась. Охота удалась.
Теперь ступай. Твоя добыча – ужас,
И с этим надо жить. И каждый раз
Ты будешь видеть, как вопят и кружат

Химеры снов, чудовища глубин
Сознания твоего. И ты один
Пойдёшь сквозь ночь, и жизнь, и поле брани,
И тьма дымиться будет в каждой ране
Души твоей.
Прости. А мне пора.
Мы всё-таки дожили до утра.

7. (P.S.)
Живи, если хочешь – такая удача редка.
Пиши, если сможешь.

Воздушная почта мгновенна.
Немыслимый ветер опустится вдруг на колено,
Листочки твои перехватит незримо рука
И будет держать на весу, будто стаю в полёте...
Ты был на охоте. Запомни: ты был на охоте.

* * *

Безобразно надорван конверт.
Занимаются пламенем строки,
Поднимаются вверх
Вихревые потоки –

Как читает огонь! Никому
Не дано восхищенья такого:
Прожигая привычную тьму,
Рассыпая на искорки слово.

И мгновенно сминая листы –
Непрочтённого в них не осталось –
Обрывается вдруг с высоты
Вниз, в золу, в пустоту и усталость...

Ты же знаешь, слова не горят:
Тот, кто верно за ними угадан,
Выпускает их в маленький сад,
На цветы – к мотылькам и цикадам.

Наталья ДЖУРОВИЧ, поэт, переводчик. Родилась в Москве. Окончила филологический факультет Российского православного университета им. Иоанна Богослова. Работает преподавателем русского и сербского языков и литературы, переводчиком в Черногории.

Автор поэтических сборников «Нескончаемое лето», «Двуречие». Лауреат V Международного конкурса им. И. Григорьева «На всех одна земная ось».

УЗОР НА ТКАНИ

В ЭТУ ЗЕМЛЮ

В эту землю кротко отцветая
Лепестком воскресшей тишины.
Если ждать тебя, то как с войны.
В вишнях сад, и плачется, как в мае.
Вербы слов боятся содрогнуться,
Мир натянут трепетно, как лук.
Я боюсь теперь других разлук,
Из которых можно не вернуться.
Странная родная сторона,
Бедное надколотое блюдо,
Так хочу теперь к тебе пригнуться,
Лептою оставив семена.
Мир, как слезы детские, правдив,
А другие разве столько значат?
Сын родится – Родина заплачет,
Никуда еще не проводив.

В МАЕ

Пусть смотрит день зеленым взглядом
И не спешит листвой шуршать,
Но вздрогнет вдруг моя душа
От завтрашнего листопада.
Тот, кто крылат, всегда гоним,
И потому все птицы правы.
Как нервно шелестели травы,
Когда вчера я шла по ним!
Те травы ранят все острой,
За то ль, что я их принимаю?
Быть может, ивы плачут в мае
От листопада в сентябре.

ГУСИ

Детство пахнет картошкой вареной,
Кострецом на зазубринах вил,
Нашей тихой речкой Вороной
И плотвою, что брат наловил.
Детство пряное; блеклые маки
Отцветают на грядке в росе.
Мы бежали в траве без оглядки
И травы не жалели совсем.
На просторном лугу чуть подальше,
От суровых гусей убежав,
Мы лягушек ловили бесстрашно
И гоняли пупырчатых жаб...
Замолчали крикливые птицы,
Заросли осокой берега,
Лишь лягушка из сказки мне снится,
И свирепое чудится «Га!».

Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
Пусть колола бы пятки трава,
Лишь бы речка, как раньше, журчала,
Там, где бабушка вечно жива...

ДЕРЕВЬЯ

И опять этот май неумело, но искренне всхлипнет,
Содрогнется нечаянно в светлом, дурманном чаду.
По аллее бреду, и грустит белопенная липа,
Или крохотной былкой в чужом прорастаю саду.
Припадаю к дорожным камням,
словно каменной, грудью.
Здесь разносит твой ветер
останки цветов, словно прах.
Я готова расти на камнях, отказаться от «будет»,
Возвращаясь, печальное имя качать на ветрах.
Мне теперь говорят,
что дорога не «право», а «десно»,
И душа не отвергнет радушный и добрый приют.
Из шагов, как из ямбов, смотри, получаются песни.
...Замереть и стоять...
А деревья поют и поют...

ДОЛИНА СИРЕНИ

В этом городе спрятаться сердцем мне негде.
Так в крыле своем гаснет ослабленный лебедь,
Что смирился с теченьем реки.
От обиды и тяжести улиц бетонных,
От бездонного взгляда и кошек бездомных,
От привета руки.
От сирени, что теплится ладаном детства,
От щемящего запаха кислого теста,
От воскресного долгого дня.
От того, что на небе следы самолета,
От того, что в полет этот взяли кого-то
И не взяли меня.
Это миг неизбежной сиреневой муки.
Мотыльками цветы опадают на руки,
И кончается день.
...От того, что весна – это лишь повторенье,
От того, что все улицы пахнут сиренью,
Что я тоже сирень.
Это горькая радость от слов «Йорговане...»
Та Долина – достойная дань расставанью,
Но тяжел и несносен бетон.
В затаенном дыханье Долина Сирени
Мне на помощь приходит, всего на мгновенье,
Выпуская бутон.

* * *

Какие странные круги
 Творит душа в преддверье мая!
 Какие за тобой круги
 Идут, тебя не догоняя?..
 И снова дождь, прошение «Даждь!»,
 Но так ли я сама послушна?
 Дождь щели, словно карандаш,
 Закрашивает в наших душах.
 Шаги, шаги, шаги, шаги...
 Замри уже, пригни колени.
 Сердца – землистые комки,
 Что до посевов околели.
 А может, и не боронить
 Весной земли на зависть брату?
 Меня здесь будут хоронить,
 Его же путь – потом когда-то.
 Зачем круженье, если миг
 И плодоноснее, и ярче,
 Когда ко мне мой брат приник
 И снова, будто мальчик, плачет?..

* * *

Мама, тетя, я и ты.
 Мы играем в лоскуточки,
 Лоскуточки, лоскуты...
 «Сохранила вам Аленка,
 Будьте бережней чуток...».
 Загадаю, чтоб зеленый –
 Мне достался лоскуток.
 В комнате запахло хлебом,
 Дым ерошится в трубе.
 Вот тряпица – словно небо,
 Синий лоскуток – тебе!..
 Наши тряпочки-тряпицы,
 Даже бархата чуть-чуть!
 Как такой не поделиться?!
 Как над ней не прослезиться
 Нам потом, когда-нибудь?..
 Память – как узор на ткани:
 Мама тетя я и ты,
 Да странички поминанья.
 Лоскуточки, лоскуты...

О МНОГОМ

Разве плачу о многом?
 О доме, как радость зеленом,
 О рассаде на окнах, об утре с теплом молока,
 О слегка потемневших
 намоленных старых иконах,
 И о близких (там все еще живы пока).
 Там расписана печь петухами,
 В саду подморожены астры,
 И огромной вселенной висят «золотые шары»,
 Занавески на окнах до боли легки и цветасты,
 Первый снег, словно скатерть,
 лежит от Горы до Муры.
 Разве моря прибой
 ароматней домашнего хлеба,
 Первых яблок, насыпанных ловко в карман?..
 Где-то та же черемуха все еще падает с неба
 Первым снегом, и полдень все так же румян.
 Разве это нельзя –
 повесенному окна расцветить
 И увидеть в них старьё, любимый наш сад,
 Тот, где самые в мире счастливые дети
 Не мечтают пока оглянуться назад?..

ОГОРОДЫ

Огороды, огороды,
 Конь горланит: «Иго-го», –
 «Размальничился немного,
 Потерпи же, дорогой».
 С лошадю тумачит дядька,
 Конь к руке его приник,
 И смеются мои братья,
 Как дурачится старик.
 Что тогда мы понимали?
 Что сменилось с прошлых лет?
 Братья дядьками уж стали,
 Отдышаться – время нет.
 Видно, так у нас в привычке.
 И несет тамбовский волк
 Черноземное величье,
 И земля нам знает срок.
 Огороды, огороды,
 В грядках наскоро обед.
 Заточили тяпки бодро –
 Не догонит нас сосед!
 Уж обычаи, чего там,
 Первым землю раскопать,
 Малыша гонять до пота,
 А потом всю ночь вздыхать.
 Огороды – вёсны, зимы...
 По земле бежит душа.
 ...И лишь только баба Сима
 Бога славит не спеша.

ПРИОСТАНОВИСЬ У ИНОКОВКИ

Жизнь – дорога, и без остановки
 Поезд мой летит куда-нибудь.
 Приостановись у Инокровки –
 Воздуха заветного вдохнуть.
 В янтаре медовых зверобоев
 Шустро проскользнув, вернись в вагон,
 На свое сиденье голубое,
 Зверем, обреченным на загон.
 Ты моя бесцельная дорога,
 Летняя привычная беда.
 В черноземе погрузить бы ноги,
 Чтобы не отмылись никогда.
 Без звериной не прожить сноровки.
 Ноги оплетают сорняки.
 Приостановись у Инокровки,
 Мне б напиться счастья из реки.
 На окно молюсь как на икону,
 А в глазах от скорости рябит,
 И шумит мне вслед река Ворона,
 По-вороньи, горестно шумит.

РАЗГОВОР

Наш разговор боимся мы начать,
 Чтоб слов и звезд не потревожить ясность,
 А названная деревом свеча
 И пламенеет, и боится гаснуть.
 Ты знаешь, пусть я вслух и не молюсь,
 Но я всегда лишь об одном просила,
 Я и сейчас прошу: верни мне Русь,
 Упругое хождение по сини.
 Как ветку, память тихо покачнуть,
 О возвращенье помолиться небу...
 Мне кажется, когда я прилечу,
 Ты поднесешь гнездо мне вместо хлеба.
 Туман там будет серый, как висок,
 Но я искать не буду откровений.
 Ты помнишь, как он был тогда высок,
 Наш тайный домик в зарослях сирени?..

ТЕБЕ

Триумфально приходит весна,
 Снится венчик черемухи русской.
 Здесь такая стоит тишина,
 Что назвать ее миром боюсь я.
 Вырастаю, как древо в ряду.
 Я не буду лишь пристально ждавшей,
 Ты же знаешь, я тоже иду
 В этом горьком апрелевском марше.
 Знаю, смотришь и ты, но куда?
 – Только праведней, звонче и шире!
 Там, где я не оставлю следа,
 Твое имя затеплится в мире.
 Прогорю для тебя я дотла.
 Береста так надрывна и хрустка!
 Может, кровь от того и светла,
 Что сливается сербская с русской?!
 Как люблю я две птицы бровей!
 Нет, отдать свое сердце не поздно.
 Для того, чтобы в этой траве
 Загорелись и русские звезды.

* * *

Я сердцем возвращаюсь без конца
 В голубоглазый сад, дыша едва ли.
 Цветет сирень, как будто и не рвали
 Ее для сокровенного венца.
 Взмывают в небо черточки ресниц.
 «Пиши стихи, кричи, испепеляйся!
 Здесь, может быть, случайно завалился
 Твой оберег из девичьих тряпиц...
 Вот этот угол – узнаешь ли?» – Ах!
 Сплетенье веток – тайная светлица.
 И стрекоза на плечи примостится,
 И – скроется, как стрелка на часах...
 Я помню сливы прелые, потом
 Засохших косточек на крыше россыпь.
 Так узнавала я, что скоро осень
 И берегла надежнее свой дом.
 Теперь я, словно косточка, тверда.
 Лишь дай мне Бог внутри не стать полой.
 Как смело рассыпали мы глаголы!
 Как редко сомневались в них тогда!

ПЕРВОЦВЕТ

Динь-дилинь – и закончился день.
 Отзвенела синица на ветке.
 Сокровенно ладошкой задень
 Поскорее уютную клетку.
 Как в норе засыпает метель,
 Затихая с младенческим сапом,
 Так неслышно стелю я постель,
 Нежно так, как вчера не смогла бы.
 Засыпай, до утра, до цветов,
 До птенечьего пробужденья.
 Скоро мир этот будет готов
 К первоцвету святому рождению!
 В окнах холод, и только согрет
 Первобытный и добрый конверт,
 Запечатан надежно тот край,
 Но ладонью и сердцем – читай!

* * *

Подслушивать звуки спросонья –
 Но в этом ли утра уют?
 – Как ветер в расщелинах стонет,
 И кошки бездомно поют,
 Как плачут жуки, как скребутся,
 В душе не ожившие сны,
 Как стонет забытое блюдо
 От трещинок давней весны...
 Постыднее, памятней, горше...
 Закрою глаза – не пройдет:
 Распятие с детской ладошкой,
 Не детский над ним самолёт...
 Надрывно, кричащим плакатом,
 С, казалось, забытым гудком,
 Весна в девяносто девятом...
 Развалы высоты с венком...
 Весенние плачи планеты
 Что в разных концах и веках...
 ...И девочка, в платье одета,
 Не в маминых бьётся руках...

* * *

В простынях – а без отдыха.
 Сны не идут ко мне.
 Сердце мое огородное,
 Лишь не окаменей.
 Хватит ли сил разделаться
 С каменной зябью той,
 Вырастить сыну деревце
 С душу его высотой?
 Я будто грядка – выпрямлюсь,
 Требуя прямоты
 Да перегнойной примеси,
 Чтобы росли кусты.
 Верю в комочки рыхлые,
 Верю в грачиный крик.
 Все, кто без спроса рыкали,
 В этой земле поник.
 Падает клубень заживо,
 Чтобы росток пустить,
 Учит собою каждого
 Для продолженья жить.

ПОРЯДКИ

Улицы – не улицы – порядки
 Клюев, Самодуровка, Затон...
 Тут и там дерюжки, тяпки, грядки.
 Лишь порядка нет при всем при том.
 Наперегонки с соседом бьешься,
 первым упахаться – это честь.
 Нет, не баба здесь я, просто лошадь:
 ни остановиться, ни присесть.
 Сорняки, свои расставив сети,
 вьются по картофельным кустам.
 Сладок дым от сорняков от этих,
 Почему ж от сора сладко нам?!
 А уходишь с огорода – темень,
 Где ростки, где сор – не разобрать.
 Не очароваться бы не теми,
 Сгоряча своих не обругать.
 Кто сказал, что нет теперь порядков?
 Память не предаст, не убежит.
 Если дым то горек мне, то сладок,
 Может, упорядочена жизнь?

УТКИ

Заглохило бешеное море
 Все, что не привязано к земле, –
 Горсть окурков, выкуранных в горе,
 Да копейки – память о рубле.
 И бежит, без памяти и соли,
 Пресное подобие ручья.
 Это речка или чья-то совесть
 Истончилась, даром измельчав?
 Утки полудикие, не знают,
 Кто хозяин да ему нужны ль?
 От того, на случай уповая,
 Клювом роют безнадежный ил,
 Слушают любой призыв пугливо
 И кричат, в кричании сильны,
 Утки, разлучённые разливом
 Утки, разведённые разливом,
 По различным берегам страны.

* * *

Старая ограда,
 Листья вместо плит...
 В изголовье сада
 Яблоня стоит.
 С нею нас тревожит
 Боль одних потерь.
 Помнить осторожней
 Стала я теперь.
 Выпросила милость –
 Память скрыла мгла.
 Забывать училась
 И теперь – смогла.
 Будто по догадке
 Я теперь бреду.
 Если будет надо,
 То под тенью сада
 Умирать приду.

* * *

Выжить бы в век безумного святотатства,
 Слышишь ли наши молитвы, Отец Святой?!
 По двору май в инвалидной коляске катится,
 В детской кроватке спит сиротой.
 Разве не слышишь,
 мы все еще склонны к песням,
 Вдовьим, сиротским, копаясь в земле, поём?..
 Ты отхлестай прутом, дубиной тресни,
 Если забыли о Слове Твоем.
 Не притворюсь я мученицей, не стану
 Волосы рвать на себе от немоготы,
 С братом солдатиков на табуретке расставлю,
 Рукой недолюбленной сироты.
 Только б обнять еще раз тот май руками,
 Песней остаться у баб на слуху...
 Выжить бы, пылью под сапогами,
 Птицей, рассыпавшейся в труху.

* * *

«Ты печалишься много слишком,
 Это время ли для кручин?
 Вон какой подрастает мальчишка,
 Невозможный красавец-сын!
 «Улыбаться бы чаще – скажут –
 Не тебе печаль замышлять...»
 ...Сын сложил самолёт бумажный,
 Хочет в небо его отпустить...
 Не ко времени и не к месту
 Бить в набатные колокола.
 ...Но соседка моя по подъезду
 Тоже мальчика родила...

Александр ХАБАРОВ (11.02.1954–25.04.2022), поэт, прозаик, журналист.

Родился 11 февраля 1954 года в городе Севастополе, в 1971 году «благословлен» на писание стихов мэтром авангарда Андреем Вознесенским. Учился в переходном училище, в Крымском государственном университете, работал матросом-рулевым, наладчиком ЭВМ, спасателем, инструктором-спелеологом, корреспондентом крымских газет, редактором студенческой газеты.

В 1977 году приговорен к 3 годам лишения свободы по статьям 190*, 191 (антисоветчина, сопротивление властям, нанесение средних телесных повреждений ст. оперуполномоченному КГБ УССР). После освобождения работал педагогом-воспитателем в пионерлагерях, истопником угольной котельной, репортером пресс-центра Московских кинофестивалей (1981, 1983).

Духовником семьи был о. Димитрий Дудко.

В 1984 году осужден по ложному обвинению по той же статье. Отбыл два года из трех, освобожден по общей горбачевской тенденции – как единственный «политический» в зоне строгого режима в Кировской области.

В 1987–1990 годах работал в АПН. В 1989 году – первые публикации стихов (журнал «Простор», книга стихов «Спаси меня», подборки в альманахе «Истоки», «Литературной России» и др. изданиях.)

В 1990–1996 гг. – работа по договорам с телевидением и журналами, многочисленные публикации стихов и прозы в альманахах и журналах разных направлений.

Лауреат поэтических премий журнала «Москва» (1996), журнала «Юность» (им. Владимира Соколова, 1997). За книгу стихов «Ноша» – Всероссийская литературная премия им. Н. Заболоцкого (2000) и «Золотое Перо Московши» (2004). Общественная литературная Горьковская премия в номинации «Поэзия» (2015). Стихи вошли в обширную (750 авторов) антологию «Русская поэзия. Век XX» (Олма-пресс, 1999) и в несколько литературных хрестоматий для школ и вузов. Член Союза писателей России и Литературного фонда РФ. Умер 25 апреля 2020 года в Домодедово.

СТРАЖ

ЭХО ПСАЛТИРИ

Воскреснет Бог, и разбегутся мрази,
Что хаяли в азарте и экстазе
Земные и небесные Творца;
Помчатся в никуда, не зная броду,
И расточатся в мрачную свободу
Безвременья, безбожья и волчца.

Воскреснет Бог, и расползутся гады;
Лица Его бегут; им нет награды
За ненависть, гордыню и корысть;
Возрадуются вдовы, дети малы;
Садами зашумят лесоповалы,
Дежурный херувим запишет: «Бысть...»

Воскреснет Бог, и распадутся сети,
Все голуби взлетят, и все на свете
Бессмертники сквозь смерть произрастут;
Коль снег занес – зверье отроет лазы,
Всех тонущих – удержат водолазы,
Пожарники – пылающих спасут...

РУССКИЙ ВОЛК

Я не учил фарси и греческий,
не торговал в Дамаске шелком;
Мой взгляд почти что человеческий,
хотя и называют волком.

Не вем ни идишу, ни англишу,
того, на чем вы говорите,
но всех волнует, как я выгляжу,
когда завою на санскрите.

Моя тропа, как нитка, узкая,
моя нора в сугробе стылом.
Моя страна почти что русская
в своем величии унылом.

Служу ей только из доверия
к ее поэтам и пророкам;
моя страна – почти империя;
и не окинешь волчьим оком.

Ни пустыря для воя вольного,
или избушки для ночлега.
Трава для полюшка футбольного.
Снежок для волчьего разбега.

Быть может, я ошибся адресом,
когда кормили волка ноги,
и не расслышал в пеньке ангельском
нечеловеческой тревоги.

Таких, как я, шесть тысяч вышло
от пуль, ножей и алкоголя;
судьба в империи без выбора,
зато в законе – Божья воля...

С востока пыль, на юге марево,
на западе – разврат, цунами...
У волка служба государева
Ходить в поход за зипунами.

Таких, как я, осталось семеро –
В бронжилетах человечьих.
Я русский волк, идущий с севера
За теми, кто в мехах овечьих.

АЙ-ПЕТРИ

Хорошо на Ай-Петри,
Хоть и выше – Тибет...
Торжество геометрий
Там, где Родины нет...

Ветер лижет подножья,
Дремлет в сердце змея.
Правда – горняя, Божья...
Ложь – земная, моя...

Унесло бы, как птицу,
Вверх, где смерть коротка.
Вот уж ночь-плащаницу
Принесли облака.

Но давно уж не тот я,
И устал, и утих...
Ветер треплет лохмотья
Притязаний моих.

Отлетели, как сажа,
И труды, и мечты...
Я давно уж не Саша,
Хоть и крикнули: «Ты!..»

Постою у подножья,
Тишиною объят...
Правда горняя, Божья,
Ложь – моя, говорят...

ВОТ

Вот родина моя – в полночном храме,
В горячем хлебе и в воде проточной,
Вот вся она – пейзаж в оконной раме,
Сырой сугроб на улице Восточной.

Вот жизнь моя – то крик, то лепет детский,
Шаг за порог под благовест стеклянный,
Да три вокзала – Курский, Павелецкий
И безмянный...

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Отсвистело время сквознячком,
Сотня лет рассеялась как дым.
Век двадцатый помер старичком,
А хотел – погибнуть молодым...

Уж его морили в лагерях,
Мерили сосновый макинтош;
Он плескался в огненных морях,
Пропадал за фунт, за рупь, за грош...

Он стрелял и в запад, и в восток,
Возводил руины, жег мосты,
Ухмыляясь, сплевывал в исток,
Смахивал топориком кресты...

И сошел на нет, растаял враз,
Словно дым «Герцеговины Флор»,
Отгорел, как уренгойский газ,
В ночь ушел с награбленным, как вор...

Все казалось – нет ему конца,
Вечностью грозился стать, подлец...
А ушел – забыли, как отца,
Что от водки помер наконец.

БРОДЯГА

Шел себе один бродяга,
Никакой он не святой,
На ремне пустая фляга,
В сумке пряник золотой.
Миновал мосты, могилы.
Где же небо, где звезда?
Иссякают волчьих силы,
Человечьи – никогда...
Хорошо босыми топтать,
Тропки льдистые колоть...
Хорошо крылами хлопать,
Если выдал их Господь.
Вот и шел он белым-белым
Полям, озером, леском,
Утомлялся бранным телом,
Затянулся пояском...
Много их, таких хороших,
Измеряло пядь земли.
Сколько их согнуло в ношах,
Даже тела не нашли...
Вот и этот стер предплечья,
Все свое с собой волок...
Ох ты, доля человечья,
Божьих промыслов залог...
Хорошо идти по свету,
Умирать в ночном пути;
Хорошо, что крыльев нету,
Можно по миру идти...
Вот и шел он, сам-прохожий,
Чуждый стуже ледяной,
Всей душою был он Божий,
Хоть и с виду был иной.

БЕЛАЯ РУБАХА

Зачем, скажи, мне белая рубаха?
В таких идут на смерть, отринув страх;
В таких рубахах, брат, играют Баха,
А не сидят за картами в Крестах.

Пора менять свободное обличье
На черный чай, на сигаретный дым,
Пора сдирать овечье, резать птичье,
Пора обзаводиться золотым.

Пора точить стальное втихомолку –
Под скрип зубов, под крики из ночей.
Пора отдать без спора волчье – волку,
А человечье – своре сволочей.

Пора искать надежную дорогу
Туда, на волю – Родину, сиречь...
Пора отдать вон то, святое, Богу,
А это, в пятнах, – незаметно сжечь.

Пора идти, не предаваясь страху,
На острый взгляд и на тупой оскал;
Ведь для чего-то белую рубаху
Я в этом черном мире отыскал?

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Легка моя жизнь, и не ноша она, не дорога,
Река безымянная: сохнет, осталось немного...
Качаются в ней пароходы, размокли бумаги;
То в греки течет из варягов, то снова в варяги...

А я загребая то правой, то левой, однако...
То с берега машут платками, то лает собака,
То женщина плачет, что я не плыву – утопаю,
Спасателей кличет, а я уж двумя загребая...

Не нужен спасатель,
 родная, глубок мой фарватер;
Но я же за круг не цепляюсь, не лезу на катер;
Плыву себе тихо, без цели, хватаясь руками
За воды, за звезды, за небо с его облаками...

СЛАВИТСЯ РУСЬ

Славится Русь зеркалами да зеками,
Снегом по грудь, ледяными озерами,
Пьяными песнями и человеками
С хищными взорами,
Злыми дорогами, черными кошками,
Тьмой беспробудной, путями проворными...
А заплутаешь – посветит окошками,
Звездами горними...

Славится Русь золотыми цепочками,
Баснями, сказками, дядьками страшными,
Вещими снами, предсмертными строчками,
Чарками бражными,
Верными женами, девками сладкими,
Колоколами да стольными градами,
Славится нами, угрюмыми, хваткими,
Верными чадами.

ПУТЬ

Мой путь далек, и снег мой бел,
Как черновик...
Я шел туда, куда хотел,
Меж сосен, книг,
Меж зданий разных: дом, дворец,
Темница, клуб,
И телом был я – молодец,
Душою – глуп...
И в чуждом городе, где дым
И скрип колес,
Мечтал погибнуть молодым
Без лишних слез;
Хотел исчезнуть, выйти прочь,
На все махнуть;
На плечи плащ, на очи – ночь:
Далек мой путь...

Никто за мной не шел, не пел,
Не плакал вслед,
Я шел туда, куда хотел,
На стыд и свет;
На огонек, на плеск весла,
На блеск пера,
На визг ликующего зла,
На зов добра...

СВЯТО МЕСТО

Свято место пусто не бывает.
По ночам там ветер завывает,
В полдень ночь кемарит в уголке.
Или забредёт какой прохожий,
На простого ангела похожий,
С посохом ореховым в руке.

Снимет он трех пятирублевый,
Огласит молитвою суровой
До камней разграбленный алтарь,
И придут лисица да волчица,
Чтобы той молитве научиться...
«Здравствуй, – он им скажет, –
Божья тварь».

Солнце глянет в чёрные отверстия,
Голуби, как добрые известья,
Разлетятся в дальние края.
Грянет с неба благовест усталый,
И заплачет ангел запоздалый...
«Здравствуй, – скажет, – Родина моя».

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ К РОДИНЕ

У нас на Руси хороши кабаки,
И тюрьмы у нас хороши;
У нас на Руси хороши кулаки,
что кости дробят от души...

А люди какие! Не сыщешь добрей.
Последнее съмут – проси...
А звери какие! Нет злее зверей,
чем те, что снуют по Руси.

Застольные речи – похлеще поэм,
Рубахи трещат на груди.
А если бы в руки вложить АКМ –
То пропадом всё пропади...

И сам я по-русски речист и хорош,
и в долгом застолье широк...
Люблю эту землю за всю ее ложь
и правду меж сосен и строк;

За каждый её бугорок и сугроб,
где нас похоронит она;
за пулю, летящую в грудь или в лоб;
за звезды в колодцах без дна;

За звон колокольный, за берег крутой
За снежный и смертный уют,
За жуть куполов и за крест золотой
На храме, где нас отпоют.

СТРАЖ

В мире, где люди мертвы, а камни – как дети,
Что мне делать, как быть, что пить на рассвете?
Как достучаться до сердца врага? дотянуться до горла друга?
Прячет следы человека эта звериная вьюга.

Я отдираю подошвы от липкого снега;
Как мне петь в дороге? ведь я задыхаюсь от бега.
Как узнать, что было? что будет – забыть без остатка?
Буду шагать ночами как страж мирового порядка.

Белым – бела непогода, и стужа ступает следом.
Мне бы поспать недолго под этим серебряным пледом,
Мне бы очнуться в мире, где небо – листва черешен,
Где, если шепнуть: я плачу, то крикнут в ответ: утешим!..

Мне бы очнуться в море, где даже дельфины – люди,
В море, где Боже удит, и ловится – без орудий.
Мне бы остаться в мере, исполненной без остатка, –
Я ведь шагаю ночью, я страж мирового порядка.

Может, и мне зачтется все, что казалось тяжко:
Черная эта краюшка да белая эта рубашка,
Небо в тяжелых звездах, зыбкое бездорожье –
Я ведь иду без жалоб, знаю, что всё здесь – Божье.

Я ведь из самых верных, пусть и не скорых шагом.
Я ведь всегда на страже – с хлебом, вином и флагом,
Мне ведь шагать по снегу, под хвойной непрочной сенью,
Лишь бы успеть к ночлегу, – к пятнице и воскресенью...

ГЛУБИНКА

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948–2016), поэт, член Союза писателей России, автор многих книг стихов и прозы. Один из самых проникновенных поэтических голосов нашего края.

ВСЁ ЭТО РУССКОЕ, НАШЕ...

* * *

Заиграет река. Запоют ивняки.
И потянется к свету росточек.
И забродит под утро в кустах у реки
Дух пьянящий от лопнувших почек.

На заре растревожат деревню грачи,
Возвращаясь к остывшим гнездовьям.
Прилетят и заглянут в окошки лучи,
Одарив чистотой и здоровьем.

Вновь торопится щедрое солнце всходить
Над полями, над чащей лесною.
И поймёшь: это счастье великое –
Жить –
Никакой не оплатишь ценою.

...И сейчас, и потом,
Пропадая во мгле,
Не узнаю, наверное, толком:
Почему я родился на этой земле, –
И уйду с неоплаченным долгом.

* * *
 Сколько мест есть похожих
 На родное село.
 Будто белой порошей,
 В мае сад замело.

Снег лежит среди погожих,
 Расцветающих дней.
 Много сёл есть хороших,
 Только это родней.

Сколько было открытий:
 Речка, солнце и лес.
 Я впервые увидел
 Землю нашу – вот здесь.

2003

* * *
 Ромашки на полянах, как веснушки,
 Рассыпаны по склонам у реки.
 Живут на Волге в малой деревушке
 Отец и мать, почти уж старики.

Живут неспешно,
 Как течение Волги,
 Как в гору уходящая тропа.
 Чтоб песни над Россией не молкли,
 Растят в полях высокие хлеба.

И слышно им, как у речной излучки
 Девичий голос разливался, креп.
 Так притомились их сердца и руки,
 Всю жизнь детей растившие да хлеб.

И вечер льёт над ними свет усталый.
 Уходит солнце, завершая труд.
 ...Живут на Волге, в деревеньке малой.
 И всё ж –
 На главной улице живут.

1986

* * *
 Соловьи поют в июне.
 Родники поют вдали.
 Лес шумит листвою юной,
 Вдоль дороги, что в пыли.

Жарко всем, охота в речку,
 Где прохладная вода,
 К омутовому местечку.
 По тропинке, что крута.

Раздеваешься и – в воду,
 Только брызги – в небеса.
 К золотому небосводу,
 Где без края бирюза.

Накупавшись, – загораем:
 Жжётся кварцевый песок
 И гордимся нашим краем,
 Что просторен и высок.

Он нам дан в далёком детстве,
 Как награда без побед.
 Никуда теперь не деться, –
 Он для нас – небесный свет!

1986

* * *
 Этот тихий край мне мил и дорог,
 Край мой без секретов и чудес.
 Вон вбежал на крутолобый взгорок
 Голубой, застывший за ночь лес.

И когда отъеду, – здесь с уклона,
 От себя украдкой, тайком,
 Буду всё искать верхушку клёна,
 Под которой прячется мой дом.

1976

* * *
 Тумана зыбкие колечки
 Среди чуткой ивовой глуши.
 Люблю бродить у тихой речки,
 Когда ни звука, ни души.

Деревья там вон, где дорога,
 Глядят, как будто бы ничьи.
 И речку острая осока
 Всё режет, режет на ручьи.

И думы просятся упрямей
 Здесь, в предрассветной зыбкой мгле,
 О будущем моём, о маме,
 О небе, птицах и земле.

И я мечтаю о немногом,
 Чтоб посещали в суете
 Меня деревья и осока
 В холодной утренней воде

1976

* * *
 Я о бедах своих ей сказать не посмел,
 В её жизни их было немало.
 Только снова мне мама напишет в письме:
 «Что-то сердце вчера тосковало.

Что-то нет от тебя долгожданных вестей?
 Что молчишь? Может, болен опасно?
 Утром кошка у печки манила гостей,
 Но, видать, всё впустую, напрасно».

Зряшны тайны мои,
 здесь скрывай, не скрывай –
 Всё известно доподлинно маме,
 Хоть и домик с рябиной, и светлый наш край
 Далеко от меня, за лесами.

Если б так же я смог пронести до конца
 Боль за беды людские и драмы.
 Говорят, что я внешне похож на отца.
 Ну а сердцем – пусть буду на маму.

1976

ОМУТ СВЕТА

Светла река, отстоянная далью,
Лишь там темна, где омут глубоко.
Её, наверно, цедят через марлю,
Как бабка утром цедит молоко.

В берёзах омут молодого света,
Как в чистом поле рано поутру.
И листья, опадающие с веток,
Шуршат в ногах, как будто на ветру.

ТЕРЕНЬГА

Чем сумрачней осенние деньки,
Тем чаще вспоминается нам лето.
Вдруг вспомнится мне путь до Тереньги,
И запах трав, и лес в лучах рассвета.

Как на душе всегда тепло от встреч,
Глаза в глаза, объятья и расспросы.
А за столом так заструится речь,
Как будто речка, что чиста, как слёзы.

И всё, о чём давным-давно забыл,
Увидишь,
Словно приоткрыл завесу:
И детство вот, и юношеский пыл,
И ту тропинку, что петляет к лесу.

Чтоб вспомнить всё, не хватит нам и дня.
Посмотришь: ночь за окном струится...
Как хорошо, когда вокруг родня –
Приветливые, радостные лица.

29.10.2004

В СЕНГИЛЕЕ

Я иду по осенней аллее,
И листва под ногами шуршит,
Как давно не бывал в Сенгилее,
В этом городе волжской души.

Здесь мне дорого всё и знакомо,
Всё я знаю и сердцем люблю.
Постою у заветного дома
И тропинку опять тороплю...

Пусть бежит она мимо деревьев,
Мимо школы, где волжский залив.
Город мой, ты и новый, и древний.
Город мой, ты, как прежде, красив.

1996

* * *

Как тяжелы мы
На подъём, –
Зачем нам лишние заботы?
Сидим себе
Забившись в дом,
Без чувств, без мыслей, без охоты.

И лишь мечтаем
О большом,
И нам,
И людям нужном деле.
Ах, как мечтать-то хорошо,
Когда валяешься в постели.

Во всём мудрец ты
И силач,
Решаешь трудные задачи.
И нету в жизни неудач,
Одни блестящие удачи.

В тиши неспешных вечеров
Живём в мечтаньях, как в тумане.
...О нас когда-то Гончаров
Писал в пророческом романе.

2005

СЛОВО ЗЕМЛЯКА

В село я выеду чуть свет,
И от шоссе пойду по росам.
Вдруг повстречавшийся сосед
Ко мне подступится с расспросом...

«Ну, как живёшь-то?
Расскажи.
Какие новости на свете?
Вчера читал тебя в газете,
Стихи от сердца,
От души».

Оценка слишком высока,
Свои стихи сужу я строже.
И всё же слово земляка –
Любое –
Мне всего дороже.

И всё ж кружится голова,
И веселее звон кукушки...
Как будто добрые слова
Сказал мне Фет
Иль даже Пушкин.

1996

* * *

Сверкают лужи дождевые,
Глядятся в воду деревца.
Цветут ромашки луговые
И за рекой, и у крыльца.

Промчится на рассвете поезд,
Неся в окошках ранний свет.
Ромашки кланяются в пояс,
Хоть ветра вроде бы и нет.

И вспомню на тропинке дальней
Под шорох утренней воды,
Как нёс на первое свиданье
Я эти белые цветы.

Родник звенел в глухом овражке,
А мы по тропке шли вдвоём.
Я помню, как цвели ромашки
На платье ситцевом твоём.

Вернусь в деревню издалёка,
Навстречу нету ни души.
И лишь ромашки светлооко
Меня встречают у межи.

1986

* * *
 Небо нахмурилось, –
 Солнце
 Словно ушло за леса.
 Света чуть-чуть остаётся:
 Там за рекой – полоса.

Дождик не дождик, а морось
 Сеется,
 Всюду висит, –
 Вновь на родимую волость
 Льётся из множества сит.

Тут же воспрянули травы,
 Влага для них – это жизнь.
 Рады поля и дубравы –
 Туча, подольше кружись!

Щедро пой эту землю:
 Чтобы богаче стал люд.
 Всё я душою приемлю:
 Солнца и дождика труд.

Всё это русское, наше
 Всё – от равнин и до гор.
 Пусть и богаче, и краше
 Станет родимый простор.

2000

* * *
 От спящего посёлка
 К тебе недалеко.
 С тобою рядом, Волга,
 Мне дышится легко.

Ведь от истоков к устью –
 Везде по берегам
 Священной пахнет Русью,
 Не сдавшейся врагам.

Ни тем, с раскосым взглядом,
 Что злобой налитой.
 Ни тем, что к Сталинграду
 Шли чёрною ордой.

Заря горит высоко.
 И слышно: дышит ширь
 Свободно и глубоко,
 Как древний богатырь.

На травах у посёлка
 Рассвет блеснул лучом.
 Лежит, сверкая Волга
 Карающим мечом.

1986

* * *
 Посмотришь вдаль – холмы, холмы, холмы,
 Как будто древних воинов шелома
 И рвы,
 Водой небесною полны,
 Что пролилась, когда гремели громы.

Окинешь взглядом даль
 Из-под руки:
 С холмами рядом.
 Далеко и близко,
 Как часовых надёжные штыки,
 Сверкают всюду грани обелисков.

Родная Русь, да сколько ж полегло
 Твоих сынов,
 Которых ты любила, –
 Чтоб вражье беспросветное крыло
 На ясном небе зори не затмило.

...Повсюду обелиски и холмы,
 Как далеко видать их на рассвете.
 И понимаю сердцем, что лишь мы
 Теперь за всё –
 За Родину –
 В ответе.

1980

* * *
 До сих пор вижу ленты дорог,
 А на них нашу роту
 На марше.
 Износил я немало сапог,
 Стал в поступках серьёзней и старше.

Вспоминаю тебя, старшина,
 Из души прорастающим словом,
 Хоть и был ты порою суровым,
 Но суровость солдатам нужна.

Коль беда постучится в наш кров,
 Коль настанет лихая година,
 Словно в сердце дохнёт холодина, –
 Каждый станет и строг, и суров.

Каждый будет в солдатском строю.
 И тогда не спасись тебе, враг.
 Ты узнаешь, как сух у нас порох,
 Как Отчизну мы любим свою.

1982

* * *
 Земля позабыла, как холодно было,
 Как ночью старался мороз,
 Чтоб дрожью деревья над речкою било,
 Порой доводя их до слёз.

Как вьюгу зима на рысях выпускала,
 Чтоб лихо скакала, резвясь.
 Чтоб даль, где село, огоньками мигала
 Сквозь веток берёзовых вязь.

А нынче – цветы вдоль песчаных просёлков,
 Их, –
 Как ни старайся, – не счесть.
 И звонкая речка с прибрежной осокой
 Разносит хорошую весть.

О том, что сады вдоль реки расцветая,
 Нам радость подарят опять,
 Когда на рассвете заря золотая
 Начнёт, как от счастья, сиять...

2005

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Ведущая рубрики – Алина ОСОКИНА

Владислав Ванюков – из той когорты авторов, которые созревают медленно, бросают писать и начинают заново, ищут свой неповторимый стиль и находят. Тематика стихов автора многообразна: это и любовная лирика, и философская, и остросоциальная. Поэзия Владислава строится на традициях русского стихосложения, но при этом она вполне современна.

Владислав ВАНЮКОВ родился в 1981 года в селе Нижняя Якушка Новомалыклинского района Ульяновской области. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов «На родине Гончарова» (семинар Н.А. Ягодинцевой). Лауреат межрегионального молодежного православного литературного конкурса «Волжский благовест». Публиковался в литературных журналах «Симбирскъ», «Причал», «Веретено», сборнике молодых литераторов Ульяновской области «Новый Венец». Автор сборника стихов «Тайник сознания».

НЕБЕСНЫЙ ВАЛЬС

МЕТЕЛЬНО

Наступит день, и всё растает,
Нам не оставив и следа.
А нынче снегом заметает
Простуженные города.
На фоне пасмурного неба
Кряхтят деревья на ветру.
А птицы мёрзнут, ищут хлеба.
Им это всё не по нутру.

И люди холодны и грубы,
Словно замёрзшая вода.
Людей не видно, только шубы
Бредут, пыхтя, туда-сюда.
Лишь мальчик маленький доволен –
Резвится радостно в снегу.
Он делать всё, что хочет, волен,
Мир познавая на бегу.

* * *

Зимнее утро.
Сонный, да ранний
город выходит на свет.
Снежная пудра
в дымке туманной.
Ворохом старых газет
вдруг обернётся
холод вчерашний
в омуте прожитых дней.
Солнце взойдёт
над белой башней,
городом спящих огней.

НОЧЬ

Город уставший укутала ночь.
Сонная музыка крыш.
Спи, засыпай, моя милая дочь.
Спи безмятежно, малыш.

Звёзды танцуют небесный вальс,
Луна выбралась из оков.
Сонное царство зовёт в гости нас –
Время приходит для снов.

Там за окном торжествует весна,
Март переходит в апрель.
Руки свои тянет к небу сосна,
Ночь расстилает постель.

Звёзды танцуют небесный вальс,
Луна выбралась из оков.
Ночь одеялом укроет всех нас.
Время приходит для снов.

* * *

Что с этим миром неистовым станется
Через десятки и сотни годов?
Вирус уйдёт, а это останется –
Благоуханье весенних садов.

Годы пройдут, и уйдут поколения.
Время состарит, сотрёт ветер в пыль.
Всё, что когда-то имело значение,
Вспомнится после как небыль и быть.

ПЕРВОМАЙСКОЕ

Ветер, дождь со снегом,
или снег с дождём.
Под каким хештегом
и куда идём?
Как мы это судно
завтра назовём
и куда подспудно
вместе уплывём?
Фразы на заборе,
флаги у ворот,
ярких красок море
и водоворот.
Тихо назревают
грозные дожди,
и на мир вещают
новые вожди.

* * *

Как зубы старые, гнилые,
чернеют ветхие дома.
И потускневшие весьма,
глазницы окон все пустые.

Истёрты ветром имена,
что были близкими такими,
но отражаются живыми
в зрачке разбитого окна.

А память образы хранит,
что не истлели и поныне, –
на старом фото, на картине
или закованы в гранит.

Холодным утром января
проснутся вьюги вековые.
Стоят дома как часовые,
и разливаются заря.

* * *

Вдыхая городские ароматы,
Иду и наполняюсь тишиной.
Пылают краснощекие закаты,
И тают, догорая за спиной.

Колёса одинокого трамвая
На рельсах-струнах извлекают звук.
Старинная мелодия ночная.
А может, сердца городского стук?

* * *

Проходят дни, идут шальные годы,
И прежней красоты тускнеет цвет –
Всё, что взаймы Вы брали у природы
В течение уже минувших лет,
Всё неизменно в прошлое уходит,
И не собрать разбросанных камней.
Лишь ветер одинокий тихо бродит,
Среди зимой истерзанных ветвей.
Пусть это лишь рифмованные строки,
Что прячу я в сокрытую тетрадь,
Жизнь коротка, а люди одиноки,
И не сорвать безликую печать.
Проходят дни, уходят безвозвратно,
Но вера в чудо всё-таки живёт.
И пусть былого не вернуть обратно,
Наступит день, наступит новый год.

Илья Разумовский – автор необычный и глубокий. Его произведения имеют философский подтекст и строятся не на сильном сюжете, а на образности повествования. Илья буквально «прорисовывает» свои рассказы, они очень визуальны и неожиданны.

***Илья РАЗУМОВСКИЙ** родился в Ульяновске в 1988 году. Окончил УлГТУ по специальности «дизайн архитектурной среды». С 2012 года работает в области строительства и архитектуры. Кроме профессиональной деятельности, развивается как художник, фотограф-любитель, писатель. Обладатель специального приза областного молодежного литературного конкурса «Первая роса – 2020». Лауреат областного конкурса короткого рассказа «Человек есть тайна. Её надо разгадать...».*

ОТРАЖЕНИЕ

Дима стоял на остановке и с сожалением смотрел на уходящий автобус. Он не понимал, каким образом он ввязался в эту авантюру и оказался в этом сомнительном месте в то время, когда все нормальные люди ещё спят. Он был не один. Товарища Димы звали Виктором. Глаза слипались, и Диму не покидало «сумрачное» состояние сознания.

Виктор был высоким, худощавым мужчиной, сложно было сказать, какого точно он возраста, но однозначно старше товарища. Лицо его прорезали морщины, а волосы были серебристые, пепельные, и было не понятно, седые ли они или просто такие от природы. Но основное, что ставило в тупик, – это манера держаться, двигаться, разговаривать. Дима часто ловил себя на мысли, что не может определить те характерные черты, которые в общении с другими людьми выдавали их возраст и социальное положение.

Виктор шёл впереди, он шагал спокойно и легко, без признаков сонливости или усталости. Дима шёл следом, вяло переставляя ноги. Туман сегодня был такой густой, что на расстоянии вытянутой руки мало что было видно. Впереди маячил силуэт Виктора в темной потертой куртке.

Они шли по узкой лесной тропинке, очевидно, знакомой только Виктору, Дима оказался здесь впервые.

С Виктором он был знаком давно, но вот как они познакомились, никак не мог вспомнить. И как так получилось, что у них не было общего круга друзей, и интересы были у них разные, точнее, так думал Дима. А какие интересы были у Виктора? Разговоры их часто далеко уходили в сторону философии, мистики и религии – тут Виктор выдавал глубокие познания.

Он чем-то пугал Диму. «У... волчара, бывают же такие...» – думал он про себя.. Взгляд у Виктора был действительно какой-то волчий, пронзительный, с нездоровым блеском глубоких карих глаз. Дима был другим, он был невысоким, по крайней мере, по сравнению с товарищем, без каких-то особых ярких черт, он ничем не выделялся, но его это особенно не беспокоило.

Они были разные: если у Димы были сглаженные черты лица, то лицо Виктора было жёстким и даже жестоким, Димин характер контрастировал со стоическим и холодным нравом Виктора. Но в

чем-то они были похожи. Диме нравилось ощущение недосказанности, которое оставалось после общения с товарищем, это иногда раздражало, но почему-то и привлекало. Ему казалось, что Виктор всегда знает больше, чем говорит. Если у него был вопрос, то у Виктора почти всегда находился ответ, который он преподносил в какой-то туманной и, казалось, нарочито путаной форме. Такое общение иногда приобретало форму изощрённой и изысканной психологической игры.

Дима часто сам инициировал встречи. Виктору же, похоже, другие люди были совершенно не нужны, он никогда никого ни о чем не просил, но если просили его, никогда не отказывал в помощи или совете.

Тропинка петляла по лесу, шли они уже достаточно долго. Хотя было раннее утро, невозможно было понять: день, вечер или ночь на дворе. Путников окутывал густой туман, а небо было покрыто непроницаемой серо-чёрной пеленой, в воздухе висело тягостное чувство, какое иногда возникает перед сильной грозой. Корявые, уродливые ветки деревьев, кустарники, замшелые пни, покрытые поганками, выплывали из тумана и пропадали в нем без следа, как тени.

Дима видел только силуэт своего проводника, растворяющийся в туманной дымке. Вдруг его окутал холодный, незримый неосознаваемый ужас. Из подсознания всплыл старый детский страх потеряться. Ему захотелось крикнуть, но он поборол это желание. Виктор обернулся, и хотя он толком его не видел, но почувствовал пристальный взгляд.

Ботинки набрали влагу и стали неудобными, тяжелыми, брюки тоже промокли почти до колена и противно липли к ногам. Дима думал о том, зачем он на это согласился.

– Как зачем? Ты же сам меня попросил, – вдруг услышал он голос Виктора, но самое странное было то, что он ответил на его мысли. Или Дима сказал о том, что думал, вслух?

Дима уже потерял ориентацию в пространстве: все было серое, одинаковое, тропа, бесконечный лес, серая дымка, сырые камни, мокрая трава. Неужели действительно он сам об этом попросил? Дима в общем-то никогда не ввязывался ни в какие рискованные мероприятия или авантюры, предпочитая оставаться в комфортной для себя зоне, и

друзей он выбирал таких, и подругу выбрал по такому же принципу: симпатичную, беспроблемную, но какую-то приземлённую. Но почему тогда его преследовало чувство, что жизнь проходит мимо него, настоящая жизнь. В глубине души он завидовал путешественникам и разным рискованным людям. Представлял, что когда-нибудь отправится в далёкое путешествие или пойдёт в поход, научится фотографировать как профессионал или играть на гитаре. Но обычно на этом всё и заканчивалось.

На пути стали попадаться большие округлые камни, словно оплавленные и смятые, как пластилин, какой-то неведомой и могущественной силой, а искривлённые стволы деревьев застыли в причудливой пляске.

Наверное, у каждого человека есть незримый двойник. Это не антипод, это что-то другое, что нельзя выразить, не простая противоположность, не абстрактное зло, таящееся в глубине подсознания у каждого человека. Он состоит из нереализованных желаний, устремлений, он стоит по ту сторону привычного для любого человека душевного состояния. Он находится за гранью психопатии, и вместе с тем именно он видит, знает и умеет намного больше. Только у него есть ключи от всех дверей и ответы на все вопросы. Но увидеть его большинству людей не суждено никогда.

– Куда мы идём? – спросил наконец Дима.

– Скоро увидишь, – ответил таинственно Виктор, – мы почти пришли.

Дима почувствовал под ногами твёрдое основание. Виктор жестом указал вокруг – они стояли сейчас на огромной естественной каменной плите, в середине которой было выдолблено углубление. В стороне, словно безмолвные наблюдатели, стояла группа из нескольких округлых валунов.

– Внизу должно быть озеро, оно появляется в определённое время, – пояснил Виктор и вынул большой нож с рукояткой из почерневшего дерева и узким листообразным лезвием. По виду бывшим в употреблении.

– Ты хотел увидеть своего двойника? Тогда ты должен заглянуть в глубины отражения, спускайся вниз к воде, – голос Виктора звучал глухо, точно издалека, и прозвучал как приказ.

Над головой заклокотало, но не было ни дуновения ветерка, ни один лист, ни одна травинка не шелохнулись. У Димы возникло ощущение нереальности происходящего, постановки, в которой он и его проводник были актерами на сцене, где всё окружающее было только декорациями, имитирующими реальность.

Он стал спускаться к воде, неверно ступая по корням, образовавшим естественную лестницу. Ему показалось, что Виктор с ножом идёт за ним следом, он обернулся, но это было не так. Виктор стоял посередине каменной плиты над углублением и что-то бормотал, потом закатал рукав левой руки и лезвием ножа медленно провел по предплечью. Чтобы не видеть крови, Дима отвернулся и ускорил шаги.

Озеро было небольшим, совершенно круглым и гладким, как естественное чёрное зеркало. Дима встал на колени и наклонился над водой, чтобы разглядеть отражение, сначала он не увидел ничего внятного, но продолжил всматриваться пристальнее, тогда стал вырисовываться туманный образ человека. Дима подумал, что это его отражение, но, изучая его, он все больше в этом разубеждался. Человек, смотрящий на него из отражения, не был на него похож. Он что-то ему говорил беззвучно одними губами, а потом неожиданно разинул рот, открывший черную бездну. Диме показалось, что он кричит от ужаса, но звука не было, что его затягивает в эту дыру, и он находится глубоко под водой, задыхается, захлёбывается. В этом мертвенном, кривом отражении он узнал своего спутника Виктора. Он отпрянул от воды, чуть не упал навзничь, повернулся, наконец набрал воздух и выдавил из себя крик.

– Кто ты такой?! – в ответ лишь раздался тяжёлый гул из низко нависших облаков да отдалось далёкое эхо. Его колотило как в лихорадке, он глотал ртом воздух. Виктора нигде не было. Чёрная гладь озера покрылась рябью, хлынул дождь. В правой руке Дима сжимал большой старый нож с листообразным лезвием, а по левой из пореза змейками струилась кровь.

Фото Владимира Ламзина

Алла ДРОЗДОВА

ФИЗИК И ЛИРИК В ОДНОМ ЛИЦЕ

Творческая встреча
с Артёмом
Даллакяном

В преддверии Всемирного дня поэзии в отделе – специализированной библиотеке №22 имени М.Ю. Лермонтова прошла встреча учащихся IT-лицея при УлГТУ с молодым поэтом, лауреатом областного литературного конкурса «Первая роса» Артёмом Даллакяном.

Интерес к творческой встрече был обоюдный. Во-первых, поэт всего лишь на несколько лет старше слушателей. Во-вторых, Артём Даллакян – студент факультета физико-математического и технологического образования Ульяновского педагогического университета: физик и лирик в одном лице, чем и интересен. «Последнее обстоятельство не такое уж редкое», – подчеркнул Артём и предложил слушателям вспомнить, кем были по образованию М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов, М.А. Булгаков.

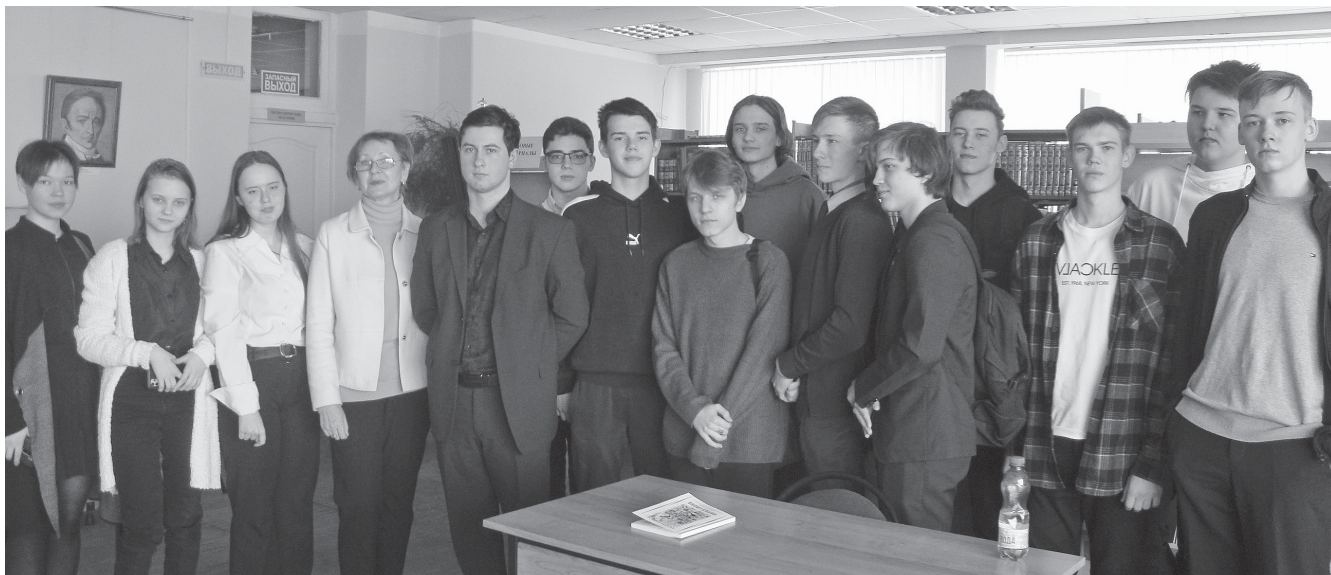
Так начался содержательный разговор. Молодой автор рассказывал о себе, читал свои стихи и стихи любимых поэтов – Александра Блока, Николая Гумилёва, Арсения Тарковского, говорил о книгах, которые произвели на него впечатление.

Лицейсты задавали вопросы об отношении близких к его увлечению поэзией, о том, что вдохновляет в жизни, о планах. Искренность, дружелюбие поэта оказались заразительны: они передались слушателям. Как вы относитесь к подражаниям,

плагиату? Как определить, это произведение искусства или нет? Есть ли у вас стихи на насущные проблемы современного общества? Ни один из многочисленных вопросов не остался без внимания. И во всех ответах чувствовалась живая заинтересованность молодого автора не только в предмете встречи – поэзии, но и в самих слушателях. «Красной нитью», проходящей через весь разговор, было его желание убедить в том, что поэзия, стихосложение имеют значение для каждого человека, какую бы профессию и какой бы образ жизни он не выбрал.

Поэзия учит человека чётко и логично думать, врачует, зовёт к поступку. «И читайте! Читайте как можно больше хороших авторов. Чтение поможет вам лучше понимать себя и других», – таким напутствием Артёма Даллакяна завершилась встреча.

И организаторы, и участники выразили надежду, что творческие встречи с молодыми авторами продолжатся.

Артём ДАЛЛАКЯН, студент УлГПУ им. И.Н. Ульянова, лауреат молодежно-го литературного конкурса «Первая роса».

ВПЕРЕДИ ВЕСНА

* * *

Я останусь для всех неразгаданным.

Но лишь для тебя

Переплётыв мои пусты.

Нежданым-негаданным,

Перейду сквозь колючек кусты

Окровавленным,

Обожаемым,

Весь в чернилах до самых пят.

Только тише!

Соседи спят!

Спят соседи,

И может быть, спятили,

Проверяя свои хвосты,

Но мы тоже ведь что-то утратили

И нашли тоже что-то. Мечты?

Пару слов о допитом стакане,

Что наполнится множество раз.

Я всё так же, в прелестном дурмане,

От твоих недосказанных фраз.

Даже если

За ними

Отказ.

* * *

Я иду с головами козла и ягнёнка,
Пребывая в обличии седого ребёнка.
По дороге сомнений, мимо пасмурных роз,
И с надеждой, что всё это будет всерьёз.

Снова сказка, и вновь поднимается взор,
Позади и вокруг небывалый простор,
Только ноги как встарь по колено в грязи –
Если хочешь бежать, то придётся ползти.

Впереди обязательно кто-то и ждёт,
Только там не закончится вечный поход,
Переменятся маски и зеркала,
И ягнёнка-козла сменят уши осла.

А осла переменит большая пчела,
И наступит эпоха, лишённая зла,
Но сейчас ты один на дороге из слёз,
Лишь с надеждой, что всё это будет всерьёз.

* * *

Над выжженным полем летает пакет,
Весь белый, пустой и нетленный.
Рождённым из пепла шлю тёплый привет,
Простой, потому и священный.

Танцуй и решайся натягивать нить
Невышитых мойрами сказок.
Становится жарко и хочется пить,
И хочется больше подсказок.

Не бойся сгорать в добровольном огне.

Умри, обновись и постигни –

Внутри и снаружи, будь верен войне.

Separabis terram ab igne!¹

¹ Separabis terram ab igne, subtile a spisso, suaviter mango cum ingenio. (лат.) – Ты отделишь землю от огня, тонкое от грубого осторожно и с большим искусством.

* * *

Окутан, сокрыт за туманом

Мой серый застенчивый город.

Пусть кажется дольше обманом

Зима и обещанный холод.

Пусть дальше всё будет не с нами,

И снег упадёт на других.

Мы вместе растаем в тумане

И будем смотреть на живых.

Глубокое, вязкое царство,

Лишённое острых углов.

Ничто, что рождает пространство

И формы сокрытых миров.

* * *

В степной бесконечности,
Ищи человечности,
Вслед ветру веди караван.

Ставь юрту средь поля,
И верно жди горя,
Бей в колдовской барабан.

Пусть кружится сокол
С глазами из стёкол,
И стелется низко туман.

Очистится время –
Засунь ногу в стремя,
И дальше веди караван.

* * *

Мне с каждым днём всё кажется яснее,
Что я застрял в картинной галерее,
Чем далее, тем хуже кисть творца,
С расчётом, видимо, на редкого глупца.

Быть может, настоящее окно
Я принял за простое полотно.
Не уцепился мой уставший взор
За небо синее, за волю и простор

Когда и где? Не помню до сих пор,
А было ли? Закроем этот спор.
Здесь столько лиц, и столько зорких глаз,
Ухмылок разных и немых гримас.

И кажется, что жизнь кипит сейчас,
Что суета и бег спасают нас,
Потоки важных дел, трудов, забот
Затягивают всех в водоворот.

Но вырви голову и возопи – я есть
Не только труд, обрывок кожи, шерсть,
Я то, что может побороть себя,
Я уроборос, древняя змея.

Всем ослеплённым не впервой смотреть
На тех, кто выбрал пламенем гореть.
Свет электрический и языки огня –
Одно и то же. Но не для меня.

* * *

Медузы пластиковых пакетов
Дно улиц моих бороздят.
Чертоги панельных аскетов,
Которые всё ещё спят.

Рассветы в пыли и тумане,
Белесый холодный раствор,
И в этом прохладном дурмане
Зелёный горит светофор.

Иди, проходи, уступаю
Четыре твои стороны –
Но я прохожу лишь по краю,
Не взяв ни тюрьмы, ни сумы.

* * *

Вспыхнет, погаснет свет фонарей,
Вращается фон за стеклом,
Граница для формы, стол для гостей,
Для тела обжитый дом.

Но вот опустилась поверхность окна,
И вслед опускались за ним,
Машины и люди, дела и слова –
Лишь сон оказался твоим.

* * *

Сердце бьётся и сильно, и странно,
И с собою мне не совладать!
Ухожу, откровенно-нежданно
Чтобы вскоре вернуться опять.

Вдоль кустов и веток сирени,
Мимо серых обшарпанных стен.
Я иду, и со мной мои тени,
Я иду, и со мной твоя тень.

Ночь придёт, холодна и крылата
Ночь пройдёт, и настанет рассвет.
Всё пройдёт, и исчезнет куда-то,
Всё пройдёт, только мы с тобой – нет.

* * *

Знаешь, стоит тебе лишь улыбнуться,
Как механизм часовой
Души беспокойной
Изволит ломаться,
Теряя пружины, клоками перьев
Пасть затыкая зубчатых колёс.
Нет! Как ни старался, счастья такого не снёс –
Теперь ожидай серой привычки нападки
На новое, чистое, свежее,
Пыль с полок сорвавшее,
И окна бесстрашно открывшее.
Отбросив тени повадки,
Брошусь под солнечный свет,
И на твои догадки отведу уклончиво нет.

* * *

День сошёл, как с крыши снег,
Наступает ночь.
Лунный свет, мой оберег,
Сон отводит прочь.

Мне не страшно, не устал
Просто в тишине,
Лик луны ключи достал
И вручает мне.

Тайны все откроешь ты,
Только поспеши –
В полночь встанут все часы
Для твоей мечты.

Под ногами капли звёзд
На земной траве.
Не остыл и не замёрз –
Лето в рукаве.

Тучи прорвала игла
С нитью в серебре,
И кружит над ними мгла
На хромом крыле.

Куст терновника стеной
Окружил тропу.
Мне ступать здесь не в первой,
Обману судьбу.

В дебри колкие рывок
Алый совершу.
Предначертанный виток
Кровью окроплю.

Плоть мою изрежет злой
Цепкий коготь сна.
Я иду, мой Бог со мной,
Впереди весна.

ВЕСНА. ПРОСМОТР

Выставка молодых художников

В Выставочном зале Дворца книги периодически открываются областные, групповые и персональные выставки, выставки художников из других регионов России.

1 марта 2022 года в Выставочном зале ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина» состоялось открытие Первой региональной выставки «Весна. Просмотр», организованной молодежной секцией Ульяновского регионального отделения Союза художников России.

Выставку торжественно открыл идейный вдохновитель и куратор Александр Дашко – советник министра искусства и культурной политики Ульяновской области, директор АНО «Содружество творческой молодежи», поэт, председатель совета молодых литераторов Ульяновской области, член Союза писателей России.

Главная задача выставки – познакомить жителей города с творчеством молодых ульяновских художников, объединить молодых творцов. Здесь в течение месяца известные ульяновские художники, члены Союза художников России проводят лекции и мастер-классы для талантливой молодежи.

На выставке представлены более 50 творческих работы студентов художественных направлений средних профессиональных и высших образовательных учреждений города Ульяновска, а также участников молодежной секции Ульяновского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации Союза художников России (ВТОО СХР).

В экспозицию вошли работы более 25 участников в различных жанрах и техниках. Здесь можно увидеть как учебные работы по рисунку и живописи, так и творческие портреты, работы в технике digital-art, художественные проекты. Также на выставке представлены многожанровые работы студентов специальностей «Дизайн» и «педагогика дополнительного образования» Ульяновского кол-

леджа культуры и искусства, выполненные в различных техниках: акварель, гуашь, акрил, графика.

В выставке «Весна. Просмотр» приняли участие студенты специальности «дизайн архитектурной среды», а также преподаватели кафедры «Архитектурно-строительное проектирование» Антон Александрович Лазарев, Валентина Олеговна Сотникова.

СОТНИКОВА Валентина Олеговна окончила Пензенское художественное училище имени К.А. Савицкого, Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), факультет «Интерьер и оборудование». Член Союза художников России с 2001 года, член Международной ассоциации изобразительных искусств АИАП Юнеско. Награждена медалью Министерства обороны Российской Федерации «ГЕНЕРАЛ АРМИИ МАРГЕЛОВ». Принимала участие во многих всероссийских и международных выставках. В.О. Сотникова совмещает творческую и педагогическую деятельность и является доцентом кафедры «Архитектурного и строительного проектирования» УлГТУ.

ЛАЗАРЕВ Антон Александрович работает в ДШИ №7 преподавателем высшей квалификационной категории по изобразительному искусству. Является действующим членом Союза педагогов-художников, членом молодежной секции Ульяновского регионального отделения Союза художников России. С 2020 года является членом молодежного министерства искусства и культурной политики Ульяновской области и членом правления АНО «Содружество творческой молодежи». Как художник, Антон Александрович Лазарев активно участвует в оформлении выставочных пространств музеев города, в иллюстрировании литературных сборников. В 2021 году он представлял регион на арт-кластере «Таврида» в образовательном заезде «Новые русские сезоны». Антон занесён на Доску почёта молодёжи Ульяновской области за вклад в развитие молодёжной политики на территории Ульяновской области.

Среди участников выставки «Весна. Просмотр» Н.А. Дубинин, Е. Щербакова, М. Брянцева, А. Габидулина, К. Пастушенко, К. Михайлова, Д. Юдина, Г. Меркулова, В. Митрофанова, П. Шнайдер, Е. Трифонова, К. Мазур, Д. Новикова, Д. Фадеева и др.

Конечно, здесь представлена далеко не вся рисующая молодежь региона. Ульяновское региональное отделение Союза художников России поддерживает своих начинающих коллег. Организация и проведение выставки поможет молодым художникам показать свое творчество, а также увидеть работы своих сверстников. Такие мероприятия являются хорошей мотивацией к дальнейшему творчеству и формированию интереса к выбранной профессии.

Выставка молодых художников – это уникальное и значимое художественное событие не только для нашего города. Она вносит вклад в дело возрождения молодежного художественного движения и способствует мобилизации творческого потенциала молодёжи России.

Впереди Весна. За молодыми – будущее.

Подготовила Лариса УТИНА.

ВЕСНА. ПРОСМОТР

Работы участников выставки

Дубинкин Н.А. Эскиз афиши для выставки художников

Дубинкин Н.А. Архитектурная отмывка ордеров

Карина Ядав. Портрет

Лазарев Антон. «Первым делом...»

Щербакова Елизавета. Старый железнодорожный фонарь

В ОБЪЕКТИВЕ – ВЕСНА

Фото Владимира Ламзина

ТА САМАЯ ПТИЦА!

Выставочный проект
Музея народного творчества

Взмыть в воздух. Подняться высоко и парить. Душа, мечта, полет, птица... Красота птиц, их парение и завораживающее пение всегда привлекают человека и возвышают его душу. В литературе и устном народном творчестве, в декоративно-прикладном и изобразительном искусстве, в народных промыслах и ремеслах - везде чудо-птицы нашли свое воплощение.

Выставка «Та самая птица»
работает до 10 мая 2022 года.
Адрес: г. Ульяновск, ул. Дворцовая 2/13,
ДК Губернаторский, 2 этаж.
Тел. (8422) 44-19-75.

Кудяева Мария. Алконост

В реализации выставочного проекта приняли участие известные ульяновские художники: член Союза художников РФ Людмила Слесарская, педагог Детской школы искусств №6 Елена Муравьева, педагог Детской школы искусств №7 Антон Лазарев, самодеятельные художники народного коллектива студии изобразительного искусства Дворца Губернаторский (руководитель – Александр Зинин), участники народных студий «Сказка» (руководитель – Валентина Сотникова), «Белошвейка» (руководитель – Наталья Клыкова), «Жар - птица» (руководитель – Инна Каминская) Центра развития и сохранения фольклора ОГБУК ЦНК.

На выставке представлены работы резчика по дереву Александра Калачева, мастеров Виктора Комарова, Нины Федорович, Татьяны Лисюковой, Татьяны Орловой, Маргариты Перской и других.

Белова Валентина. Павлины

Кораблева Татьяна. Птица счастья

Антипина Валентина. Сирин

Рожникова Елена. Птенец

Калачев Александр. Птица-нава

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ

Всероссийский конкурс-фестиваль детского и юношеского творчества
Тема: «Музыка звучит во мне, музыка вокруг меня»

Юлия Князева, учащаяся ДШИ №2,
преподаватель Слесарская Л.Ю.

Камила Халилова, учащаяся ДШИ №8,
преподаватель Пастушенко К.Б.

Юлия Князева. 1 место в очном конкурсе

Камила Халилова. Гран-при в очном конкурсе

Вот уже шестой год подряд детская школа искусств №2 проводит Всероссийский конкурс – фестиваль детского и юношеского творчества «Весенняя капель». Конкурс вошёл в Государственный реестр, и дети, занявшие самые высокие награды: гран-при и лауреат 1 степени, получают единовременные премии. В этом году конкурс прошёл по двум номинациям – очное участие на заданную тему и заочное участие на тему «Мир прекрасного».

Тема «Сказки»

Александр Алексанин, 9 лет. *Счастье кошки.*
Преподаватель Астафьева Г.В. 1 место в младшей группе

Два дня, 18 и 19 марта, в ДШИ №2 шли соревнования очного участия. Учащиеся детских школ искусств, художественной школы и Губернаторской школы искусств от 6 до 17 лет выполняли акварелью композицию на заданную тему. Малыши рисовали тему «Я сказку сочиняю как могу». Дети от 10 лет рисовали «Акварельные фантазии». Те, кому 13-15 лет, рисовали на тему «Музыка звучит во мне, музыка вокруг меня».

Самые старшие и опытные учащиеся рисовали на тему «Мир в моём доме, в моей душе и в сердце моём». В очной форме приняли участие 95 детей из Ульяновска и Ульяновской области.

Заочная форма участия в конкурсе заинтересовала участников из разных городов России. В ней приняли участие представители городов: Санкт-Петербург, Рязань, Энгельс, Курск, Яранск, Керч, с. Борское (Самарская обл.), Муравленко и п. Ханымей (Ямало-Ненецкий округ), п. Кадуй, Белгород, Хабаровск. В этом году участие в конкурсе приняли преподаватели школ искусств в номинации «Профи».

Белла Басалаева, п. Кадуй. *Лиса и колобок.*
Преподаватель Гребенчук О.Г.

Злата Щербакова, Хабаровск. *Курилка Ряба.*
Преподаватель Хохлова О.В.

Мария Кривоногих. Губернаторская школа искусств для одарённых детей. Преподаватель Пономарёва А.А. Гран-при в заочном конкурсе. Тема «Мир прекрасного»

Ольга ШЕЙПАК, прозаик, журналист, секретарь Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат премии им. святого равноапостольного князя Александра Невского.

НЕБЫВАЛАЯ ВЕСНА

Рассказ

Иван верил и не верил: он едет учиться в Северную столицу!

После десятилетки сельский парнишка боялся даже мечтать о таком городе. Впрочем, он уже полтора года отучился в Ленинградском военном топографическом училище, но не в Северной столице, а в небольшом поселке Абабково Горьковской области, куда в начале войны оно было эвакуировано. Здесь до революции стоял женский монастырь, и в обезглавленном здании церкви из красного кирпича разместился главный корпус.

После военной жизни в лесу, где с начала призыва в 1943 году Иван учился в стрелковой школе, монастырские строения Абабково показались ему раем: двухэтажные, каменные, с печным обогревом. Но вскоре курсанты взвыли: скудное питание довело всех до такого истощения, что парни на тренировках падали в обморок. Позже было выявлено воровство продуктов, поговаривали, что к этому причастен начальник училища. Когда злоупотребления вскрылись, полковник покончил с собой. Политрук пытался убедить курсантов, что произошел несчастный случай. Хоронили начальника красиво, со стрельбой, даже музыкантов из Павлово привезли. Вот только гроб был заколочен.

Иван в это время лежал в санчасти. Больничка была построена задолго до революции вместе с хозяйственными и келейными корпусами. Истопник, он же столяр Анастасий жил в больничном корпусе. Ему пришлось колотить гроб для полковника. После печального ритуала курсанты и офицеры пошли в столовую, фельдшер поспешил туда же: обед ожидался знатный.

Дежурный принес Ване щи с тушенкой и на второе рагу с перловкой и сказал: «Ешь, дохляк, сегодня пируем по случаю упокоения начальника». Ванька набросился на еду. Вылизав алюминиевую тарелку из-под рагу, он печально ее осмотрел, как будто надеялся найти потайное дно с дополнительной порцией. Подумал: баланду с разведенной мукой ешь с отвращением, а вкусная пища только раздражает аппетит. И тут курсант услышал монотонное гнусавое завывание дядьки Анастасия.

Истопник, вернувшись с похорон, не пошел в столовую, а скрылся в своем закутке за занавеской. Прислушавшись, Иван понял, что тот молится. Из любопытства парень заглянул за занавеску: старик протяжно читал старую потёртую книжицу небольшого размера. Перед ним на грубо сколоченной тумбочке стояла икона без оклада с изображением Богородицы. Изумленный Иван плюхнулся на твердую кушетку.

Старик дочитал литию и спокойно, не суетясь, завернул икону во фланель от рваных кальсон. Недовольно проворчал:

– Ну встань-ка... расселся... Тута образ чудотворный «Всех скорбящих радость». Прячу от злых глаз. – Он сунул икону под матрац и добавил как бы между прочим: – Помолился о душе новопреставленного грешника Николая.

– Разве можно – за самоубийцу? – шепотом спросил Иван.

– Правду нам знать не дано, а Бог там разберется! – Анастасий поднял вверх указательный палец.

– Не боитесь проповедовать? Тут как-никак политическое заведение! – курсант повысил голос.

– Каво я должен бояться? – Лохматые рыжие брови старика тоже подскочили вверх. – Имя моё Анастасий – воскресший из пепла. Меня били – я вставал. В меня стреляли – я выползал из ямы, где остались лежать праведные мученицы.

Иван сглотнул слюну и вытаращил на старика глаза цвета подтаявшего льда, истекающего из березковек.

– Вы шутите?

– Нашел шутника! Монахиня Агафья, чьи косточки в овражке остались лежать, еще помнила игуменью Палладию. Та была рясофорной монахиней, когда собралась проситься в Дивеевский монастырь, а старец Серафим Саровский не дал благословения, велел идти к Георгию, то есть сюда. Видел кладбище за селом, где разрушенная церковка Георгия Победоносца? Сказал тута ждать благодетеля, который сам явится и монастырь устроит.

– И что ж, явился?

– Как же! По слову святого старца нашелся купец, изнуряемый тяжелой болезнью. На его денежки поставили каменный храм, а потом и келейную, и другие корпуса, и вот эту больничку.

– Так вы и раньше здесь жили?

– Служил я тут священником. А когда воскрес – ну это после расстрела, так в лесу поселился. Икону игуменьи успела спрятать от безбожников и мне шепнула: знала прозорливица, что выживу. Я ее хранил в земляночке. Как училище сюда перевели, так я и явился: мол, чем смогу, помогу, без всякого жалованья, за крышу и похлебку.

После выздоровления Ванька потянулся к

Анастасию. Он понимал, что старик – контра, но ведь интересно покалякать с Божиим служкой! Шекочет нервы такой разговор. И одновременно – страшно. Если политрук узнает, кто такой Анастасий на самом деле и что с ним завел дружбу курсант, тогда оба они окажутся в том овражке, где гниют косточки последних монахинь. Так что Иван вел себя осторожно: если просился в наряд на заготовку дров в помощь старику, так обязательно добавлял: «Я же деревенский, тянет меня в лес, на природу». Других не заставишь ехать по дрова, а Иван Столбов – всегда готов. Ну а в лесу, понятное дело, можно и поспорить со стариком, и байки его послушать.

Анастасий не вступал в споры – он всегда переводил разговор на что-то другое, отвлеченное, но это «что-то» всё равно касалось затаённого.

– Я тоже, брат Иван, люблю лес, – начинал старик, когда дерево было срублено и можно было присесть на свежий, истекающий слезами пенёк. – Не люблю стен и загоронок – они мешают свободно дышать. Ты подыми-ка глаза к небушку: вишь, как оно охватывает взором всю землю? И лес дышит, сквозит пучками света. Слышишь его сердцебиенье? Нет? Вот то-то... Мы вертимся, как слепые котятка, в поисках сытной соски, и не хотим обозреть мир.

– У кого ж есть время для безделья? Наша жизнь – вечный труд. Не будешь крутиться, не будет и соски, подохнешь от бессилия. Как я на больничной коечке чуть не помер.

Старик его будто не слышал и продолжал:

– Земля хоть и под снегом, а пульс энергичный. Скоро распеленается ото сна и засияет, откроет нам, грешным, свои прелести, и покатаются бирюзовые дни... Нет, брат, радость созерцать красоту – это не безделье. Это, я тебе скажу, самая сытная пища. – И вдруг неожиданно спросил: – Крестик-то где прячешь?

– А вы откуда знаете? – Иван оторопел. Анастасий только усмехнулся.

Ванькины родители о Боге не говорили, но крестики носили. Иконы держали в подвале, там мама и молилась по праздникам и в будни с утра – перед тем, как хлеб печь.

Провожая сына в армию, протянула Ивану его детский крестик:

– Надеть вряд ли решишься, так хоть спрячь.

В конце января 1945 года стало известно, что училище возвращается в Ленинград. Иван поначалу не обрадовался. В монастырских комнатах тепло, уютно, а что дальше? Ленинград, конечно, прекрасный город, но как он, истерзанный блокадой, встретит? Говорят, все люди, кто не эвакуировался, помёрли с голода...

Сборы затягивались. Сначала должны были ехать старшекурсники. К красному зданию – бывшей церкви – подъезжали подводы, курсанты грузили имущество, и казалось, этому движению не будет конца. Наконец объявили, что второй курс, где учился Столбов, тоже начинает сборы. Отъезд в Ленинград назначили на десятое марта.

Пока курсанты перетаскивали матрацы в красное здание, Ванька потихоньку улизнул в больничный двор, где Анастасий колол дрова.

– Завтра утром отчаливаем, – сообщил парень.

Анастасий отложил топор в сторону, развернулся к парню и долго смотрел в его тальные глаза.

– Жаль... дров мало заготовили. – Он нахмурился и погладил кудлатую бороду.

– Так это... Весна ж на дворе. – Иван в недоумении пожал плечами.

– И-и, правда, весна! – Старик будто ожил, распрямил брови, заулыбался. – Скоро ты поймешь, Иоанн, что весна – это не просто время года, а чудесное чудо – указание пути.

«Чудит старик, – подумал парень, – расстроился, что уезжаю... Иоанном зачем-то назвал».

Анастасий продолжил в том же иносказательном духе:

– Нет, скажу иначе: весна – это полдень юности. Момент ответственный: душа с судьбой встречается. – Он с силой хлопнул парня по плечу, чего раньше никогда не делал. – Тут, брат, надо быть на чеку, чтобы обрести лад и душевный строй. А крестик ты все-таки надень – за правду стоять надо.

Больше старик ничего не сказал и даже не простился, не обнял на прощание – схватил топор и, быстро-быстро перебирая лаптями, скрылся в больничке.

Иван почувствовал смятение и горечь в душе. Глупо как-то расстались. И еще вдруг подумал про себя: за полтора года, проведенные в Абабково, он так и не приобрел друзей среди курсантов: со всеми вел себя ровно, но не сблизился. За ним укрепилось неприятное прозвище: Ванечкин. Возможно, из-за белёсой внешности и мягкого нрава. Прозвище расстраивало и злило Столбова. Даже начальник отделения порой забывался и путал фамилию, называя курсанта Ванечкиным.

Утром 11 марта прибыли в Горький. Накануне здесь выпал снег, а теперь неожиданно ударил

мороз, и всё вокруг: деверья, кустарники, скамейки – покрылись пеной сияющих алмазов. Полюбовавшись этой роскошью, Иван переключился на житейское: хорошо, что перед отъездом последовал приказ оставаться в зимнем обмундировании, чтобы не тащить лишнюю одежду с собой.

С Рамодановского вокзала перешли на Московский, там пробыли весь день. Обычно курсанты использовали любую возможность, чтобы поспать и набраться сил, а тут маялись от безделья – заснуть не получалось. Всем хотелось поскорее сесть в состав и ехать, ехать в Москву, в Ленинград! И Ванька впервые за военные годы, проведенные вдали от родителей, радовался тому, что отчаливает еще дальше от дома.

Как много прекрасного на свете...

Ваня Столбов почти на отлично окончил десятилетку и мечтал получить высшее образование, но он не надеялся поступить в университет, хотя его родители не из «бывших», не из кулаков. Отец до революции заведовал избой-читальней и возглавлял сельское общество трезвости, во время голода 1921 года помогал американской фирме АРА бороться с голодом в Поволжье, а потом снова занялся библиотечным делом. Мама работала фельдшерницей. Простая семья служащих, а в университет принимали исключительно детей пролетариев. Получается, если б не война, не попал бы Ваня Столбов в высшее заведение, не смог бы учиться дальше. Правда, в училище он оказался случайно. Перед самым выпуском из стрелковой школы заболел воспалением легких, попал в госпиталь. Пока лечился, товарищи полевой подготовке ушли на фронт.

В два часа ночи отряд из 15 человек погрузился в московский поезд. Состав еще не тронулся, а курсанты уже заняли полки и, бросив под головы рюкзаки, вытянули ноги. Ванька полез во внутренний карман и достал зачетную книжку. Она сама открылась там, где лежал крестик на суровой нитке. Парень накрыл его рукой и зажал в кулак и долго так сидел в раздумье, но надеть так и не решился...

14 марта в шесть часов утра прибыли в Москву. С Курского вокзала перешли на Ленинградский. Остановились в агитпункте, где пробыли весь следующий день. Курсанты сидели удрученные: начальник отделения никого с вокзала не отпустил, так что Москву посмотреть не удалось. В семь часов вечера погрузились в поезд. Ивана удивило, как быстро, без толчеи прошла посадка, да и вагон очень отличался от всех прежних: чисто, тепло, уютно, будто нет никакой войны...

В ночь на 16 марта были в Ленинграде. Спать совсем не хотелось: за окнами вокзала – Северная столица. Яркими огнями светился Московский вокзал.

Капитан ушел в училище договариваться о машине для перевозки вещей. Все ждали его с нетерпением: хотелось поскорее увидеть город. Наконец пришла машина, вещи погрузили. Четверым курсантам капитан приказал сесть в кузов для сопровождения, остальные должны были добираться до училища на трамвае.

Ваньке повезло – он ехал в освещенном трамвае, прильнув к окну и захлебываясь от счастья. До этого он видел трамвай только в кино и на

картинках, и ему казалось, что это вовсе не вагончик, а сказочный домик на колесах, спустившийся с небес и волшебным светом оживляющий спящие улицы: там, где проезжал дребезжащий трамвай, ночная мгла рассеивалась и открывался чудесный город...

Ленинград поразил Ивана громадными зданиями и длинными сооружениями, величием и имперской мощью. Понравилось и здание училища – красивый пятиэтажный дом с красным фасадом на внешнюю сторону улицы. В его большие окна уже заглядывало нетерпеливое солнце. Что там говорил Анастасий про весну и ее опознавательные знаки? Неужели и впрямь она протягивает сельскому мальчишке лучики поддержки?

Курсанты зашли в здание корпуса и застыли от изумления: огромный зал, паркетные полы, кругом зеркала. «Комнат всего 500, – сказал встречающий дежурный, – и еще зрительный зал на 2000 человек. Кино три раза в неделю, картины всегда новые. Совсем рядом фабрика «Ленфильм» – оттуда кино прямоком к нам везут!»

Это шутка? Но на расспросы сил уже не было...

На следующий день состоялась еще одна прогулка на трамвае: поехали в баню у Нарвских ворот. И это уже было сверхсчастьем. Дополнением к нему стал утренний поход в парк ЦПКО им. Кирова: нужно было срочно, пока не растаял снег, сдать нормы ГТО на лыжах. Для Ивана это не зачет, а развлечение. Лыжи были частью обыденной жизни: самодельные, широкие, они очень выручали зимой – как иначе преодолешь расстояние от одного конца села в другой, к колхозному коровнику, в лес за хворостом?

Потом начались занятия. По установленному распорядку училища потекла однообразная жизнь. Кроме строевой в конце марта добавилась подготовка к Первомайскому празднику. Маршировали на Ждановской набережной, на улице Горького, около училища.

Чтобы поближе познакомиться с городом, Иван использовал любую возможность вырваться из стен училища. Из Абабково продолжали прибывать отряды курсантов, и паренек рвался на вокзал на разгрузочные работы, а потом садился в кузов сопровождающим и любовался зданиями и памятниками.

Ванька видел, как сильно Ленинград пострадал от бомбежек и блокады. Еще не убраны были все

завалы разрушенных зданий, зияли раны домов. Особенно сжималось сердце при виде Исаакиевского собора: следы бомбежек были отчетливо видны на его колоннах и стенах. Но всё это не остужало любовь юноши к Северной столице. Приятно было смотреть, как жители каждый вечер, несмотря на усталость после долгого трудового дня, выходят на уборку улиц, радостно перекликаются и даже поют. На Ванькиных глазах преобразился Гостиный двор, а площадь перед Казанским собором с остатками грядок превратилась в газон. Никто не сомневался: еще немного, и раздастся глас Победы...

В напряженные училищные будни прокрадывались и праздники. 5 апреля состоялось общее построение на Ждановской набережной: генерал-лейтенант Кудрявцев вручил училищу боевое Красное знамя.

Вскоре Иван получил письмо из дома. Мама писала, что отыскалась ее подруга по фельдшерским курсам, которая после эвакуации вернулась с мужем в Ленинград, так что можно будет прийти к ним в гости, они живут на Лиговской.

Да это же здорово! Отличная новость: есть куда пойти в увольнительную...

От выходного дня Ивана отделяли всего лишь сутки, поэтому шесть часов тактики на Крестовском острове показались ему развлечением. Ясная весенняя погода, пьянящий воздух. Деревья еще черные, но не безобразно нагие, а живые: как говорил Анастасий, сквозят и дышат. Текут ручейки, на солнце отражается вода в болотцах... Вспомнилось пробуждение весны в родном селе. Какие приятные, оказывается, были хозяйственные заботы, какими здоровыми соками питали они тело! Как береза наливается весной лекарственным соком, так и жилы деревенского человека наполняются в эти дни немереной силой.

* * *

Курсант недолго плутал в поисках дома тётки Муси, а вот квартиру нашёл не сразу. Передняя была заколочена, он обошел дом с другой стороны. Торкался в коммуналки, похожие на муравейники, наконец увидел на двери нужную фамилию: Полетов. Иван подергал веревочку – раздался глухой звон колокольчика. Дверь открыла заспанная женщина в ярком атласном халате и распущенными волнистыми волосами до плеч.

– Молодой человек, вы, наверное, дверью ошиблись, – хмуро пробормотала она.

Парень вдруг осознал, что не знает полного имени маминой подруги. Пытаясь объяснить, кто он такой, он от волнения начал даже заикаться.

– А-а-а, сын Женевской! – Женщина окончательно проснулась.

Фамилию, которую она произнесла, Иван слышал впервые, но всё-таки зашёл в квартиру.

– Простите, не знаю, как обращаться... Мама не написала ваше отчество, – робко пробубнил он.

– Отчество! – с издёвкой хмыкнула хозяйка и указала рукой на дверь в гостиную. – Проходи, хватит топтаться и дрожать. Пойду чай поставлю, а то я еще не завтракала.

Иван снял сапоги, долго разматывал портянки. В гостиную прошлепал босой.

Огляделся. Просторная комната в два окна не выглядела уютной, хотя мебель была добротная, даже красивая. Слева от входа стоял черный кожаный диван – без салфеток и слоников, какие были в Ванином сельском доме. Зато у другой стены расположился лакированный сервант из красного дерева с дорогой посудой. Круглый стол был накрыт бархатной скатертью бордового цвета, а поверх лежала еще одна поменьше – белая.

В комнате не было ни одной кровати. Выходит, есть еще и спальня? Неслыханная роскошь для Ленинграда.

Вошла хозяйка с подносом, где стояли фарфоровый чайник, сахарница и две чашки. Она водрузила всё это на стол и, подняв пальчик, воскликнула: – О! У меня еще кое-что есть!

Вскоре в дополнение к чаю на столе оказались графинчик с прозрачной жидкостью, две рюмочки и тарелка с белым хлебом.

Иван вспомнил, как в стрелковой школе всё время хотел есть. Иногда отец вырывался в Инзу по делам и привозил сыну то селёдку, то картошечку, но уже через пару дней голод снова превращал желудок в неуправляемого монстра. Теперь курсант уже не голодал, но здесь перед ним на изящной тарелочке лежали белые ломтики настоящего белого хлеба, вкус которого давно забылся.

– Простите, я не пью! – Иван вздрогнул, когда Муся придвинула к нему полную рюмку. Он никогда не видел, чтобы его мама пила, да и отец употреблял лишь квас на меду от собственных пчёл.

– 50 грамм – не в счёт, исключительно для знакомства!

Иван понял, что эта женщина не терпит неповиновения и поднёс рюмку к губам. Жидкость была обжигающе противна, и юноша закашлялся.

– Хорошего парня воспитала Женевская! – Хозяйка рассмеялась и начала хлопать в ладоши. – Глоток, еще глоток, ну же!

Иван выпил. И тут его осенило: эта красивая молодая женщина не может быть маминной подругой и однокашницей! И фамилия Женевская не имеет отношения к их семье.

– Простите, я, кажется, ошибся, – с трудом выговорил паренек дрожащим голосом. От стыда и паники он готов был расплакаться. – Моя мама не Женевская...

Муся перестала улыбаться. Резким движением она отодвинула стул и вышла из комнаты. Вернулась с конвертом в руках, молча протянула его Ивану.

Это мамин почерк! И конвертик из голубой бумаги, которую она так берегла, был хорошо знаком. На нем было написано: «Ленинград. До востребования. Марии Нолетовой».

Иван совсем растерялся. В голове шумело.

Муся достала из кармана халата папироску и отошла к окну. Открыла форточку, закурила. Иван повернул голову в ее сторону и понял, почему комната показалась ему неудобной: на окнах не было занавесок.

– Мама твоя не знает моего отчества – мы, когда бестужевками были, друг друга по фамилии звали: она – Женевская, я – Лунберг. Муся Лунберг. Мы с Верой на курсе физиологии учились. Она

мечтала хирургом стать, а я... В моей шальной головке много глупых мыслей в то время роилось. Наша классная дама – мы ее считали страшной стервой – оказалась женщиной мудрой и дальновидной. Когда случилась революция, она сказала: хотите выжить – забудьте свои фамилии и найдите поскорее мужей из пролетариев. Я нашла такого, и он, к счастью, за каких-то десять лет превратился в директора завода. А вот маме твоей пришлось помываться по белу свету, и оказалась она в поволжской дыре, замужем за сельским библиотекарем.

– Мой отец очень порядочный человек! – не выдержал Иван.

– Ну и хорошо, я рада за подругу. – Муся присела к столу, налила в свою кружечку чай. Отхлебнула, поморщилась. – Остыл совсем. Не люблю холодный.

Она подвинула к себе графинчик, плеснула водку в рюмку, выпила, не чокаясь.

– Пойду, подогрею! – Взяла чайничек и ушла на кухню.

Иван сидел, прикованный к стулу страшным открытием: мама из «бывших», она всю жизнь лгала, говорила, что фельдшерица, а сама окончила Бестужевку! А подруга-то пьет...

Хозяйка вернулась без чайника.

– В 1918-м Вера бежала из Петрограда в Харьков: туда осенью 17-го года уехала ее мама – навестить родню. В 22-м году большевики заняли Харьков, и Вера решила вернуться в Петроград. Здесь, в лавре, похоронен ее отец. Елизавета Михайловна, твоя бабушка, осталась в Харькове, потом уехала в Варшаву, связь с ней прервалась. Верочка немислимыми путями добиралась сюда. Худая, без вещей, без денег. Я уже была замужем за Нолетовым. Дала ей денег, немного продуктов в дорогу и посадила в первый уходящий поезд. Мы договорились, что она, как только устроится, напишет мне до востребования. Первое письмо от нее пришло в 25-м году, она сообщила, что вышла замуж и ждет ребенка. И вот теперь, после эвакуации: я бродила по городу, считала разрушенные дома и забрела на почту, а там – письмо! Ты один в семье?

– Нет, – выдавил из себя Иван и добавил: – через год после меня родилась Люся, а в 35-м – Петя.

– Значит, родители счастливы... – Она снова наполнила рюмку и махом опрокинула ее, после чего отломала от белого ломтика маленький кусочек и проглотила. – Ты хлеб-то ешь, не стесняйся. Мы не бедствуем, живем в достатке. Только вот детей нет

и мужа своего я не люблю, а так – все замечательно.

Она откинулась на кожаную спинку стула и стала пристально рассматривать Ивана, который не знал, куда деть руки. Взять белый хлеб с тарелочки он постеснялся.

– Красивый парень у Верочки получился... Ну-ну, не тушуйся. Необычные у тебя глаза... Какого они цвета? Не голубые и не белесые, а... подтаившие льдинки.

Муся вытянула ноги под столом, и Ванька вдруг почувствовал, как она коснулась носочками его босых ног. Он вскочил, как ошпаренный.

– Я, пожалуй, пойду! – И ринулся в прихожую.

За его спиной послышался звонкий пьяный хохот.

Руки у Ивана тряслись, он впервые в жизни не мог замотать портянки как положено: не сделаешь аккуратно, заработаешь мозоли – попробуй потом выйти на строевую!

В проеме двери появилась Мария. Она уже не смеялась.

– Ну что ты, дурачок, сорвался? Подумал, что старая тетка к тебе пристаёт? Ну, выпила немного, решила пошутить. Со скуки чего не сделаешь. Тошно жить... – Она положила руку на косяк и уткнулась лицом в собственное плечо. – Вот видишь эти тапочки у порога? Мне блевать охота, когда я на них смотрю.

У Ивана похолодело в груди.

– Так нельзя жить... Это мука адская, – выдавил он из себя.

– Вот именно. Ты молодец, все понимаешь... Подожди! – она вдруг ожила, взмахнула руками и, пошатываясь, пошлепала в кухню. Вынесла маленький сверток. – Белый хлеб. Ты так и не попробовал. – И сунула Ивану в карман шинели.

Впереди был целый день увольнительной, но на улице косяком лил дождь, подгоняемый ветром. Погода не для прогулок. Иван ускорил шаг, чтобы не замерзнуть, но вскоре почувствовал озноб. Не хватало опять попасть в санчасть. Парень свернул под арку и забежал в первый попавшийся подъезд. От стены отделилась маленькая тень. Иван подумал – ребенок: шубка детская, подвязана тряпьем, валенки не по сезону, голова обмотана шарфом. Определить возраст ленинградец по глазам невозможно – у детей и старух одинаковый взгляд. Женщину выдал голос – глухой, тихий: «Как отоварю хлебушек, так сразу по привычке ем. Не могу дойти до квартиры. Вку-у-сны-ы-й... Не то что в блокаду». Теперь Иван разглядел у нее в руках, сложенных у груди, надкусанную четвертинку черного кирпичика. Женщина уткнулась в него носом и снова пропела: «Вку-у-сны-ый, настоя-ящи-и-й...» Иван вспомнил про Мусин гостинчик. Вынул из кармана газетный сверток и протянул блокаднице: «Кушайте на здоровье». И выскочил из подъезда.

Он почти бежал до училища. Бежал, смахивая с лица подсолненные дождевые капли и ругая себя: «Ванечкин ты, Ванечкин... Чуть что – сопли...» Ему нестерпимо жаль было и женщину-блокадницу, и непутевую Мусю. Но тощая, нищая ленинградка радуется черному хлебушку, увеличенной пайке, а мамина подруга, у которой все есть и которая даже в войну не знала голода, живет в аду. Почему? Что такое счастье и существует ли оно?

* * *

Через несколько дней, когда Столбов был в наряде, его вызвали в дежурку и сообщили, что к нему пришла тетя, и отпустили на полчаса.

Его ждала Мария. На ней было серое пальто, расклешенное в веер, на голове – черная бархатная шляпка с бантом. Голливудская актриса – не меньше!

Разговор не клеился: на КПП то и дело заглядывали курсанты – посмотреть на «иностранку». Мария извинилась за свое поведение во время первой встречи и просила не сообщать об этом подруге юности. Она была возбуждена, говорила сбивчиво:

– Верочка – самое дорогое, самое нежное воспоминание, это всё, что у меня осталось!

– Да я и не думал, я вообще... – пытался вставить Иван.

– Ты приходи, когда будет увольнительная, я покажу тебе город, свожу в музеи. Я ведь не выпивоха. Это так, баловство, попытка забыться... Супруг не позволяет, а я требую от его помощника: вези! У них на заводе полно спирта. Да и как не пить... Я дрянь... деток своих... зарезала подпольными абортками.

Иван почувствовал, что задыхается, и вот-вот потеряет сознание.

– Вы идите, я в наряде. Обещаю, приду обязательно, – умоляюще процедил он и отвернулся...

* * *

В ночь с восьмого на девятое мая в училище вздрогнул, зашипел, заурчал черный репродуктор, и вдруг раздался хорошо всем знакомый трубный голос Юрия Левитана:

– Подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась!

С минуту после этого сообщения в казарме стояла гробовая тишина, но потом так громыхнуло дружное ура! на всех этажах, что казалось, будто каменный корпус сдвинулся с места и поплыл по Неве...

Повезло тем, кому 9 мая выпала увольнительная. Счастливчики рассказывали потом, как Ленинград праздновал Победу: по набережным гуляла молодежь, незнакомые люди обнимали и поздравляли друг друга. Гармонисты – откуда их столько в городе! – играли, веселили народ, женщины исполняли частушки про убегающих фрицев. К вечеру на Дворцовой площади была сколочена сцена – здесь развернулся большой концерт. А ближе к ночи начался салют.

Всего этого Столбов не видел, но гул грандиозного праздника хорошо был слышен на КПП, где он в тот день дежурил.

Через три дня Иван получил увольнительную и решил воспользоваться приглашением Марии. Почему-то он привязался к этой женщине и чувствовал ответственность за нее, к тому же хотелось воспользоваться ее предложением и посетить самые интересные музеи.

Дверь открыл невысокого роста лысый мужчина с аккуратными усиками. Иван догадался:

9 мая

Нолетов. Начал объяснять, кто он такой, откуда знает Марию. Хозяин не проявил интереса к юноше. Крикнул: «Муся!» – и исчез в дальней комнате.

Иван остался в прихожей. Минуты тянулись долго. Наконец вышла Мария. В черном облегающем платье, с прибранными в тугой пучок волосами она походила на строгую учительницу и выглядела усталой.

– Проходи, не разувайся, – сказала просто.

Иван заартачился:

– Не-а... Вы это... Обещали в музей.

– В музей... – Она задумалась. – Открылась экспозиция о блокадном Ленинграде, но я туда не хочу и тебе не советую: все это очень страшно. Эрмитаж еще в Свердловске. А вот в галерею у Висячего сада можно сходить, там выставили картины, что хранились в бомбоубежище во время блокады. Что ж, пойдём в музей.

Она неохотно начала одеваться: взяла с полки свою великолепную шляпку из черного бархата, но, подержав в руках, положила обратно, вместо этого набросила на голову темный платок, на ноги надела резиновые ботики. Предметом роскоши остался лишь серый плащ веером.

Вышли во двор. Мария резко остановилась, развернулась лицом к Ивану.

– Ты такой правильный мальчик, вот скажи: как мне жить? Я уже не различаю, где добро, а где зло, – всё смешалось. Я труп?

– Не-е-ет, нет! Вы же осознаете, мучаетесь... Вы живая, настоящая!

– А знаешь что... В музей мы ходим позже, а сегодня... – Мусино настроение менялось в одно

мгновение. Она вскинула подбородок и первый раз за это утро улыбнулась. – Я могу показать нечто более для тебя важное. Шагом марш, курсант! – скомандовала уже совсем весело.

Они направились по Невскому. Иван поддерживал даму под руку. У Московского вокзала он замедлил шаг.

– Куда мы всё-таки идем?

Мария выдержала театральную паузу.

– Мы идем... на могилу твоего деда!

Парень замер и молча таращил на спутницу глазами с подтаявшими льдинками.

– Ну чего встал как вкопанный? – Мария подтолкнула Ивана вперед.

У надвратного храма Александро-Невской лавры она пояснила:

– Тут сразу Лазаревское кладбище, а нам надо за мосток и дальше – на Никольское. Там и церковь Никольская – недавно открыли. Я тут часто бываю.

На территории лавры они повернули налево, обогнули кладбищенскую контору.

Кладбище, заваленное осколками памятников, выглядело уныло. У одной из могил копошился седой старик в грязной рясе – пытался поставить свежий крест в небольшое углубление.

– Помочь? – спросил Иван и, бросив спутницу, поспешил к священнику.

Тот поднял голову. Глаза его молодо светились, губы расплылись в улыбке.

– Тебя как величают?

– Иван.

– Иоанн, значит. Давай подсобляй. Держи крест прямо, а я стукну обухом сверху, чтоб в землю

вошел. Вот так! Вместе вона как легко работать...

Мария осталась в стороне, она обходила могилы, всматриваясь в сохранившиеся таблички.

Мужчины установили крест, и священник присел на треснутую надгробную плиту.

– Я когда обнаружил, что на кладбище все кресты сожжены в блокаду, придумал сам себе послушание: колотить и заново ставить. Мраморные плиты разбиты снарядами, а деревянные скошены. Вот и лежат православные, стонут без крестов. – Он достал кисет, скрутил папироску из клочка газеты, закурил. – Видишь, рясу надел, а от гнусной фронтовой привычки никак не могу избавиться. Ты воевал?

Иван стыдливо пожал плечами:

– С 43-го года призван, и все учусь. Зачем – сам не знаю. На войне человек не волен. Не лежит душа к военному делу. У меня склад ума другой.

– Какой же? – фронтовик в рясе курил и улыбался.

– К литературе, истории. У меня папа библиотекарь и мама... – Ванька сделал глубокий вздох и на выдохе признался: – Бестужевские курсы окончила. Какой из меня военный? Мне в училище бабское прозвище дали: Ванечкин. Моя настоящая фамилия – Столбов!

– Ничего, еще застолбишь свою фамилию.

К ним подошла Мария. Священник быстро пошутил папироску, вскочил, поклонился:

– Олег, – и быстро поправил себя: – Отец Олег.

– Муся, – томно представилась дама. – Коли вы священник, так, может, литию прочтете по его деду? – Она вытянула пальчик в перчатке, указывая на Ивана.

– Ну что ж, заслужили! – Священник улыбался бережно, светло. – Показывайте, куда идти.

Могилу нашли быстро: в отличие от многих других, теперь уже безымянных захоронений, лишившихся в блокаду деревянных крестов, надгробная мраморная плита почти не пострадала – отколот был только верх, а табличка сохранилась: «Врач Василий Григорьевич Женевский. 11.03.1869–23.04.1914».

– Надо же! Ему было столько же, как мне сейчас, – тихо произнесла Муся.

Отец Олег читал очень душевно. Странно: Иван никогда не видел деда, но во время литии воскресла живая память, и утраченный след обрел зримые дедовы черты, даже морщины, коих не могло быть 30 лет назад, но ведь перед взором внука встал дед сегодняшний! Волна эмоций набирала силу и, наконец, накатила девятим валом на Ивана – он едва удержался на ногах, а священник уже начал петь «Со святыми упокой...». Тьма утрат рассеялась, на душе посветлело.

Закончив читать, священник снова озарил парня светлой улыбкой:

– А знаешь, брат, тут скоро богословско-пастырские курсы откроются. Пойдешь? Владыка Григорий Чуков специально приехал в Ленинград решать этот вопрос. Я тоже собираюсь учиться.

– Вы-ы-ы? Так... это... вы...

– Ты, батюшка, не слишком ли старый для учебы? – прервала Муся бляенье Ивана.

– Думаете, седой, значит, дед? Да я помладше вас, дамочка. – Священник не обиделся – рассмеялся.

– В один миг поседел. В прошлом году живьем в ад попал во время танковой атаки – тут, под Ленинградом. Фрицы с таким остервенением дрались, отступая. А когда прорывались на танках к нашим окопам, утюжили, не жалея. Я стреляю из противотанкового оружия, а фашист едет на меня! Окоп оседает, танк ревет... И оказался я под ним. Чувствую, как он ворочается и меня землей засыпает. Страшно? Не то слово! Ужас, когда тебя заживо хоронят и при этом гусеница разрезает тело на части. – В этом месте фронтовик лишь на миг посуровел лицом и снова ободрил себя задорной улыбкой. – И вспомнил я, как бабушка, провожая, наставляла: «В минуты опасности читай Иисусову молитву и Богородицу». И я начал! Читайте и вдруг чувствую страх не перед танком, а перед Богом: каков я мерзавец! И с этим страхом потерял сознание. А потом выяснилось, что наши этот танк подбили, и ребята меня откопали. Вот так я воскрес, весь седой в 30 лет, и решил подаренные Богом дни Ему посвятить. Вот так-то, Иоанн!

Муся достала из сумочки две папироски, одну подала фронтовику. Он зажег спичку, поднес сначала женщине, потом закурил сам.

– Вот ты, батюшка, оказавшись под танком, осознал свою мерзость, так? – На Мусиной переносице обозначилась суровая морщинка. – А если я понимаю, в каком глубоком окопе грехов оказалась, могу ли я надеяться, что Бог меня спасет?

– А ты Его молила об этом? – священник-фронтовик спросил строго, но снова расплылся в ободряющей улыбке.

– У меня друг был в училище под Горьким, – невпопад встрял Иван, – монах Анастасий. Его били – он вставал, в него стреляли – воскресал. Он меня тоже Иоанном называл...

Курсант и сам не понимал, зачем сказал про монаха. Просто захотелось. Рассказ фронтовика пробудил дорогие сердцу воспоминания.

– Вы идите, я догоню! – Иван махнул новым друзьям.

Батюшка положил лопату на левое плечо, в правую руку взял топор и направился к монастырским корпусам. Муся засемила за ним, продолжая о чем-то спрашивать.

Ванька полез во внутренний карман за зачеткой, извлек крестик и аккуратно, не торопясь надел на шею, перекрестился. Запрокинул голову вверх и посмотрел на небо сквозь прищур, как учила мама. До войны, когда они всей семьей усаживались на скамью возле палисадника, мама Вера командовала: «А теперь подняли головы и прищурились, чтобы увидеть небо в алмазах. И загадываем желания!»

Что же загадать?

Пусть эта весна, по слову Анастасия, укажет путь и душа узнает Божий замысел о себе.

Резвые облачка умчались вдаль, выглянуло помолодевшее солнце.

Р. С. 14 октября 1946 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Иоанн Столбов в качестве студента первой ступени присутствовал на торжественном открытии Ленинградских духовных школ и слушал приветственное выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I.

Елена ТОКАРЧУК (1976–2007), поэт, член Российского союза профессиональных литераторов. Автор книг «У заплаканных зеркал», «В молитве лунных волн», «Мистерия Солнца», «Крылья моей души», «Трава рождения», «Святорусье», «Иероглиф жизни» и др.

«Несмотря на количество лет, прошедших после жизни поэта, творчество Елены Токарчук продолжает жить и питать любовью к поэзии, к душе человеческой и красоте мира многих читателей».

ПРЕТЕРПЕВШИЙ ВСЮ БОЛЬ – СПАСЁТСЯ

*Главк, до поры лишь,
покуда сражается, дорог наёмник.
Архилох, V в. до н.э.*

А если не воины все мы, то кто же?
Покуда сражаемся, тёмных борцов
Лишая оружия, чётче и строже
В себе открываем способность отцов.

Лишая оружия гневных и тёмных
В холодных окопах, в горячей крови...
Покуда сражается, дорог наёмник.
Упавшему – нет благодарной любви.

Не жалко, что даром потрачена сила.
Что мир на кого-то из жителей пуст.
Как будто бы гибель волною скосила
Совсем неживое – без мыслей и чувств.

Покуда сражается, дорог наёмник.
И каждый сражается в этой войне.
Но вспомни о мире, пожалуйста, вспомни.
И праздник наступит в обыденном дне.

Ты станешь крылатым. Ты скажешь к тому же:
– Концу не подвластна святая душа.
И то, что внутри нас, и то, что снаружи,
Воюет, воюет, друг друга круша...

Войною, водою живёшь неживою,
И пьёшь ты, и ешь, опершись на копьё,
Но может копьё превратиться в секвойю,
И вот оно, вот оно счастье твоё!

Не нужно сражаться за пищу и воздух.
Продлённости хватит. И мы не умрём.
И зреть можно ясно, и жить можно просто.
Цветёт созиданье, разрушен разгром.

Себя забываешь. Весенним разливом
Означен землянин в целебном труде.
И кроме него его сделать счастливым
Не мог бы никто, никогда и нигде.

12 сентября – 5 ноября 1997 г.

Постигни таинство времён! –
Сказал собрату Чаадаев.
Ах, Пушкин, ты же так умён!
Скажи: за что мы все страдаем?

И злые демоны судьбы
Устраивают нам засады.
И мы – сомнения рабы –
Влачить житьё своё не рады.

Скажи нам, как построить дом –
Кусочек солнечной вселенной,
Родить когда-нибудь потом
Дитя материи нетленной,

Прийти и дерево взрастить
Как символ внутреннего роста,
И нить – спасительную нить –
От сердца – к тем, кому непросто?

8 августа 2002 г.

*И Запада нет, и Востока нет,
когда наступает последний день.
Редьярд Киплинг*

Скользя по реке Мироздания,
Мы верим в одни постулаты.
И нету чужого страдания,
Чужого греха и расплаты.

И Запада нет, и Востока,
Когда наступает прощанье.
Когда у святого истока
Даём мы себе обещанье

Сойтись в том последнем мгновенье,
Спасая живые богатства,
И черпать своё вдохновенье
Из слёз осознания братства.

7 марта 2002 г.

* * *

Г.Ф. Миронову

ПОБЕДА

Поклоняюсь **Роднику, Рожденью, Роду,**
Славлю **Родину, Природу и Народ.**
Отличает нашу русскую **породу**
Изначальная любовь к основе **«род».**

Чту **родителей,** поместье **родовое** –
Как зеницу ясно око – берегу,
Укрепляю и лелею всё живое
На **родимом, урожайном** берегу.

7 октября 2006 г. – 12 марта 2007 г.

ПОКОЛЕНИЮ ВОЙНЫ

1

– Покой и мир земле вернули,
Сгорая в горе и в огне.
Я слушаю рассказ бабули
О жизни, смерти – о войне.

Её двойнёвая сестрица
В бою отпор давала злу.
А бабушке пришлось трудиться
Не покладая рук в тылу.

Тяжёлый труд, бои и пытки
В глазах встают в один момент.
И добрословные открытки
Им лично пишет президент.

А мы склонимся к доброй славе,
К отваге близких нам людей.
И благодарностью избавим
От всех печалей и скорбей.

2

Мы не знаем голода и страха.
Им же их изведать довелось.
Их расцвет – из гибели и краха
Всех надежд, из горечи и слёз.

Не сложилось счастье в личной жизни,
Забрала любимых та война.
Но они верны своей Отчизне
И судьбе, что свыше им дана.

Им достался пыльный мол мучели
И отвар из пряной лебеды.
А они смеялись, жили, пели
Даже за два шага до беды.

Эти жертвы были не напрасны:
Из Берлина пешим, наконец,
В день счастливый, солнечный и ясный
К ним пришёл с Победою отец.

Зашивая жалобы и раны,
Брали волю к жизни от земли,
Чтобы мы их чаянья и планы
Воплотить когда-нибудь смогли.

1.07 – 8.08.2005 г.

Мы победили в той войне врага
Хоть дорогой ценой далась победа.
Нам помогали вьюги и снега,
И скрытых знаний внутренняя веда,

И ожиданье близких и родных,
И вера в свой народ, в свою Россию,
В тот чистый, в тот целительный родник,
Что после битв давал нам жизни силу...

* * *

1

Каждый мнит себя стратегом,
Видя бой издалека.
Под лебяжье-белым снегом
Льётся алая река.

Льются слёзные молитвы,
Пули, грозные ножи.
Тот, кто видел ужас битвы
Больше славы ценит жизнь.

29 января 1995 г.
г. Уральск

2

Нет, войнам не найти ни объясненья, ни вины.
В чём виноваты беженцы,
слеза каких искрится,
И доблестные мальчики – российские сыны,
Погибшие с улыбкою на лицах?!

29 января 1995 г.
г. Уральск

* * *

С души, с Земли стирают – с карты –
Сады, мечети и дворцы.
Кричите, плачьте, пойте, барды,
Цари, герои и жрецы.

Все Посвящённые, Адепты,
Вставайте за покой и мир!
От каждой – даже малой лепты –
Зависит весь наземный пир.

И жизнь всего земного шара
В руках у каждого из нас.
Спасём же Землю от пожара,
Творя молитву и намаз.

Святые книги и музеи
Спасём для будущих времён!
Для новой творческой идеи,
Для славных жизней и имён.

Не будем угрожать друг другу
Срубая ветку под собой.
По сердцу – внутреннему стуку –
Единство душ прочтёт любой.

19.03.2003 г.

* * *

На улице горел автомобиль.
Наверное, водитель был курящим...
И кто-то из мальчишек протрубил:
«Давайте мы песка к нему натащим.

Потушим убивающий костёр,
И это нам по мужеству экзамен».
Другие времена втекут во двор
И шлангами зальют горящий пламень.

А я бросаю горсть песка любви
В горящую машину Мироздания.
Пусть в копоти, ожогах и крови,
Но тут не отмахнуться от задания.

Тушу пожар агрессии людской,
В терпимости, молитве и надежде.
Пребудьте с нами счастье и покой
Как в древности, как ранее, как прежде!

5 мая 1999 г.

* * *

Святорусь, Беларусь, Малорусь –
В каждом слове – сияние «руса»*.
Здравствуй, здравствуй, родная ведрусь** –
Дед Петруся и баба Маруся!

Вышью золотом синий убрус
Для защиты своей Русколани.
Святорусь, Беларусь, Малорусь,
Не платите врагам своим дани.

Лучше смерть, нежели жизнь в кабале
Вавилонско-хазарско-монгольской.
Мы водили на нашей земле
Хороводы под белой берёзкой.

Богумир, и Оседень, и Бус
Поднимали наш люд над болотом.
Святорусь, Беларусь, Малорусь,
Поклонитесь своим соколтам***.

Вылетайте на синий простор
Гуси-лебеди, лебеди-гуси.
Как нам трудно без наших сестёр
Малорусии и Беларуси!

Нелегко в одиночку держать
На плечах своих тучное небо,
Пусть златится любви урожай!
Всем нам хватит и соли, и хлеба!..

*Рус (руш) – санскритское – свет, белый свет, бытие.
**Ведрусь – древние русы, народ, состоящий из ведов
и русов.

*** Соколты – самоназвание скифов, у Геродота
прописано как «сколоты».

11 февраля 2007 г.

* * *

На небе мало
Отрицательных планет.
Но я не знала,
Что тебя на небе нет.
Мне нужен свет,
А жизнь лиха
И мир един.
Голодный век,
Болезнь греха
И карантин.

Я заблудилась где-нибудь
От злых дорог.
Мне нужен стих,
Мне нужен путь,
Мне нужен Бог!..
И что не высказал –
Оставь, перемолчи.
Мы так изысканно
Расстанемся в ночи.

Последний вздох
И я – умру.
Мне нужен Бог
В больном миру!
И Солнце помнит
Наперёд,
Что он придёт!

1 ноября 1991 г.
г. Уральск

* * *

Претерпевший всю боль – спасётся.
Но не присно* спастись Мессии.
Не имеешь характер Солнца –
Значит, лучше не жить в России.

*Присно – всегда.

16 мая 1991 г.

РЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

Татьяна АЛИСЕВИЧ, филолог, литературовед. Дочь известного ульяновского писателя Андрея Ивановича Царева. Автор статей, очерков, эссе, опубликованных в федеральных и региональных периодических изданиях. Награждена знаком «За достижения в культуре» Министерства культуры РФ, памятной медалью «200 лет со дня рождения И.А. Гончарова».

РАССЫПАННЫЕ БУСЫ

Страницы из книги «Очень личные истории»

Дом за миллиард

Когда появился на тихой городской улице, плавно повторяющей волжский изгиб, недалеко от которого и параллельно которому она и пролегала, этот дом? Был ли он уже во времена нашей общей и вроде бы недавней молодости, тех, кто мог бы это вспомнить сегодня? И почему он вдруг именно не так давно обнаружил своё существование для меня? И почему привлѣк настойчивое внимание, стал навязчивым символом какой-то тайны, находящейся совсем рядом?

Однажды летом дом, как бы играючи, приоткрылся со стороны парка. Казалось, он нарочно заставил лёгкий ветер раздвинуть ветки старых вязов и тополей и выглянул из-за них, прищуриваясь от солнца. Виднелась только верхняя часть боковой стены с наглухо заложенными кирпичом двумя высокими и узкими окнами. Спрятались, укрылись от любопытных взглядов жильцы этого дома? И как давно это было сделано? Вынужденно ли? Какие происшествя послужили причиной? Да и обитаем ли он? Стена стала непроницаемой и ещё более добавляла к облику дома таинственности.

Профиль дома совсем неожиданно нарисовался за высоким и глухим забором парка и, очевидно, двора этого дома. Только из парка и можно было его

разглядеть – и то не весь, далеко не весь, а с улицы дом и вовсе не виден, только мерцает где-то между высокими деревьями нежно – зеленовато-голубоватая его крыша с такого же цвета коленом водосточной трубы да лимонная дымка стен сквозит в густой листве.

Классической прямоугольной формы, компактный, двухэтажный, каменный (среди низких деревянных!), этот дом скрылся от уличной дороги в глубине парка. Может быть, он когда-то и был его частью? Никакого намёка на сад с ухоженными яблонями. Обитатели дома явно довольствовались «просто деревьями», со временем ставшими уютным укрытием не только от капризов симбирской погоды, но и от досужих прохожих.

Уйдя вглубь от улицы, стремясь распахнуться окнами навстречу реке и заволжскому, вдаль уводящему взгляд пейзажу, дом оказался совсем рядом с опасной крутизной склона. И весь этот склон, с какими-то проложенными и ухоженными аллеями, цветами и скамейками вдоль них, летом – ослепительными бликами огромной акватории, которую ничто не загораживало здесь, с оглушительным пением птиц по весне, помрачнел, превратился в бурелом. Старые деревья разрослись, некоторые повалились, устав сдерживать корнями ползущую вниз почву, а уцелевшие из них напоминали окаменевших, вросших в землю многоруких великанов. В таких окрестностях дом выглядел заброшенной усадьбой.

Правда, как раз со стороны улицы всё было в порядке. Нарядный модный забор, красивый фонарь у калитки. Да и сама улица... Тихая, зелёная, сбросившая с себя старую одеревеневшую кожу, помолодевшая от новых аккуратных застроек и при этом чудом сохранившая свой узнаваемый облик.

– Что, жилой ли это дом? – при случае и почему-то волнуясь, поинтересовалась я у работников парка.

– Жилой, – равнодушно ответили они. – Да его, кажется, продают. И засмеялись: наверно, миллиард стоит, можете купить.

Явно в их глазах я не выглядела миллиардершей. Действительно, на калитке дома висело объявление о его продаже. Кто же его продаёт? Один ли у него хозяин? Или несколько домовладельцев решили это сообща? Я постаралась представить, как же дом обустроен внутри.

Он не похож на новостройный замок, каких теперь немало в нашем городе. А если дом старинный, то как его приспособили к современному проживанию? И кто мог владеть им раньше?

С другой боковой стены дома окна были сохранены – они выходили на соседнюю усадьбу, двор низкого, вытянутого в длину единственного оставшегося на улице деревянного строения. В окнах курчавились лёгкие занавески. Но нижний этаж был не виден.

Из-за плотного забора раздавались странные однообразные звуки. То ли человек, то ли птица издавали их. Они были непонятные и тревожные. Я остановилась, хотя не желала привлечь к себе ничьё внимание. Вскоре я увидела промелькнувшего человека в калитке со стороны парка (что это? тайный выход? или просто запасной? рабочая зона

территории дома?). Человек сгребал мусор и громко что-то произносил. Слов разобрать было нельзя. Только глухонемые так разговаривают громко и невнятно. Был ли это привычный монолог человека, погружённого в себя, или диалог с кем-то невидимым мне? Вряд ли это был хозяин загадочного дома, а глухонемой работник всегда наводит на размышления. Конечно, всему этому можно найти внятные объяснения, но тайна почему-то едва ощутимым флёром покрывала и дом и всё, что происходило вокруг него. А что происходило в самом доме?

Стараясь отделаться от навязчивых фантазий и всё же блуждая неподалёку от объекта этих фантазий, я рискнула спуститься по заброшенной каменной лестнице, некогда оживлённой (это был один из популярных спусков на волжский пляж). Прохладно и сумрачно было на ступенях. Солнце оставалось где-то наверху, изредка прорезывая лучом упругую подвижную массу листьев высоких деревьев. Запустение царило вокруг. Природа резко и как-то насмешливо заполняла бывшее облагороженное пространство.

– Вы не боитесь гулять здесь? – неожиданно совсем рядом окликнул меня мужской голос. Я совершенно не слышала шагов за спиной, и это мне не понравилось.

– А вы? – нелюбезно отозвалась я.

– Мне нечего бояться, я здесь живу, – пожал плечами разговорчивый товарищ.

– Здесь? – насмешливо указала я на заросшие лужайки и замусоренные редкие тропинки.

– Нет, в нормальном доме, чуть-чуть повыше, – ответил он чересчур серьёзно.

Как я боюсь серьёзных людей! Я не знаю, как себя с ними вести и поэтому веду неестественно.

Незнакомец, как пишут в романах, был примерно одного со мной возраста. Понятно, почему он с такой простотой обратился ко мне. Нас, ровесников, с каждым годом всё меньше, и незаметно мы становимся почти родственниками.

– Как вас зовут? – что-то толкнуло меня спросить легко, как если бы моему собеседнику было семнадцать, а мне, ну, хотя бы восемнадцать лет.

– Виктор, – ответил он, неуверенно настраиваясь на лёгкость дальнейшего разговора. Конечно, он имел полное право сказать, например, «Виктор Петрович», но он так не сказал.

– О! Победитель! Вы – победитель! – шутливо сказала я, не удивляясь совпадению 40-летней давности. Известно, что история, даже личная, повторяется.

Мы прошли вниз ещё несколько ступенек.

– А как ваше имя, позвольте спросить? – всё ещё церемонно обратился он ко мне.

Всегда затрудняюсь ответить на этот простой вопрос в такой ситуации. Имя и отчество сразу задают слишком официальный тон. Полное моё имя всегда мне казалось чересчур резким. Другое дело – уменьшительное, звучащее коротко и звонко, как неожиданная капля среди зимы. Но я не решилась на оттепель. Мало ли что!

– Вы помните, что раньше здесь было всё иначе? – спросил меня Виктор строго, как будто я муниципальная служащая, ответственная за состояние парков. Впрочем, и правда, доля ответственности, наверно, есть у каждого здесь живущего.

– Конечно, помню. Здесь было весело, красиво, шумно и... молодо, – ответила я довольно безжалостно, покосившись на спутника. – Здесь, внизу, стояло колесо обозрения, и с него было видно всё Заволжье. А ещё – неподалёку – кафе, конечно, «Вишенка» – как же иначе среди вишнёвых садов!

– А ещё бильярдная, – раздумчиво казал Виктор.

– А ещё танцевальная площадка с живой музыкой. Правда, я там ни разу не танцевала.

– А ещё зимний зал для вечеров. Но вы это, наверно, не можете помнить.

– Это я-то? – воскликнула я запальчиво, обижаясь за свою память.

Но нет, это явная провокация, сказать, сколько мне лет сразу или... может быть, это лукавый комплимент? А может быть, проверка самого себя? Погодите-погодите... А если... Нет, конечно, нет, таких совпадений не бывает, да и слишком давно был тот зимний вечер, в том самом зимнем зале, куда мы забежали с подружкой погреться и чуть-чуть послушать музыкантов, а одному из них подружке надо было обязательно помахать рукой. – Можно ли пригласить танцевать? – Нет, мы спешим: у нас сессия и завтра экзамен. – Экзамен подождёт? – Конечно, но жаль стипендии. – Встретиться после? – Вполне возможно! Как в песне – на том же месте, в тот же час?

Как всегда, в неподходящее время у меня рвётся нитка бус. В толчее, среди множества пар танцующих ног мой возможный кавалер пытается их собрать. Одну сверкающую бусину модного тогда

чешского стекла незаметно, как ему кажется, зажимает в ладони, другие сыпает мне в сумку. До завтра? Непременно, мой юный друг!

– Как вас зовут? – неожиданно для себя заинтересованно спрашиваю я на правах, несомненно, старшей.

– Виктор, а можно узнать ваше имя?

– Завтра. Вы узнаете завтра.

Наверняка у меня выскочила фраза из какого-то романа, которых множество было прочитано хотя бы по диагонали к экзамену.

Что значит в этом случае «завтра» в восемнадцать лет? К сожалению, очень часто – «никогда». Жизнь слишком стремительна, слишком богата на события, слишком щедрa на встречи.

Надеюсь, что спрятанная переливающаяся радужная бусина будет иногда напоминать о чём-то приятном – о музыке, запахе духов, открывающейся входной двери с густым облаком свежего морозного воздуха и исчезающей в темноте зимнего вечера девичьей фигурке в коротком пальто и вязаной шапочке с длинными ушками.

Рассыпанные бусы я так и не удосужилась перенести, потом они вышли из моды и со временем куда-то подевались.

– Так вы говорите, что живёте рядом с парком? – спросила я, потому что надо было что-то спросить.

– Да, вернее, жил. Я давно уехал отсюда. Так сложилось... Сначала армия, потом учёба, потом распределение... далеко. Потом 90-е, не было никакой возможности... Я приехал ненадолго, но вот застрял, думаю, может быть, вернуться, да здесь дом совсем рядом продают, такой примечательный дом...

– Это тот, на обрыве? Мне он нравится, – сказала я как – будто фразой из какой-то пьесы. Да, наверно, Сухово-Кобылина. Ужас, ничего естественного, ничего своего.

– Вы тоже хотите его купить? – вдруг заволновался Виктор, по возрасту и, наверно, положению должный быть человеком непременно с отчеством.

Конечно, сегодня некоммерческий интерес, по крайней мере, смешон. Как можно *просто* интересоваться? Зачем?

– Возможно, – уклончиво ответила я.

– Значит, у меня появляются конкуренты... – задумчиво сказал Виктор, человек с предполагаемым отчеством. – Вы уже смотрели дом? Вы обговоривали условия?

Я могла только *вообразить* себя владелицей. Что бы я делала с этим домом? Даже если бы у меня были деньги. Дом перестал бы быть мифом и символом. Он перестал бы волновать воображение, не стал порождать неясные образы, какие-то воспоминания о событиях, вряд ли происходивших в действительности. Моя жизнь потеряла бы даже остатки красок фантазии и навсегда померкла в хозяйственных заботах.

– Вы здесь жили недалеко, я даже представляю где, этих домов уже давно нет. И вы, наверно, ещё школьником бегали в парк, в этот самый зимний танцевальный зал, хотя это громко сказано? Вам, наверно, очень хотелось быть взрослым? – решила я переменить тему.

– Я уже так давно взрослый, – ответил мой спутник – что плохо это помню, это желание быть взрослым. Я был там несколько раз, правда, мы ходили с другом, – он помолчал.

– Знаете, однажды была совершенно случайная встреча, а вот помню... девочку, какая-то другая мне показалась, чем все там. Я понял потом – она пришла не танцевать, никого не искать, у неё в глазах было *другое*. Зачем она приходила? И тут же ушла.

– А вы, вы приходили ещё, вы больше не встречали её? – почему-то упавшим голосом спросила я.

– Я негодаю, я назначил ей встречу на другой день и не пришёл. Я испугался, что это *другое* мне только почудилось. Наверно, я просто не был взрослым. Я даже не узнал её имени, а возможно, её звали, как и вас, – улыбнулся он, достал и тут же спрятал сигареты. – По крайней мере, мне бы так хотелось.

– Стараюсь не курить, – заметил он мой взгляд. – Так как же дом? У вас серьёзные намерения?

– Я ещё не решила, – стоически выдумывала я. Очевидно, детские фантазии никогда не покинут меня.

– Вот мой телефон, если появятся вопросы, – он написал номер на сигаретной пачке. – Давайте подниматься наверх, мне, к сожалению, нужно идти, а одной вам здесь неуютно.

Мы поднялись не по лестнице, а по заброшенной, почти уже сплошь покрытой кленовой порослью дорожке. Загадочный дом смутно виднелся сбоку среди деревьев. Не разглядеть было и окон фасада.

Дом не должен обмануть ожидания. Он зачем-то нужен каждому из нас. Каждому по-своему.

Выйдя из парка, мы попрощались. Пройдя далеко вперёд, я достала из сумки оторванный от сигаретной пачки клочок с телефонным номером. Что мне с ним делать?

За далью непогоды...

За окном оглушительно шумела сухими листьями осенняя ночь. В такие ночи хорошо спится молодым людям и совсем не спится тем, кому за... страшно сказать... Но в бессоннице есть много преимуществ – много чудес природы, много жутковато-таинственного и даже совсем inferнального можно увидеть, если вглядываться в ночное небо. И небеса снисходительно позволяют прикоснуться к своим тайнам. Они говорят с тобой на своём языке. О, если сумеешь понять этот язык...

Ночь, несмотря на крепкий ветер, была тёплой. Понятно, что это была последняя тёплая ночь перед ненастьем. Сколько уже было их, этих последних тёплых ночей в жизни! Какие-то из них совсем не замечались. Какие-то вызывали удивление. К каким-то испытывалась благодарность за подаренное напоследок тепло. Впрочем, всё это возрастные ступеньки, не более...

Вот и сейчас молодежавый ещё мужчина, который никак не мог привыкнуть, что он далеко не млад, стоял у окна, которое пришлось с усилием закрыть от пружинистого потока воздуха, моментально заполнившего комнату.

Он видел, как подсвеченные уличными фонарями, сверкали в ночи золотыми искрами тонкие листья и взвихренные ветром исчезали высоко в чёрном небе. Ему снова захотелось открыть окно и подставить лицо этому сильному и тёплому воздушному потоку, ощутить себя внутри него, как это бывало когда-то, когда он, молодой, только ещё возвращался в такие ночи откуда-нибудь домой.

Но в чуть приоткрытое окно тотчас полетела лиственная взвесь, и его снова пришлось закрыть, приглушив и сильный шум ветра. Только вряд ли удастся уснуть. – «Это всё к перемене погоды», – досадливо подумал он. Мужчина продолжал вглядываться в ночную улицу за окном, на которой деревья стремительно освобождались от потрёпанной за лето одежды. И тополь, и липа под окном стояли уже почти совсем оголённые, под напором ветра то и дело касаясь друг друга обнажёнными ветвями.

– Тьфу, чёрт, настоящий шабаш, – сказал мужчина, но продолжал стоять у окна.

– Ты не спишь? – жена вошла в его комнату.

Они уже давно освоили в квартире собственные территории, испытывая друг к другу странные чувства привязанности и отчуждения. По крайней мере, мужчина уже не мог представить кого-то другого рядом с собой и в то же время воспринимал жену только на расстоянии.

– А ты? – спросил он. – Просто шумит ветер, не спится...

– Я тоже не сплю. – Она вопросительно посмотрела на мужа, как бы спрашивая разрешения побыть рядом.

На ней был махровый халат нежно-розового цвета, который он купил ей как-то уже давно и который она ни за что не хотела менять на новый.

Они оба курили, и мужчина ничего не сказал жене, когда она достала из пачки тонкую сигарету. Он понимал всю её давнюю историю с сигаретами, хотя они никогда не говорили об этом. Вернее, он чувствовал свою вину за это её пристрастие. Да, в этом была замешана другая женщина, но, чёрт побери, каждый должен жить своим умом! Почему жена восприняла так буквально, о чём он рассказывал давным-давно? Да и рассказывать-то было не о чем так, юношеские переживания о несостоявшейся его любви. Просто она была внимательным слушателем, а его мучило это наваждение, этот женский образ, который, скорее всего, он сам себе придумал. Но зачем ей надо было взяться подражать этому полупридуманному образу?

Мужчина взглянул на жену, испытав опять смешанные чувства. Её кротость всегда обезоруживала его, раздражение сменялось жалостью, желанием что-то изменить в её монотонной жизни. Он сам убеждал себя, что главная ценность их совместного существования в том, что они принимают друг друга такими, как они есть. Или всё таки в том, что она безоговорочно принимает?

В располневшей с возрастом жене он пытался увидеть милое светловолосое создание, какой она была во времена их знакомства.

– Пожалуй, я выпью кофе, – пробормотал мужчина, направляясь в кухню. – Посмотри, что делается на улице, хорошо, что мы дома.

Жена осталась в его комнате, поняв, что мужу

хочется побыть одному, как часто бывает, особенно за последнее время. В молодости она мучительно переживала эти его уходы в себя. Да и сейчас было обидно, она знала, что стоит за этим – это его навязание, это его неутолённое сильное чувство. Но ей казалось, что она делает всё, чтобы он забыл об этом, вытеснил этот образ из своей памяти. Вот и эти сигареты ... Начала с отвращением курить, когда он упомянул, как ему нравилось это в той неведомой его возлюбленной. Не заметила, как привыкла. Зачем?

И зачем он так много рассказывал ей о своём полудетском чувстве и почему оно его не отпускает всю их уже долгую друг с другом жизнь? Она взглянула в окно, на ночное небо, по которому торопливо, тесня друг друга, летели светлые облака. «Вот и совсем осень, – грустно подумалось ей. – А завтра и вовсе похолодает».

Ярко, тяжёлым неровным золотым слитком проступила сквозь облака луна. Ей показалось это хорошим знаком. «Но ведь именно со мной он живёт всю жизнь», – убеждала она сама себя. Но также и понимала, что когда-то возлюбленная её мужа предпочла ему другого, вот и всё.

Мужчина пил кофе и был благодарен жене за то, что она не пошла за ним в кухню. Он ценил в ней эту деликатность и понимал, что жене даётся это непросто. Одно время он часто заставлял её одну с бокалом вина и корил себя за невнимание к ней и даже опасался за нее, зная, как быстро она поддаётся привычкам. Дети давно выросли, они перестали объединять родителей каждодневной общей о них заботой.

В тёмное стекло кухонного окна мужчина видел своё отражение. И ему показалось оно довольно сносным – в молодости он был похож на артиста из очень популярного фильма, который сейчас называют культовым. Суровая простота его лица была привлекательной. Молодость как бы продолжала жить в нём, не обращая внимания на досадное течение времени. Может быть, поэтому образ той девочки никак не стирался из памяти?

Она появилась в его ещё детской жизни неожиданно. В соседнем саду всё лето никого не было видно – прежние жильцы уехали. И только поздней осенью, когда он вышел собрать последние уцелевшие яблоки, увидел с изумлением, что там высоко на дереве сидит незнакомая девочка, удобно устроившись на ветке. Она заметила его и засмеялась, легко спустилась и бесстрашно прыгнула на землю, хотя было ещё высоко. Тропинка соседнего сада, огибая густой вишневик, шла рядом с общим низким забором. Девочка побежала наверх, к дому, еле видневшемуся в высоких кустах сирени. Они не сказали друг другу ни слова, но многое поняли: и что они ровесники, и что у них есть что-то общее, и что они смогут не воевать, а дружить. Она быстро пробежала мимо него, и потом он видел только её косы с синими лентами, прыгавшие по спине в такт её бегу. Но дружить ещё пока не получалось. Пошли долгие холодные дожди, и девочка в саду не появлялась. Только снежной зимой однажды в морозный день, не пойдя в школу, выглядывая из окна, он опять её увидел. Она пролезала сквозь

сугробы между деревьями, потом по твёрдому насту забралась на крышу соседского сарайчика и, зажмурившись, прыгнула вниз, по самую шею утонув в пухлом снегу. Она прыгала так много раз, он разглядел порозовевшие щёки, голубые глаза, которые она уже не зажмуривала, и каштанового цвета косы с синими лентами, выбившиеся из-под меховой шапки с завязками под подбородком.

Фото из архива Виктора Яковлева

Это потом уже, когда они подрастут, он будет в дедов цейсовский бинокль находить её фигурку на волжском пляже, куда летом она бегала каждый погожий день с подругами, большим надувным мячом и собакой непонятной породы.

В седьмом классе, перед началом учебного года, он срезал с клумбы, которую всё лето обихаживала мать, три редких георгина и подарил девочке, когда она по обыкновению пробежала мимо по тропинке. Он протянул ей цветы через ставший ещё ниже заборчик, и, набравшись духу, пригласил в кино.

Конечно, они пошли на первый утренний сеанс, он не смог бы дожидаться другого времени. Было солнечное прохладное августовское утро, был последний день летних каникул...

Мужчина глотнул горячий чёрный кофе. В темноте ночи за окном еле угадывались силуэты соседних домов. Очевидно, что-то случилось и с уличным освещением – фонари не горели.

Странное, что прошло столько времени, а он во всех подробностях помнит этот их поход в кино вдвоём – первый и единственный раз.

Наверно, девочка угадала, что он ждёт от неё чего-то особенного, и была очень напряжена. Весь сеанс она внимательно смотрела на экран, почти ни разу не повернувшись в его сторону. Краем глаза она видела, что вот он – то почти на экран не смотрит, и была очень смущена, что её так внимательно разглядывают. Кино не объединило их, напротив, они оба поняли, что время совместных детских игр прошло, а вот дальше... Дальше они виделись всё реже, а года через два семья девочки переехала на новую квартиру.

Ему очень не доставало её – раньше было просто хорошо оттого, что он чувствовал её рядом – рядом её дом, рядом сад, где она любила сидеть и о чём-то думать или читать.

Он пытался узнавать о ней, искал встреч. Однажды это удалось – они оказались в одной компании. Он неприлично волновался, когда вошёл в

квартиру, где собиралось много разной молодой публики. Он почему-то сразу понял, что она уже должна быть здесь. И, нетерпеливо сняв куртку в прихожей – было начало ноября – шагнул в комнату, где торопливо накрывался стол. Он давно не видел девочку, но сразу узнал. Он узнал её глаза, которые от короткой непривычной стрижки стали ещё больше и выразительнее. Шёлковая кремовая блузка была заправлена в узкие брюки, и ремешок туго обозначал талию. Она курила, и это очень удивило его (девочку довольно строго воспитывали), но тут же восхитило дерзостью и экстравагантностью. Они поздоровались, как малознакомые люди. Весь вечер он только издали наблюдал за ней и всё же решил пригласить танцевать. Впервые он так близко видел её глаза, которые она то и дело прикрывала, как будто хотела спрятаться, губы, небрежно тронутые помадой, и показавшиеся ему твёрдыми. Впервые он держал в своей ладони её ладонь с длинными пальцами без всяких украшений, а под другой своей ладонью чувствовал её хрупкую спину с выступающими лопатками. Она как-то незаметно тогда исчезла из уже очень весёлой компании. И тогда он решил больше не искать её, ничего не зная, и призыв в армию в тот год казался ему спасением... А придя из армии, как и полагается, он женился.

Мужчина прислушался к звукам в соседней комнате. Запах сигаретного дыма оттуда стал слабее, но было тихо. Что делает жена? В последнее время она совсем как ребёнок. Надо заставлять её выйти из квартиры, прогуляться. Что она видит, кроме привычной дачи? Почему она так замкнулась в четырёх стенах?

Наверное, зря он рассказывал ей об этой девочке, ведь эта история стала просто мифом, да и не было там ничего такого... Просто наваждение какое-то находит на него иногда, может быть, просто не хочется отпускать молодость?

Ещё однажды случайно, как и бывает в жизни, они встретились у того места, где когда-то оба жили. Ему было жаль, что пришлось уехать от волжских далей, речного свежего запаха, тишины садов, уюта деревянного дома, деловитого и в то же время убаюкивающего стука колёс составов от железной дороги вдоль Волги. Он стоял возле крутой длинной лестницы к реке, стараясь глазами отыскать знакомые чёрточки в изменившемся за десятилетия пейзаже. Зима была уже совсем близко, деревьям было зябко, выпавший снег неровными лоскутами лежал на склоне.

– А я здесь жила, – услышал он женский голос.

Он оглянулся. Две женщины стояли чуть поодаль.

Кровь бросилась ему в голову.

– Кто здесь жил? – спросил он хриловатым голосом, и сразу понял, что спрашивать не надо было. Он узнал её – её глаза. Только они и были видны из-под меха воротника и шапочки, низко надвинутой на лоб от ветра.

Она тоже узнала его в следующее мгновение. И обрадовалась, как ему показалось.

– Это мой сосед, это мой друг детства, – сказала она своей спутнице. – Мы рядом жили, наши сады были через забор. Сколько времени прошло!

Но сколько ещё времени прошло, прежде чем они опять увиделись после этой нечаянной встречи! А ведь они тогда договорились, что на следующий день, непременно, на углу центральной улицы... Он помнит, что на другой день был резкий восточный ветер, мелкий снег толчёным стеклом летел в лицо... Да, не до прогулок... Но, скорее всего, погода была не виновата...

Поразительно то, что эти редкие встречи вроде бы останавливали время. Казалось, что происходит волшебство – жизнь идёт своим железным чередом, а вот они двое остаются вне или над, нарушая незыблемый мировой порядок.

Он слышал, как жена ушла в свою комнату, надо бы пойти к ней, посмотреть, всё ли в порядке. Она может не затушить сигарету, уснуть со светом или включённым телевизором.

Он помнит, что когда он окончательно решил уйти с работы (какой оборот речи – заслуженный отдых!), появилась эта навязчивая идея – снова найти давнюю подругу. Или наоборот?

Никакого случая, – решил он тогда. Он приехал к ней на работу (она всё ещё работала!) под вечер с букетом хризантем (лучшее, что нашлось рядом в маленьком цветочном магазине). Она не сразу узнала его и удивилась посетителю с цветами. Вокруг неё было много народа и ему пришлось ждать, когда она освободится. Они только издали взглядывали друг на друга, постепенно привыкая к изменениям во внешности, пока и тот, и другой не увидел узнаваемых, но глубоко запряганных черт юности.

Он стал ей часто звонить, приезжать на работу, провожать домой...

Он даже пытался с другого берега реки, где он теперь жил, в тот самый цейсовский бинокль рассматривать место её работы, надеясь, что увидит и её. Однажды она резко сказала ему, что не хочет быть никому соперницей, а роль подруги детства не требует таких интенсивных взаимодействий. Он удивился, жена никогда не диктовала ему условий их с ним отношений, он не привык к этому...

Мужчина аккуратно сполоснул чашку, из которой пил кофе, и прошёл в комнату жены. Прикрыл плотнее окно, в которое сквозил уже прохладный воздух – жена любила тепло, задёрнул штору, чтобы то и дело проявляющийся свет луны не падал ей на лицо. Он пристально взглянул, спит ли она на самом деле. Глаза её были закрыты, но ресницы вздрагивали, а на переносице резко залегла складка, которая разгладилась, когда он стал прикрывать плечи жены одеялом. «Неужели прошла целая жизнь?» – подумалось ему. Эта банальная фраза пришла на ум неслучайно...

Днём (значит, это уже вчера) после очень долгой паузы он решил позвонить подруге детства (был вполне определённый повод). Он услышал в трубке её привычно ровный голос (он всегда с досадой говорил ей, что голос у неё натренированный). На его вопросы, как сложится её день, чуть помолчав, она ответила, что поздно вечером уезжает и, возможно, надолго... Больше он ничего не спросил.

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

(Продолжение. Начало: «Симбирскъ» №6-2021, №1-2022)

Заметки провинциала

Журнальный вариант

«Прекрасный наш язык способен ко всему...»
Александр СУМАРКОВ

«Дар поэта ласкать и карябать,
Роковая на нем печать...»
Сергей ЕСЕНИН

«Ты написал много букв; еще одна будет лишней...»
Иосиф БРОДСКИЙ

Всех моих друзей-приятелей студенческой поры мама моя делила на две категории: на «плохих» и «хороших». Отец молчаливо соглашался с ней, его мнение в это время было не очень авторитетным.

Валик Цветков считался *хорошим* другом: в институте он вступил в ряды КПСС, затем окончил Высшую комсомольскую школу, рано женился, родил двух сыновей. Отец ставил мне его в пример, досадовал, что у меня нет *явных достижений*. Толик Чесноков был *плохим* другом: маму пугал его необузданный нрав, настораживали громкий голос, резкие движения, импульсивные поступки.

Но жизнь распорядилась по-своему. Валентин быстро сделал карьеру, поработал за рубежом, а именно – в Чехословакии, где располагалась *штаб-квартира* то ли Всемирной федерации профсоюзов, то ли Международной конфедерации профсоюзов, точно не знаю. Он хорошо владел французским и пока учился в ВКШ, его часто приглашали в качестве переводчика на различные форумы-съезды, и он установил полезные контакты. Отработав на профсоюзной ниве, он вернулся¹ с семьей в Ульяновск, где возглавил областное бюро международного туризма. Но перестройка нарушила его размеренную жизнь, и он, как говорили герои Льва Толстого, *растерял свою латынь*... Он умер, не дотянув трех недель до пятидесятилетия. Чесноков не дожил до своего шестидесятилетия чуть более полугода.

А мама моя в детстве была такой же буйной и неуправляемой, как Толян. Я это понял, когда она лежала, что называется, *на смертном одре* в своей кровати, со сломанной шейкой бедра левой ноги. При этом она кричала, ругалась, порываясь куда-то бежать или ехать. Умирала она медленно, нехотя, словно ее насильно везли в товарном вагоне поезда. Ей казалось, что она едет в свою Уральскую ссылку...

Название «Бархатное пиво» ласкает слух.

Во втором семестре курс педагогической психологии нам читала Валентина Сергеевна Безрукова²,

которая была членом Центрального совета Всесоюзной пионерской организации. Однажды на лекции она нам честно призналась, что *пионерия* зашла в идейный тупик, и никто не знает, какими делами увлечь сегодняшних и завтрашних пионеров. По ее мнению, аналогичные проблемы с детскими организациями имелись и в других *странах народной демократии*, в частности, в Польше. Там предложили комплект символов польских *харцеров*³, помимо галстуков и нагрудных значков, дополнить деревянными мечами и кинжалами. Так что цель харцеров (то есть рыцарей) – *борьба*. Но с кем? С классовым врагом?

По моим наблюдениям, наш родной *комсомол* сейчас, в середине 70-х, тоже блуждает в потемках. Комсомольские вожаки просто уже не знают, как занять, чем увлечь юношей и девушек. Студенческие стройотряды все больше стали напоминать артели *бичей-шабашников*. Комсомольско-молодежные бригады на заводах и фабриках погрязли в рутине. Ребята из боевых комсомольских дружин (БКД) все чаще оказывались объектами уголовного преследования. В последнее время у комсомола новое увлечение – *дискотеки*. Но разве *танцы-шманцы* – это важное занятие для *передового отряда советской молодежи*?

– Да, – отвечали комсомольские функционеры, – важное. Танцы-шманцы – это *на диком Западе, в капстранах*, а у нас – *правильные дискотеки*, идейно и идеологически выдержанные. Там у нас молодежь не только танцует, но и дискутирует на политические темы.

Вот только молодежь старалась держаться подале от таких идейных дискотек. Я думаю, что если в ближайшее время в нашей стране не затеют очередную комсомольско-молодежную *стройку века*, то ВЛКСМ вообще *схлопнется*⁴.

Что определяет происходящие в нашей жизни перемены? Может быть, это: смутное зарождение новых отношений, случайное возникновение неведомых прежде категорий, понятий, смыслов, оттенков значений?

¹ Причем не на поезде приехал, а на собственной «Волге» ГАЗ-24.

² Сейчас выпускница Ульяновского пединститута Валентина Сергеевна – доктор педагогических наук, автор многих учебников для педагогических вузов.

³ Между прочим, харцеры существуют до сих пор и образуют крупнейшую в Польше молодежную организацию.

⁴ Я правильно думал. В середине 1974 года было принято Постановление ЦК КПСС о начале (или продолжении?) строительства БАМа – Байкало-Амурской магистрали.

Всему новому всегда надо дать название, все надо поименовать, определить, объяснить, проклассифицировать. Но как только появляется новое понятие или новая категория и соответствующая ей дефиниция, сразу же встают очередные вопросы.

Отчетливо помню: осень 1973 года, поэтический семинар в редакции газеты «Ульяновский комсомолец». Присутствуют сотрудники газеты Анатолий Наумов, Николай Полотнянко, Евгений Мельников, Владимир Дворянсков, студенты пединститута: мы с Чесноковым и Валентин Цветков с инфака. И еще один человек присоединился к нам: пожилой, давным-давно вышедший из комсомольского возраста сотрудник газеты по фамилии Кукуев. Мы все по очереди читали свои стихи, обсуждали, спорили, а он просто сидел на стуле. Потом его внимание привлекла подшивка какой-то газеты, и он стал, воровато оглядываясь, вытягивать шнурок для ботинок, которыми подобные подшивки обыкновенно и скреплялись. Завладев шнурком, он аккуратно вправил его в свой ботинок, а обрывки старого, вдрызг изношенного, положил в карман пиджака.

Мы с Толиком Чесноковым наблюдали за Кукуевым, шепотом отпускали язвительные шутки, а меня вдруг обожгла мысль, что, *возможно*, когда-нибудь один из нас станет похож на этого полоумного старика.

Позднее один знакомый журналист рассказал мне трагическую историю Кукуева. Тот был неплохим газетчиком, работал в «Ульяновской правде», накопил на холодильник ЗИЛ и купил его, отстояв, как полагается, в редакционной очереди на дефицитные товары. У него был маленький сынишка, они оба любили дома играть в прятки, и однажды мальчик просто так, чтобы озадачить папу, спрятался в холодильник. Папа же был занят каким-то делом, а выпускавшие в 50-е годы прошлого века холодильники можно было открыть только снаружи. В общем, мальчик задохнулся.

С тех пор Кукуев слегка помешался...

Петр Сергеевич Бейсов и поэт Володя Пырков ходят на зимнюю рыбалку: просто шагают к водохранилищу по спуску Степана Разина, уходят от берега метров на триста и начинают бурить лунки...

В середине октября 1973 года проходил очередной институтский слет студенческих строительных отрядов. На такие мероприятия принято было приглашать представителей строительных организаций, которые летом принимали стройотряды. Дня за четыре до события я позвонил в Старую Кулатку. Трубку взял сам начальник Старокулаткинской межколхозной строительной организации (МСО) Джиганша Якубович Сунчалиев. Я объяснил суть дела, пригласил его на слет. Но приехал главный инженер Мунир Яхъевич (фамилию я уже не помню).

Началась торжественная часть. Мне вручили два диплома: за первое место в институтском соревновании и за второе – в областном. Моему инженеру тоже достался диплом.

...Вскоре Мунир Яхъевич засобирался домой: ехать до Старой Кулатки предстояло больше

четырёх часов, а он был без шофера, сам управлял стареньким газиком. Я пошел провожать гостя до машины и спросил, какова ситуация на стройке в Кирюшкино, близок ли день сдачи животноводческого комплекса в эксплуатацию... Он замялся, закурил, а потом рассказал, что там произошло. В начале осени пошли дожди, и бетонные «башмаки» (технический термин – *блоки фундаментные*) под весом вертикальных конструкций (*несущих рам*, составленных из бетонных *полурам*), которые в них были вставлены, разъехались, и весь каркас *кошары* рухнул. А кошара (помещение для содержания овец) – это главный объект овцеводческого комплекса, без нее все остальное теряет смысл. В общем, стройку заморозили...

Эти самые «башмаки» годом раньше устанавливали какие-то залетные шабашники: быстро сделали по принципу «тяп-ляп», *срубili* деньги и исчезли. Вот так строили в эпоху брежневского *развитого социализма*.

Приближалась очередная отчетно-выборная конференция комсомольской организации пединститута. Я без обиняков сказал секретарю комитета ВЛКСМ Зине Вихиревой (Светлана Губа уже работала в Москве, в ЦК ВЛКСМ), что не хотел бы оставаться на новый срок. Я перешел на четвертый, последний курс, и мне вдруг захотелось просто «учиться, учиться и учиться», читать художественную литературу.

Гуттенберг не книгопечатание изобрел, а придумал *книгу-кодекс* (книжки из пергамента не в счет: их было слишком мало). В Европе появилась бумага!

Так что книгопечатание – это всего лишь технология. А вот книга – это принцип. Любой принцип всегда важнее, потому что из него вырастает философия.

В газете «Ульяновский комсомолец» опубликована статья «Неоплаченный вексель». Комитет комсомола настоятельно рекомендует обсудить публикацию на факультетах и в учебных группах.

Там, в этой статье, про наш институт написано, что определенная часть выпускников отказывается ехать работать по направлению в сельские школы. Государство, мол, потратило деньги на их обучение, а они, такие-сякие, не хотят отдать долг родине.

Отчасти справедливо. С другой стороны, почему молодые специалисты должны латать дыры, возникшие в результате несуразной кадровой и социальной политики этого самого государства?

Чем жестче мир, тем более хрупки девушки, его населяющие, и тем *железобетоннее* женщины, в которых эти девушки со временем превращаются.

На четвертом курсе, в последние свои зимние каникулы, мы с Толиком Чесноковым решили махнуть куда-нибудь подальше. Это была моя идея, которая, как я теперь понимаю, пробудила в Толяне до сих пор дремавшее чувство – «охоту к перемёне мест». Стипендия в сорок рублей не позволяла шиковать, но, учитывая относительно недорогие

билеты на поезд (плацкарт до Москвы – 12 рублей 50 копеек, а по студенческому билету – 8 рублей 50 копеек), можно было рискнуть.

Наш студенческий профком, как и всегда, был на голодном пайке, путевками не располагал, поэтому мы отправились в учреждение под названием *Облсофпробф*, что располагалось на улице Кузнецова, сразу за площадью Ленина. В Советском Союзе существовала *сеть всесоюзных туристических маршрутов*, их было где-то около сотни или даже чуть больше, и вот в цокольном этаже здания Облсофпрофа (тут располагались региональные конторы всех отраслевых профсоюзов) имелся отдел, в котором можно было купить путевки на такие маршруты. Немолодая женщина за стойкой сразу предложила нам лыжный маршрут в Карелии. Поскольку других вариантов не было, мы согласились. Она тут же принялась названивать по *межгороду* в Петрозаводск и согласовала сроки лыжного похода. Нам оставалось завтра выкупить путевки, каждая из которых стоила 60 рублей – стандартная цена на всесоюзных маршрутах.

По расходам договорились так: я оплачиваю путевки (у меня имелась *заначка* в виде командирской зарплаты в стройотряде), а Толян обеспечивает проезд и дорожные расходы, включая одну ночевку в Ленинграде. Через два дня мы уже сидели в поезде. В этом же плацкартном вагоне ехали наши однокурсницы – чуть не половина группы «Е». Все девушки направлялись в Москву за *шмотками*. А мы помotalись по зимней столице, дождались своего поезда и вечером с Ленинградского вокзала двинулись в сторону Петрозаводска...

В 70-е годы прошлого века в Ульяновске было три вуза: политехнический, педагогический и сельскохозяйственный. Студенческий фольклор непременно включал одну шуточку, которая, впрочем, родилась где-то в другом городе: «стыда нет – иди в мед, ума нет – иди в пед, и этих и тех – иди в политех».

Педагогический институт в полной мере обеспечивал город *гуманитариями*. Здесь *ковались кадры* не только будущих учителей, преподавателей ПТУ, военных училищ и вузов, но и вызревали библиотекари, журналисты, музейные работники. Две выпускницы нашего факультета, Тоня Лобкарева и Ирина Смирнова (обе после первого курса были «бойцами» моего стройотряда) под руководством Петра Сергеевича Бейсова с нуля создали музей И.А. Гончарова, как-то умудрились собрать сотни экспонатов, установили связи абсолютно со всеми потомками писателя (в основном они живут во Франции). Впрочем, какие потомки? Иван Александрович был холостяком, официальных детей не имел...

Карелия сразу же очаровала Толика Чеснокова, и произошло это главным образом через язык, через слова: *руны, Пóхтёла, Кáлевала*. Завораживало звучание имен героев карело-финского эпоса: *Вя́йнямёйнен, Ильмаринен, Лóухи* – с ударением на первый слог, как и должно быть в финно-угорских языках.

Анатолий Чесноков после дневного перехода на лыжах. Карелия, февраль 1974 года.

Новой музыкой звучали топонимы – названия городов, в которых мы побывали или о которых слышали: *Кóндопóга, Костомóкша, Сегéжа*.

Как я уже не раз писал в этих заметках, первокурсник Толя Чесноков казался букой, был погружен в себя, в свои раздумья и рифмы, но со временем он стал очень контактным, невероятно общительным человеком. Про всякого нового знакомого он сходу мог сказать: «Это мой друг!». Неслучайно почти каждое второе свое стихотворение он кому-нибудь да посвятил (среди адресатов – Федор Тютчев, Александр Блок, даже француз Жак Превер).

Умел ли Толян дружить? Трудно сказать. В моем любимом фильме «Парад планет» (режиссер Вадим Абдрашитов, сценарий Александра Миндадзе) герой Сергея Шакурова произносит очень важную фразу: «Дружить – это надо стараться!» – То есть дружба – это труд. Это «понятие круглосуточное» – фраза поэта Михаила Светлова, ставшая уже вполне заезженной.

Умел ли я дружить? Не знаю, не мне судить...

Я бы так сказал: для того, чтобы дружить, нужны ресурсы: временные, материальные, финансовые. А Толик Чесноков всегда был на мели. И дружбу он понимал как игру в одни ворота: *мне* нужны деньги, *мне* нужны какие-то вещи (летняя кепочка, солнцезащитные очки, тетради и ручки и т.д.) – и если мы друзья, то ты мне *должен* все это дать. А если не дашь, то какие же мы друзья? Сам он редко одаривал какими-либо подарками тех, кого считал друзьями...

Впрочем, однажды Толик меня все-таки одарил. Обычно его путь из Теньковки в Ульяновск и обратно пролегал через Языково. И вот однажды в тамошнем книжном магазине ему выпала возможность оформить подписку на десяти томное собрание сочинений Пушкина, и даже не одну. Он так и сделал: подписался сам и подписал меня. И выкупил для меня два первых тома, которые были в наличии. У него в карманах в тот момент нашлись какие-то деньги. Разумеется, я с ним расплатился. Это были толстые книжки в бордовом переплете (Москва, «Художественная литература», 1974).

К сожалению, следующих томов я не дождался: новые книжки поступали, но у Анатолия всякий раз не было при себе лишних денег. А примерно через год книжный магазин в Языково сгорел со всем своим содержимым...

Железнодорожный вокзал Петрозаводска отдаленно похож на старый вокзал в Ульяновске: тот же сталинский ампи́р, тот же устремленный ввысь шпиль. Здешние жители, небольшой командой отправляясь в командировку или в экскурсионную поездку, так и говорят:

– Встретимся *под шпилем!*..

Нас разместили в двухместном номере на городской турбазе «Лососинка» (рядом речка с таким названием и над ней высится телевышка – точь-точь как у нас в городе), а утром повезли на автобусную экскурсию, где на одном из перекрестков показали дом, в котором некогда жил поэт Роберт Рождественский. Вечером мы вдвоем пошли в Национальный театр драмы, разместившийся в новеньком, только что отстроенном здании. Автор проекта – Савва Бродский, архитектор, скульптор, художник и поэт. Нам это имя было знакомо: мы знали Бродского как автора графических работ – книжных иллюстраций к «Дон Кихоту» Сервантеса, трагедиям Уильяма Шекспира, романам Александра Грина. А пьеса была так себе, игра актеров – как в самодеятельности, тем более что спектакль шел на карельском языке (разновидность финского), и мы слушали перевод через дешевые наушники за два рубля и сорок копеек, предназначенные для школьных технических кружков.

Карелия, турбаза «Косалма», перед лыжным походом. Владимир Янушевский внизу в центре, выше, справа Анатолий Чесноков. Февраль 1974 года.

На следующий день автобусом нас доставили на загородную турбазу «Косалма» (так называется ближайшая деревня). Нам досталась комната на четверых, соседи – Никита и Валерка, студенты Куйбышевского педагогического (инфак, основной язык – английский). В нашем корпусе был расположен магазин, вход с торца. Решили отметить начало каникул, купили две бутылки водки. Валерка Пахомов оказался очень сообразительным и предприимчивым: быстро перелил содержимое бутылок в стоящий на столе графин, еще раз сбегал в магазин, сдал «пушнину» и купил закуску: хлеб и консервы.

В лыжный поход отправились небольшой группой: помимо нас четверых там были еще четверо из Калининского политеха и четверо других – будущие архитекторы из Вильнюса. Еще с нами оказался мужчина среднего возраста, дядя Ваня – машинист тепловоза из Нижнего Тагила, получающий

зарплату в 350 рублей. Тринадцать человек плюс инструктор Толик, житель города Риги. Буквально в последний момент к нам присоединились еще трое студентов из Харькова.

Погода на протяжении всего маршрута была восхитительной: солнце, легкий морозец, безветрие. Благодать!..

На ночевки останавливались в карельских деревнях с однотипными названиями (Конч-озеро, Мун-озеро и т.п.) в рубленых домах-пятистенках, оборудованных под приюты. Еду готовили сами на дровяной плите. Девочки кашеварили, мы рубили дрова, ходили за водой – и в колонку, и к полынье.

Анатолий Чесноков во время экскурсий в Петрозаводске на слух запомнил целые куски из «Калевалы» – карело-финского эпоса, теперь нараспев громко декламировал: «Добрый мудрый Вайнямейнен...» и сразу же получил прозвище – *Калевала*.

На одной из стоянок, укладываясь спать (девушки спали в одной комнате, мы – в другой) в жарко натопленном помещении мы разделись до трусов, и тут кто-то заметил, что у Толика Чеснокова абсолютно безволосые, с гладкой кожей, ноги. Это многим показалось забавным. А я вспомнил другого нашего однокашника, студента-филолога Олега Куликова, который нередко бахвалился своими стройными ногами:

– Приду, бывало, на пляж, разденусь – и сразу все девчонки с завистью пялятся на мои ноги.

Современный городской фольклор на этот счет беспощаден: «Женщина-филолог – не филолог, мужчина-филолог – не мужчина».

У студентов нашего факультета был свой гимн, слова которого с годами несколько поутратили свою актуальность:

Я люблю мой *истфёл*,
Мне близки Чернышевский и Горький,
Я навек полюбил
Маяковского гордые строки...

Исполнялся гимн на мотив известной песни «Я люблю тебя, жизнь...» (Константин Ваншенкин – Эдуард Колмановский). То есть это был типичный *перепев*. А вот на турбазе «Косалма», уже после похода, мы познакомились со студентками-филологами МГПИ им. В.И. Ленина (теперь МПГУ), у которых тоже был свой институтский гимн, но абсолютно оригинальный, написанный выпускником этого института Юрием Визбором:

Мирно засыпает родная страна,
И в московском небе золотая луна,
Ночью над Союзом и над нашим вузом
Медленно слетает тишина...

Из Петрозаводска мы поехали другим маршрутом, через Ленинград. В Ленинграде (местные уже тогда упрямо называли этот город *Питером*) вышли на платформу, когда уже начало смеркаться. Довольно быстро добрались до общежития академии каких-то там войск, где в это время учился муж одной из сестер Анатолия. Поскольку новенькое,

Перед отъездом с турбазы «Косалма». Анатолий Чесноков – единственный, кто при галстуке. Февраль 1974 года.

с иголки, общежитие предназначалось для офицеров, отцов семейств, то и условия были соответствующие: каждый блок представлял собой квартиру из одной-двух комнат, кухни и санузла. Нас тут ждали: накормили сытным ужином под рюмочку-другую и разговоры о жите-бытье...

Утром приехали в Москву, а поезд в Ульяновск отходил только поздним вечером. Как неприкаянные, мы целый день слонялись по заснеженным столичным улицам. Уже в сумерках на Новом Арбате в каком-то тупичке увидели московских студентов: они отмечали окончание сессии в ближайшем кабаке и вышли подышать-покурить. Девчонки буквально вешались парням на шею, задирали их и отвратительно хохотали. Мы поморщились: далеко не все наши студентки были монашенками, но все-таки...

С каким удовольствием на следующий день после лекций мы прошли по улице Гончарова, где все было родным и знакомым: вот ЦУМ, напротив промтоварный магазин «Черемуха», рядом другой – «Подарки». Наверное, мы оба были закоренелыми провинциалами и не любили столичные города...

В послевоенные годы в нашей стране партией и правительством был взят курс на индустриализацию страны Советов. В крупных городах, в том числе и в Москве, строились новые промышленные предприятия, для которых зачастую требовалось большое число рабочих для выполнения рутинных операций.

Заевшиеся и зазнавшиеся москвичи не стремились идти работать на заводы и стройки. Чтобы закрыть непопулярные среди коренных москвичей вакансии, власти придумали ввести лимит прописки для работников, когда заводу или фабрике выделяли квоту на определенное число рабочих мест для приезжих из других регионов. Таких людей коренные москвичи пренебрежительно называли *лимитчиками* или *лимитой*. Население страны поделилось на *москвичей* и *немосквичей*, причем последние должны были обеспечивать первых всем необходимым: продуктами питания, одеждой и обувью, квадратными метрами жилья (сами москвичи для себя ничего не строили). Например, наш Инзенский мясокомбинат выпускал отменного качества тушенку, копченые и вареные колбасы, но

вся продукция – все 100% – отправлялась в город-герой Москву.

Приближались госэкзамены, наступил день распределения... Я учился неплохо, из сотни студентов-филологов нашего курса занимал примерно двенадцатую позицию, а поскольку некоторые девушки, что меня опережали, успели повыходить замуж и даже забеременеть, что давало им право на свободное распределение (по месту работы или службы мужа), то в итоге я оказался восьмым. Из списка учительских вакансий выбрал село поближе к городу, где-то недалеко от Ишеевки, но не обратил внимания на то, что там предлагалось всего 16 часов учебной нагрузки (штатный вариант – 18 часов), за что и поплатился. Я так мыслил свое ближайшее будущее: необременительная поденщина в школе, а в свободное время – литературное творчество...

Итак, я в кабинете ректора, перед комиссией по распределению. Узнав мой выбор, ректор Василий Васильевич Наймушин сказал, обращаясь к коллегам:

– Ну, эту вакансию мы оставим какой-нибудь слабенькой девочке, а ему подберем директорское кресло.

Я попытался возражать, но меня не слушали, уже пригласили следующую жертву. Пришлось выйти коридор. Вскоре узнал, что «мое» место уже занято – его заполучила шустрая и сообразительная девушка из моей группы.

Наконец меня пригласили. Назвали населенный пункт, где располагалась школа, в которой меня ожидало директорское кресло – село Воляница Кузоватовского района. Именно в этих местах родилась зазноба Толяна Чеснокова. Возражать было бесполезно, меня не слушали, и я тупо подписал какую-то бумагу...

Летом 1974 года, получив дипломы, мы с Толиком почти не виделись. Он, вероятно, окунулся в деревенские заботы, я принимал гостей – новых друзей-приятелей по лыжному походу. Сначала приезжали ребята из Куйбышева, потом девчонки из Вильнюса. Дальше были ответные визиты в Куйбышев и в Литву, где мне организовали классный туристический тур по маршруту: Вильнюс – Каунас – Паланга – Вильнюс.

Итак, на тему урбанистики: население Москвы поделилось на две категории: местных (коренных) и приезжих (лимитчиков). Последние обязаны были трудиться лишь на одном конкретном предприятии, а порой и только на заранее определенных низовых должностях с минимальной зарплатой. Такой *трудящийся* получал место в заводском общежитии с *временной московской пропиской*.

В нашей стране *прописка* – это, что называется, *особая песня*. В 1991 году на Съезде народных депутатов СССР была принята Декларация прав и свобод человека, согласно которой каждый гражданин получал право свободно передвигаться внутри страны и выбирать как место жительства, так и место пребывания. Эти права и свободы нашли отражение в Конституции РФ, а также в законе 1993 года «О праве граждан Российской Федерации на

свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». Закон отменил институт прописки, который действовал с 1925 года и был связан с контролем передвижения населения по территории СССР и РСФСР. Процедуру прописки заменила действующая по сей день регистрация по месту жительства. Главным ее отличием стал уведомительный, а не разрешительный характер.

Но суть дела от этого не изменилась, наши сограждане по-прежнему делятся на две категории: *избранных* и *маргиналов*. Первые получают новые квартиры в Москве по программе *реновации жилья*, вторые обитают в деревянных бараках, расположенных в захолустных населенных пунктах, лицемерно именуемых *поселками городского типа* (ПГТ).

15 августа, как и полагается молодому дипломированному специалисту, я прибыл в Кузоватовский РОНО, расположенный на втором этаже деревянного здания райисполкома. Немного посидел в коридоре, потом меня пригласили в кабинет заведующего отделом Николая Павловича Комкова. Он, глядя поверх очков, сразу перешел на «ты» и огоршил меня вопросом:

– *Физику* преподавать сможешь?

Я задумался. Как ни странно, вопрос меня не обескуражил. Конечно, у меня в кармане пиджака лежал диплом учителя русского языка и литературы, но в школьные годы, где-то классе в седьмом, а потом и в восьмом, я страстно любил физику, участвовал в районных олимпиадах по этому предмету. Но...

Преподавать физику я все-таки отказался, а восьмилетней школе села Вольтинщина (того самого, где родилась девушка Люда, несчастная любовь Толяна Чеснокова) требовался директор, который сможет вести уроки физики. Остальные вакансии были заняты. Вопрос о том, где мне предстоит работать, отложили назавтра. Мне забронировали номер в районной гостинице, я оставил там сумку-саквояж и пошел бродить по улицам райцентра, памятным мне по первому стройотряду.

В Вильнюсе, в каком-то ресторане, я впервые ел настоящую *котлету по-киевски*: полая внутри мышечного утолщения тушенная куриная ножка (сейчас эта часть куриной тушки называется *голенью*) и нафаршированная рубленным куриным же мясом с пряностями, наполненная горячим бульоном. Прихватываешь бумажной салфеткой ножку и осторожно надкусываешь саму котлету: именно осторожно – чтобы не брызнул сок... Так же осторожно надо было надкусывать вкуснейшие мамины *вареники* с малиной или вишней: они тоже предательски брызгали ягодным соком, так что можно было облить всех сидящих за столом...

Илана Березницкая, которая сидела напротив меня и ела свою котлету, рассказывала мне, что недавно посмотрела фильм Ингмара Бергмана «Земляничная поляна».

– Там пожилой профессор медицины, – говорила она, – идет по улице и видит часы на башне ратуши, а у часов нет стрелок. Мне стало очень страшно при виде *таких* часов...

Утром интрига разрешилась. Мне предложили должность директора в Спешневской средней школе. Так было ближе к городу: от этого села 70 километров до Ульяновска и 45 – до рабочего поселка Кузоватово. Уже вызвали прежнего директора школы Юрия Ивановича Мазурина, и он должен был подъехать с минуты на минуту. Это был опытный 35-летний педагог, уже изрядно облысевший, учитель химии, но у него имелись проблемы со здоровьем, обострился *варикоз* на ногах. Юрий Иванович заявил о своей проблеме в конце прошедшего учебного года, и наметившуюся вакансию не успели включить в сводки ОблОНО.

Формальности заняли считанные минуты, решили так: меня назначают *директором* школы с преподаванием соответствующего количества часов русского языка и литературы, Юрий Иванович становится *завучем* и учителем химии. Одно смущало Николая Павловича Комкова: он впервые за время работы заведующим РОНО назначал на должность директора человека, не состоящего в рядах КПСС.

Пока спускался по скрипучей деревянной лестнице райисполкома, придумал *фразочку*: «С места – в карьеризм...»

Мы с Юрием Ивановичем пришли на остановку рядом с Кузоватовским железнодорожным вокзалом и *тормознули* какую-то попутку, поехали. В пути у водителя изменились планы, и он не довез нас до Спешневки несколько километров. Дальше пошли пешком по пыльной проселочной дороге, петляющей меж желто-зеленых полей. Дорога сама уводила вдаль, по ее сторонам, в полупрозрачной стене подвижных стеблей ржи, напоминающей скол толстого стекла, нестерпимо ярко светились васильки, разъедая глаза своей яростной купоросной синью, – все вокруг сверкало и мельтешило, и от этого начинала кружиться голова...

Сразу направились в школу – типовое одноэтажное здание из силикатного кирпича со спортзалом, построенное точно по такому же проекту, как и школа в селе Кирышкино, где летом прошлого года располагался мой стройотряд. Быстро оформили акт передачи полномочий, я получил ключи от сейфа, в котором хранились *печать, угловой штамп* и несколько чистых бланков *трудовых книжек*.

Дальше предстояло решить вопрос о месте моего жительства. При школе имелся типовой двухэтажный дом на восемь квартир, все они, разумеется, были заняты (в нашей стране никогда не было, нет и не будет *свободной жилплощади*), но я заранее отказался от отдельного жилья и попросил определить меня на постой к какой-нибудь старушке.

Мы отошли от школы метров на двести и вошли в сени небольшого дома, смотревшего в переулок двумя чисто вымытыми окнами. Нас встретила хозяйка Матрена Ивановна Гамаева. Дальше – приветствия, комплименты, разговоры ни о чем. Но за этими разговорами Юрий Иванович с виртуозностью дипломата быстро уговорил бабушку взять к себе в дом квартиранта, и не кого-нибудь, а директора школы, уже официально вступившего в должность, поминутно обращаясь к ней не иначе, как

«мой друг». Условия были такие: школа ежегодно выделяет машину дров, ежемесячно платит 10 рублей за постой, а я как квартирант от себя еще 10 рублей добавляю за «харчи».

Стыдно признаться, но я не помню, куда получил распределение Анатолий Честноков. Возможно, все дело в том, что он пренебрег направлением. Или приехал в какую-нибудь глушь, куда его направили, а там что-то не сложилось, вакансия оказалась занятой – такое нередко случалось. Так или иначе, а мы потеряли друг друга из вида в первые после окончания института месяцы.

Я с головой ушел в те новые проблемы, которые буквально обрушились на меня. В школе обучались больше сотни детей, часть из них проживала в соседних селах – Стоговке, Екатериновке, Азате, поселке Первомайском. В те времена по проселочным дорогам не разъезжали желтые автобусы с трафаретной надписью «Дети», и добирались ученики до школы по-разному: кто-то пешком, кто-то на случайной машине или на совхозном автобусе – все зависело от предприимчивости родителей. А в середине весны мальчишки-старшеклассники уже торопились оседлать свои мотоциклы и эффектно подвозили девочек к самым дверям школы.

С появлением интернета москвичи и москвички, регистрируясь на сайтах знакомств, стали искать себе пару только из столичного региона. Провинциальная *шүшера* их не интересовала.

Так в стране равных возможностей в 1950-е годы были заложены основы неравенства. Но москвичи и москвички – это не сверхчеловеки, а обычные люди. Как и все мы, они умрут, но в землю их едва ли закопают: в огромном мегаполисе земли на всех не хватит, скорей всего их тела ждет печь крематория...

В папке с надписью «Входящая корреспонденция» обнаружил бумагу:

«Всем директорам школ!

Районный отдел народного образования доводит до Вашего сведения приказ начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР №19-дсп от 1-го апреля 1971 года, №14 от 17 марта 1972 года и №10-дсп от 14 февраля 1974 года.

Содержание: об изъятии произведений Солженицына А.И., Евсеева Е., Леонидова Ф.М., Баумваль Р.Л., Керлера И.Б., Телесина В.Л. И т.д.

Спина хозяйки моей Матрены Ивановны от бесконечной работы в поле и на огороде согнулась вперед и вбок. *Коромысло* – такое у нее уличное прозвище.

Как и предполагалось, «определенная часть выпускников» 1974 года до сельских школ так и не доехала. Любопытно, что эту *часть* составили как *студенты-отщепенцы*, давно взятые на карандаш в комитете комсомола института (с некоторыми из них я дружил), так и комсомольцы-активисты, которые смогли воспользоваться давно отработанными «хитрыми» приемами. Среди них были Юра

Мордвинов, Слава Егоров, Зина Вихирева, Таня Глотова...

Время показало, что все они долгие годы служили мифическим идеалам и получали зарплату за преданность тому, чего уже давным-давно не существовало: *КОМСОМОЛУ*.

При Спешневской школе имелся интернат, а я автоматически стал его *заведующим*. Между зданием школы и интернатом приютилась котельная с высокой железной трубой, внутри которой пыхтели два чугунных котла типа «Универсал», сжигающие по две-три тонны угля в неделю. Котельная отапливала школу, интернат, учительский дом и еще здание детсада. Если кто-то где-то замерзал в зимние холода, то в ответе за все был директор. К счастью, мне попался толковый, хозяйственный и расторопный завхоз Николай Владимирович Никишин.

В 70-е годы прошлого века в разговорной речи утвердилось слово *кайф*, означающее высшую степень блаженства. *Словить кайф* значило испытать доселе невиданное удовольствие. Ну и, разумеется, были производные: прилагательное *кайфовый*, глаголы *кайфануть*, *кайфовать* и т.п.

Другое популярное слово – *балдеть*, то есть *быть под кайфом*, наслаждаться, блаженствовать. Производные – глагол *обалдеть* (сильно удивиться), прилагательные *балдёжный*, *обалденный*...

Еще одно слово – *ништяк*, что значит все хорошо.

Коллектив школы на момент моего прибытия в Спешневку был расколот на два враждующих лагеря (у нас всегда так: одни *за красных*, другие *за белых*). В РОНО об этом знали и как могли помогали мне *разрулить* эту коллизию.

Я веду уроки русского языка и литературы в 4-м и 10-м классах. В четвертом классе всего 14 детей, среди которых только три девочки. Национальный состав: русские, один чуваш, один казах. В классе два пацана с фамилией Никишин, и оба Владимировы, так что иногда, чтобы различать их, приходится обращаться по имени и отчеству.

Мазурины, как истинные сельские жители, сажали картошку (у них имелся *усад*), также был у них огород со всякими овощами, росли фруктовые и ягодные деревья; там же стояла литая из шлака баня. На зиму они делали множество заготовок в банках всевозможных размеров, «закручивали» компоты. От Юрия Ивановича я услышал любопытный глагол: *закомпотировать*. Вместо слова «малышня» он использовал другое собирательное существительное – *шелупёнь*.

Девушки из Вильнюса охотно приезжали в наши края. Изъездив всю Литву *автостóном* (у них это называлось *трáнзом* – то есть транзитом, от одного населенного пункта к другому, в основном на грузовых автомобилях и почти всегда – бесплатно), они рванули на Среднюю Волгу. В первое же лето ко мне поездом приехали на один день Илана

Березницкая и Виргиния Дабашинскайте. Формальный повод был таким: будущие архитекторы хотели посмотреть недавно построенные объекты Ленинской мемориальной зоны. Неформальный повод очевиден: девушкам нужны новые знакомства, потому что им надо было как-то устраивать свою жизнь. На другой день, также поездом, мы отправились в Куйбышев к Никите с Валеркой.

Матрена Ивановна рассказывает, пока я ем щи:

– Вон у Кречетовых, соседей наших, *трехшерстный кот* есть. Так он всех цыпляет в округе перетаскал. И ничего ему не делается. Его как-то решили *нарушить*. Поймали и повесили. Он маленько повисел, его сняли и стали ему могилу рыть, а он *оживёл* и убежал...

Это в назидание тем, кто не верит в возможность чудесного *воскресения!*

Популярное разговорное слово *чува́к* – так можно назвать какого-либо человека или даже обратиться к нему:

– Слышь, чувак, закурить не найдется?..

Возвращался из школы домой, и вот повстречалась мне баба Маня по прозвищу Би-Би-Си и долго расспрашивала о том, о сем, давала советы по правильному обучению и воспитанию детей. И через каждую фразу повторяла:

– А то у нас, в советском *сэсэ́ре*, порядка нет, все разболтались...

Я уж не стал цитировать ей А.К. Толстого, больше века назад писавшего: «Земля наша богата, // Порядка в ней лишь нет». В свою очередь автор ссылался на летописца Нестора, то же самое утверждавшего в конце XI – начале XII веков.

Шел первый учебный год моей работы в Спешневке. И вдруг, где-то в конце февраля, Анатолий Чесноков прислал письмо, в котором сообщал, что живет в деревне Суровка Тереньгульского района, работает в местной восьмилетней школе.

Обалдеть!.. От Спешневки до Суровки по прямой – километров пятнадцать, совсем рядом. Надо было переехать «вброд» Свягу и двигаться на восток степным проселком, дальше дорога, отчаянно петляя, уходила в лес, а потом снова вырывалась на простор, шла среди лугов и полей, и вскоре впереди уже видны были неказистые избушки жителей Суровки. По этой дороге мне неоднократно приходилось трястись вместе с председателем нашего сельсовета Николаем Филипповичем Рябовым: мы ездили в Суровку за водкой и сигаретами, если наш Спешневский магазин был в очередной раз ограблен и, соответственно, закрыт на учет, что случалось с подозрительной регулярностью.

Но добраться таким образом до Суровки можно было только с мая по сентябрь, дальше – распутица, а зимой проселочную дорогу заметало снегом. И вот теперь, в конце февраля, конечно же, еще стояла зима.

Я ответил на письмо – это все, что я мог тогда сделать.

Частушка бабки Матрены:

Печку письмами топила
И подкладывала дров.
Погляди-ка, мой любимый,
Как горит наша любовь!..

«Здравствуй, пан Вольдемар!

Итак, прошло уже целых две недели, как я отправил тебе депешу⁵, но никаких известий от тебя так и нет. Чем же это вызвано, не пойму.

Вовик, опять я в наших палестинах, приехал на 8 марта. Сегодня уже 9 марта, завтра мне придется ехать в эти кулуары, будь они прокляты. Да, завтра опять в Тереньгу, зашибать себе деньгу и раскрашивать свою репутацию, довольно-таки истасканную, «как шлюха в порту» (вычитал у Михаила Анчарова в «Этом синем апреле»), в розовенькие тона. Ничего не поделаешь, мой юный друг!

Хотел заехать к тебе 7 марта в Ульяновск на Ефремова-street, но я был в Ульяновске только около часа, нужно было добираться любимыми средствами в деревню (тогда я еле уехал: пришлось ехать в Языково в кузове грузовика), да и не был я уверен, что ты в тот момент был дома, а это было в час дня.

Вовик, меня тревожит неопределенный вопрос с армией. Ведь я до сих пор на учете в Кузоватово⁶... Возможно, что ты не получил то письмо, которое я послал 23 февраля. Так что напиши мне в Тереньгульский район, с. Суровка, 8-летняя школа. Я нахожусь там, работаю в школе. Так что напиши мне, а то я что-то мрачно стал смотреть в будущее, хотя «зима тревоги нашей»⁷ позади.

«А если Океан смоеет береговой Утес или замок Друга твоего, меньше станет Европа... И тогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» (Джон Донн).

За сим кончаю. И напиши мне о своих взглядах на будущее.

А. Чесноков, с. Теньковка, 9/III – 75».

В весенние каникулы я приехал на денек-другой в Ульяновск, в магазине «Учебные пособия» (был такой на улице Карла Маркса) заказал для школы по каталогу плакаты, географические карты и диафильмы (это было недорого – бюджет сельской школы позволял подобные траты), а потом *зарулил* в редакцию «Ульяновского комсомольца», где к тому времени уже работал мой приятель студенческих лет Валентин Цветков.

В редакции, которая наполовину располагалась на третьем этаже редакционного особняка «Ульяновской правды» (Гончарова, 12), а другой своей половиной захватила часть помещений еще только строящегося здания типографии, был *выпускной день*, когда уже в типографском наборе оформлялся очередной номер газеты со всеми текстовыми материалами и отпечатанными с клише фотографиями, после чего редактор ставил на чистовом оттиске

⁵ Возможно, Анатолий послал мне еще одно письмо, но я его не получил.

⁶ Обстоятельств постановки Анатолия Чеснокова на воинский учет в р/п Кузоватово я не помню.

⁷ «Зима тревоги нашей» название романа Джона Стейнбека.

визу «В свет» и расписывался. Редактор (Геннадий Левин) был в отпуске, его заменял Саша Смирнов – высокий разбитной парень, который громогласно отдавал распоряжения, матерился...

Все сотрудники, кроме Дворянского, были *под гράдусом* и жаждали «продолжения банкета». Нас с Цветковым отрядили *за горячим и закусоном*. Мы отправились в продуктовый магазин, расположенный на улице Льва Толстого, где-то неподалеку от *володарских домов*.

Сдвинули столы, наполнили стаканы популярным в те годы дешевым портвейном (в тот день «ульяновские комсомольцы» почему-то пили *бормотуху*, хотя обычно предпочитали водку). Авксентий Галагоза (для *своих* – просто Сеня) сидел рядом со мной и произносил витиеватые тосты. Когда встали из-за стола, я спросил Сеню, где тут туалет. «Зачем тебе туалет?» – искренне удивился тот и широким жестом указал на длинный ряд фаянсовых раковин с водопроводными кранами.

Я не помню, были или нет в тот день в редакции Женя Мельников и Коля Полотнянко. Возможно, Женя отъехал в командировку или отпуск у него был, а Николай наверняка уже работал ответственным секретарем редакции (*ответсёком*) и хорошо понимал, что качество очередного номера газеты обеспечивал именно он, а не и. о. редактора Смирнов.

В Спешневке у меня появился новый приятель – Анатолий Бакеев, почти ровесник, выпускник Ульяновского сельскохозяйственного института, он заведовал гаражом в местном колхозе им. М.В. Фрунзе. *Завгár* – это человек, который отвечает за автомобильное хозяйство; он решает множество задач, но результат нужен такой: чтобы машины были исправны, а водители – трезвые.

Поначалу за ним самим не был закреплен какой-либо автомобиль, и он передвигался на разных машинах из гаража. И вот, наконец, на третий год у него появился персональный автомобиль «ИЖ-2715» (пикап). Вероятно, его собирали на раме от «Москвича», в кабине помещались два человека – водитель и пассажир, а сзади был небольшой грузовой фургон. По сути, это был фермерский автомобиль, но в 70-е годы прошлого века в нашей стране не было фермеров, и на таких *машинешках* по проселочным дорогам разъезжали в основном председатели сельсоветов и колхозно-совхозные секретари парткомов. Существовали народные (фольклорные) названия для таких машин: *сапожок*, *шиньон* и даже, пардон, *блядовózка*.

«Всем директорам школ.

Для служебного пользования №1.

Об изъятии произведений В.П. Некрасова.

Ульяновский областной отдел народного образования предлагает Вам дать указания о том, что произведения В.П. Некрасова во всех классах средней школы не подлежат изучению и не должны использоваться на уроках и внеклассных занятиях.

Учитывая, что на имя этого писателя делались ссылки в программах, учебниках и учебно-методических пособиях, следует тщательно их проанализировать, сделать исправления <...> Одновременно предлагается изъять произведения

В.П. Некрасова из библиотек начальных, восьми-летних и средних общеобразовательных школ, педагогических училищ, институтов усовершенствования учителей и других библиотек системы народного образования...»

Самый частотный элемент разговорного языка *наших людей* в середине 70-х – частица *как бы*. Она проникла в речь представителей всех социальных слоев.

Язык позволяет выразить не только то, что мы думаем и что хотим сказать, но и то, о чем смутно догадываемся, подозреваем, а также то, как мы относимся к сказанному (*модальная функция* языка). При этом мы понимаем, что все вокруг ненастоящее, декоративное. Вдоль любой сельской дороги тянется нескончаемая череда коровников, свино- и овцеферм, а мяса и мясопродуктов в магазинах нет. Живем в мире театрального реквизита – вокруг одни *муляжи, модели*, всё в стиле *как бы...*

В этих краях у людей в основном серые глаза, это еще писатель *Скиталец* (Степан Гаврилович Петров) заметил.

Мне довелось быть самым молодым директором Спешневской школы среди всех в то время живущих в деревне бывших ее руководителей. Я сменил, как я уже писал, Юрия Ивановича Мазурина, а он пришел на смену Ивану Григорьевичу Калугину. Супруга Ивана Григорьевича Вера Максимовна заведовала школьной библиотекой, а сам он *пенсционерил* и на досуге собирал материалы по истории деревни. Как-то я его спросил, почему Спешневка называется *Спешневкой*, и он мне рассказал байку о том, что-де жил тут когда-то барин, и вот однажды тот собрался в город, да торопился, *спешил* и все торопил кучера, а на мосту через Свягу лошадь понесла и опрокинула коляску под крутой берег. Барин-то и утонул. А все потому, что *спешил* – оттого и Спешневка!

Стыдно признаться, но я в тот раз развесил уши и поверил банальной *топонимической легенде*, совершенно позабыв заповеди Венедикта Федоровича Барашкова. А неделю спустя я готовился к уроку в 9-м классе по творчеству Достоевского, и вот, собирая материал по персональному составу кружка *петрашевцев*, наткнулся на такую фигуру: Николай Александрович Спешнев. Он был уроженцем Курской губернии, но по всей Российской империи было немало помещиков с такой фамилией. Так что наверняка деревня Спешневка была поименована по имени владельца, как и села Языково или Радищево...

Юдóль любого руководителя ничуть не слаще жизни его подчиненных. Он так же, как и все, вкалывает, но в тех случаях, когда что-то пошло не так, все *шишки* сыплются на него.

Например, получил я *телефонограмму* из РОНО: мальчики 9-х классов вместе с военруком должны прибыть 22 мая 1975 года в город Барыш для учебных стрельб из боевого оружия. Вот, не было печали... От Спешевки до Барыша около

90 километров. В нашем районе во всех средних школах имеются мелкокалиберные винтовки с запасом патронов. Давно можно было соорудить в районе собственное стрельбище, так ведь нет – надо тащиться в Барыш...

У нас в школе есть свой грузовик, но в его кузове всю зиму возили уголь для котельной, так что для перевозки людей он не годился. Военрук Саша Степанов, который получил информацию о предстоящих стрельбах по своим каналам, из райвоенкомата, уже сказал мне, что колхозный автобус сломан. Вечером встречаемся с ним в клубе и ждем Анатолия Бакеева, завгара. Тот подходит и объясняет, что автобус стоит *на колёдках* (то есть со снятыми колесами) в колхозном гараже, для ремонта потребуются не меньше двух недель. Что делать? Звоню в РОНО и сообщаю, что привезти мальчиков не сможем: нет транспорта. Через две недели получаю ответ:

«КУЗОВАТОВСКИЙ РАЙОННЫЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИКАЗ

29 мая 1975 года № 44-Д

О фактах невыполнения учебной программы по начальной военной подготовке в Коромысловской и Спешневской средних школах»

Далее – стандартная констатирующая часть. Ниже:

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За невыполнение указания РОНО и Райвоенкомата о проведении стрельб из боевого оружия учащимися 9-х классов директорам Коромысловской и Спешневской средних школ т.т. Масленкиной М.И. и Янушевскому В.Н. объявить ВЫГОВОР...

Заведующий РОНО _____ Н.П. Комков»

Разговоры в Спешневском сельмаге:

– Я вот не люблю с белым хлебом щи хлебать – как с мылом получается. Черный хлеб вкуснее.

– Девки-то какі срамны пошли. Это разве невесты?! На таких невест только из подворотни глядеть...

– У меня сноха ходит как *руніда*⁸ по *шабра́м*. Ни похлебку не сварит, ни детей не соберет...

– Я на поминки после похорон не хожу, брезговаю. Там, когда щи-лапшу *варя́т*, вокруг покойника вьются, все хватают...

– Колька-тракторист кажный день *пьяный в лоскуты́*. У него уж, наверно, кровь пьяная. От него теперь детей не будет. Какой он мужик?

– Я нынче походил с *медб́ткой* (рыболовная снасть, сплетенная из ивовых прутьев – **Авт.**) по берегу. Нету рыбы ни хрена. *Полкарма́на*, однако, *налуби́л* вот таких *быстрако́в*. На уху хватило!..

Летом, в начале июня, в Спешневку неожиданно нагрязнул Толик Чесноков, пришел ко мне с таким видом, как будто мы только вчера расстались. Через полчаса он был уже на короткой ноге (или руке) с Матреной Ивановной, обращался к ней на «ты», называл *тетей Матóлей*. Из его сбивчивого рассказа я мало что понял о том, как он попал в Суровку. Зато он много и подробно рассказывал о своем зимнем путешествии в Псков.

Прошлогодня поездка в Карелию пробудила в нем «дух бродяжий», и вот в зимние школьные каникулы, едва вырвавшись из Суровки и приехав в Теньковку, он моментально затосковал: там деревня – и тут деревня. И вот ночью, ворочаясь с боку на бок, он решил отправиться в странствие «по Руси». На другой день сорвался и, уже оказавшись на вокзале Ульяновск-Центральный, наметил конечный пункт своего путешествия: город Псков, *средо-точие* (буквально – средняя точка) русской истории.

Денег в кармане, как всегда, было *с гульки́н нос*. Он взял билет до Москвы в общий вагон, купил пачку самых дешевых сигарет. Случайный попутчик отсоветовал ему брать прямой билет до Пскова: дёска́ть, от Москвы можно двигаться на электричках, от города к городу – так дешевле выйдет.

В Пскове он облазил Кремль, осмотрел монастыри и храмы (как действующие, так и законсервированные), заходил в музеи, пристраиваясь к организованным экскурсиям школьников. Ночевал на разных вокзалах города, чтобы милиционеры не заметили и не приняли за бродягу. Тогда, в 1975 году, слово «бомж» еще не было в ходу; впервые аббревиатуру БОМЖ (именно так, заглавными буквами) я вычитал в газете «Комсомольская правда» лет через пять.

Спешневский лексикон:

– *гальчи́ть* – кричать;

– *куже́льный* – светловолосый;

– *курослéпник* – цветок «куриная слепота»;

– *куру́кать* – говорить;

– *латры́га* – пьяница.

– *рю́мка* – двухсотграммовый граненый стакан (другое название – *рубча́тый* стакан);

– *уса́д* – индивидуальный участок для выращивания корнеплодов – свеклы, моркови, но в основном картофеля – в отличие от огорода, где росли огурцы, помидоры и другие овощи;

– *ути́рка* – полотенце.

В своем старом блокноте за 1976 год обнаружил еще один адрес Толяна: Ульяновская область, Сурский район, село Паркино. Анатолию Чеснокову.

Вполне возможно, что он получил в ОблОНО направление в тамошнюю школу, наверняка приехал туда, чтобы осмотреться, но потом судьба занесла его совсем в другие края.

(Продолжение следует)

⁸ Это слово этимологически связано со словами руны, рунический. Понятие «руны» имеет два основных значения: 1) язык древних германцев, проживающих на территории Скандинавии и 2) эпические песни финно-угорских народов. Яндекс не дает исчерпывающего толкования слова «рунида», связанного, по-видимому, с языческими магическими практиками.

Людмила ДЯГИЛЕВА, журналист, автор очерков и статей, опубликованных во многих периодических изданиях. Автор книги «Чус ты мой милый...». Живет в Ульяновске.

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ

Вспоминая лето 1977-го...

С Лидой я познакомилась в кабинете логопеда Инны Самуиловны Янкевич. В небольшом коридорчике у кабинета ждали своей очереди и те, кто исправлял неправильно произносимые «р» и «л», и те, кто перестал разговаривать после перенесенного инсульта. Но большая часть занимавшихся пыталась избавиться от заикания. В их числе были и мы с Лидой. Встречу с ней устроила Инна Самуиловна. Как-то она сообщила мне, что одна из занимающихся купила две путевки в Карелию, на себя и подругу, а та по какой-то причине ехать передумала: не хочу ли я приобрести эту вторую путевку? Я, конечно же, захотела!

Мы стали общаться с Лидой. Инна Самуиловна считала, что у нас много общего. А вот внешне мы были совершенно разными. Лида – выше ростом, тоненькая, стройная. Я более плотного сложения, ниже на голову. Лида работала на «Марсе», я – в библиотеке в Ишеевке.

Изучив расписание поездов, мы поняли, что в Ленинграде будем около суток и нам придется там переночевать. Это нас не расстроило.

ЛЕНИНГРАД

В Ленинграде я была два раза. Первый раз ездила с мамой. Мы останавливались в большой квартире маминой двоюродной сестры Валентины Егоровны на Бассейной. Во второй раз я ездила в Ленинград одна, жила у второй маминой двоюродной сестры Маргариты на улице Гончарной. Помню старинную тяжелую дверь, лестницу с инкрустированными перилами. Рита жила в одной из комнат некогда большой квартиры обычной петербургской семьи. С 1920-х годов квартира стала коммунальной. Запомнились высокие потолки с барельефами, черный ход, узкая, как пенал, комната, где когда-то жила прислуга. Рита работала, поэтому утром я выходила в город и проводила там весь день, возвращалась вечером, когда хозяйка была уже дома. Именно о Рите я вспомнила, узнав, что ночлега в Ленинграде нам не избежать. Мама позвонила и Вале, и Рите, сестры как-то сразу согласились, что переночевать нам будет удобнее у Риты. Когда вопрос с ночлегом был решен, мы стали обсуждать, в какие музеи успеем сходить, где можем побывать. Несмотря на то, что за два посещения Ленинграда я побывала лишь в десятой части музеев этого лучшего города в мире, стала настаивать на посещении музея Некрасова. Да, была, но вот еще хочется. Почему? Экскурсовод там была замечательная. Она

так рассказывала о поэте, словно он был ее другом, таким, к которому ты относишься тепло и трепетно, несмотря на недостатки (я осуждала его за игроманию). После первого посещения музея я прочла воспоминания Панаевой и других современников Некрасова, часто перечитывала его стихи и запомнила на всю жизнь. Почему-то мне захотелось увидеть эту девушку еще раз, услышать ее голос. Лида тоже уже бывала в Ленинграде. Она предложила сходить в Эрмитаж.

– Там... – Она задумалась. – Да я покажу.

В дорогу мама приготовила очень объемную курицу. В первую половину пути мы ели что-то другое (вроде бы Лидина мама испекла в дорогу домашних пирожков), и когда дошла очередь до курицы, подруга сморщила нос и твердо сказала, что курицу надо выбросить. Как мне было жаль...

– И ничуть не протухла, – я попыталась защитить курицу, которая еще совсем недавно жила в нашем сарае.

...Курицу выбирал папа. Обычно, когда нужно было заколоть курицу, выбирали ту, что слабее, или отчего-то захромала. Но, собирая меня в дорогу, папа (я была уверена в этом) думал о том, что курица предназначена для путешественницы (так называли меня в эти дни) и должна быть упитанной, а значит, более вкусной... Потом эту курицу готовила мама. Запах разносился по квартире. Наверное, всем: маме, папе, брату – хотелось попробовать хотя бы кусочек этой курицы, ведь, если откровенно, мы не так часто ели курятину...

– Нет-нет, выбрасывай! – В некоторых вопросах Лида проявляла недюжинную твердость.

Я не могла своими руками разрушить с теплом и любовью сотворенное мне в дорогу чудо. Операцию по уничтожению курицы я доверила Лиде. Надеюсь, она осчастливила какую-нибудь бездомную собаку.

В Ленинград мы прибыли вечером. Справа от Московского вокзала – Гончарная улица. Рита, улыбаясь, открыла дверь. Начала расспрашивать о маме, ее братьях и сестре. Ей интересно, почему мы выбрали Карелию. Мы выкладываем все свои доводы:

– Там же такие озера! А скалы! К тому же будет поездка на Кижы.

Наконец укладываемся спать. После двух ночей в поезде спим как убитые. Наутро завозим вещи на Финляндский вокзал и – ура! – гуляем по Ленинграду.

– В музей Некрасова? – уточняю я, а сама немало напрягаюсь: вдруг Лида заартачится. В прошлый приезд я была в музеях Пушкина и Достоевского (и потом перечитывала воспоминания о любимых писателях), в Технологическом музее, в Исаакиевском соборе. Но так уж мы устроены, что хочется показать то, что задело больше всего, чтобы и подругу это также задело.

Лида не возражала.

Увы, нас встретила другая экскурсовод, и я ревниво сравнивала свое впечатление с той девушкой: увы, оно было не в пользу нынешней. Вроде бы звучала такая же информация, но не было того трепетно-сочувственного понимания судьбы поэта. Экскурсия почти заканчивалась, когда в музей вошла моя «знакомая». Она сменила прическу. Как я рада была ее увидеть! Конечно же, надо было подойти к ней и поблагодарить за «её Некрасова», но я постеснялась.

По Невскому спешим к Эрмитажу. По пути заходим в кулинарию, выбираем салат и чай с вкусными пончиками, а потом я задерживаюсь у парикмахерской. Лида – не против. Вот удача: нет очереди.

– Садитесь, – приглашает меня девушка. Столько в ней изящества, простоты...

– Что же мы хотим?

– Да я как-то не думала, – залепетала я. – Мы в турпоход идем. Хочу убрать лишнее, чтобы не мешало.

– Что же... – держа в руках мои волосы, проговаривает девушка. – С такими волосами много возможностей... Волосы у вас – самое то. Правда, быстро не получится.

Лида машет рукой:

– Соглашайся, успеем.

Девушка моментально включается в работу. Волосы то разделяет, то соединяет... Как приятно, когда твоя голова и ножницы в уверенных руках мастера. Вдруг в салон вбегают молодая женщина и что-то шепчет моему мастеру:

– И очередь заняла? – переспрашивает парикмахер.

– Ну да! – радостно восклицает напарница и почему-то укоризненно смотрит на меня.

– Девочки, – обращается ко мне мастер, – вы не посидите немного без меня? Там апельсины выбросили. Так хочется!

– Да-да, – киваю я наполовину оформленной головой.

Девушка снимает фартук и убегает, а я переглядываюсь с Лидой... Подруга смотрит на меня растерянно:

– Нам же еще в Эрмитаж, а потом на вокзал...

Ждали, действительно, недолго. Девушка вбежала в парикмахерскую с авоськой апельсинов. На какое-то мгновение в салоне стало так ярко, что мы все невольно заулыбались. Парикмахер пытливо осматривает мою голову и включается в работу. Потом вдруг останавливается, достает из сетки два апельсина и протягивает их Лиде:

– Девчонки, это вам за терпение.

В салоне пахнет апельсинами и чем-то необычным от моих волос. Еще несколько минут, и мастер снимает с меня накидку.

– Люд, как здорово... – шепчет откуда-то сзади Лида.

В зеркале вижу свою голову со спины: по центру спускается мощная прядь волос, по бокам лишние волосы сняты.

– Это – ласточкин хвост, – объясняет девушка. – Я эту стрижку второй раз делаю. На вас получилась просто отлично, потому что волосы густые...

Расплачиваюсь, благодарю и мы с Лидой уже не идем, а бежим в Эрмитаж. Похоже, мы чуть ли не единственные, кто заходит в музей в столь позднее время.

– Что ж вы так запоздали? Не успеете, – укоряет нас кассир.

– Сколько успеем, – словно извиняется Лида.

Ходить по всем отделам у нас нет времени. Лида умело ведет меня в зал французской скульптуры. Мы буквально проносимся мимо статуй, которые я хотела бы рассмотреть и хоть что-то о них узнать, но Лида ведет меня все дальше и дальше.

Вот еще один зал, переход в другой и наконец вниз, в следующий зал... Тут Лида наконец останавливается...

– Вот! Это – Роден. «Вечная молодость».

Парень и девушка склонились друг к другу.

Мы стояли потрясенные.

После этого была долгая жизнь... И было в ней всякое. Думаю, не последнюю роль в складывавшихся или нескладывавшихся отношениях с молодыми людьми сыграла эта статуя. Запечатленная в ней нежность всегда отторгала, отталкивала, когда на первом месте были хамство и грубость. Я искала только нежность. Без нее всякие иные отношения становились ненужными, лишними, наносными...

Залы уже закрывались, мы шли к выходу. Молчали. Вот и приоткрылась новая страничка жизни. Вечная молодость затмевала все...

На обратном пути проходим мимо «Медного всадника». Я оглянулась: никого. Читаю стихи. Вслух, свои:

Медный всадник – в снегу, в теле – дрожь от восторга,

Вот-вот ринется конь, полетит на врага,
Но ликующий миг остается лишь в бронзе,
И коня нетерпение длится века.

Мчатся дни или годы, пролетают столетья,
Но застыла навеки в летящем Петре
Его страстная вера, что только победа
Будет символом русских на этой земле.

– Твое?

– Да, после второй поездки... Я зимой ездила... Медный всадник был в снегу... Концовка, конечно, какая-то примитивная...

– Да нет, – успокаивает меня Лида, – в духе этого памятника.

Мы спешим к вокзалу. Следующую ночь проводим в поезде. Впереди – Петрозаводск.

КАРЕЛИЯ

Купив билеты на автобус до турбазы «Косалма», прильнули к киоску. Ну разве не чудо: спокойно стоят книги «Дети капитана Гранта». А вот и Стивенсон, и еще...

К сожалению, киоск закрыт на перерыв, а нам уже пора на автобус. Решение приходит мгновенно:

– Мы ведь первые два дня на турбазе будем, значит, сможем приехать сюда еще раз.

Пишу записку, в которой прошу киоскера положить нам по два экземпляра книг, и перечисляю то, что увидели через стекло. Записку передаем киоскерше, работающей напротив, а сами садимся в автобус.

Карельские пейзажи. Низкорослые березки. То с одной стороны автобуса, то с другой мелькают окошечки озер. Мы из-за них, карельских озер, сюда и ехали.

Турбаза. Нас расселяют по комнатам. Собрание группы. Наш инструктор – Виктор Зайцев. Худощавый, спокойный. Оказывается, он со своим помощником уже все рассчитал. Объявляет распределение по лодкам. Старшим нашей лодки назначается Родионов Миша. Он нас постарше, невысокий, темно-волосый, все время молчит. По профессии Миша – врач. Четвертым в нашу лодку определяют довольно крупного подростка Пашку, который, кстати, приехал с отцом. Все понимают, что папаше совсем не хочется нянчиться с сыном в отпуске. Мы с Лидой тихонечко ворчим по этому поводу, ведь нам придется делить с долговязым Пашкой не только лодку, но еще и палатку.

В пункте проката получаем рюкзаки, штормовки, спальные мешки.

На следующий день – экскурсия по Петрозаводску. После нее просим разрешения остаться в городе: вдруг нам оставили заказанные книги. Спешим на автовокзал. Киоскерша приветлива с нами и охотно вынимает откуда-то из-под полы пачки с книгами.

– Берете все, что попросили? – спрашивает она.

– Конечно, – захлебываясь от восторга, киваю я, сама меж тем просматриваю витрину. – И вот эту дайте, и вон ту... Вчера их не было... Как у вас хорошо с книгами! У нас такого нет, чтобы вот так, свободно, стояли...

– На днях было новое поступление. А книг много, потому что все они – нашего Петрозаводского книжного издательства.

Мы благодарим, расплачиваемся, уходим. На прощание оборачиваюсь и благодарно киваю продавцу киоска напротив – той самой, которая согласилась передать нашу записку. Она приветливо машет нам рукой.

Выйдя с автовокзала, ищем почту, чтобы отправить книги по домам. Не ехать же с ними на турбазу!

На второй день – экскурсия в Марциальные воды. Какую-то часть пути идем пешком и рвем голубику.

Огромное впечатление произвела экскурсия на Кижы. Помню, было чувство какой-то личной причастности к этим красивейшим церквям. Всегда, когда вижу такие творения рук человеческих, как Кижы или Малые Корелы, невольно думаю о своих предках, и кажется мне, что и я могла участвовать в строительстве этой красоты, когда дощечка к дощечке, да без единого гвоздя...

Отплытие. Нам выделены лодка, палатка. Мы забрасываем в лодку свои рюкзаки и понимаем, что для нас уже и места нет. Проблему быстро решает Миша: он ловко перекладывает наши мешки так,

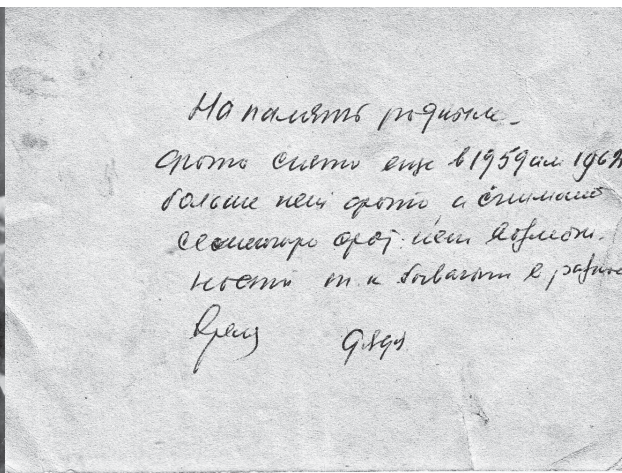
Лида и Люда. Выдали туродежду

что мы с Лидой спокойно занимаем одно из сидений. Миша на первом сиденье, Пашка – за рулем.

Когда я объявляла, что умею грести веслами, я была уверена, что умею, но не понимала, что несколько преувеличила свои возможности. Я выросла на большой реке Кама, мой папа имел две моторные лодки. С Чуса, поселка, где мы жили, до Лойно, куда ездили навещать бабушку, мы плыли на моторной лодке. А гребла я пару раз... в огороде, у дома. Когда Кама выходила из берегов, она заполняла собой не только луг за нашим домом, но и огород. Вот в этом пространстве я впервые взяла в руки весла. Грести-то я гребла, но как? Миша уже понял, что Пашка грести не умеет, а тут и мой хваленый опыт оказался липой. Оставалась Лида, которая ничего не обещала, а просто гребла и гребла. В первые дни нашего лодочного маршрута нам пришлось нелегко. Во-первых, у меня не было перчаток и в первый день мои ладони покрылись мозолями. Лида всегда была более ответственной: не помню, были у нее перчатки или нет, но врезалось в память её лицо, напряженное, со сжатыми губами. Думаю, что и ей было нелегко. Труднее всех пришлось Мише. Если мы с Лидой менялись, то он греб без отдыха. К тому же в первое время ему приходилось ставить и снимать палатки, выносить и вносить в лодку рюкзаки. Одним словом, он вел себя как настоящий джентльмен. Если бы я уловила на себе его пристальный взгляд, точно бы в него влюбилась. Но как-то быстро поняла, что я со своими мозолями, неуклюжестью и чрезмерной болтливостью ему совсем не нравлюсь. Как-то Лида заметила, что у костра он поглядывает на девочек из другой лодки...

Семья Ивана Николаевича Маркина (брата моего деду). 1960 г.

Открытка от дяди Ивана

Спать приходилось в одной палатке. Пашка занимал не одну четверть, а одну треть палатки. Нам троим приходилось с этим мириться. Я спешила занять место у стенки, Лида – рядом. Мы уже почти спали, когда в палатку залезал деликатный Миша и долго пристраивал свой спальный мешок где-то с Пашкиной стороны. Через несколько дней мозоли зарубцевались, кто-то дал мне перчатки, и я все-таки научилась грести в такт и даже рулить, что наполняло меня гордостью: наконец-то я могла считать себя полноправным гребцом. Однажды мы даже обогнали лодку инструктора Вити Зайцева, чем очень загордились, и полуоттенок этой гордости мне удалось уловить на всегда сосредоточенном лице Миши Родионова.

Десять дней. Гладь озер и изящество узеньких речушек. Сочно-зеленые берега. Перекаты. Костры. Песни, от которых кружилась голова. Дежурства на кухне. Ведро картошки. Ведро каши. Чай с травмами. Почему-то врезался в память один эпизод. Как-то мы с Лидой решили поплавать по озеру. Сели в лодку, догребли до середины и даже обогнули небольшой островок. Конечно же, пели песни. Сколько себя помню, музыка и пение меняют мое настроение. Я буквально готова на подвиги. Вот и в тот раз: напевшись, я приняла решение поплавать, для чего храбро перевалилась из лодки в воду. Наплавалась так, что почувствовала, как устали руки. Попыталась взобраться в лодку – не получилось. Это вызвало смех. Лида пыталась помочь мне – лодка накренилась. Из-за охватившего меня смеха и от того, что я побоялась опрокинуть лодку, решила не рисковать, а доплыть до берега. Как избирательна наша память! Странно, что этот ничего не значащий эпизод врезался в память. До сих пор помню спокойную гладь озера, прозрачно-бирюзовую глубину, в которой можно было проследить взвивающуюся вверх, к свету кувшинку, камушки на дне озера...

Озера и перекаты, вечерние посиделки у костра были для нас праздником. Но праздники не могут длиться вечно. Вот и Косалма, знакомый причал... Ночь в цивилизованном номере турбазы, питание в столовой, где есть не только ложки, но и вилки. Уже сданы в пункт проката спальные мешки и рюкзаки. Мы все, сплоченные пением у костра, перекатами, трудностями дорог, смотрим друг на друга

другими глазами, как на родных. И в глазах наших – синь озёр...

Еще по дороге в Москву я предлагала Лиде продолжить наше путешествие после Карелии. Например, съездить в Онегу Архангельской области, где живут мамини тетя и дядя. Я не была с ними знакома, просто каждую неделю домой приходили письма, написанные четким убористым почерком маминого дяди – Маркина Ивана Николаевича. Но, если откровенно, меня больше манило море, ведь Онега находилась на берегу Белого моря. А из Карелии до этого моря – рукой подать. К тому же у нас еще есть целых две недели отпуска. Наверное, я умела убеждать...

Петрозаводский железнодорожный вокзал. Вот уже уехала первая партия «наших», потом мы провожаем вторую партию. Вдруг кто-то спросил, а что же мы не садимся, ведь этот поезд идет в Ленинград. И тут я объявляю, что мы едем не на юг, как все, а на север: вначале в Беломорск, потом – в Онегу.

Как же все удивились!

– До Онеги? – изумлялись девчонки. – Ну вы даете...

– А оттуда – до Архангельска, – добиваю я туристов.

– Но когда же домой? Вы ведь из Ульяновска.

– Долетим на самолете. Я узнавала: есть такой рейс.

– Смотрите-ка! Тихони-тихони, а что удумали! – с восхищением смотрели на нас друзья.

Это был наш (по крайней мере мой) звездный час.

БЕЛОМОРСК

И вот поезд Петрозаводск – Мурманск мчит нас на север. Меняются пейзажи, с каждой станцией все скуднее и скуднее, а воздух – свежее, он пахнет севером и морем. Наконец поезд останавливается (ради нас: других пассажиров я и не помню) на станции Беломорск. Состав окутал нас плотным от утренней прохлады дымом и умчался дальше, на север, в Мурманск. Ближе к вечеру с той же стороны примчится еще один поезд и повезет нас уже вдоль Белого моря к городу с красивым названием Онега.

А пока будем знакомиться с Беломорском. Есть города, в которые влюбляешься сразу. Такое

чувство появилось у меня в Малой Вишере, куда мы года два назад с мамой заезжали по пути в Ленинград. Было лето, мы шли по почти деревенской улице со скромными, но такими уютными домами. Окна домов скрывали пышные кусты сирени и рябины. Пока я разглядывала эти палисадники, мама со своей сестрой ушла вперед, а я вдруг встретила глазами с идущим навстречу парнем. Его рассмешило мое странное любопытство к окнам, и он вдруг распахнул руки, словно захотел обхватить меня. Я ловко увернулась. «Эх!» – с шутливой досадой произнес он и пошел дальше. В этом жесте не было пошлости, грубости, он был веселым, а я – смешливой...

С Беломорском этого не случилось. Мы провели в нем около шести часов. Город не произвел на меня никакого впечатления. Растянутый, неуютный...Чтобы как-то скоротать время, мы зашли в книжный магазин, сходили в кино, но и фильм не поразил меня. В те годы я не знала, что отсюда, из Беломорска, рукой подать до Соловков, и отведенное расписанием поездов время мы могли бы потратить на поездку в знаменитый Беломорканал.

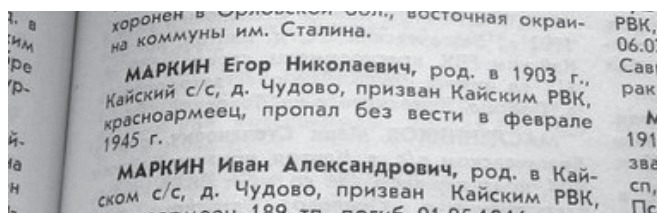
ОНЕГА

С мурманско-вологодского поезда мы вышли на крошечной станции Вонгуда. На вокзале узнали, что скоро подойдут вагончики из Онеги. Северный воздух уже заполнил наши легкие – мы были готовы к новым впечатлениям.

С вокзала Онеги еле-еле успеваем на автобус. Пытаемся узнать, где нам выходить. Нас буквально выталкивают уже через 3–4 остановки...

– Вон ваш дом, – показывают на пятиэтажный дом слева от кинотеатра «Космос».

Старший брат моего пропавшего без вести в Великую Отечественную деда – Егора Николаевича – покинул родную вятскую землю в середине 1950-х и обосновался в Онеге, где работал главным бухгалтером какого-то завода. Он был женат два раза. От первой жены у него было двое детей: сын Александр жил с семьей в Феодосии, дочь Анастасия в Артемовске Свердловской области. Они осиротели еще детьми: их мать простыла и умерла. Иван Николаевич женился второй раз на учительнице Фекле Ивановне. От этого брака у него тоже было двое детей: Николай и Нина. Николай в ту пору был преподавателем лесотехнического института и жил в Архангельске, ныне он профессор. Младшая дочь Нина родила сына Руслана и, когда малышу было чуть больше года, пропала. Объявляли в розыск – не нашли. С полуторогодовалого возраста Фекла Ивановна и Иван Николаевич растили внука. Из писем я знала, что мальчик был болезненным, социальные службы города часто отправляли его в здравницы и санатории.

Фрагмент «Книга памяти». Е.Н. Маркин

Старенькие, но такие родные Иван Николаевич Маркин и его жена Фекла Ивановна всплескивают руками после наших рассказов:

– Вот как! На лодках плавали... Путешественники!

Иван Николаевич – старший брат моего пропавшего без вести деда Егора Николаевича Маркина. Последнее письмо деда датировано февралем 1945-го: он сообщал, что был ранен в руку. Больше мы о нем ничего не знали. Году в 1948-м в пожаре сгорел его дом, где, наверное, были его фотографии. Не знаю, как он выглядел, но предполагаю, что он был похож на брата.

Я забрасываю Ивана Николаевича вопросами: «А где была деревня Чудово, в которой родилась мама? Откуда родом бабушка Евдокия Кузьмовна Пестрикова? Каким был дедушка Егор Николаевич?»

Вечерами Иван Николаевич делал записи в большой амбарной книге. Фекла Ивановна, смеясь и в то же время гордясь мужем, показала, что такими книгами заставлена вся полка над дверью на кухню:

– Каждый день пишет...

Прошу разрешения полистать одну из тетрадей. «Руслан начал ходить... Масло подорожало... Президент США выразил...» Жалею, что не выпросила хотя бы одну из тетрадей. Все равно потом чужие безжалостные руки выбросили их на помойку.

Мы с Лидой погуляли по городу, искупались в реке Онеге. Есть какая-то тайна в онежской воде...

Жаль, нам не показали, а сами не догадались спросить про остров Кий.

Нам пора. Из Онеги на маленьком Як-40 летим в Архангельск.

АРХАНГЕЛЬСК

Под крыльями самолета видна впадающая в море река Онега, вокруг зеленое «море» онежских лесов и озер. Мы – в Архангельске. Что я знаю об этом городе? Что в нем есть район Соломбалы (из книги «Детство в Соломбале») и есть район Маймакса, где мы намерены остановиться дня на два. Мы также знаем о недавно открывшемся музее под открытым небом – Малые Корелы. В автобусе уточняем, где нам в Маймаксе лучше выйти на ул. Байкальскую... Пахнет деревом: как и в Онеге, некоторые тротуары в Маймаксе – деревянные. Николай Иванович Маркин – сын Ивана Николаевича и Феклы Ивановны. Знакомимся с его женой Валентиной, узнаю дочку Ингу, с которой Николай Иванович как-то приезжал в Ульяновск. Вечер распросов. О доме, маме с папой, о родне, потом – о поездке. Удивление: «И что же, потом – в Беломорск и в Онегу... Ну и лягушки-путешественницы!» Нас угощают, ставят на стол вазочки с вареньем. Мы с Лидой придвигаем их к себе. До чего же вкусно! Вдруг замечаю, что Николай Иванович то и дело бегают на кухню и возвращается с ложкой варенья. Догадываюсь: что-то тут не так. Стараюсь незаметно отодвинуть от себя вазочку.

– Да ешьте, ешьте. – замечает мою растерянность Николай Иванович, – это мы не досмотрели. Так и надо – каждой по вазочке. Только вам теперь лучше обменяться, потому что в одной – варенье черничное, а в другой – голубичное.

Мы с удовольствием следуем этому совету.

Спим на диване в зале. Ночью обнаруживаю, что на моей шее лежит любимец Маркиных с Маймаксы сямский кот. Помня предостережение: «Он у нас кот гордый, не любит резких движений, может и цапнуть...» – смиряюсь с его присутствием: зато шея – тепло-тепло.

На следующий день нам показывают город. Запомнилась набережная, памятник Петру Первому. почти такой же стоит в Петрозаводске. На следующий день едем в Малые Корелы. Это настоящий мини-музей северного деревянного зодчества под открытым небом. Я впитываю в себя все, что сегодня объединяют понятием «Русский Север». Люблю все русское, северное... Чувствую, что связана с этими северными теремочками, северными игрушками и даже северным говором – чуть ли не с седьмого или восьмого колена. Через семь лет, задумав уехать из родного города, держала перед собой два адреса: Онега и Харьков. И там и там жили мамыны тетки. В Онеге – Фекла Ивановна с внуком Русланом (Ивана Николаевича к тому времени не стало) и живущая в Харькове тетя Маруся. Тасовала эти адреса как карты и все-таки выбрала не такой яркий, не такой солнечный и теплый, как Харьков, город на берегу Белого моря. Еще Бродский советовал: «Когда так много позади всего, в особенности горя, сядь в поезд, высадись у моря». Но это будет потом...

В кассе аэропорта покупаем билеты на самолет. Вылет – ночью, в час или два. Самое благоразумное – выехать в аэропорт вечером и там ждать самолет. Николай Иванович собирается провожать нас. Мы протестуем.

Лида приводит свои доводы: «Да вам же завтра на работу, а как же вы доедете обратно...»

– Лиидида, – почему-то тянет Николай Иванович имя подруги, – Никаких возражений, – мой дядя непреклонен. – Это не столько вам надо, сколько мне. А то буду думать, сели вы в самолет или еще куда-то рванули... Мне потом перед сестрой двоюродной отчитываться...

Приходится подчиниться. Наши чемоданы несет Николай Иванович, а мы семеним за ним с более легкими сумками. Помню пустынный аэропорт,

Людмила Дягилева.
26 лет

теплый августовский воздух... Николай Иванович прилег на лавку, лицо его прикрыто газетой. Стараясь не шуметь – а вдруг спит? – мы с Лидой вдыхаем в себя теплый ночной воздух северного города. Мне хочется бегать, прыгать:

– Слушай, а ведь отсюда вполне можно долететь до..., – мечтательно начинаю я.

– Нет уж, – проявляет твердость Лида, – я домой хочу...

Вот и наш самолет. Николай Иванович следит, чтобы мы не забыли вещи, просит не разбить банки с северным вареньем – гостинцы двоюродным братьям и сестрам...

– Спасибо, спасибо... – кричим мы ему и машем рукой.

Час в небе... Лида спит, а я переполнена радостью и даже успеваю поделиться своим состоянием с кем-то из пассажиров:

– Представляете, наш маршрут начался с Ленинграда и Карелии...

Удивляются: «Эх, молодость...»

Так закончился отпуск 1977 года...

Отпуск, начавшийся с нежности «Вечной молодости» Родена, с песни Макаревича про перекаты с костров на берегах и изящно-долговязой, до самого корешка, кувшинкой в прозрачной воде карельского озера, беломорских валунов, онежских амбарных книг с наивными записями мамино дяди и закончившийся вареньем из северных ягод и деревянной птицей счастья. Порой перебираю хранящиеся в коробке подборки открыток, проспектов из музеев и карт, блокнотик с адресами...

Через несколько месяцев Иван Николаевич прислал тетради со своими записями. Он написал их после нашей встречи. Думаю, что его вдохновили мои вопросы, да и ему, как самому старшему нашего рода, захотелось описать нахлынувшие воспоминания. Одну из них дал мне, вторую – двоюродному брату Василию Маркину.

После такого – с туристическим уклоном знакомства – мы с Лидой стали общаться, вместе бывали на концертах и вечерах поэзии. И, конечно же, еще не раз ходили туристскими маршрутами.

«Прочёл „Смерть Ивана Ильича“ . Более чем когда-либо я убежден, что величайший из всех когда-либо и где-либо бывших писателей-художников, – есть Л.Н. Толстой. Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним высчитывают всё великое, что дала человечеству Европа...»

(П.И. Чайковский)

Дмитрий САВЕЛЬЕВ, протоиерей.

СВЕТ ВМЕСТО СМЕРТИ

Размышления на тему

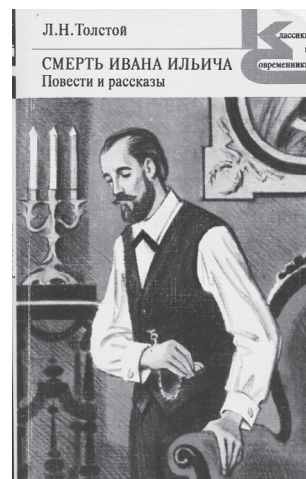
Предметом обсуждения на заседании литературной студии «Восьмерка» стала повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Хотелось бы сравнить понимание смерти классиком русской литературы с собственным отношением к обсуждаемому предмету.

Человек – существо активное и любопытное. Человеку свойственно заглядывать за границы и пределы. Мы не успокаиваемся на понимании своей жизни здесь и сейчас. Нас интересует, что находится где-то там, что было до, и что будет потом. Интересует, какое место мы занимаем не только на географической карте, но и в мироздании в целом. Хочется знать свои координаты не только во времени, но и в вечности.

Абсолютные определения нашего бытия принадлежат к числу вопросов, разрешаемых в контексте религиозного отношения к миру. Многие священные книги человечества, том числе и Библия, начинаются словами «в начале». Но это не мешает задумываться над этими вопросами также в рамках философии, в произведениях искусства и средствами всех других форм человеческой мысли вплоть до обыденного сознания.

Перечислю моменты повести, которые обратили на себя внимание в ходе обсуждения.

– Желание людей, для которых смерть еще не стала личной проблемой, дистанцироваться от ее переживания. Мысль по поводу известия о чьей-то смерти: «Хорошо, что не я!»

– Понимание главным героем повести смысла приближающейся смерти только в связи со смыслом прожитой жизни.

– Этапы приближения к смерти, при прохождении которых изменялось отношение к ней Ивана Ильича.

– Покаянное отношение героя к прожитой жизни, понимание того, что все в ней было неправильно.

– Последняя агония и конец.

– Неясность разрешения духовной драмы героя, результата его последнего покаяния.

На могу сформулировать общего вывода разговора, поскольку собственное отношение собеседников к обсуждаемой проблеме не получило общего знаменателя, кроме, может быть, самых простых суждений, вроде того, что «страдание неприятно, а смерть неизбежна». То ли тема оказалась слишком широкой и глубокой, неудобной для обсуждения, то ли мы недостаточно «разогрелись» и не довели разговор до конца, то есть до какого-то консенсуса или явно выраженных в диалоге противоречий. Поэтому пока вынужден ограничиться собственными суждениями, как всегда, основанными на мыслях авторитетных людей, уже высказавшихся по этому поводу.

Дистанцирование от проблемы смерти атеистическим сознанием опирается на известное изречение Эпикура: «Не бойся смерти: пока ты жив – её нет, когда она придёт, тебя не будет». Но это не разрешение проблемы, а лукавый уход от нее. Эпикурейство свойственно современному обществу. Забота об умирающих и усопших, в процессе которой могло бы проснуться в душе живое сопереживание этому состоянию, успешно снимается с плеч родственников и близких. Она делегируется специальным людям и учреждениям: врачам, работникам хосписов и домов престарелых, похоронным конторам и кладбищенским рабочим. Родственникам и друзьям остается только молча погрузиться рядом, размышляя о бренности и быстротечности всего земного, да обдумывать свою будущую жизнь, в которой вдруг освободилось (Толстой употребил более резкое и выразительное слово «опросталось») место, занимавшееся до этого усопшим. Где уж тут думать о смерти, когда так хочется думать о себе. Даже традиционный народный плач по усопшим нередко бывает выстроен именно в этой эгоистической тональности: «На кого ты нас покидаешь!»

Смысл и «цена» смерти всегда определяется смыслом жизни, которую она венчает. Смерть может быть прекрасным завершением прекрасной жизни, а может стать глупым и нелепым окончанием глупого и нелепого существования. Так Салтыков-Щедрин сказал про своего премудрого пискаря: «Жил – дрожал, и умирал – дрожал». Размышляя на эту тему, агностик Омар Хайям сделал неутешительный вывод:

«Когда б ты жизнь постиг, тогда б из темноты
И смерть открыла бы тебе свои черты.
Теперь ты сам в себе – и ничего не знаешь.
Что ж будешь знать, когда себя покинешь ты?»

Но апостол Павел с ним в этом вопросе категорически не согласен: «Теперь мы видим, как бы

сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (Первое послание к Коринфянам 13:12).

В любом случае, размышления о смерти – дело живых, смотрящих на нее пока еще с этой стороны. Рассматривая смерть из ее собственной области, мы, возможно, потеряем свою нынешнюю познавательную позицию, так что посмертный опыт, если он вдруг будет нам каким-то образом сообщен, окажется неприменимым и непонятным.

Этапы изменения отношения к смерти выражены Толстым достаточно четко. Сначала мы не желаем замечать тревожных признаков. Как писал Томас Манн в книге «Доктор Фаустус»: «Еще очень далеко даже до того времени, когда нужно будет только еще начинать об этом думать». Потом, наконец, мы вынуждены принять болезнь как проблему, которую нужно решать. После осознания безрезультатности лечения наступает время поисков справедливости с вопросами «за что?» и «почему именно я?», сопровождаемыми обидой на окружающих: «Почему не они?» На этом этапе умирающие часто находятся в состоянии отчуждения от людей, раздражения и злобы на них. И только в самом конце болезни приходит покаянное ощущение того, что в жизни многое было прожито неправильно.

На этом этапе хотелось бы немного остановиться. Поскольку жизнь уже практически прошла, ничего в ней изменить герой не в состоянии. Он задержался на границе между временным бытием и вечностью в отчаянной попытке что-то исправить, оказываясь неспособным ни жить, ни умереть. Оказывается, умирание – процесс совсем не одномоментный, как бы нас ни утешал по этому поводу Эпикур. В известном памятнике христианской письменности под названием «Мытарства блаженной Феодоры» это событие описывается следующим образом:

«Наконец, пришла и сама смерть, рыкающая как лев и очень страшная по виду; она похожа была на человека, но только не имела никакого тела и была составлена из одних голых человеческих костей. При ней находились различные орудия для мучений: мечи, копья, стрелы, косы, пилы, топоры и другие неизвестные мне орудия. Затрепетала бедная душа моя, увидев это. Святые же Ангелы сказали смерти: что же медлишь, освободи эту душу от тела, освободи тихо и скоро, потому что за ней нет многих грехов. Повинуясь этому приказанию, смерть подошла ко мне, взяла малый оскорд и прежде всего отсекала мне ноги, потом руки, затем постепенно другими орудиями отсекала прочие члены мои, отделяя состав от состава, и все тело мое омертвело. Затем, взявши телу, она отсекала мне голову, и она сделалась для меня как бы чужая, ибо я не могла ея повернуть. После этого смерть сделала в чаше какое-то питье и, поднеся к моим устам, насильно напоила меня. Питье это было так горько, что душа моя не могла этого вынести – она содрогнулась и выскочила из тела, как бы насильно вырванная из него. Тогда светлые Ангелы взяли ее себе на руки. Я обернулась назад и увидела свое тело лежащим

бездушным, нечувственным и недвижным, подобно тому, как если кто снимет с себя одежду и, бросивши, смотрит на нее – так и я глядела на свое тело, от которого освободилась, и весьма удивлялась этому».

Вот это медленное, «процессуальное» расставание с материальным бытием, сопровождаемое углубляющейся слабостью и обостряющимися телесными страданиями, оказывается особым пограничным состоянием, в котором умирающий может зависнуть на весьма долгое, хочется сказать, неопределенно долгое время. В истории блаженной Феодоры это время сокращается ангелами. А в последние минуты жизни Ивана Ильича потребовалось какое-то нравственное решение, какое-то последнее открытие, позволившее герою ощутить любовь и жалость к окружающим, примириться с жизнью и принять свою смерть. Тогда душа его, застрявшая в этом состоянии, смогла пройти теми неизбежными вратами в мир бестелесного существования, в которые она не могла протиснуться раньше.

Для меня, как для священника, это наблюдение имеет весьма важное значение. Мне приходилось исповедовать людей, находящихся на пороге смерти. Порой это была так называемая немая исповедь, в которой умирающий ничего не может сказать. Священнику приходится угадывать его мысли и самому формулировать не только свои вопросы, но и возможные ответы на них. А исповедующийся лишь слабыми и невразумительными знаками может показать свое согласие или несогласие с этими догадками. Результат подобной исповеди всегда вызывал у меня сомнения, которые я в надежде на милосердие Божие стремился толковать в пользу исповедующегося. Картина смерти Ивана Ильича, нарисованная Л.Н. Толстым, укрепила меня в этой презумпции.

В отличие от атеистического общества Церковь всегда думает о смерти, уделяет ей многообразное и пристальное внимание. Например, событие смерти трактуется как вступление в жизнь вечную. День смерти имеет важное значение. Близость его к тому или иному событию священной истории, к дню памяти того или иного святого, отраженному в церковном календаре, может кое-что подсказать живым о смысле конкретной смерти.

На каждом богослужении христиане просят у Создателя «христианской кончины безболезненной, непостыдной, мирной». Такой кончины был лишен Иван Ильич. И, наверное, подобную кончину заслужил преподобный Серафим Саровский, душа которого рассталась с телом во время молитвы. А покинутое ею тело так и осталось в коленапреклонном состоянии.

По вопросу о непостыдности кончины кое у кого из собеседников возникли вопросы: можно ли говорить о каком-то стыде в последние минуты земного бытия? К сожалению, можно! Подобных примеров так много, что грустно останавливаться на их подробном рассмотрении. Участник дискуссии Леонид Загайнов напомнил нам сонет Микеланджело в переводе А. Вознесенского, коснувшийся этой проблемы с глубокой поэтической выразительностью и целомудренной тонкостью.

Кончину чую. Но не знаю часа.
 Плоть ищет утешенья в кутеже.
 Жизнь плоти опостылела душе.
 Душа зовет отчаянную чашу!
 Мир заблудился в непролазной чаще
 среди ядовитых гадов и ужей.
 Как черви, лезут сплетни из ушей.
 И истина сегодня – гость редчайший.
 Устал я ждать. Я верить устаю.
 Когда ж взойдет, Господь, что Ты посеял?
 Нас в срамоте застанет смерти час.
 Нам не постигнуть истину Твою.
 Нам даже в смерти не найти спасенья.
 И отвернутся ангелы от нас.

Понятно, что повесть Льва Толстого – это только повод задуматься и осмелиться немного поговорить о смерти. Тема непростая и не очень подходящая для легкой светской беседы. Тем больше уважения к собеседникам, рискнувшим погрузиться в эту таинственную и неприятную область. Остается добавить, что христианская танатология как учение о смерти насчитывает многовековую историю, в течение которой она накопила обширнейший материал как в виде фактов, так и в форме объясняющих их теорий. Невозможно в одном разговоре прикоснуться к ним в каком-то хотя бы минимально систематическом виде. Мы и не прикасались. Достаточно того, что мы пережили эту тему на примере конкретного литературного образа. Отмечу, что переживание это не совсем мрачное. Есть в нем и светлые стороны. Описание смерти Ивана Ильича дает надежду на осторожный оптимизм, ощущение того, что в последние моменты жизни с героем случилось что-то доброе. Или даже больше: это доброе умирающему Ивану Ильичу удалось самому совершить. Недаром умирание нередко описывается авторами посмертных опытов как свет в конце тоннеля. Свет лучше тьмы! На этой светлой ноте хочется закончить отчет о состоявшемся разговоре в надежде на то, что каждый его участник еще не раз вернется к его теме в своих размышлениях, относясь к ней уже с меньшим страхом и предубеждением.

Сергей НИКОЛАЕВ, председатель отдела по работе с молодежью Симбирской епархии.

ВОЛЖСКИЙ БЛАГОВЕСТ

Итоги молодежного православного литературного конкурса

13 марта, накануне Дня православной книги, были подведены итоги II Молодежного межрегионального литературного православного конкурса «Волжский благовест». Конкурс проводился по благословию Митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина при поддержке Императорского Православного Палестинского Общества и Межрегионального координационного центра по работе с православной молодежью Приволжского федерального округа. Его организаторами стали Совет молодых литераторов Ульяновской области и отдел по работе с молодежью Симбирской епархии. Подведение итогов литературного конкурса состоялось во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке.

Грамоты лауреатам конкурса вручает Е.В. Куракова

С приветственным словом к присутствующим обратилась заместитель директора департамента культурной политики министерства искусства и культурной политики Ульяновской области Елена Куракова. Она поблагодарила организаторов, членов жюри и участников конкурса и пожелала, чтобы с каждым годом увеличивалось количество участвующих регионов, а также улучшалось качество присылаемых работ.

Приветственное слово митрополита Симбирского и Новоспасского Лонгина озвучил председатель отдела по работе с молодежью Симбирской епархии Сергей Николаев.

Выступает иерей Владимир Коблов

По окончании церемонии награждения состоялся вечер духовной музыки и поэзии. Своим творчеством со зрителями поделились народный фольклорный ансамбль «Купавушка», студенты Ульяновского музыкального училища Никита Беспалов и Елизавета Теплицына, учащиеся 12-й детской школы искусств Софья Смолева и Вероника Грожевич и клирик Иоанно-Предтеченского храма г. Ульяновска иерей Владимир Коблов.

В этом году в конкурсе приняли участие более тридцати молодых поэтов, прозаиков и публицистов из Ульяновской, Кировской, Пензенской, Самарской, Саратовской областей, из Санкт-Петербурга, а также из Республики Башкортостан.

В состав жюри конкурса вошли члены Союза писателей России Александр Дашко, Мария Богдан, Алина Осокина, председатель отдела по работе с молодежью Симбирской епархии Сергей Николаев, сотрудник епархиального отдела образования и катехизации, клирик Воскресенского храма г. Ульяновска иерей Игорь Казачков и настоятель Богоявленского храма с. Прислониха протоиерей Дмитрий Савельев.

Лауреаты конкурса в номинации «Авторская песня»

- 1-е место** – Наталья Елохина (Саратов)
- 2-е место** – Елена Афанасьева (Чебоксары)
- 3-е место** – Екатерина Воробьева (Лашманова) (Ульяновск)

Лауреаты конкурса в номинации «Поэзия»

- 1-е место** – Дмитрий Яшнов (Ульяновск)
- 2-е место** – Евгений Бодунов (Ульяновск)
- 3-е место** – Юлия Дмитренко (Ульяновск), Наталья Филимонова (Санкт-Петербург)

В номинации «Поэзия» специальным призом жюри была отмечена юная участница Марина (творческий псевдоним – Марианесса) Волкова (Ульяновск).

Лауреаты конкурса в номинации «Проза»

- 1-е место** – Антон Долматов (Ульяновск)
- 2-е место** – Анастасия Миронова (Ульяновск)
- 3-е место** – Сергей Якушов (Ульяновская область, р.п. Ишеевка)

Лауреаты конкурса в номинации «Травелог»

- 1-е место** – Виктория Варфоломеева (Ульяновск)
- 2-е место** – Илья Разумовский (Ульяновск)
- 3-е место** – Ольга Новополецова (Ульяновск).

И СНОВА МИР РОЖДЁН СПАСЕНИЕМ...

Дмитрий ЯШНОВ

Ягненок молвил: «Он такой, как я.
Такой же беззащитный, безобидный,
Такой же крошечный, Его почти не видно
На мягком сене в кедровых яслях».

Мудрец сказал: «Подобен будет нам
Он бесконечной мудростью Своею.
Больным Он раны умастит елеем,
А падшим путь откроет к небесам...»

Пастух ответил: «Он такой, как мы.
Он Пастырь. Пастырь Добрый.
Пастырь Верный.
Он мужество нам явит беспримерно...»
И взор свой бросил в сторону Звезды.

Звезда сказала: «Он подобен мне.
Светить Он будет ярко, сильно, вечно.
Он путникам Дорога в бесконечность,
Чтоб не пропасть им в полуночной тьме».

А нищий прошептал: «Он всем нам Брат.
Такой же одинокий, бедный, слабый,
Бредущий по дорогам, но не к славе,
А чтоб просящим встать у ваших врат...»

И кроной кедр прошелестел своей,
Что завершится путь земной их рядом.
Крестом стать дереву выпала награда.
И тронном Вечному Царю Царей...

А солнце так палило, лица жгло
И прожигало обуви подошвы.
И было слишком ярко и светло,
Но мир казался словно кем-то брошен...

Пыль Иудеи липла к волосам
И лицам воинов Италии далёкой,
И оскверненный ложью скрылся храм,
Что Вечный Храм вознёс на крест высокий.

Один из них отчаянно кричал
И проклинал судьбу, народ и Бога,
Второй стонал, но рта не открывал,
Лишь вспоминал неверную дорогу,

Что некогда проторенным путём
Вела от малого греха его к разбою.
Он вспоминал родимый отчий дом.
И страх, и стыд терзали больше боли...

Они с крестов взирали на Того,
С Кого, сорвав, одежды раздирали.
Солдатский смех и сотника плевков,
Молитвы стон о тех, что распинали...

А боль пронзала с головы до ног,
И первого пронзила злость тупая:
«Спаси Себя и нас, не Твой ли Бог
Дарует исцеление? Спасает?»

Сойди с креста, всеведущий пророк!
И, может, мы поверим: Ты – Мессия!
Спасал других, Себя спасти не смог!
Неужто Бог Тебя спасти бессилён?»

Второй, с трудом открыв иссохший рот,
Ответил: «Мы страдаем справедливо,
Нас осудил не Бог и не народ,
Себя на крест мы сами осудили...»

И полный муки покаянья взор
Он обратил к Страдавшему с ним рядом.
Он так боялся услышать укор...
Он так боялся встретиться с Ним взглядом...

И лишь Христос услышал те слова,
Что не устами произнёс, душою...
«Ты помяни меня, Господь, когда
Во царствие Своё войдёшь Святое...»

Евгений БОДУНОВ

* * *

Выхожу за порог. Эта ночь неспроста,
Я её не отдам, не пропью, не растрочу,
Миллион световых – как виденье Христа.
Миллион световых, и ещё два впридачу.

Я сегодня – как мрак, я сегодня – как свет,
Я один на один с потрясением сути,
Ни конца и ни края не будет мне, нет,
Но растаять рискую я в каждой минуте.

Эта ночь – не кошмар, эта ночь – не тоска,
Засмотрелись на мир поражённые лужи,
Мне казалось вчера, что развязка близка,
Я не знал и не верил, что так Тебе нужен.

Я не верил Тебе, как последний подлец,
А безверие – самая страшная ломка,
Я сбивался с пути и упал наконец,
Чтоб услышать – как ярко, увидеть – как тонко.

Всё прошло и сбылось, ничего не найти,
В двадцать девять дошёл до конца и начала,
В двадцать девять сказал Тебе тихо: «Веди»,
Жизнь боролась всех нас, но на счастье венчала.

Люди спали, и спали по гнёздам скворцы,
Спали псы во дворе, опустевшем и гулком.
Спали матери чьи-то и чьи-то отцы.
Тени, даже и те спали по переулкам.

Эта ночь ярче дня, эта ночь неспроста.
Август – словно Алтарь, он – молитва и ласка.
Эта ночь – как полёт, как виденье Христа.
Слышишь? Всюду свершается Вечная Пасха.

Юлия ДМИТРЕНКО

* * *

По вечной глупости
Без лишней робости
Разбили лопасти
С нарочной грубостью,
Взлетев над пропастью.

Без притяжения
Паришь уверенно.
Но сколько вверено
Тебе движения?

Всё дело в вере, но

Чем глубже синее
Зерцало космоса
С искристым волосом
Кометной линии,

Тем тише голос мой.

Тем больше тонкое
В душе дрожание
И обожание.

А думы ломкие

Живут, дыша, и я

Лекало Млечного
В глаза впечатала.
Дыру заплатами
Всесине-вечного

Зашила матово.

Бездумно стопами
Поправши данности,
Парим. Туманности
Речными тропами

Текут в жеманности.

В оковах времени
Гремят мгновения.
Влетим в забвение
Без роду-племени

Из ускорения.

Наталья ФИЛИМОНОВА

* * *

Мне снился сон – как будто наяву
Ложился снег на спелую траву.
Шептала осень, плакала, звала.
Молчала побелевшая трава.
Опавших яблок алые бока
Несла куда-то темная река.
Их было много, будто в небе звёзд,
Как будто бы невыплаканных слёз.
Я трогала рукой подол реки,
А белые снежинки-мотыльки
Врывались в растрепущую волну
Моих волос, как голос в тишину.
И этот голос диктовал и пел
И был он чист и бесконечно бел.

Марианесса ВОЛКОВА

СВЕТЛОЙ ПАСХИ ДЕНЬ ВЕСЕННИЙ

Весна пришла! Поёт природа!
Звонят ручьи, проснулся лес,
А с неба радостное пение:
Христос воскрес! Христос воскрес!

И снова мир рождён спасением,
Сердца теплом озарены,
И словно чудо воскресения,
Родился день в приход весны!

Иисус вселенскою любовью
Грехи людей омыл сполна,
Он плотью светлую и кровью
Весь мир сберёг от тьмы и зла.

И в Светлой Пасхи день весенний
Мы восхваляем вновь и вновь:
Христос воскрес! Душе спасение!
А людям – счастье и любовь!

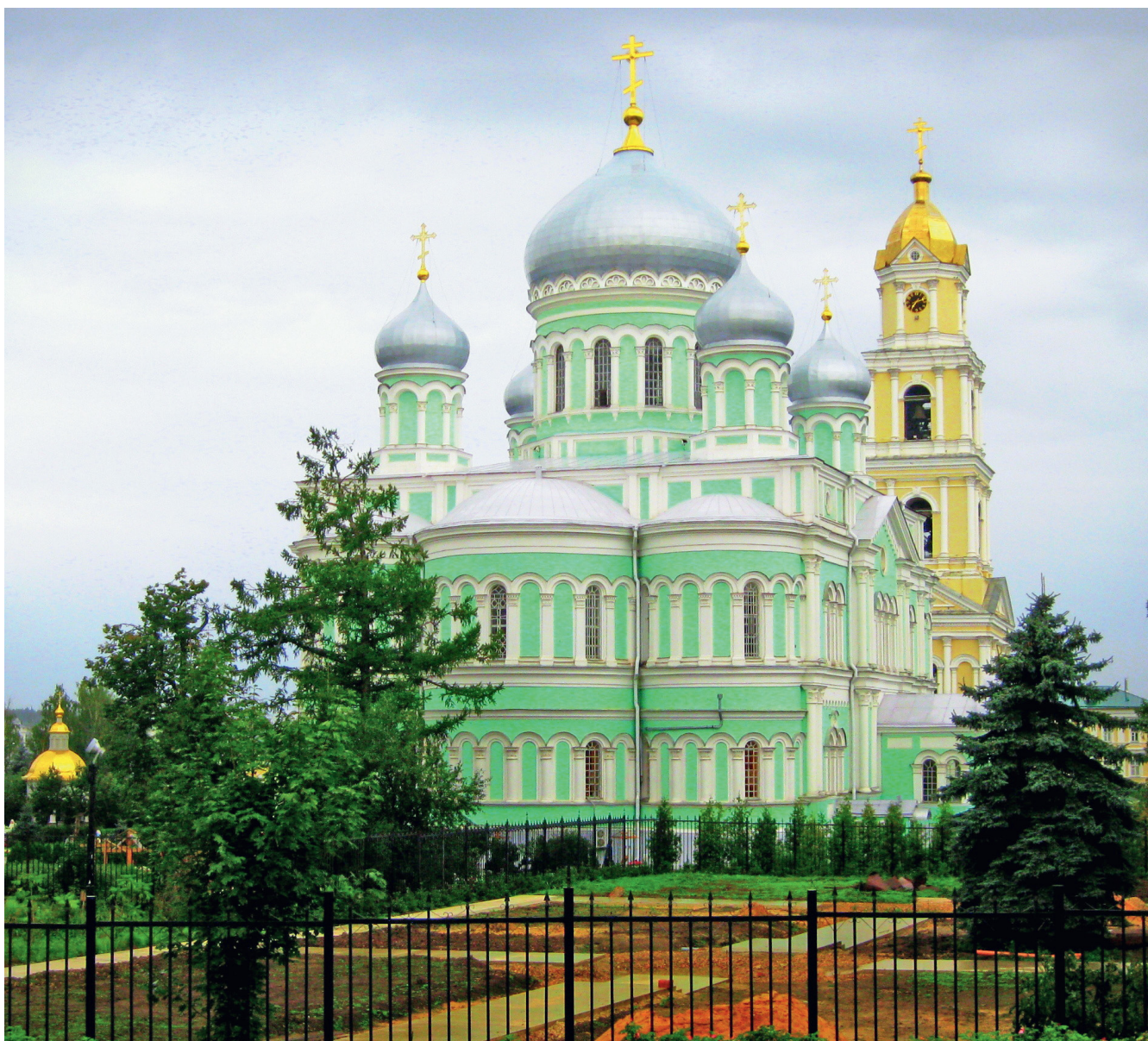
Денис Данилин. Престольный праздник в храме Петра и Павла. Село Еделево

Александр Бурыкин. Храм всех святых

*Виктория Варфоломеева.
Покровский Шиханский женский монастырь. Село Новая Сель, Никольский район, Пензенская область*

Ольга НОВОПОЛЬЦЕВА

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Одно из самых удивительных мест, которое мне посчастливилось посетить, – это Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, расположенный в Нижегородской области в небольшом селе Дивеево.

Наш паломнический автобус приехал туда ранним весенним утром, и, к нашему большому удивлению, встретила нас большая красивая радуга, изгибающаяся дугой над храмом. В это время на территории монастыря очень тихо и еще не так многолюдно, но народ уже потихонечку собирается на раннюю литургию.

Из Троицкого собора, где находятся святые мощи батюшки Серафима, было слышно ангельское пение монахинь, и наша группа сразу же отправилась туда. Помолившись соборно и почитав акафист, благоговейно приложились к святым мощам, наполнив душу радостью и благодатью. Устремив свой взор вверх и рассматривая росписи на стенах,

незаметно погружаешься в духовный мир, забывая о всем земном и наслаждаешься запахом свечей и ладана.

Выйдя одухотворенными и просветленными, мы отправились на святую канавку Божией Матери, посетив еще несколько храмов со своими святынями. Проходим по святой канавке и нас охватывает необъяснимое чувство спокойствия, тишины, весь воздух наполнен благодатью, и как будто сама природа радуется, пригревая тебя ласковыми лучами солнышка.

Гуляя по территории монастыря, наслаждаешься красивыми цветниками, яблоневым садом, прекрасным пением птиц, удивительной атмосферой покоя и душевной радости, действительно дивное Дивеево. Очень скоро наше пребывание подошло к концу, и мы, умиротворенные, уезжали, провожая взглядом золотые сверкающие купола храмов в надежде вернуться сюда снова и снова.

Владимир Ламзин. Николина гора

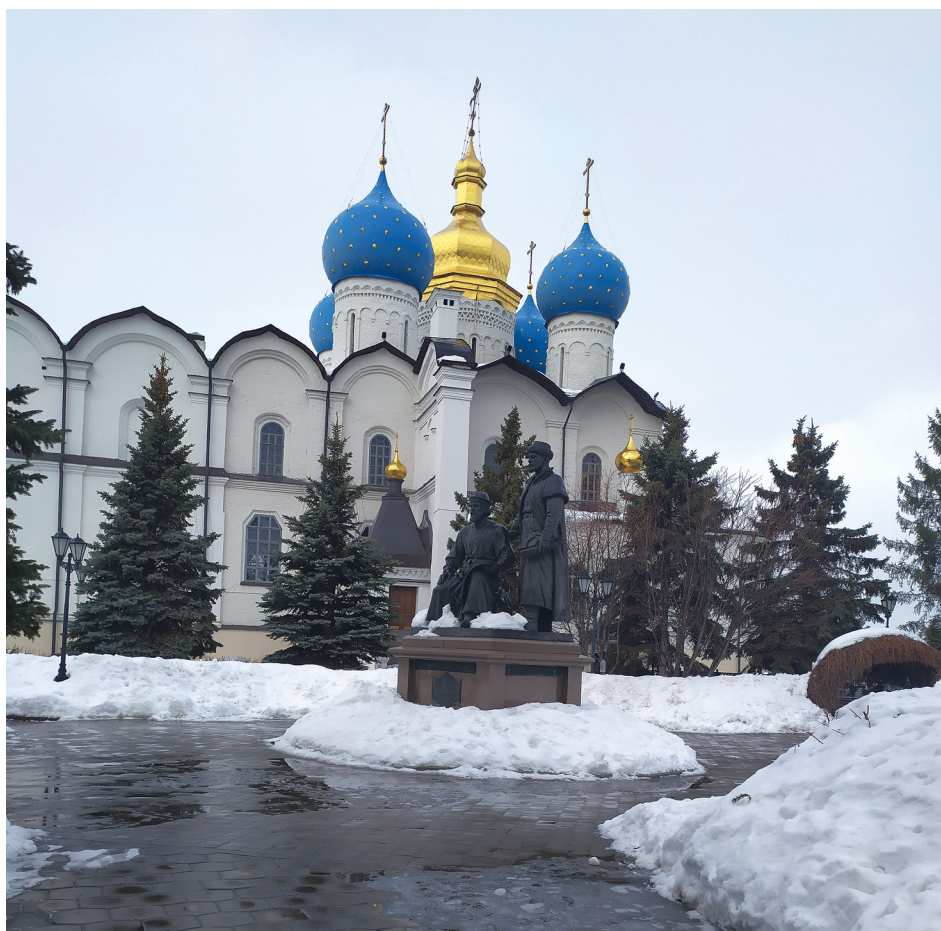
Илья РАЗУМОВСКИЙ

Осенью 2021 года мне довелось побывать в одном из самых красивых мест Ульяновской области. Место это – Никольская гора, получившая свое название по имени святого покровителя Николая Чудотворца. Никольская гора не только великолепная видовая площадка, но и объект духовного и культурного паломничества, действительно знаковое место для Ульяновской области. Она давно привлекала моё внимание, но как-то не удавалось совершить это путешествие. И когда выдалась такая возможность, я, не долго думая, собрал вещи, взял фотоаппарат и отправился в путь. День не баловал солнечной погодой, осень вообще выдалась мрачной – плотные, тяжелые облака затягивали всё небо до горизонта. Когда мы добрались до видовой точки, меня охватило чувство невероятного покоя, медитативно-меланхоличное, но вместе с тем захватывающее. Вряд ли фотография может передать хотя бы малую часть очарования открывшегося пейзажа.

Я сидел на склоне холма: казалось, время остановилось и можно провести вечность, глядя на бескрайние просторы, зеркальную гладь Суры и тяжёлое свинцовое небо, уходящее в даль.

Илья Разумовский. Николина гора

Анна Рябинова. Благовещенский собор. г. Казань

Наталья Кроткова. Церковь Богоявления Господня в Старой Майне, Ульяновская область

У ИСТОКОВ «ЧЕРЕМШАНА»

Выставка в Димитровградском краеведческом музее.

К 70-летию основания литературного объединения «Черемшан»

Иван Дмитриевич ХМАРСКИЙ (1914–2001), писатель, искусствовед, педагог, член Союза журналистов СССР. Подвергался репрессиям. Переехал в Мелекес в 1949 году. Более 10 лет руководил литературным объединением «Черемшан». Последние годы жил в Ульяновске, был профессором Ульяновского педагогического института.

Яков Капитонович РОГАЧЕВ (1926–1995), димитровградский писатель, краевед. Ветеран литобъединения «Черемшан», член Союза журналистов СССР. Писал на русском и чувашском языках. Составитель коллективного сборника мелекесских авторов «Черемшанские зори».

Вася АНИССИ (Княгинина Анисия Васильевна) (1893–1975), первая чувашская поэтесса. Книги стихов и прозы издавались на чувашском и русском языках. Участник литобъединения «Черемшан». В Димитровграде, на доме 2 по ул. Мориса Тореза, где жила поэтесса, установлена мемориальная доска.

Анатолий Николаевич ЖУКОВ (1931–2013), член Союза писателей России. Творческий путь начинал в литературном объединении «Черемшан». Был другом поэта Николая Благова. Окончил Литературный институт им. Горького. Жил и работал в Москве. Из воспоминаний А. Жукова: «...Я с благодарностью вспоминаю город моей литературной юности Мелекесс, спокойные воды Черемшана, моих дорогих земляков-литераторов».

Евгений Степанович Ларин (1926–2020), поэт-фронтовик, журналист. Член Союза писателей России. После окончания Мелекесского педучилища работал учителем литературы. Стоял у истоков создания литературного объединения «Черемшан». Настоящий книголюб, поэт-патриот, Евгений Ларин до конца жизни был в строю, много писал, выступал, общался с братьями по перу. Славное имя Евгения Ларина вписано в историю литературы нашего края.

Валерий Леонидович Гордеев (1950–2013), поэт, писатель, журналист. Основатель и первый редактор литературно-художественного и краеведческого журнала «Черемшан» (издавался с 1998 года). Автор сборников стихов и прозы. Наиболее известное издание – «Мелекесские истории» в двух частях.

Материалы предоставлены Димитровградским краеведческим музеем

ЧЕРЕМШАН

Раиса КАШКИРОВА, член актива димитровградской писательской организации «Слово», член правления регионального отделения Союза писателей России.

СЛОВО О «ЧЕРЕМШАНЕ»

К юбилею
литературного
объединения
«Черемшан»

18 марта 2022 года в Димитровградском краеведческом музее состоялось первое из юбилейных мероприятий, посвященных 70-летию со дня образования мелекесского литературного объединения «Черемшан».

Выступает Инга Гаак

Дочь поэта Евгения Степановича Ларина – Татьяна

Елена Кувшинникова

Ольга Шейпак

С любовью и благодарностью вспоминали мы имена тех, кто стоял у истоков «Черемшана»: А. Лебеденко, А.И. Хмарского, А. Гарипова, А. Жукова, Я. Рогачева, В. Гордеева, Е. Ларина – это лишь часть списка литературных апостолов Мелекесса-Димитровграда.

В работе объединения нередко принимал участие знаменитый волжский поэт Николай Благов, которого связывали сердечные дружеские отношения с писателем Анатолием Жуковым.

Тепло относился Благов к Евгению Ларину, который тоже дружил с Анатолием Жуковым. Ларин высоко ценил прозу Жукова, вплоть до того, что на собственные средства публиковал книги талантливого друга и соратника, радея о том, чтобы произведения нашего земляка получили должное признание широкого круга читателей.

Дружба больших писателей сохранилась в их переписке.

Личными впечатлениями о памятных встречах с этими удивительными людьми делились с присутствующими редактор журнала «Мономах» Ольги Шейпак, редактор журнала «Симбирскъ» Елена Кувшинникова, библиотекарь Светлана Барышева. А экскурсовод музея Светлана Еремеева рассказала о тематической выставке, подготовленной к юбилейной дате, виртуозно провела нас по стреле времени: из литературного объединения «Черемшан» в димитровградскую писательскую организацию, возглавляемую Валерием Гордеевым, и далее – к сегодняшнему «Слову», авторы которого продолжают развивать и укреплять литературное пространство нашего города.

Говоря о неоспоримом факте преемственности этих организаций, мы опираемся на талантливых писателей, которые начали творческую деятельность в «Черемшане», а спустя десятилетия вошли в состав «Слова».

Это писатель-фронтовик, почетный гражданин Димитровграда Евгений Ларин (1926–2020), единственный в Мелекессе лауреат литературной премии им. Н. Благова, писатель и общественный деятель Александра Белова, писатель-краевед, почетный гражданин Димитровграда Феликс Касимов, замечательный прозаик Александр Никонов, поэты Нонна Алиева, Лидия Лещенко и другие.

С «Черемшана» начинал свою деятельность журналист и поэт Иван Шерстнёв, отец сегодняшнего руководителя «Слова» Юрия Шерстнёва. Нет случайных событий в нашей жизни. Великая мудрость жизни и истинный путь открываются каждому человеку, если он следует голосу своего сердца...

Актив писательской организации «Слова» сердечно благодарит Димитровградский краеведческий музей, историко-культурный фонд «Мелекесь», библиотеки города и области, литературный журнал «Симбирскъ», краеведческий журнал «Мономах» и другие информационные порталы за большую исследовательскую и просветительскую работу.

Наши совместные усилия позволят неравнодушному читателю глубже окунуться в литературное прошлое и настоящее родного края.

Мы помним и благодарим тех, кто во все времена помогал становлению организации и популяризации творчества наших авторов.

Участники торжественного мероприятия в Димитровградском краеведческом музее

Жители и гости Димитровграда могут принять участие в литературных чтениях, встречах с писателями и в других предстоящих культурных мероприятиях, посвященных 70-летию литературного объединения «Черемшан».

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЧЕРЕМШАН»
Образовано в 1952 году

Руководители объединения:
Александр Гервасьевич ЛЕБЕДЕНКО 1952-1954
Иван Дмитриевич ХМАРСКИЙ 1954-1970
Сергей Александрович КУЗЬМИН
Евгений Степанович ЛАРИН 1970-1973
Яков Капитонович РОГАЧЁВ 1973-1975
Альберт Михайлович МЕЛЕШКО 1975-1979
Абдулла Касимович ГАРИПОВ 1979-1989
Сергей Валентинович СЛЮНЯЕВ 1992-1999

Клуб молодых литераторов Димитровграда
Сергей Валентинович СЛЮНЯЕВ 2000-2003

Члены Союза писателей: А.Н.Жуков, Вася Анисси (Княгинина А.В.), В.Л.Гордеев, Е.С.Ларин, Я.К.Рогачёв, А.К.Гарипов, А.Г.Белова, А.Ф.Никонов, Н.В.Алиева, В.М.Первушин, Ф.Д.Касимов

С 1986 года в Димитровграде работает общественная профессионально-творческая организация «Димитровградское отделение Союза писателей России»
Сопредседатели ДПО
Е.С.Ларин
В.Л.Гордеев

Юрий ШЕРСТНЁВ, член Союза писателей России.
Руководитель писательской организации «Слово»
(г. Дмитровград).

ИЗ НЕДОПЕТОГО

ПРИЛЕТАЙ ИНОГДА...

Прилетай иногда на мое крыльцо
Маргаритой, сплошной стеной дождя,
Легкой тенью, уставшим в пути скворцом...
Буду ждать... Я узнаю во всем тебя.
Прилетай иногда в мои грезы-сны
Золотым мотыльком, лепестком огня,
Листопадом стихов, ветерком весны,
Но прости, если вдруг не найдешь меня...

Заходи на часок, на чуток, на миг,
Заходи просто так, помолчать вдвоем,
У свечи посидим, где туманный блик
Наваждений, застывших в окне моем.
Заходи... навсегда, заходи на жизнь,
Ворожи на сиреневых облаках,
Обожгись о любовь, в нелюбовь сорвись,
Став последнею каплей в моих грехах...

СТИХИ ВСЕЛЕННЫ...

Живи... И бейся... И не бойся...
И борись.
И стой всем на спор.
Потому что это – жизнь.
Устать легко так
От своих же перемен.
Всему наотмашь стань собою,
Встав с колен.

Умри, коль время
Раствориться в облаках,
Пошли всех к чёрту,
Но останься им в стихах.
Стихи нетленны,
Если строки их чисты.
Стихи...
Вселенны.
Я подставил им листы.

ПУСТЬ ГОРЯТ В ЛЕСАХ РЯБИНЫ...

Не ворчи на ветке, Ворон.
Мой рассвет ещё не чёрен,
Хоть я с ним и попрощался невпопад.
Не зови с собою снова –
Мы с душою не готовы,
Нам ещё встречать грядущий снегопад...

Пусть горят в лесах рябины
Не для плачей снегириных -
Снегирям весенних песен не слышать.
Знаю, с мартовской каплей
Мы поймём, что так хотели
Вечно ждущей нас Вселенной рассказать...

Не ворчи на ветке, Ворон.
Я закату не покорен,
Если песнь меня упрямо тянет вдаль.
Мне б той далью любоваться,
Мне б с той песней продолжаться,
Только б дал Господь излить её печаль.

Пусть горят в лесах рябины,
Пусть нас в будущем не видно...
Снегирей за то нисколько не виню.
Лишь бы песни этой крылья
Не покрылись чёрной пылью,
Лишь бы кто-то спел её хоть раз на дню.

* * *

Пахли мятой и пылью тропинки,
В край смородинный звал летний сад.
Чей-то дед возле старой калитки
Собирал до утра звездопад.
Клал в корзину упавшие звёзды,
Каждый раз прижимая к груди,
Каждый раз говоря им тихонько:
«Погоди умирать, погоди».

Тяжело ему было и больно
Видеть их угасанье в траве,
Он, как мог, согревал их любовью,
Всей последней любовью своей.
За звездою звезду целовал он,
И на небо с печалью смотрел,
И беззвучно по-дедовски плакал,
Словно свет их спасти не успел...

Над тропинками росы сверкали,
Потерявшись в уснувших веках,
А Земля наполнялась сияньем
Грёз, что были в душе старика.

Пахли мятой и пылью тропинки,
В край смородинный звал летний сад.
Чей-то дед у открытой калитки
Собирал до утра звездопад.

Ю. Шерстнёв. Автопортрет

* * *

...Накукуй, Кукушка, мне
Лет хотя бы двадцать,
Чтобы в них нам с милою
Вдруг не расставаться.
Если же под сотню лет
Щедро накукуешь,
Я пойму, что ты опять
Надо мной шуткуешь.

...Ты напой мне, Иволга,
Песнь, что мама пела –
На стихи Есенина
О березке белой.
Где же ты печальная?
Что ж тебя не слышно?
Неужель не помнишь ты
Песен, с нами бывших?

...Не грусти, Соловушка,
Если осень скоро...
На меня вчерашнего
Не смотри с укором.
Мне вчера усталось так,
Что и жить не любо...
А ведь как хотел летать
Со стихами к людям.

...Как же ты, Воробышек,
В зиму эту будешь?
Прилетай ко мне, когда
Крошек не добудешь...
Крошек хватит у меня –
Поклюёшь с ладони.
Жаль лишь, за окном опять
Век в закате тонет...

...Что же ты, Господь, меня
Балуешь удачей?
В чём, скажи, ко мне расчет?
Не начать иначе ль?
Не писать ли сызнова?
Нынче ль не закончить?
Если знаешь, дай мне знак,
Намекни хоть в полночь.

...Ах, о чём я, и зачем
Путаюсь в глаголах,
Если в силах всё сказать
На страницах голых?
Если б птичий знал язык...
Если б Бог услышал...
Я бы по ночам взлетал
С края ближней крыши!
И парили бы стихи,
Песни б не кончались...
Только крыльев нет как нет,
Рифмы растерялись...

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

О, если есть на свете Ты, наш Бог,
Не дай мне жизни дольше, чем у сына.
Не жаждем доли лёгкой, без тревог,
Но всё же от нелепостей спаси нас.

О, если есть на свете Ты, наш Бог,
То почему же так несправедливо
Уходят души чистые не в срок,
А души грешные средь нас бессрочно живы?

О, если есть на свете Ты, наш Бог,
То сделай так, чтоб честный путь венчался
Не парюю босых и нищих ног,
А долей справедливой воздавался.

О, если есть на свете Ты, наш Бог,
То почему рождаются тираны,
И почему всё чаще, как упрёк,
Мы слышим: «Без рубля талант бесславен»?

Явись на Землю вновь, Всевышний, Бог!
Войди с рассветом в каждую обитель.
И защити. И дай любви урок!
Ведь ты же можешь, ты же – Избавитель!

Претензии мои к тебе прости.
Я верую! – в Тебя и в то, что в жизни
Мечта моя о Царстве Красоты
Однажды станет явью для Отчизны.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Нина ВАСИЛЬЕВА, педагог, краевед. Отличник народного просвещения. Автор публикаций об истории Чердаклинского района, о знаменитых земляках. Биограф писателя Петра Трофимовича Мельникова.

ЗАВОЛЖЬЕ РОДНОЕ

*Заволжьем я всегда гордился
И прославлял его как мог!*

Петр Мельников

Заволжье. Произносишь это слово, и сразу же в памяти возникают родные волжские просторы, заливные луга, бесконечные, удивительные в своём плодородии поля, боровые и лиственные леса... И это всё – моя родина: родное моё Заволжье, щедро населённое талантливыми людьми: хлеборобами, поэтами, писателями, врачами, учителями, певцами, тружениками разных профессий...

Заволжье – колыбель, приснопамятное место многих деятелей культуры и искусства. И как я была счастлива узнать, что именно в Заволжье, в селе Сосновка Чердаклинского района, в большой крестьянской семье родился поэт и прозаик Пётр Трофимович Мельников. Здесь пела над его колыбелью матушка Устинья Ефимовна песни, радовалась вместе с мужем Трофимом Павловичем рождению сына. Ещё свежа была боль утраты сыночка Петеньки, умершего в возрасте 11 лет от дифтерии. Поэтому и решено было назвать родившегося 8 ноября 1928 года младенца Петром, с самого рождения окружённого заботой и вниманием старших сестёр и братьев.

Дети Трофима Павловича и Устиньи Ефимовны Мельниковых: Маруся, Аня, Вася, Ксения, Миша. 1927

Петру Мельникову было всего 2,5 года, когда их многодетную семью, лишив дома, имущества, выслали в Казахстан. Позднее он напишет: «Я в раннем детстве видел много горя».

Скупые строки официальной информации:

«Мельников Трофим Павлович, 1889 г.р., уроженец и житель с. Сосновка, крестьянин, его жена Устинья Ефимовна, 1890 г.р., отец Павел Фёдорович, 1859 г.р., мать Устинья Ивановна, 1858 г.р., их дочь Мария, 1910 г.р., в 1931 году были раскулачены, лишены имущества и выселены на спецпоселение [в Казахстан]. Реабилитированы 22.09.1994.»

Следуя исторической правде, необходимо пополнить эти сведения: здесь не указаны ещё пятеро малолетних детей: Анна (1919 г.р.), Василий (1921 г.р.), Ксения (1924 г.р.), Михаил (1925 г.р.), Петр (1928 г.р.).

Старшим детям, Марие и Анне, удалось скрыться и избежать выселения. «Когда семью увезли в Казахстан, Маруся с Нюрой остались без работы и без средств к существованию, – писал позднее Петр Трофимович в автобиографической повести «Столбунцы». – Ходили по родным – где день проведут, где два. Да и родные боялись их привечать. Они это чувствовали и постоянно думали: что же им делать?

Прятаться, скитаться можно неделю, две, а дальше – то жить как же?

По совету родственника, дяди Васи Силантьева, Маруся написала заявление об отказе от своих родителей и семьи. «Заявление было опубликовано в Чердаклинской районной газете. В то время это было нередким случаем. Такое отречение давало право жить на родине, освобождало от выселения. Нюра на это время скрывалась в больнице. Вот так они и остались в родных местах...»

Непреклонной была установка гонителей,
Но отнюдь не безвыходной детям земли:
Кто от Бога откажется и от родителей –
Те остаться на родине все же могли.

*Мария и Анна Мельниковы с сестрой отца
Татьяной Павловной Силантьевой*

Автобиографическая повесть Петра Мельникова «Столбунцы» воссоздаёт жизнь родного заволжского села Сосновка, повествует о дорогих и близких автору людях, о радостях и скорбях, выпавших на их долю. Писателю пришлось проделать огромную работу, чтобы восстановить мир сельской жизни с ее укладом, традициями, атмосферу большой и дружной семьи, её трагедию, в которой отразились судьбы миллионов людей, выброшенных из привычного русла жизни и оказавшихся на грани истребления в 30-е годы XX столетия, в годы коллективизации.

Почему автор выбрал такое название для своей повести, становится понятным лишь при ее прочтении. На страницах повести не раз упоминается слово «столбунцы».

Столбунцы, по-другому полевой хвощ, растёт по берегам рек, болот и озёр, ручьёв, сырых полей, вырубок, обрывов, осинников, сырых березняков. Это растение известно многим. Его сочный розоватый стебель очищают, и тогда столбунцы становятся пригодными в пищу.

С кем бы я ни разговаривала из людей довоенного, послевоенного времени, большинство из них хорошо помнят и знают это растение.

Из воспоминаний Валентины Федоровны Ларионовой, жительницы поселка Мирный: «Помню голодный 1946 год. Мы с бабушкой ходили собирать листья столбунца. Ходили далеко, за речку. Мама из них лепешки пекла, каким образом – не знаю».

«Иногда мать с Марусей или тётками возвращались из лугов с продолговатыми, как лодочки, корзинами, – пишет Петр Мельников, – из которых топорщились усыпанные каплями росы стрелки горьковатого, но вкусного дикого лука да стебли кислых столбунцов. Для детей наступал настоящий праздник. Бабушка пекла с зеленью пирожки и угощала внуков».

В одном из стихотворений, посвящённых родному селу Сосновка, поэт напишет:

На дорогах, что мною пройдены,
Не звенели взахлёб бубенцы.
Стали символом моей Родины
На приволжских лугах столбунцы.

Столбунцы оказались, действительно, символом родины, символом отчего края для репрессированной семьи Трофима Павловича Мельникова, оказавшейся на поселении в Казахстане.

«Когда зазеленела ковыльная степь, зазвенели над ней колокольчиками жаворонки, а еще выше в голубом небе закружили коршуны да кобчики, Вася, Ксения и Миша стали ходить к подножьям холмов за диким луком и щавелем. Сами наедятся и домой принесут. Отец с удовольствием ел лук и щавель и вспоминал о нашей далекой Родине.

«Ну, конечно, не то, что наши луговые столбунцы, а все-таки щавель ничего – кисленький. Вот и зубы перестали шататься». Так наша семья спаслась от цинги».

На память от Пети, Оксы и Миши

Первая часть повести «Столбунцы» озарена светом и любовью к родному селу, описанием жизни спокойной, наполненной трудом и житейскими заботами. Автор предоставляет читателю возможность узнать уклад жизни, царивший в работающей крестьянской семье, прекрасно воссозданный на страницах повести...

«В 1907 году семья Мельниковых состояла из шести человек: Павел Фёдорович, Устинья Ивановна да их дети: Трофим, первенец, и дочери Татьяна, Екатерина и Пелагея. Бревенчатый дом под железной шатровой крышей стоял посреди села. Жили землёй. Снимали у помещика Масленникова по двадцать рублей за десятину – своей-то земли не было. Засевали ржаное, просо, подсолнух, горох, овёс, лён, коноплю, сажали картошку. Павел Фёдорович был большим знатоком хлебопашества. Он знал, когда и что посеять. Урожаи были хорошие, кроме засушливых лет. Держали скотину: три выездных рабочих лошади, племенного жеребца. По праздникам на нём парни и девушки катались, особенно на свадьбах. Ещё две дойные коровы с телятами, около двадцати овец. На зиму оставляли для развода свиней – двух маток, уток, кур, гусей. Содержали пчёл до тридцати улей. Занимался с ними Павел Фёдорович. Во время медосбора и подготовки к зиме привлекал одного Трофима. В субботу на воскресенье отец с сыном, возвращаясь с пасеки, заходили на бахчи и несли в руках арбузы и дыни. Осенью вместе с тыквами их накладывали полную конюшню. Иногда Трофим прихватывал с собой ружьё, и тогда из ягдташа неторопливо и торжественно доставал он подстреленных уток или зайца.

Молодая семья Мельниковых: Трофим Павлович и Устинья Ефимовна с дочкой Марией. 1913

Из ивовых прутьев плели нерета, а зимой вязали бредень и сети. Ловили рыбу на долблёной бударке, а на лодке только катались. Между Волгой и Сосновкой все озёра были переполнены рыбой.

Косили сено в пойменных лугах всей семьёй, сено складывали в стога на жердях. Вывозили же к подворью зимой, когда устанавливался санный путь.

По средам и пятницам (базарные дни) возили в город (Симбирск) на продажу семечки, горох, муку и мясо. Из города привозили сахар, керосин, мануфактуру, серпы, лопаты и другую утварь. Сани, телеги и дуги делали сами».

Д.И. Архангельский. Ярмарка. Симбирск

Эта пространная цитата воссоздаёт трудовой мир большой семьи и даёт возможность понять, кем были эти люди? Кулаками-мироедомы или тружениками? Как писал Петр Мельников, «у Павла Федоровича [его деда] в страдную пору из лаптей прорастали озимя. Спал он, не разуваясь, чтобы время попусту не терять, то в конюшне, то на сеновале, а то и под телегой у своей межи». Земля в Заволжье испокон века отличалась плодородием, богатой чернозёмом почвой. Урожаи были высокими – только не ленись.

10 октября 1928 года на страницах газеты «Пролетарский путь» появилась статья «Горох – вне закона» (Чердаклинский район).

«На Чердаклинском зерноскладе скопилось 20 т <тысяч> пудов гороха и до 4 т <тысяч> пудов льняного семя. У Кр. Городищенской многолавки тоже лежит 3 т <тысячи> пудов гороха.

Заготовители не знают, куда им направлять этот хлеб; нет нарядов. Боевые задания по отгрузке заготовок на горох не распространяются. Этот минус в работе надо устранять». Автор заметки «В».

Вспоминаю всегда с удивлением колхозные бахчи. Ещё в 50-е годы повсеместно в Чердаклинском районе выращивали арбузы, дыни... Сейчас трудно представить, что эти культуры выращивались на наших полях и полностью обеспечивали потребность населения не только района, но и отправлялись на городские рынки.

В детстве мы особенно любили тонкокорые, небольших размеров арбузы. По осени их закладывали в бочки вместе с квашеной капустой в погреба, а в зимнее время солёные арбузы становились своего рода деревенским деликатесом.

Близость родного села к Волге щедро одаривала жителей рыбой. В те годы рыбные богатства Волги были сказочными, она воистину была Волгой-кормилицей. Пётр Мельников в одном из стихотворений, передавая восторг перед рыбными богатствами родной реки, писал, что в те времена «рыба к рыбаку на лёд из проруби // При морозце прыгала сама!» И это действительно было так.

«На озёрке, за баней, отец с дедушкой Павлом ставили соломенные запруды, и в них было много рыбы. Она заходила сюда с весенним половодьем. Маруся вечером ставила нерета, а утром на зорьке вынимала. Первый раз она даже испугалась: так много оказалось в каждом из них окуней...»

«Весной, когда половодье заливало нашу луговую сторону поймы – сосновые и еловые гривы, берёзовые рощицы и дубравы, то озёра соединялись с Волгой. В это время отец отправлялся в просмоленной лодке на рыбалку. В определённые часы мать собирала и выводила и нас, детей, к ослепительно сверкающей воде, и с песчаного бугра мы глядели вдаль на разлившуюся без конца и края реку. Мать говорила:

– Смотрите, вон плывёт отец... Видите, как вёсла на солнышке блестят?! А дедушка подгонял лошадь, запряжённую в телегу. На телеге горой лежали большие, глубокие корзины с двумя ручками. Привезут их полные ещё живой рыбы, да не мелочи какой-то, а белуги, севрюги, сомов да судаков, широких лещей на копчение, стерлядку, сорожку, оку-

ня да карасей с ершами на уху. Откроют погреб, по зиме набитый льдом, накладывают на лёд самой крупной рыбы, и она долго, словно заснувшая, в холоде и свежести лежит».

Даже при прочтении этого небольшого отрывка, напитанного любовью автора к своей семье, её доброму укладу, в душе рождается чувство затаённой грусти и зависти к той жизни, которая была наполнена не только трудом, но и единением с миром природы, умением видеть его красоту в каждом, даже малом проявлении. Это и ослепительно сверкающая вода, и разлившаяся без конца и края река, и блестящие на солнце вёсла, и заснувшая в холоде и свежести рыба...

Читаешь, перечитываешь строки, и душа наполняется светом радости, умиротворения и благодарности автору, сохранившему, несмотря на все испытания, любовь к отчуждённому краю.

Как же можно не гордиться родным Заволжьем, природные богатства которого казались неисчерпаемыми. Заливные луга Заволжья считались известными в России по богатству разнотравья, их целебности. А какой воздух наполнял родные места во время буйного цветения трав.

Праздником ловкости, силы и сноровки был для сельских жителей сенокос. Внимательно следили крестьяне, чтобы травы не перестояли, чтобы и в зимнее время «сено пахло весной и летом от засохших на солнце цветов».

«Когда же наступала пора сенокоса, раздольная пойма реки оглашалась ржаньем лошадей, головами людей, переборами гармон и хватающей за сердце песней. Готовилась к сенокосу и Сосновка. Под каждой повестью поблескивали поставленные в ряд отточенные косы».

Дружная семья Мельниковых рано поутру отправлялась на покос. Из детей чаще всего отправлялась Маруся, она уже была настоящей помощницей: «Карего распрягли и поставили к телеге под тенью от лесной гривы Теплухи. Рядом над озерком поднималось белое облако пара. По всей пойме по грудь в тумане бродили лошади, мелькали головы косарей. Нарядно пестрели при первых лучах восходящего солнца женские кофты и платки. Все куда-то двигалось и перемещалось, словно бы застигнутое половодьем, плыло навстречу течению».

«Хорошо в лугах – особенно Марусе. Она ведь не косит, не гребет, а время проводит как желает. Задумает – побежит птиц из травы выгонять. Там, в гуще луговой овсяницы, попискивают перепелки и дергуны. Поймает маленького птенчика, подержит в руках желтый пушистый комочек, отнесет и пустит на безопасном месте, чтобы не попал под косу...»

Надо видеть, как летней порою
Мелкий дождь моросит на луга.
Встанет радуга в небе такую,
Как над тройкой коней дуга!

Ярко светит дневное светило,
Косари взяли косы и встали рядком.
Для ребят, как по лужам, удовольствием было
По блестящей траве пробежать босиком.

Взаимосвязь автобиографической прозы и поэзии является своеобразной особенностью творчества Петра Мельникова. Художественный и документальный жанры удивительно дополняют друг друга, усиливая эмоциональное воздействие на читателя, расширяя его представления о событиях, традициях, обычаях.

Были заводы, рощи, дубравы,
По росе не бурьян, не острец,
А косили душистые травы
Спозаранок мой дед и отец.

Пот смахнуть рукавами с надбровий
Даже радостно было для них.
– Не задеть бы птичьих гнездовий –
Осторожно обкашивай их.

Э.П. Панов. Сенокос

Слышал я, когда местные жители
На покос выходили гурьбой,
Иногда и мои родители
Меня брали в луга с собой.

Меня гладила мать по головке,
Когда первые делал шаги.
Тявкали пес, и ко мне неловко
Конь тянулся из-под дуги.

Сколько невысказанной тоски по материнской ласке, сколько нежности в словах: «Меня гладила мать по головке, // Когда первые делал шаги». Только и осталась у Петра Мельникова эта ранняя память о матери. Оказавшись на поселении, где царили «голод, холод и тиф», он выскажет позднее всю боль и горечь в немногих словах: «До весны в семье нашей не дожили // дед и бабка, и родная мать»: Устинья Ефимовна (24.09.1890 – 28.02.1932), дед Павел Фёдорович (1859 – март 1932), бабушка Устинья Ивановна (1858 – январь 1932).

Петр Трофимович постоянно помнил о них, оставшихся навсегда в казахстанской степи. Его память неизменно возвращалась к скорбным событиям, и он понимал, что не сможет жить спокойно, не будет мира в его душе, пока не склонится он в

глубоком поклоне перед памятью тех, кому обязан своей жизнью.

В 1958 году поэт возвратится в Казахстан, где прошло его детство, где нашли упокоение его самые близкие люди: «На могилу отца я в почтовом вагоне из России ограду привёз в Казахстан».

«Я работал в облпотребсоюзе по ремонту кузовов, – вспоминал Петр Трофимович. – Со мной работал слесарь Александр Иванович Шмаков. Это он изготовил ограду 1,5 на 2 и уверил меня, что по железной дороге можно будет ее провезти».

Поэт видит сыновний долг в том, чтобы не была предана забвению память, чтобы дети знали и помнили историю рода своего. Он с горьким сожалением говорит, что эта ограда была первой «на погосте забытом», где «нет, и не былоobelisks, крестов».

На могилу поставил я крест и ограду,
Помянул хлебом-солью да крепким вином.

И тогда, покоряясь неведомой силе,
Солнце скрылось тайком в кучевых облаках,
Вихрь с дороги прошёл по отцовской могиле,
И в ушах загудел, и пропал на глазах.

Нельзя читать эти строки без волнения и без слёз. Что это? Дань мистике? По-моему, душа отца откликнулась и дала понять сыну, что существует неразрывная, незримая связь с ушедшими, дорогими для нас людьми, которым так нужна в наших сердцах память о них.

Предпринятое путешествие в Казахстан с целью установить ограду на могиле отца, отдать последнюю дань сыновней любви и благодарности – это, на мой взгляд, подвиг высокой нравственности. «Спи, отец! Издалека с приветом// Я пришел из мест родных один...»

В том, что поэт сохранил любовь к отчему краю, родной земле, интерес к истории своего рода, несомненно, огромная заслуга его отца, Трофима Павловича Мельникова, который находил «лишь в работе отраду». Благодаря его природной сметливости, привычке к труду, стойкости духа, страстного желания выжить наперекор всему – удалось ему не только сохранить детей, но и передать всё лучшее, что было свойственно русскому крестьянину, рачительному, трудолюбивому, не опускающему рук ни при каких обстоятельствах.

«Устройство маслѐнки отец увидел в Прибалтике, будучи в армии. В своих рассказах он часто вспоминал города: Ригу, Ревель. Маслѐнку начал строить с двадцатого года, сначала маленькую на гумне, потом купил у Масленникова сарай каменный из красного кирпича и разместил в одном конце маслѐнку, а в другом – обдирку».

Что такое обдирка и так ли уж нужна она в хозяйстве, не каждый сегодня объяснит. Известно, что у хорошего хозяина всякой муки всегда было довольно. Но как жить русскому человеку без каши? Без каши в обед и не в обед. «Не молот хлеб, так и не мука, не толчено зерно, так и не пшено, не крупа». «Для крупы зерно возят на такие мельницы, кото-

Трофим Павлович Мельников (слева). 1915

рые называют круподерками, или кладут в такие машины, которые прозваны крупорушками, – читаю в книге С. Максимова «Куль хлеба». – Чтобы сделать крупу, надо либо крупно смолоть, либо только обдрать зерно, то есть очистить его от шелухи или лузги. Из пшеничных зерен приготавливается белая крупа, называемая манною: манная каша – детское кушанье. Из ржаных зерен крупа черная, из неспелой ржи – зеленая, из ячменя – яшная и перловая крупы, из полбы – полбяная, из овса – овсяная, из гречи – гречневая и смоленская, толченая из проса – пшенная. Столько и каш, столько и пирогов, а «как пирог с крупой, так и всяк с рукой».

Семья Мельниковых отличалась не только трудолюбием, но и добрым отношением к людям. Не было в них скупости, рвачества, жадности. Умели поделить и последним.

Старшая сестра Маруся со своей подругой Клавой «набирали всегда по ведру чистых ягод, не как другие – придут домой и мусор начинают откидывать. Бабушка Устинья всегда наказывала: «А вы вперед сами наешьтесь, потом в ведро станете класть». «Хорошая у нас была бабушка, – вспоминал Петр Мельников, – добрая, веселая, умная. Маруся ее очень любила. Кто бы в дом ни пришел, бабушка ни за что не отпустит без угощения».

Доброта, радушие, извечное русское гостеприимство и хлебосолюство были свойственны русскому человеку испокон века. И ещё извечное трудолюбие.

«У березовой рощицы родитель остановил лошадь. На луговине до первых заморозков трава-отава заметно подросла и теперь, набитая снегом, мягко осаживалась под ногами. Уснувшие подо льдом и снегом озера с камышовыми кромками были едва приметными. Маруся знала: много было отцом из озер да запруд рыбы переловлено, много на них да на болотинах дичи пострелено. Волков с зайцами он больше живьем в капканах брал. А на другой год, глядишь, в лугах снова всё кишмя кишит. Не оскудели промысловые уголья, только знай, когда и что с пользой брать» – сейчас многими в своем рвачестве, поспешной жадности наживы забыты.

Мария Мельникова. 1930

Семья Мельниковых содержала до 30 ульев. Дед Павел Федорович Мельников «издавна держал за домом, на огороде, пасеку. Но больше бортничал. Лесное пчеловодство давало большой прирост. Во время медосбора мёд на телеге, словно глину, возили».

Встретившись недавно с Владимиром Петровичем Рухлиным, жителем Чердаклов, услышала от него, что дед, прадед и прапрадед его занимались пчеловодством и что прапрадеда-пчеловода Екатерина II освободила от налогов. Оказывается, Екатерина II, озабоченная ухудшением пчеловодства в Отечестве, Высочайшим Манифестом от 14 марта 1775 г. избавила пчеловодов от всех налогов: «Отрешаем, где есть сбор с бортевого или пчельного уголья, и повелеваем впредь оное не собирать и не платить». Вот такое разумное решение было предпринято Императрицей.

Пчеловодство в Заволжье до сих пор не утратило своего значения, вот только нет бережного отношения к труду людей, занимающихся этим, несомненно, благим делом. Не только нет уважение к труду пчеловода, но нет и понимания к сохранению не только этого промысла, но и пчелы-труженицы.

С.С. Красковский. Пасека. Ульи

«Павла Фёдоровича пчёлы не любили. Как начнёт шуметь да махать руками – ну, тут они все на него! Вечером соседские ребятишки к нему так и льнут:

– Дедушка Павел, дай нам медку!

Он, конечно, немного покуражится и скажет:

– Дай-то дай, а как в прошлом году вы наелись да от медового жару чуть не поумирали. Вам что, поели – и за брюхо, а я за вас отвечаю!

Ребятишки одолевали, и он сдавался: «Ну, да разве что помаленьку». А у самого на льняном полотнце и клеёнке уже лежали загодя нарезанные ломтями белые соты с золотистым мёдом.

– А вы не всё поедайте сами, сестрёнкам с братишками оставьте, – ласково напутствовал он их».

В дуплах деревьев, бортиках, водилось множество диких пчёл; поэтому к охране «бортного дерева» относились строго. Добыча мёда диких пчёл требовала большого мастерства и опыта.

Русские крестьяне называли пчелу «Божьей угодницей», понимая, что она трудится «людям в потребу, Богу в угоду», а преподобные Зосима и Савватий Соловецкие считаются от века покровителями пчёл и пчеловодов. Без Бога – ни до порога, а без Зосимы-Савватия – ни до улья. Рой роится – Зосима-Савватий веселится.

Особым праздником для крестьянина был Медовый Спас, который и поныне отмечается 14 августа: «На первый Спас и нищий медку попробует».

К.Е. Маковский. Медовый Спас

Петру Мельникову дорого и памятно Заволжье ещё и потому, что здесь он встретил свою любовь, свою судьбу – Галактионову Анну Дмитриевну (25.01.1936 г.р.). Его сразу же привлек веселый нрав девушки, который сочетался со скромностью и строгостью. Родом Аннушка была из села Большое Пальцино, расположенного рядом с Сосновкой.

Анна Галактионова (справа) с подругой в окрестностях Большого Пальцино

Анна Галактионова (справа) с Лидией Перфильевой, сводной сестрой, во дворе

Интересно слушать воспоминания Анны Дмитриевны: «Петя в туфлях к нам в Пальцино пришел. Какие туфли в феврале? В них в избе замёрзнешь. А меня сватал уже три раза сосед. Самый богатый изо всей деревни. Мне было 17 лет. Из армии пришёл Мишка, сельский парень, тоже стал мне внимание оказывать. А я никогда с ним рядом не стояла и пойду замуж?!»

Позднее Петр Трофимович напишет в стихотворении, посвящённом жене Анне:

Одиноко мне было, пустынно,
Без тебя больше жить я не мог.
Я ходил через Волгу по зимнику
На приветный в селе огонек.

Мы на улице были двое,
Мне знакомства запомнился миг:
Аня – светлое имя такое,
Я к нему как-то сразу привык.

Засветился к тебе мой след
На заре февральского дня.
Тебя сватал богатый сосед,
Ну а ты пошла за меня.

Вспоминаются наши свидания.
С той поры много минуло лет,
Но никак не дойдет до сознания,
Что у нас малой родины нет.

Проявили люди сноровку:
На реке запрудили пруды.
Твое Пальцино и мою Сосновку
Никогда не поднять из воды.

Анна Дмитриевна Мельникова

Рассказы Анны Дмитриевны отличаются особой эмоциональностью, языковым своеобразием: «Папанька назвал меня Нюронькой. Потом сын народился – Геннадий. Все друг друга знали. Жили дружно, как в сказке. Никогда не ругались, не обижались. В смеху тонули. Иногда кто-нибудь раскритичится, маманька скажет: «Брось кричать. Что ты позоришься?»

Наш отец всегда рыбу ловил. Папанька помногу рыбы ловил. Когда лед трогался, он багром дрова, бревна ловил и складывал на берегу. И никто не крал. Труженик был.

С детства ходила в фуфайке. Папанька валенки сваял. Долго носила их. Потом уж дыры соломой затыкала. С тринадцати лет работала в питомнике – ягоды собирала. Питомник в пяти километрах от Пальцино – Петровки. Начальник подойдет: «Самые крупные – в корзины, а мелкие, с пятнышками, ешьте». Он отойдет, а мы смеемся. Сяду и горстями ем самые крупные. Только хлеба не хватало.

В селе никто без дела не сидел. Колоски собирали на наших полях за ложку меда. Я три нормы сдавала. Без работы можно было умереть, а с работой выживали. Маманька (Клавдия Федоровна Галактионова) умная была, сначала работала учётчицей. Учитывала, кто что выращивал. Всю жизнь шила. А денег не брала. Скажет: «Принеси горшочек молока». А сама ведь уж дояркой работала. Не передать, какая маманька была! Слово матери было закон. А сейчас пустота, а не закон.

Я всегда разумши воду таскала из колонки. Соседка скажет маманьке: «Да что это Нюронька

Клавдия Галактионова (слева)

босиком ходит? Два ведра несёт в руках. А если на коромысле, то три?» А я всегда с утра натаскаю воды, она и согрется. В полкилометре от нас было Малое Пальцино. До 15 лет христосовались. Пасху ждали. Свыше некуда яиц да пирогов наесться.

Налоги большие платили. Потом и коровы у нас не стало. Сколько маманька перетерпела. Папанька ушёл на фронт. Мне было пять лет, когда папаньку взяли. Брату Геночке было пять месяцев. А через три месяца папанька погиб. Почтариха у нас в селе была тётя Нюра. Что такое? Заходит она с бабами к нам в дом: «Я не одна пришла. Дмитрий Иванович погиб». Мне было пять лет, шестой, а Геннадия восемь месяцев.

Галактионов Дмитрий Иванович, 1910 г.р., с. Сосновка. Призван Чердаклинским РВК в 1941 г. Погиб в бою 2 ноября 1941 г. Похоронен в д. Белый Бор Демянского р-на Новгородской обл.

В поэме «Лазоревый цветок» Петр Мельников с великой горечью расскажет о судьбе Геннадия, брата жены, выросшего без отца и рано ушедшего из жизни, и напишет проникновенные слова о погибшем Дмитрие Галактионове:

Погиб боец. Кто он такой?
Из всех прославленных великий
Был Дмитрий – на Руси – Донской!
А он – Галактионов Дмитрий.
Не скоро весть с передовой
Доходит. Велика Россия!
Вот так становится вдовой
Галактионова Клавдия.

*Клавдия Федоровна Перфильева
(Галактионова) (1916 – 01.05.2004)*

Одна из семейных реликвий – фотография, связанная с братом Дмитрием Ивановичем, Галактионовым Александром Ивановичем, где он сфотографирован вместе с руководителями и бригадой строителей на площади Ленина (2-й ряд, 2-й слева).

На обороте фотографии надпись: «На память тов. Галактионову А.И. Участнику постройки памятника В.И. Ленину в г. Ульяновске. Ноябрь 1939 г.» Далее следуют подписи: Нач-к стр-ва. Про-раб. «Снимок сделан на готовом фундаменте».

Александр Иванович Галактионов и его жена Пелагея Павловна, родная сестра отца Петра Мельникова, жили в Подгорье. Удивительными тружениками были эти люди. Именно у них, возвратившись из Казахстана, поселился Петр Мельников. Позднее Петр Трофимович напишет стихотворение «Теткин дом», наполненное болью и горечью за судьбу близких и дорогих ему людей.

Дом стоял у нее рядом с Волгой, в Подгорье,
Под шатровую крышей, с высоким крыльцом.
Окна с видом на пойму, на речное раздолье,
Может быть, он моим был поставлен отцом.

Но устала она от утрат и поминок.
Быть сестрой кулака – в том ее вся вина!
Каждый день
по скрипучим ступенькам на рынок
С овощами в корзинах поднималась она.

Вспоминая всю жизнь и судьбу невеселую,
Чтоб платком утереть пот соленный с лица,
На горе она ставила ношу тяжелую
И подолгу глядела на Волгу с Венца.

И откуда у бабы бралась только сила
С огородом и садом, на участке земли?!
И за то, что она семью и город кормила,
Ее дом из Подгорья весною снесли.

Однажды Петр Мельников окажется с Александром Ивановичем Галактионовым в селе Архангельском, где увидит отцовский дом...

Серый, словно посыпанный пеплом,
Грезит прошлым в селе каждый дом.

«Тебе что, – говорил Александр Иванович, – ты в этих местах был еще ребенком, а вот нам, старикам, каково? Какие были в нашей местности зеленые леса, березовые рощи, дубравы, какие сочные луга с невысыхающими рыбными озерами! Деревня к деревне, село к селу, с пашнями, садами, бахчами и огородами...»

И слышен в птичьем хоре – зов кукушки,
Над поймой – звездной россыпи простор,
И окнами домов с лесной опушки
Глядит село, взбежав на косогор.

Из воспоминаний Анны Дмитриевны: «Двадцать километров ходили пешком до Верхней. (Верхняя Терраса – Заволжский район г. Ульяновска.) Идешь и лесом, и полем, и мимо мазарок (кладбищ) – и не боялись. Раньше боялись волков, а не людей.

Маманька из-за нас пошла замуж на троих детей, чтобы нас сохранить. Воровство тогда начиналось, а убийств не было. Одно жульё кругом было. Особенно жуть брала по ночам. Смотрим, телёнка повели. Кур в мешки погрузили. А машина была «бобик» – «чёрный ворон звали». Смотрим, картошку на семена выгребают из ямы. Вот и решила маманька замуж идти.

Маманька вышла замуж на троих девчонок. Они уже большие были. А маманька мне узел берегла, собирала помаленьку приданое. А тут подоспело время падчерице Верке замуж идти. Вот отчим и говорит: «Развязывай узел и отдавай! А Нюрке Бог даст счастье...» Ну и отдала маманька все, что копила и собирала для меня. Остались мы без всего. Вышла я замуж в фуфайке, и манарка плюшевая была у меня в заплатках. И у Пети ничего не было.

Отчим, Андрей Степанович Перфильев, заставил меня поменять отчество. «Я – Андрей, а ты Дмитриевна...» Так вот и стала я Анной Андреевной. Я Пете рассказываю, а у него слёзы: «И ты не чище жила. Но ты смыслёная, всё понимаешь». Петя любил всю нашу родню. Как Петя жалел Геннадия, он всех жалел. Ему всех было жалко».

Вспоминая свою жизнь, юность, Анна Дмитриевна часто повторяет: «Когда человек проста, это лучше». «Чего не знаешь, того не скажешь». «Как мы

Геннадий Галактионов, Анна Мельникова, её сводная сестра Лидия Черницына, Петр Мельников (справа налево). Верхняя Терраса. 1958

жили? До 15 лет на ледянках катались. В смеху тонули! А сейчас никто не смеется – все плачут».

«В смеху тонули!» Это ее любимые слова. Кажется, и жизнь-то ее не баловала: отец погиб на войне, бедность, голод, холод, а вот умению радоваться, оделять всех улыбкой своей она до сих пор не научилась.

Мало кто в те годы знал, что Петр Мельников занимается серьезно литературой. А он, возвращаясь с работы, «раскладывал многочисленные свои черновики» и начиналось служение делу, к которому стремились его душа, его память о пережитом.

Для меня особенно дороги строки поэта, связанные с памятью детства и той жизни, которая становится, к сожалению, преданием, зачастую скучным и непонятным для новых поколений.

Осенней ночью непробудной,
Век благодарные селу,
С товарищем, с дороги трудной
Вразвалку спали на полу.
А пол чудной! Должно от пляски
С припевкой «кабы да кабы».
Сучки взбугрились из-под краски,
Как после дождика грибы.
– Простите, гости, – нам сказала
Хозяйка, – жизнь такой была:
В избе скотина ночевала,
А пол скоблили – добела.

Стихотворение Петра Мельникова «Ночлег» заставило вспомнить родной дом и то, как в студёные зимние ночи ожидали отёла коровы. С какой радостью и бережностью вносили в дом только что явившегося на свет телёночка, ещё мокрого, дрожащего, боящегося встать на ножки. Но проходило несколько часов – и он, побеждая слабость и неуверенность, всё-таки поднимался и начинал знакомиться с новым жильем. Сейчас всё это вызывает удивление: как это можно было держать скотину в доме. Но это было. И была радость от встречи с таким вот несмышлёнышем, будившим в душе нежность, любовь, жалость ко всему живому, нуждающемуся в твоей заботе, твоём уходе за ним.

Читая стихотворение, вспомнила, как не мыли, а можно сказать, драили полы. В каждом доме непременно для этого был хороший широкий косырь (нож), которым тщательно выскрабливалась каждая половица: полы-то были некрашенные. И был ещё обязательно веник-голик. Чтобы полы блистали белизной, их еще посыпали песком и голиком натирали, можно сказать, до желтизны. В доме потом царили чистота и прохлада, удивительная свежесть, и истинное удовольствие было пройтись по чистым половицам босиком и порадоваться, оценивая свои труды.

Всем своим творчеством Петр Мельников утверждал: «Труд крестьянский – всей жизни основа». Поэтому сцены крестьянского труда написаны с особой трепетной любовью к крестьянину-труженику, в руках которого всякое дело спорилось. В его стихах «воздух Родины пахнет парным молоком»; «ветра с полей доносят запах хлеба»; «с крыши снег ползёт блинами, // Словно тесто из квашни». Поэт убежденно заявляет: «Нет, не напрасно свет сиял от плуга // И в землю положили семена...»

А какой нежностью исполнено стихотворение о городском жителе, который «с дороги полевой свернул в село». Ведь все мы родом из сельской глубинки, из российской деревни, и память наша возвращает нас хоть иногда к своим истокам: «Мы только здесь, волнуясь, вспоминаем, // Как жили наши деды и отцы». В этих строках заключён глубочайший смысл: помни, кто ты и откуда, храни память и историю рода своего.

При чтении этого стихотворения многие сразу мысленно возвращаются в своё детство: видят и скворчицу, прибитую над сараем, и пол, скоблённый до крылечка, и с челом открытым печку «с печурками и лавкой до колен». А самое главное – каждый чувствует огромную любовь к этому миру, людям, живущим на селе, сохраняющим быт и традиции русского крестьянства, русской культуры. Петр Мельников обладает волшебным даром воссоздавать ушедший мир русской жизни во всем его многообразии.

В картинах русской природы поэта волнуют самые обычные события: приход весны, половодье, смена времен года. Он заставляет нас дивиться щедрости природы, её богатствам, испытывать восторг перед неповторимостью каждой травинки, каждого цветка.

В каждой веточке, каждой снежинке
Цвет и запахи вешние есть.
И на заячьей свежей тропинке
Скоро ранним подснежникам цвести.

Мир природы доставляет поэту множество светлых мгновений, в общении с ней он обретает душевный покой, черпает духовные силы, обретая вдохновение.

Озёрная гладь и святое
Молчанье безбрежных полей.
Душа созерцает в покое
Присутствие Родины всей.

Поэт обращает наше внимание на окружающую природу, которая не устаёт удивлять, открывать перед нами свои тайны. При чтении стихотворения «Цикорий» появляется желание повнимательнее присмотреться к этому скромному цветку, поклониться его упорству и жизнестойкости.

Он там, где траву на поляне сожгли,
Он там, где пустырь, где дороги любые...
Его вообще не заметить могли,
Когда б не цветочки на нем голубые.

И можно только поражаться видению поэта, его безукоризненному восприятию и удивительной способности находить свои образы, свои слова о любви к родному краю, родной земле. Картины природы в его стихах наполнены глубоким чувством любви к родине, к родному Заволжью. А ощущение Родины для Петра Мельникова – это осознанная связь с жизнью родного народа, его радостями и достижениями. Творчество поэта согрето теплом его бескорыстной и щедрой души.

Я всегда с каким-то непонятным волнением читаю стихотворение «Гроза», открывающее удивительную по своему музыкальному и художествен-

ному воплощению и гамме звуков картину, которая создает особое состояние умиротворения, затаенной радости и спокойной уверенности в той благодати, которая спосылается Свыше.

Во мраке ночи вспышки голубые,
Раскаты грома прерывают сон.
И сквозь дремоту капли дождевые
Доносят шум, и мне приятен он.
И в сон, как в невесомость погружаясь,
Спокоен я за солнечный восход.
Идет гроза, пшеницей рассыпаясь,
Счастливый обещая людям год.

Поэт заставляет нас увидеть по-иному знакомый мир природы, с которым он привык беседовать и бедовать с детства. Какое богатство образов он дарит, заставляя «увидеть над поймой – звездной россыпи простор...» «березовый узор», повисший «над краем вспаханного поля». Поэт щедро делится радостью общения с природой, для него удовольствие «провести целый день в окружении // Сосен, лип, и дубков, и кудрявых берез».

Есть у Петра Мельникова стихотворение «Мой город», которое мне очень дорого. Я даже иногда отваживаюсь его читать незнакомым людям. Мне кажется, что оно выплеснулось из-под пера поэта в единое мгновение. Так оно легко выпеваётся, выговаривается.

А самое главное, оно касается нас всех, живущих в Ульяновске и в Заволжье:

Не завлекут меня края иные,
Я свой предел покинуть не могу.
Живут мои знакомые, родные
На правом и на левом берегу.

До чего же простые слова нашёл поэт, чтобы высказать неразрывную историческую связь родства: «Живут мои знакомые, родные // На правом и на левом берегу». Да, у всех нас тоже жили и живут наши друзья, знакомые, родные на правом и на левом берегу. И это всех нас объединяет общей памятью и красотой родных мест:

Люблю, когда на город и поселки
Ночных огней прольется красота
И на запястье задремавшей Волги
Браслетами сверкают два моста!

Петр Трофимович, хоть и «немало обид пришлось сглотнуть» ему, прожил жизнь, наполненную трудом, любимым делом, творчеством. Он всегда с благодарностью вспоминал отца, который «обыкновенную работу» передал ему в наследство и которую он освоил – профессию плотника-белодеревщика. Поэт с гордостью говорит о своей профессии, которая на Руси всегда была и будет востребована:

Я не хожу по дебрям на охоту
И не летаю в звёздной вышине...
Зато обыкновенную работу
Отец мой передал в наследство мне.
Лугами пахнут брёвна... День погожий.
На сердце нет ни грусти, ни обид.
Топор и тот на лебедя похожий,
Но мною приручён – не улетит.

Картина Людмилы Слесарской из серии «Все краски на палитре». Поленница. 2020. Картон, акрил, 60x70

Картина Людмилы Слесарской, по-моему, очень близка по настроению этим строкам поэта.

То, что Петр Мельников выбрал в своей жизни плотницкое мастерство, это совсем не случайно. Наверное, и в этом есть какая-то предопределенность. Потому что работа с деревом требует от человека душевной ясности и щедрости, чуткости и святости, настоящий мастер всегда чувствует себя творцом. «В корнях, причудливо сплетенных», поэт способен «признать людей, зверей и птиц». У него и «лесопилка шумит, словно дождь проливной». А «сосны, встав на косогор, торчат, как стрелы из колчана». Да и родился он в селе Сосновка.

Только жаль, что нет её больше на карте Чердаклинского района.

Видно, время во всём виновато:
Скучно стало в родном краю,
И до слёз жалко мне, что когда-то
Затопили Сосновку мою.

«Во всех селах появились плакаты, – вспоминает Анна Дмитриевна, – о переселении на Верхнюю Террасу. О том, что дома будут ломать. А наше село – Большое Пальцино – два порядка больших. Дома-то разные были, а жили все бедно. Дома были покрыты соломой, и ни одного пожара не было. А сейчас все горит. До сей поры все в голове и в глазах как на ладошке. Нагнали тюремщиков лес пилить. Завод взялся бесплатно перевезти дома. А сколько слез было! Мало кто хотел покидать нажитое. Особенно тяжело было старым людям. А делать было нечего. Куда деваться?! Раз приказали – слушайся».

В поэме «Лазоревый цветок» Петр Мельников напишет:

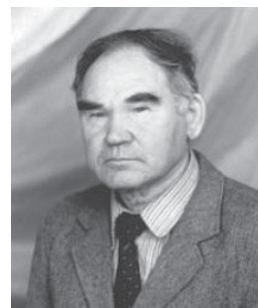
В дни мирные на этот раз
Был обнародован приказ:
«Готовить пойму к затопленью,
Десятки сел к переселенью.

Убрать погосты и леса,
Чтоб удивлялись небеса!
На Волге будут строить ГЭС,
Как требует того прогресс».

Сколько сёл бесследно исчезло, порушив налаженную жизнь, разорвав навсегда связь с миром своих предков, их традициями, обычаями, культурой. Сколько горя и страданий принесло людям переселение на новые места. Уходили погосты под воду. Уходили дома, которые хранили память не об одном поколении. Уходили тропки, где «для ребят удовольствием было по блестящей траве пробежать босиком», любимые ягодные и грибные места – всё, с чем была связана жизнь не одного поколения.

Теперь-то никто уж не косит,
Как прежде, лугов заливных;
И тех, кто их в памяти носит,
Уж мало осталось в живых.

Талант и мастерство были дарованы Петру Мельникову и в рабочей профессии, и в поэтическом творчестве. Петр Трофимович был неутомимым тружеником на ниве Русского Слова. Он сделал немало, чтобы это Слово пополнилось новыми образами и обрело почитателей и ценителей русской лирики и чтобы его родное Заволжье с его историей, традициями, культурой навсегда вошло в сокровищницу русской литературы.

Пётр МЕЛЬНИКОВ

И дышится как будто по-иному,
И на душе становится тепло,
Когда случается попутно городскому
Свернуть с дороги полевой в село.
Толпятся гуси в полдень у колонки,
Плесни водой – поднимут гордый крик,
Как будто им под лапы, в перепонки
Ударил солнцем выпитый родник.
Мы только здесь, волнуясь, вспоминаем,
Как жили наши деды и отцы.
На жердочке, прибитой над сараем,
Скворечница маячит и скворцы.
Пол в горнице, скобленный до крылечка,
Проемы синих окон на пять стен
Да русская с челом открытым печка
С печурками и лавкой до колен.
Порхнет детей к тебе навстречу стайка,
Окружит половодье светлых глаз,
Из погреба приветливо хозяйка
Подаст в литровой кружке хлебный квас.
А будешь уходить, стыдясь улыбки,
Присмотрит, как за сыном, за тобой
И встанет, пригорюнясь, у калитки,
Глаза от солнца заслонив рукой.

СОЛО

Валерий КУЗНЕЦОВ, поэт, член Союза писателей России, доктор исторических наук. Обладатель диплома выставки «Симбирская книга – 2021» в номинации «Лучшее художественное произведение (поэзия)» за книгу стихов «Сатурн».

ИНОЕ ЗВУЧАНЬЕ

Хотелось порой поиграть в слова,
Как Хлебников или Крученых.
Слово для слова, игра не нова,
А много ли игр здесь новых?

А это в общем не сложно, и мне
Скоро совсем надоело.
Простые стихи – писать их вдвойне
Сложнее, в этом и дело.

Простыми словами сложнее увлечь,
Без всяких там выкрутасов,
Тайной стиха, где обычная речь
Становится горстью алмазов.

И это вот оно – мастерство,
Не каждому это даётся.
А баловство – опавшей листвой
Упало на дно колодца.

Орфею запретили петь,
Не то, чтоб вовсе запретили,
Но надо так пропеть суметь,
Чтоб показать своё бессилье.

Чтоб петь как будто и не петь,
Вот про себя, так это можно,
Чтоб ухо отдалил медведь,
Что б тихо так, чтоб осторожно.

Чтоб говорили: «Посмотри,
Да он и петь-то не умеет»,
Чтоб музыка, рванув внутри,
Его убила поскорее.

Оборачиваться нельзя.
Это подтвердят Орфей и супруга Лота.
Глядеть лишь вперёд. Такова стезя.
А что позади? Не твоя забота.

Забудь. Будь беспамятен. Только так.
Твой прежний опыт тебя погубит.
Без прошлого в будущее? Пустяк.
Забудь. Предай. Никто не осудит.

Все так и идут ровным строем вперёд.
А я оглянусь, оглянусь я всё же,
Хоть знаю точно, что меня ждёт,
Точнее, не ждёт – мир наш пустопорожний.

* * *

Стихи написаны, но кто же их прочтёт?
Читателей я чту наперечёт.
Надеяться на будущее – глупо.
Действительно, нелепым будет тот,
Кто прошлый год, и этот год, и тот
Всё чуда ждёт, словно голодный супа.

Но всё ж я разрешу задачу ту.
Похоже, всё стремится в пустоту,
Но вот стихи – не больше и не меньше.
Я сочинил их, я же их прочту:
Быть не прочтёнными стихам невоготу.
Я – их читатель! Ныне и в дальнейшем.

* * *

Когда дал течь наш бриг, тогда
Кому молились мы?
Пришла беда, кругом вода,
В смятении умы.

И вот уже заметен крен,
Всё ближе, ближе смерть.
И понимаешь – жизнь не тлен,
Её спасти б успеть!

Дублонов полны сундуки
(Да, золото кругом),
Но – или выплывем легки,
Иль с ним на дно пойдём.

Что было целью жизни всей,
То тянет в бездну нас.
И чем грешней, тем тяжелей,
И вот он – весь рассказ.

Рассказ про синие моря,
Зелёные поля,
Что всё, выходит, вышло зря,
Тра-ля, ля-ля, ля-ля.

* * *

Среди леса и снега...
Ещё так далеко
Им до нашего века –
Сосчитать нелегко.

Даже птицы и звери
Вроде те, да не те,
Птиц тяжёлые перья,
Дикий рёв в темноте.

Да и речь человечья
Вроде та, да не та,
Кто там вышел навстречу?
Нет, одна темнота.

Слишком холодно было,
И устали они,
И почти что без силы
Шли и ночи, и дни.

Нет Луны ещё в небе,
И лишь звёзды их путь
Через мир, что враждебен,
Освещали чуть-чуть.

Ну а всё-таки скоро
Им упасть и не встать,
Им не выйти к простору,
Им вот здесь умирать.

А ветра всё здесь выли,
И качались стволы.
Всех снега их укрыли
И мертвы, и белы.

* * *

Голову чуть повернуть,
Увидеть что-то другое.
Не знаю что. Что-нибудь,
Что-то другого покроя.

Слух свой настроить на
Совсем иное звучанье.
Услышать: поёт струна
Там, где было молчанье.

Написать-то всё это легко,
Сделать вот это трудно.
Раствориться в тени облаков.
Исчезнуть в траве изумрудной.

ПОСТЕПЕННО СЛЕПНУ

Постепенно, постепенно слепну,
Ухожу я в темноту неспешно.
Так прощай же, мир великолепный,
Так прощай же, страшный мир и грешный!

Стало холодно – и я на пальцы дую,
Но никак я их не отопрею...
Что же лучше: пьесу ту простую
Помнить мне или забыть скорее?

Обернуться резко. Что увижу?
Значит, надо, пока есть возможность,
Подойти как можно ближе, ближе,
Позабыв уже про осторожность.

Весь сейчас я лишь прикосновенья,
И вот в этом я такой же точно,
Как и вы, незрячие растенья,
Что живёте бесконечной ночью.

Я касаюсь молча, молча, молча,
Я касаюсь тихо, тихо, тихо,
Словно нас с тобою обесточа,
Прекращаю всю неразбериху.

Словно начинается другое,
А оно и вправду наступает.
Я не знаю, что это такое,
О, моя судьба, и ты слепая.

* * *

Ты вслушайся: песня-то спета,
И лето ушло в никуда,
И розовый воздух рассвета
Студён, как в колодце вода.

Вот так и бывает всё это –
Всё ждёшь, а оно и придёт.
Поймёшь: а ведь песенка спета,
И все твои бредни не в счёт.

И здесь невозможно «сначала»,
И здесь невозможно «потом»,
Она уже вся прозвучала
И инеем стала, и льдом.

А ты её помнить всё будешь,
Пока не настанет тот миг,
Когда и ее позабудешь,
Как всё, что ты знал и постиг.

* * *

Спросить кого б, кто знает это лучше.
Спросить его, он знает это точно.
Спустился он с грозовой чёрной тучи,
Двумя ногами встал на землю прочно.

Быть может, Зевс? А на черта он нужен?
Ступай обратно. Или как тебя там?
Вот мой костюм – наглажен, отутюжен,
И хоть сейчас командовать парадом.

И пусть здесь ничего не понимаю,
Но я могу вам рявкнуть: «Смирно, вольно!».
Я дров таких вам, братцы, наломаю,
Что будет вам надолго очень больно.

И вот мораль: пусть всё идёт, как было,
Пусть всё течёт, куда текло и прежде.
Крылатый конь, а, может быть, кобыла
Нас принесут к сияющей надежде.

* * *

Золото берёз
Снова на земле,
Это всё всерьёз,
Рай – всегда в тепле.

Холодно дышать
Стало по утрам.
Дальше что же ждать
Здесь осталось нам?

Изгоняют нас
Раз за разом. Мы
Все в который раз
Пленники зимы.

Пленники земли,
Путники в пыли,
Или корабли
Вечно на мели.

Вот опять закрыт
Вход в страну тепла.
Вот опять забыт
Путь от царства зла.

ХРАМ НА НЕРЛИ

Ноябрьский дождь моросит слегка.
Церковь на Нерли ещё далека.
До неё ещё надо дойти.
Над Боголюбовским лугом туман.
Туманный мир странен, страннее всех стран.
И мы в начале пути.

Ну что тут такого, идёшь и идёшь.
А путь не сложен, он даже хорош.
Пусть холодно, сыро – и что?
Весь путь окупает конечная цель,
А цель такова: чтобы храм, чтобы Нерль,
Чтоб стать хоть чуть лучше потом.

А путь не кончается. Где же мы?
Как будто бы навсегда иль взаймы
Забрали привычное всё.
Куда завела та дорога нас,
В какой вселенной мы бродим сейчас,
И как нам покинуть её?

И, верно, вечность длится наш путь,
И кто мы, забыли. Когда-нибудь
Мы всё-таки сможем дойти?
Ни неба, ни тверди, одна пустота,
И вот Млечный Путь, только нет здесь моста.
И мы всё в начале пути.

УСПЕНСКИЙ СОБОР ВО ВЛАДИМИРЕ

Ноябрь в начале. Владимир в тумане.
Успенский собор как мираж.
Что ж, знаю и так я итог всех стояний,
Сражений, сказаний и всех предсказаний,
Я знаю итог общий наш.

И страшны вопросы, и страшны ответы,
Спокойней их не задавать.
И гибли, и мёрли за что? Вот за это?
За яхты, дворцы, за оффшоров секреты?
За это?! Да... мать!

И вот они встали и смотрят безгласно,
Все тысячи тысяч на нас.
А что нам сказать? Что погибли напрасно?
Что слышат холопы бича посвист властный?
Да слышат когда же? Сейчас.

Мы тризну забыли. Мы стали. Мы были.
Скрывает туман купола.
Казалось, чуть-чуть не хватило усилий,
И что же нам сделать, ведь нас не простили?
Как много здесь боли и зла!

Ты знаешь, Успенский собор, моих предков?
Ты видишь далёко, что там?
Я вышел навстречу. Дождь капает редко.
Туман не рассеялся. Гаснет подсветка.
Ночь рыщет по нашим следам.

* * *

Идут на битву стройными рядами,
Но с боя возвращаются не так.
И даже солнце, что сейчас над нами,
Горит иначе, словно скорби знак.

И смотрят с любопытством обезьяны
Из зарослей у края леса на
Усталых нас, на смерть, на наши раны.
Мы все молчим, и всюду тишина.

Мир стал другим иль стали мы другими?
Неуловимо стало всё иным.
И вот он я: осталось только имя,
Но изменилось названное им.

Вот колесница покосилась на бок,
И колесо её средь трупов в стороне.
Вот мёртвый слон... И что-то стал так зябок
Вот этот жаркий, душный вечер мне.

Чуть сбавил шаг я, в небо мельком глянув,
А кто-то сверху смотрит ли на нас?
Перевязать получше надо рану,
И лучше это сделать мне сейчас.

СТУЧИТ В ВИСКАХ

Стучит в висках, словно морзянкой SOS,
Но что сказать, да и кому сказать?
Не просто так же я в России рос,
Чтоб помощь ждать,
чтоб здесь мне помощь ждать.

Стучит в висках. И как-то надо мне
Отреагировать на это, только как?
Куда же гнать стреноженных коней,
Когда им трудно сделать даже шаг?

Но надо, надо: сердце гонит кровь,
Но надо, надо: всё стучит в висках.
И всё я рвусь сейчас, всё рвусь я вновь,
Потерянный в потерянных годах.

Я руку протяну – пожми её.
Я сердце протяну – не отвернись.
Стучит в висках всё прошлое моё.
Стучит в висках вся эта тайна – жизнь.

ЛЁН

Волосы тонкие, волосы лён.
В августе, значит, дружок, ты рождён.

Мягкие, чтобы на палец крутить,
Светлые, чтобы печали забыть.

Лён теребить уж выходят, пора!
Страдная всем наступает пора.

Лён – надо мять его, надо чесать,
Свадьбы играть и детей чтоб рожать.

ДВЕ ЯНВАРСКИЕ ВАРИАЦИИ

1
Здесь когда-то была лыжня,
Когда-то на санках катались,
Вниз по склону несло меня,
Падали, поднимались.

Заросло сорняками уже,
И в снегу чуть видна тропинка.
Время выгнало нас взащей,
Да и это ещё разминка.

Изменилось всё, и не раз –
Декорации недолговечны.
Здесь ещё кто-то помнит нас,
Тех, что были по-детски беспечны?

И одна у нас только роль,
Ну а пьеса-то стала другая.
В той ты был то ли принц, то ль король,
Что ж в тоске сейчас, нищих играя?

Так великий решил режиссёр,
Обладатель бесчисленных премий,
Что известен всем с давних пор
И зовётся, да, точно, время.

Он-то знает, что быть должна
Смена репертуара по плану.
Здесь когда-то была лыжня.
Что, не веришь? Была, как ни странно.

2
Словно в сказке закрыл я дверь,
Из уюта я вышел в зиму.
Что случится со мной теперь
Средь метели необозримой?

Незнакомым предстало всё.
Ветер. Снег. И всё мало, мало!
Вот позёмка в глаза несёт...
Ой! И льдинка мне в глаз попала.

Вот и видится мне не так,
Мир стал плох, хоть куда ещё бы?
Весельчак ты или смельчак –
Погребут тебя эти сугробы.

«Кай!» – я слышу. На лыжах я.
Следом вьюга поёт уныло.
Это точно зовут не меня,
Моё имя другое было.

И иду я вперёд и вперёд,
Исчезая средь мглы и стужи.
Кто же Кая-то всё зовёт?
И кому этот Кай так нужен?

НАДО СОСТАВИТЬ ПЛАН

Я там был. Пусть совсем и нечасто.
Я там был. Далеко не зашёл.
И не очень большой он – участок,
Тот, который знаком хорошо.

Но и этого всё же хватило:
Я на улочку вышел одну –
Деревянные домики, мило,
Словно сделал я шаг в старину.

Через улицу едут трамваи,
Но хотелось пройтись мне пешком,
Рядом стройка, забитые сваи,
И район мне не очень знаком.

Но всё шёл я по улочке этой
И не думал совсем, не гадал
На дорожке совсем неприметной,
Что Колумбом нечаянно стал.

Сам не понял, как вышел, но вышел
Я на площадь, где не был ещё.
Всё другое. Фасады и крыши.
Словно был в мир другой помещён.

Не бывает такого на свете!
Много я повидал площадей.
Эти формы, пропорции эти,
И пространство совсем без людей.

Купола золотятся. Колонны.
Воздух. Небо. Блаженство вокруг.
Я стоял и смотрел удивлённо
На творенье не знаю чьих рук.

Словно жизнью зажил я второю,
И в душе только счастья восторг.
Стало тёмной сырою норой
Всё, где жил я и был до сих пор.

Не опишешь всё это словами,
Но есть дом у меня и – пора.
Я вернулся, чтоб жить дальше с вами
От утра и опять до утра.

Раза три смог вернуться. Так где же?
Вот опять поворот не туда.
Вроде видно чуть-чуть, вроде брезжит,
Но не выйдешь никак, вот беда.

* * *

Уж я ли про это не знаю,
Уж вам ли рассказывать мне,
Уж я ль не прошёлся по краю,
Уж мне ли не зябко вдвойне.

Хотите, я сам расскажу вам
Про воздуха вкус и воды,
С каким низвергается шумом
Начало той самой беды.

А после ни стоны, ни всхлипа.
Ни звука. Одна тишина.
Катетер у самого сгиба...
Беспомощность и вина.

А вы говорите, послушай,
Я слушал, я шёл под расчёт,
Я словно как рыба на суше,
Но всё трепыхаюсь ещё.

* * *

Эта жизнь ничего не значит,
Я забуду потом её.
И вот это всё зная, плачет
Этой жизни сердце моё.

Ведь оно-то всё бьётся и бьётся,
И никак ему не объяснишь
То, что в вечности не остаётся
Ничего, даже тьма и тишь.

Что пред вечностью годы эти?
Перед вечною жизнью – та,
Что сейчас всё течёт сквозь сети
Словно в бездну живая вода.

Я почти что забыл своё детство,
А ведь было оно одно,
Ну а если б ещё по соседству,
Ну а тысячи? То-то оно.

И цена, как песку в пустыне,
Всем стремлениям, страданиям в ней,
В жизни, что я считаю ныне,
Уникальной, одной, своей.

ПЕСНЯ

Однажды идя по дороге
(Нет, по тротуару, точней),
Один из подмножества многих
Ты вспомнил про перечень дней.

Ты мог бы сказать себе: «Что же,
И я не успел ничего,
Но стал наконец-то, о Боже,
Похож на себя самого».

И все говорили, что это
Вот так и случиться должно б,
Что то, что на душу надето,
Положат когда-нибудь в гроб.

И верил ты, что бесполезно,
И верил ты, что без причин,
Что глупо, что подло, бесчестно,
Что если один, то один,

Что песня здесь не прозвучала,
Что песня ушла в никуда,
Что песню, как бриг у причала,
Бесцельно качала вода.

Но дело здесь явно не в этом,
Но дело здесь явно не в том,
Ведь жизнью, как песней пропетой,
Гордиться ты будешь потом.

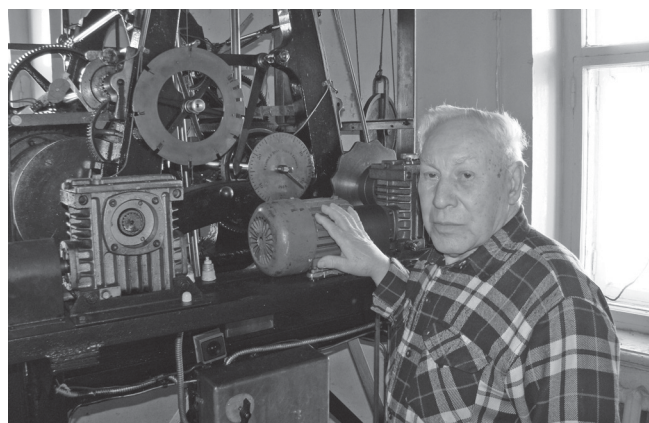
Пусть многое не получилось,
Пусть многое вышло не так,
Но всё-таки светом лучилась
Вся жизнь твоя, слышишь, чудак?»

ЕЩЁ ИДУТ СТАРИННЫЕ ЧАСЫ

Памяти
Анатолия Ивановича Фролова
(1930–2022)

15 января 2022 года мы простились с легендарной личностью, почетным жителем Ульяновска Анатолием Ивановичем Фроловым, благодаря которому в 1974 году в угловой части дома И.А. Гончарова были восстановлены симбирские башенные городские часы. Они стали визитной карточкой города. Каждый может увидеть изображение этих часов на многочисленных рекламных щитах, а также на открытках, конвертах, значках.

Анатолий Иванович Фролов на фоне часового механизма

Анатолий Иванович Фролов родился в 1930 году в деревне Кожевенной Горьковской области. Там будущий смотритель часов жил до окончания Великой Отечественной войны. Учился в Богородском кожевенном техникуме на механическом отделении. После нескольких лет обучения был отправлен на практику сначала в Ленинград, а затем в Москву. На протяжении 18 лет трудился на Уральском кожевенном заводе в качестве помощника слесаря, затем – в должности главного механика. В 1957 году Анатолий Иванович написал письмо директору Ульяновского кожевенно-обувного комбината. Через некоторое время ему был отправлен вызов, и он с семьей переехал в Ульяновск. Затем стал работать на Ульяновском приборостроительном заводе. В золотые руки Анатолия Ивановича симбирские куранты попали спустя 104 года со времени их появления в нашем городе.

В Симбирск часовой механизм привезли в 1869 году. Инициатором выступил граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов. Летом 1867 года, во время приезда в Симбирск, Санкт-Петербургский губернский предводитель дворянства выразил желание пожертвовать городу башенные часы. Они были изготовлены в 1868 году английской фирмой «Кук и сыновья» (T. COOK & SONS, YORK & LONDON). Через год Владимир Петрович выкупил часовой механизм за десять тысяч рублей золотом. В XIX веке, когда стоимость одной коровы оценивалась в три рубля, это была колоссальная сумма. Часы были доставлены в Петербург, а оттуда по Волге в Симбирск. В июле 1869 года их установил специально приглашенный петербургский мастер часовых дел И.К. Линдштед на колокольне Спасо-Вознесенского собора. Здание располагалось на центральной улице Симбирска – Большой Саратовской (ныне улица Гончарова) напротив двухэтажного дома семьи великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова.

Интересное и вместе с тем очень сложное строение часов в свое время отметил известный русский общественный деятель, юрист, историк-краевед Павел Любимович Мартынов: «Они имеют два циферблата: один обращен к югу, другой – к северу. Устройство их цилиндрическое, с двумя гириями, ходовой (часовой) и боевой; эти гири весьма солидных размеров и значительного веса: часовая – 3/4 аршина вышины и 4 вершка в диаметре, весит 12 пудов, а боевая – 1 1/3 аршина вышины и 5 вершков в диаметре, весит до 20 пудов; она вся состоит из отдельных круглых плиток, которые накладываются на стержень по мере надобности; зимой, в сильные морозы, когда требуется увеличить тяжесть боевой гири, накладывают наибольшее число плиток, так что вес ее доходит до 25 пудов».

Часовой механизм требовал постоянного ухода. Эту миссию брали на себя люди, специально назначенные городской управой. В конце 1870-х годов данную функцию выполнял купец 2-й гильдии Иван Федорович Веселов. С 1888 по 1932 год за часами исправно следил Николай Павлович Кудрявцев.

К сожалению, в 1932 году Спасо-Вознесенский собор был закрыт, а в 1934 году снесен, как и многие храмы в то время. Часы сохранились благодаря Николаю Павловичу Кудрявцеву, который вместе с помощником бережно разобрал их и перевез в подвал здания горкомхоза (ныне Дворец бракосочетаний), где они пролежали в разобранном виде

*Анатолий Иванович Фролов
и часы на испытательном стенде. 1973*

до 1973 года. Осенью этого года секретарь обкома партии по идеологии Владимир Николаевич Сверкалов завел разговор о часах с первым секретарем обкома Анатолием Андриановичем Скочиловым: «Скоцилов заинтересовался. На другой день поехал, посмотрел. Вызвал директоров заводов. Директор «Приборки» говорит: это мы сделаем...». Место установки курантов выбрали не сразу. Ведь первоначально планировалась возвести башню над входом в парк имени Свердлова (ныне Владимирский сад), но затем выбор остановили на Доме И.А. Гончарова.

Реставрацией часового механизма занимался творческий коллектив Ульяновского приборостроительного завода, куда разобранные часы доставили в ноябре 1973 года. Руководил процессом Анатолий Иванович Фролов, который в одном из интервью рассказывал об особенностях их восстановления: «Когда в 1973 году

старинный механизм часов был обнаружен, его передали на Ульяновский приборостроительный завод. Мы существенно дополнили их конструкцию: гири, которые ранее приходилось поднимать вручную, теперь «взлетают» благодаря двум электромоторам. Также автоматически производится смазка механизма – раньше было по-иному. Нашей конструкторской группой были внесены и другие изменения: добавлен третий циферблат, ряд шестеренок, автоматические выключатели и многое другое».

Во время восстановления часового механизма возникла самая большая проблема – где взять колокол для часов. Анатолий Иванович рассказывал, как архитектор, разработавший проект башни Дома Гончарова, Серафим Николаевич Титов «поехал по всей области искать новый колокол». Он нашел его в Старой Майне Ульяновской области. Примечательно, что история колокола пересекается с историей часового механизма. В XVIII веке колокол принадлежал Вознесенской церкви, которая находилась в селе Головкино Старомайнского района (село относилось к Ставропольскому уезду Симбирской, затем Самарской губернии). Церковь построили в 1785 году. В это время Головкино принадлежало известному роду Орловых-Давыдовых. Колокол для церкви отлил симбирский купец Гаврила Шамин по заказу графа Ивана Григорьевича Орлова и его супруги. В 1957 году село было затоплено в связи с образованием Куйбышевского водохранилища, а колокол перевезли в Старую Майну, где он был установлен на пожарной каланче. Именно его решили использовать при восстановлении часов.

Событие это стало настоящим перекрестком времен: часовой механизм для Спасо-Вознесенского собора в Симбирске подарил граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов – потомок Ивана Орлова, владевшего колоколом. Колокол деда соединился с часами, которые заказал его внук. И так, в 1974 году 12 сентября ровно в полдень состоялось торжественное открытие часов. Об этом событии писала газета «Ульяновская правда»: «12.00. Первый мощный тягучий удар 48-пудового колокола разносится над улицами. За ним – еще одиннадцать. Строго ритмично отбивают время городские куранты». В настоящее время в экспозиции Историко-мемориального центра – музея И.А. Гончарова на телеэкране транслируются сохранившиеся кадры кинохроники с церемонии открытия.

С момента второго рождения часов Анатолий Иванович Фролов являлся их зрителем. К старинному часовому механизму он относился как к живому существу, с большой преданностью и любовью. Более сорока лет мастер следил за четкой работой курантов. Лишь в 2016 году, когда стало подводить здоровье, он передал свое дело сыну Евгению Анатольевичу, который в настоящее время следит за механизмом. Однако Анатолий Иванович, воспринимавший любую неполадку часов как личную травму, никогда не переставал интересоваться их состоянием. Вот как об этом говорил Евгений Анатольевич: «Рвется все время туда. Всё вези меня да вези. Привезешь, он там зайдет, посидит, поразговаривает с ними».

Евгений Анатольевич Фролов (слева) на церемонии вручения почётной грамоты главы города Ульяновска С.С. Панчина

В настоящее время благодаря Анатолию Ивановичу Фролову с механизмом старинных часов на Доме Гончарова может познакомиться любой желающий. Достаточно прийти в Историко-мемориальный центр – музей И.А. Гончарова. (Открытие обновленного музея состоялось 18 июня 2012 года, когда в нашем городе торжественно отмечалась знаменательная дата – 200-летие со дня рождения великого русского писателя, уроженца Симбирска Ивана Александровича Гончарова.)

Часы на Доме И.А. Гончарова

На этапе разработки концепции Гончаровского музея было принято решение создать музей одного экспоната – симбирских городских башенных часов, чтобы жители города могли увидеть своими глазами этот старинный механизм, ознакомиться с тем, как он работает. Сейчас музей часов пользуется большой популярностью. Для посетителей всех возрастов сотрудниками была разработана авторская экскурсия, а для детей дошкольного и младшего школьного возраста – программа «Пока идут старинные часы». Юные посетители узнают историю главных симбирских часов, знакомятся с разнообразными способами измерения времени, а также могут увидеть сам часовой механизм XIX века. Многие экскурсанты специально рассчитывают время, чтобы оказаться в башне с часами в момент их боя.

Человек жив, пока жива память о нем. В этом отношении Анатолий Иванович, пожалуй, является счастливым человеком, поскольку память о нем является по-настоящему живой. По-прежнему в центре города издали слышен бой симбирских башенных часов. А еще практически ежедневно, на каждой экскурсии во время знакомства с часовым механизмом, посетители Музея И.А. Гончарова узнают о замечательном мастере-смотрителе Анатолии Ивановиче Фролове. Перестало биться сердце старого мастера. Но отсчитывают новое время симбирские куранты, стрелки которых всегда устремлены в будущее.

Материалы статьи подготовлены младшим научным сотрудником Историко-мемориального центра – музея И.А. Гончарова Лейсан ФИРГАЛИЕВОЙ на основе архивных материалов музея и свободных интернет-источников.

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Ольга БОРИСОВА – поэт, переводчик, писатель, публицист, общественный деятель. Член Союза писателей России, организатор международного фестиваля «ЛитКузница». Автор одиннадцати книг поэзии, прозы и публицистики. Победитель и призёр различных международных фестивалей. Лауреат нескольких международных премий, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха «Параллели», альманаха «Крылья». Живёт в Самаре.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Рассказ

Вечерело. Ада Семёновна села в старенькое кресло и включила телевизор. «Опять ничего интересного!» – перещёлкивая каналы, возмутилась она. Современные художественные фильмы с яркими картинками насилия Ада смотреть не любила. Новостные ленты её тоже не интересовали... Она с раздражением выключила телевизор и задумалась. Невольно в памяти всплывали позабытые картины ушедших лет.

Беловежская пуца в девяносто первом, развал государства, пустые полки в магазинах и страх перед грядущим. Тогда ей, тридцатидвухлетней женщине, матери двоих детей, жене офицера, и в голову не приходило, что может произойти в дальнейшем со страной, семьёй и ею. А жизнь, как мясорубка, перемалывала людей, разделяла их на сильных и слабых. Насильственно разламывала созданное

веками государство, разваливала его на множество частей.

В эту пору жили они в небольшом военном городке на юге страны. Гарнизон был брошен на произвол судьбы, проходил испытание под названием выживаемость. Ада находилась в декретном отпуске с младшим сынишкой. Ему только что исполнилось два годика. Старший сын ходил во второй класс. Перед глазами Ады Семёновны, словно в немом кино, крутились картинки её жизни: пустой холодильник, из-за отсутствия нескольких зарплат, голодные глаза детей, доедавших последние четыре картошки, грустный взгляд мужа, прилетевшего из очередной командировки, и икона на стене. Перед ней Ада молилась, вернее, рассказывала, что завтра утром ей нечем накормить детей, и что ей, врачу, придётся идти на паперть и просить

подавания, потому что все в их городке бедствуют... Ада сидела на стуле перед иконой, заливаясь слезами, всё говорила и говорила. Спать легла далеко за полночь.

Ада Семёновна встала с кресла и подошла к окну. Отодвинула тюль и посмотрела куда-то вдаль. «М-да... Еле выжили», – вздохнув, снова погрузилась в воспоминания. Но то, что случилось на следующий день, можно назвать только чудом. «Сама Заступница наша, Матерь Божия, помогла», – улыбнувшись, посмотрела на небо. В семь часов утра раздался телефонный звонок. Звонил бывший сослуживец мужа. Он съездил на ночную рыбалку, поймал много рыбы и решил поделиться. «Как тогда я обрадовалась, – подумала Ада Семёновна. – Есть чем деток накормить!» Почистив сазана, поставила его варить. Но сюрпризы на этом не закончились. Раздался очередной звонок. Звонила подруга. Ей прислали посылку из деревни, и она, разделив продукты поровну, просила срочно прийти. Потом зашла соседка и принесла ведро картошки, невесть откуда взявшейся. Телефон дребезжал весь день. Ближе к ночи холодильник уже не зиял пустыми полками. На них лежали масло, сыр, сосиски, стояла в баночке сметана, и красовался в целлофановом пакете бородинский хлеб. Его привёз муж подруги, вернувшись из столицы. Отцу генералу дали часть задолженности по зарплате. Эта весточка вселила надежду, что скоро в гарнизон тоже придут деньги...

Ада Семёновна отошла от окна и направилась на кухню. Поставила чайник на плиту, села на табурет и с благодарностью посмотрела на икону, висящую над столом. И снова нахлынули воспоминания...

Первая и вторая чеченские войны. Гарнизон тогда находился на военном положении. Она вспомнила, как ночами жители городка по очереди охраняли подъезды, а в это время их мужья в полном вооружении сидели в окопах в холодной осенней, продуваемой всеми ветрами, степи. Она хорошо помнит эти ночи, когда с маленькой собачкой Линдой выходила на пост...

Закипел чайник. Налив в любимую голубую кружку, подаренную Аминой, горячий напиток, снова задумалась. Амина... Красавица Амина, где ты? После её отъезда они ещё долго перезванивались, но в последние годы от неё нет вестей.

Амина попала к ним в госпиталь в девяносто девятом. Тяжёлое ранение в грудь. С большим трудом девушку удалось спасти. Её семью расстреляли боевики, она чудом осталась жива. Кто-то донёс бандитам, что Закаевы у себя дома прячут троих раненых русских солдат. Девушка первой увидела приближающихся к их подворью вооружённых людей

и успела спрятать парней. Боевики ворвались в дом и потребовали отдать им неверных. Отец по чеченским традициям предложил им сесть за стол, но бандиты и слушать не хотели старика.

– Не отдашь – заберём с собой дочь, – заявил один из них.

– Ашбехкмабилла. Къинтерадовла, у нас нет и не было никаких русских.

Но не успел он закончить, как раздался первый выстрел. Старик медленно стал оседать на пол. Амина подскочила к отцу. Он из последних сил закрыл собой дочь, и это спасло её от неминуемой гибели. Следующим выстрелом они убили мать. Но тут как по команде напавшие с перекошенными от злости лицами стали падать на пол. Всех пятерых уложили те, которых семья Закаевых спасла от смерти. Последним свалился бородач, застреливший отца. Амина ринулась к ребятам, но в это время недобитый бандит успел выстрелить ей в грудь.

После выписки Амины Ада Семёновна забрала девушку к себе. Она стала ей дочерью. «Как ты, моя девочка?» – вздохнула она. Как ни уговаривала её Ада, после завершения войны девушка засобиравшись домой. «Не могу остаться. Там земля моих предков, и в ней лежат мои родители. Я должна быть там», – обняв Аду Семёновну, сказала на прощание Амина. И уехала. Через год она вышла замуж за местного учителя Алана Омаева. Смирновых пригласили на свадьбу, но поехать им так и не удалось. Мише предложили работу в Африке, и он тут же улетел. Вскоре у Омаевых родились две дочери...

Вдруг раздался лёгкий стук в окно. «Странно, – удивилась Ада Семёновна, – седьмой этаж. Почудилось, что ли?» Она осторожно подошла и в темноте на подоконнике разглядела белого голубя. Тот, увидев отражение в стекле, вспорхнул и улетел. «Это весточка от Миши! Он скоро будет дома», – радость наполнила сердце женщины. Миша всегда возвращался домой внезапно, не предупреждая её. Она подошла к зеркальному шкафу и поправила причёску. В отражении увидела себя: ещё не старую, но уже с рифлёными носогубными складками у рта, выдающими её возраст. Ухмыльнувшись и скорчив гримасу, Ада отправилась в спальню, разбирать постель. Но переступив порог комнаты, услышала назойливый звонок у входной двери.

– Миша!

Она ринулась к двери, а открыв, увидела Стёпку:

– Бабуль, ещё не спишь? А я не один.

За его спиной, потупив взгляд, стояла девушка, как две капли воды похожая на Амину.

– Познакомься. Это Мила Омаева, моя невеста.

ДРУГОЙ МОТИВ

Рассказ

– Там-тара-там, тара-там! Тьфу, – сплюнул в сердцах Петро. – Вот прицепился мотивчик!

– Ты чего ругаешься? – поинтересовалась Полина, поставив на крыльцо ведро, доверху наполненное огурцами.

– Да вот, как втемяшится что-то в голову, так никак не отвяжется.

– Урожай нынче на огурцы богатый. Банки из сарайки неси! Крутить будем, – словно не слыша мужа, приказала она. – Да не забудь доску в бане

прибить. Там гвоздь ржавый торчит, я намедни поранилась.

Взяв коробку с гвоздями, Петро отправился выполнять поручение жены. Не успел он ещё размахнуться молотком, как о себе напомнил прежний мотив.

– Да что же за напасть такая?! Откуда он взялся?

Вдруг под сердцем резко ёкнуло. И он вспомнил эту песню, бородатого бандита и совсем юную чеченскую красавицу с миндалевидными глазами, спасающую их группу тогда, в первую... двадцать шесть лет назад.

Пётр Харченко служил срочную в спецназе. Стояла весна 1995 года. В Чечне вовсю полыхала война. Командир батальона, где служил Пётр, получил информацию, что к одному из близлежащих сёл подтянулись боевики. Их отделению приказали проверить достоверность полученных сведений. Дождавшись вечера, группа из десяти человек скрытно подошла к селению. Оказавшись в начале улицы, бойцы быстро развернулись в боевой порядок и стали медленно продвигаться вперёд. Сгущались сумерки.

– Странная тишина, словно все вымерли, – прошептал Витька Радченко.

– Здесь они. За нами следят, – только успел ответить Пётр, как зазвенели первые выстрелы. Пули просвистели над головами спецназовцев. Стрельба велась из окон саманного дома в метрах тридцати от бойцов.

– Отходим! – приказал командир отряда Саня Петров.

Зазвучали новые выстрелы с конца улицы, отрезающие путь к отходу.

– В кольцо берут! Живыми хотят взять. Слушай мою команду! Уходим через дворы и огороды.

Отстреливаясь, они вломились в первый попавшийся двор и, перемахнув через изгородь, оказались на другом подворье. Их искали, звучала беспорядочная стрельба и окрики дудаевских боевиков. В одном из дворов Пётр присел на краю канавы, чтобы перезарядить магазины и вдруг услышал в метрах в двадцати от себя злое смех, переходящий в ритмичный мотив: «Там-тара-там, тара-там!» В него целился из «шайтан-трубы» бородач в чёрном одеянии. Он что-то прокричал на своем языке и выстрелил. Пётр кувыркнулся через спину в канаву. Граната ударила в её стену, осыпав его землёю и камнями. «Ну всё, конец мне пришёл! Сейчас в меня пальнёт», – только успел подумать, как увидел, что наёмник, оскалась, стал медленно оседать. В его шее торчал нож, воткнутый по самую рукоять, а за спиной бандита он увидел хрупкую чеченскую девушку. Она приложила палец к губам и позвала его за собой:

– Хасан злой человек! Он убил моего брата. Собирай своих, я выведу вас за село.

Она торопилась. Прячась за деревьями, привела группу к подвалу.

– Ничего не бойтесь, – прошептала девушка. Оглядевшись по сторонам, зашла сама и, впус-

тив бойцов, закрыла на задвижку дверь. Ловким движением зажгла керосиновую лампу и попросила отодвинуть бочку с какими-то соленьями. Под бочкой оказался лаз. Сдвинув крышку, она первой спустилась по земляным ступеням в тёмную яму.

– Торопитесь! Здесь подземный ход. Его вырыли отец с братом, когда война на нашей земле началась. Он ведёт во двор моей тётки, а там рукой подать до оврага. По нему вы уйдёте.

– А ты? Тебя же убьют!

– Я знаю, где спрятаются. И скоро ваши придут. Этих здесь человек тридцать. В основном все пришлые. Держат селян в страхе.

– А Хасан за что убил брата? – спросил Пётр.

– Они пытались село отстоять.

– А зовут-то тебя как?

– Забудьте обо мне, если желаете мне добра. Так будет лучше.

Шли они недолго. Девушка остановилась и прислушалась.

– Я выйду первой. Уберу дрова, закрывающие выход. А теперь давайте прощаться, – и она тут же исчезла в узком земляном проёме...

Вскоре селение освободили от боевиков. Часть их убили, других взяли в плен и отправили в Москву, некоторые смогли скрыться. Пётр пытался найти девушку, спасающую ему и его товарищам жизни, но безуспешно. А когда бригада, выполнив свои задачи, уходила из села, он услышал знакомый голос. Девушка пела красивую чеченскую песню:

*Хаза ю ламанцабуьйса,
Баттостиглахьнека до,
Ойла ю тоеллатховса,
Безамкийрахыйбало.*

Он понял, что пела она для них. Её прощальная песня...

* * *

Пётр так и сидел с молотком в руках, когда в баню зашла жена.

– Зову тебя, зову, а ты не откликаешься. Банки пора закручивать. Я рассол сварила, заливать нужно. – Она внимательно посмотрела на мужа. – Что с тобой?

– Ничего... Песню вспомнил. Но это уже другой мотив.

И он запел тихо и нежно:

*Ночь светла над горной грядой,
По небу плывёт свет луны.
Пленены мы сладкой мечтою,
В сердце пламя, пламя любви.*

Полина прижалась к плечу мужа. Обнявшись, они ещё долго сидели в старой бане. Каждый думал о своём.

(Перевод песни В. Хаджимурадова)

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

**Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ THE ONLY QUESTION (AUTHORS IN CONVERSATION)

В феврале-марте вышло 10 выпусков антологии The Only Question. В проекте принимают участие 40 авторов из 18 литературных городов ЮНЕСКО (или связанных с ними городов). В ходе проекта дирекция программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» предложила авторам из литературных городов представить, что у них есть возможность задать всего один вопрос писателю, поэту или переводчику из другого города сети.

Инициатива поможет познакомить авторов из городов сети друг с другом и наладить их диалог. Проект также позволит понять, какие вопросы волнуют авторов разных стран сегодня. Кроме того, он даст возможность читателям узнать новых

писателей. Вопросы и ответы авторов (на русском и английском языках) вместе с краткой биографией каждого участника и ссылками на публикации регулярно размещаются на сайте программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО», сайтах других литературных городов сети, в социальных сетях.

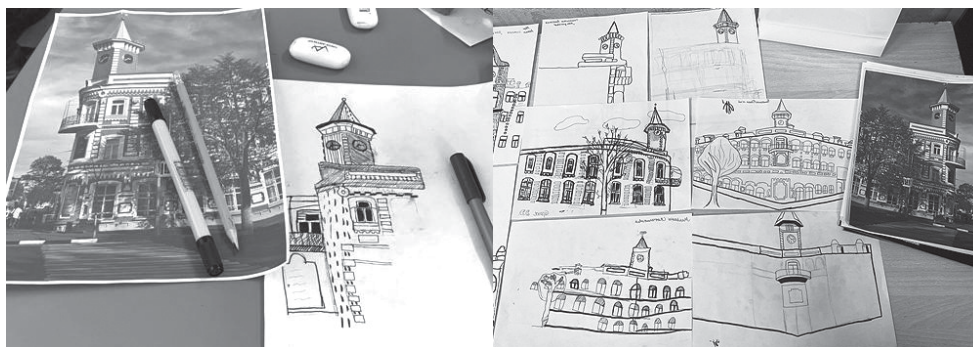
Материалы также предложены для публикации партнерам проекта: литературным журналам, библиотекам, литературным медиа и СМИ. По итогам проекта в 2022 году выйдет онлайн-антология со всеми вопросами и ответами (на русском и английском языках).

Подробности: <https://ulcreat.mukcbs.org>

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР»

В феврале прошли две встречи в рамках проекта «Удивительный мир». Тему второй встречи задал Международный день языка. Участники проекта, дети из детских домов и реабилитационных центров города Ульяновска, поделились тем, какой язык они считают своим родным и в чем видят его красоту, дети также рас-

сказали о том, кем они мечтают стать в будущем и какие профессии им интересны. Воспитанники детских домов «Дом детства», «Соловьиная роща» и «Гнездышко» познакомились с отделом редких книг, побывали в книгохранилище и на художественной выставке студентов творческих специальностей «Весна. Просмотр». В этот день дети поучаствовали в 3-часовой интеллектуальной программе на территории библиотеки, которая подарила им новые открытия и познания в области культуры и искусства. На экскурсиях ребят сопровождали во-

лонтеры Ульяновского педагогического колледжа и благотворительного проекта «Подарок судьбы». Для студентов эта работа стала новым опытом и возможностью для небольшой педагогической практики. Важной частью встречи стал творческий мастер-класс от ульяновского художника Антона Александровича Лазарева. Под руководством опытного педагога и художника участники проекта познакомились с техникой «графическая иллюстрация» на примере изображения Дома Гончарова.

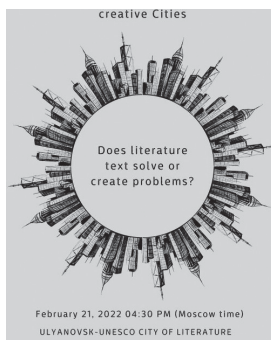
Подробности <https://ulcreat.mukcbs.org>.

О ЗИМЕ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

К Международному дню родного языка 21 февраля дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» совместно с Централизованной библиотечной системой представила проект «О зиме на разных языках». В этом проекте жители Ульяновска прочитали любимые зимние стихи на своём родном языке. Подробности: <https://ulcreat.mukcbs.org>.

ТЕКСТ-ЭФИР

Онлайн – диалог местного писателя (С. Гогин) с писателями из сети городов ЮНЕСКО состоялся в феврале. Что из себя представляет литературный текст и на чем он держится? Любое литературное произведение как текст не может существовать без сюжета. Сюжет строится на героях: главных и второго плана, протагонистах и антагонистах. Выходит, сюжет строится на противостоянии героев друг другу, но в чем суть этого противостояния? Что порождает в сюжете конфликт, становящийся движущей силой развития тем и раскрытия авторского замысла? Ответ, казалось бы, прост: проблема. И в литературе есть извечные проблемы, знакомые каждому читателю: проблемы соотношения добра и зла, временного и вечного, веры и

истины, прошлого и настоящего. Решает ли литературный текст такие проблемы или, наоборот, создает их? Писатели из креативных городов ЮНЕСКО со всего мира встретились 21 февраля, в Международный день родного языка, в онлайн-формате для обсуждения этого, почти риторического вопроса. Современные авторы из России, Сингапура, Германии, Соединенных Штатов Америки, Канады, и Латинской Америки не только предложили свои ответы на поставленный вопрос, но и осветили актуальные и важные проблемы в обществе, как темы литературного текста. Среди них были проблемы политической корректности, гендерного равенства, прав женщин и их защиты.

Подробности: <https://ulcreat.mukcbs.org>.

ПРОЕКТ «DECODING ORNAMENT»

Дирекция программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» 27 февраля презентовала международный междисциплинарный проект арт-мастерской «Decoding орнамент» в рамках национального проекта «Гений места».

Проект «Decoding орнамент» направлен на решение вопросов сохранения национальных культурных традиций и историко-культурной самобытности народов Поволжья, проживающих на территории Ульяновской области, и рассказать о

нашем культурном наследии в сети креативных городов ЮНЕСКО. Участники проекта смогут исследовать орнаменты, характерные для этих народов и творчески раскрыть эту тему, разрабатывая и реализовывая свои арт-проекты в различных сферах искусства. Программа проекта рассчитана на 10 месяцев работы и включает в себя серии двухдневных интенсивов каждые два месяца и двухдневные лектории каждый месяц. Участников проекта ждет работа и тематические встречи со спикерами со всего мира из разных творческих сфер. Подробнее о проекте вы можете узнать по ссылке из нашей презентации: <https://clck.ru/dVxgj>.

Подробности: <https://ulcreat.mukcbs.org>

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Продолжает работать переводческий центр программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО». Группа студентов-практикантов 2-го курса магистратуры Института международных отношений, факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации Ульяновского государственного университета (Терёхина Анастасия, Дилакян Ани, Алиева Диана, Крашенинникова Екатерина, Скворцова Ксения, Парфенова Мария, Храм Мохаммад) по достоинству оценила работу центра.

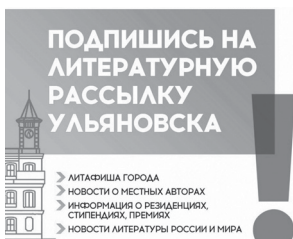
Ребятам было предложено перевести статьи из журнала «Симбирскъ», произведения ульяновских

авторов (стихотворение Натальи Джукович «Лоскуточки» и сборник рассказов Валерия Еремина), а также выпуск антологии The Only Question. Студенты получили возможность поработать над переводом вместе с профессионалами и носителями языка и шанс попробовать себя в художественном переводе. Так произведения местных авторов получают свое воплощение

на иностранном языке, с их творчеством смогут познакомиться читатели из других стран. По всем вопросам и предложениям для сотрудничества вы можете обратиться в дирекцию программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО».

Подробности: <https://ulcreat.mukcbs.org>.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulsycityofliterature@gmail.com

Игорь КОХАНОВСКИЙ (р. 1937)

2 апреля – 85 лет исполняется поэту-песеннику Игорю Васильевичу Кохановскому (р. 02.04.1937, г. Магадан). Учился в Москве в одном классе с Владимиром Высоцким, который пел его песню «Бабье лето». Член Союза писателей СССР (1971). Окончил Высшие литературные курсы (1973). Написал тексты многих песен, которые исполняли звёзды эстрады. Переводил тексты песен с польского языка; написал поэму «Тайна дуэли». Автор поэтических сборников «Звуковой барьер» (1968), «Штрихи» (1972), «Несовпадение» (2012). Приезжал в Ульяновск 12 апреля 2017 года: провёл творческую встречу во Дворце книги, презентовал читателям сборник воспоминаний о Высоцком «Всё не так, ребята...».

БАБЬЕ ЛЕТО

Клёны выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Это скоро, это скоро
Бабье лето, бабье лето.

Что так быстро тают листья –
Ничего мне не понятно...
А я ловлю, как эти листья,
Наши даты, наши даты.

Я кручу напропалую
С самой ветреной из женщин.
А я давно искал такую –
И не больше, и не меньше.

Только вот ругает мама,
Что меня ночами нету.
Что я слишком часто пьяный
Бабым летом, бабым летом.

Клёны выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Это омут, ох, это омут –
Бабье лето, бабье лето.

ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

За звёздами вослед,
в ночной тиши торжественной
который год во сне
ко мне приходит женщина.

Вся в голубом, как дождь
над голубыми елями.
Она, наверно, вождь
у голубого племени.

Благодарю судьбу,
что тайна снов развенчана:
я вижу наяву,
я вижу эту женщину.

Совсем не в голубом,
в наш мир переселённая,
в наш мир, где всё кругом
земное и зелёное.

А я себе не изменял,
И мне не надо изменяться,
Как тем, кто мир кривых зеркал
Создал под льстивый шквал оваций.

Я говорю по мере сил
В неубывающей печали,
О чём и раньше говорил,
Когда о том вокруг молчали.

Геройством это не зову,
Так что геройством не клеймите.
Да, я так жил и так живу.
А вы живите – как хотите.

Аминат АБДУРАШИДОВА (р. 1962)

3 апреля – 60-летний юбилей отмечает даргинская поэтесса, тележурналист Аминат Гапизовна Абдурашидова (р. 03.04.1962, с. Карбачимахи Дагестанской АССР). Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова. С 20 по 26 апреля 1987 года участвовала в Днях дагестанской культуры в Ульяновске, выступала на встречах с жителями города и области: на автозаводе, в совхозах им. Н.К. Крупской и «Тепличный», в Ивановском детдоме им. А.М. Матросова. Печаталась в газете «Ульяновская правда». Работала в газете «Комсомолец Дагестана», преподавала в университете, была редактором ГТРК «Дагестан». Автор поэтических сборников «Я и ты», «Родник», «Радуга солнца», «Иерихонская труба» и др. Живёт в городе Махачкале.

МЫ

На чистых душах наших расписалось время.

Чернила – кровь. Кинжал – перо.

И нам с тобой

зачитан приговор, что вырезан в знаменьях.

Мы – меченые горем и войной.

В глазах – не блеск,

а отблеск всполохов и взрывов.

Пускай клянётся ложь, воняя за версту, –

пощады нет гангренам этим лживым,

пусть говорят о праве гнить и гнусь плетут,

мы с плотью вырежем –

пусть истекая кровью,

исхлёстанные свистом пуль и зла

и воем матерей погибших, чьей любовью

превыше жизни Родина была.

Побед озон вдохнём, едва отбросит громы.

Короной чести пусть венчается душа.

Бойтся правды ложь – мы присягнули дому,

мы присягнули, и враги не устрашат.

Мы юность дарим лишь единственному долгу.

Печать на душах. Время не берёт нас в плен.

Вердикт подписан. Нас у времени не много,

но жизни времени мы отдаём взамен.

БАШНЯ

Я – башня, а значит,
на пике скалистом
лишь солнце оплачет
надежды лучисто.

А сад одичавший –
лишь осени звуки,
лишь листья летят
на кремнистые руки.

Где реял, как знамя,
огонь поцелуем –
лишь ветер печали
на камни подует.

Где чувства горели –
там долгие годы
лишь пепел свободы,
лишь пепел свободы.

СКУ-КО-ТА

День уснул за дальней лужей,
ветер рвёт ночную высь.
Мошकारа сомнений кружит,
воет пёс про злую жисть.

В мире нет таланту места,
сквозь расщелину тоски
мишурой сверкают пресной
золотые медяки.

Мёд акации пристрастен:
весь в шипах её дымок.
Скучно жил, мечтал о счастье
скучно сорванный цветок.

Кот с собакой делят что-то –
жизнь до одури проста.
Скукотища и болото.
Ску-ко-та...

*Перевёл с даргинского
Тимур Раджабов.*

Кашишаф АМИРОВ (1922–1996)

7 апреля – 100 лет назад родился татарский драматург Кашишаф Сафиуллович Амиров (07.04.1922, с. Новые Зимницы Хвалынского у. Саратовской губ., ныне Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. – 28.09.1996, г. Лениногорск, РТ). Учился в пединституте Бухары и на юридических курсах в Ташкенте. Работал в школах Узбекистана, в следственных органах Таджикистана, в газетах города Душанбе. С 1960 года жил в Лениногорске. Автор пьес «Пробуждение» (1966), «Перед судом» (1972), «Мелодии Шугура» (1973), «Веление совести» (1973), «Эх, судьба, судьба» (1983). Пьесы ставились в профессиональных и народных театрах Казани, Альметьевска, Бугульмы, Астрахани, Оренбурга, Намангана, Хивы.

Ефим ГОРИН (1877–1951)

8 апреля – 145 лет со дня рождения изобретателя-самоучки, фотографа, беллетриста Ефима Евграфовича Горина (08.04.1877, с. Анненково, ныне с. Степное Анненково Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 28.06.1951, г. Москва). Окончил Анненковскую трёхклассную школу, жил в Мелекессе. В 1894 году переехал в Симбирск. Изобрёл аппараты для передачи изображения на расстояние и искусственного зрения для слепых. В августе 1915-го ослеп, но продолжал творчески работать. В печати именовал себя «русским Эдисоном». В 1916 году издал в Петрограде книгу «Рассказы русского Эдисона» и поэтический сборник «Звёздочка». С 1922 года жил с семьёй в Москве. Его именем названа улица в Засвияжском районе Ульяновска.

ДУМЫ ГОЛОДАЮЩЕГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Много забот, много горя испытано,
Много ухлопано сил;
Потом кровавым рубаха пропитана,
Стал белый свет уж не мил.
Всё опостылело, всё опротивело –
Время, наука, мечты.
Словно метлой все желанья повымело,
Давит кошмар пустоты.
Нет уж стремленья к успеху и радости,
Очень устал от борьбы,
Чувствую: нет ничего, кроме гадости,
В портфеле мрачной Судьбы.
Жизнь безотрадная, скучная, нудная,
Нет ни врагов, ни друзей,
Дети разуты и трапеза скудная,
Думы все ночи мрачней...
В комнате стены клопами усеяны,
Вши по постели ползут;
Корки от книжек,
Что клейстером клеены,
Мыши за шкафом грызут.
Вот оно, старческих дней утешение,
Вот до чего дожил я,
Изобретатель – страны украшение,
Господи – Воля Твоя.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Как безобразен человек
И как гнусны те увлечения,
В которых он без сожаленья
Безумно топит весь свой век.
Души все лучшие стремленья,
И сердца чистого порыв
Он топчет в грязь: в угоду страсти,
В угоду сатанинской власти,
Заветы Бога позабыв.
Он не пойдёт принять участие
Туда, где страждет его друг
В борьбе с ударами судьбины,
Под тяжестью, где гнутся спины
И не по силам крест несут
Рабы труда в ярме скотины.
Давно забыв и честь, и стыд,
Он не протянет брату руки,
Он в ресторан уйдёт от «скуки»,
И там, приняв «блаженный вид»,
Забудет всех несчастных муки.

Я верил, что настанет время,
Страной оценится мой труд;
За то, что нёс я это бремя,
Меня в герои возведут.
Но я не этого желаю,
«Герой Труда» не нужен мне.
Я для того изобретаю,
Чтоб лучше стало жить стране.

Владимир ФАРМАКОВСКИЙ (1842–1922)

8 апреля – 180 лет назад родился педагог, литератор Владимир Игнатьевич Фармаковский, литературный псевдоним – С. Михно (08.04.1842, г. Вятка, ныне Киров – 19.06.1922, г. Петроград, ныне С.-Петербург). Из семьи священника. Учился в Петербургской духовной академии, преподавал в Вятской духовной семинарии. В 1877 году переехал в Симбирск; до 1881-го работал инспектором начальных народных училищ Симбирской губернии. Автор брошюр и книг «Школьная диететика» (1872), «Управление детьми» (1877), «Книжка о мировом суде» (1879), «Книжка для земских гласных» (1879), «Народная школа в Сызранском уезде» (1880), «Методика школьной дисциплины» (1886), «Педагогическая мнемоника» (1910) и др.

ШКОЛЬНАЯ ДИЕТЕТИКА (отрывок из книги)

Большинство учителей держится такого убеждения, что ученик подлежит их воспитательному действию лишь в пределах школы, и что коль скоро ученик затворит за собою дверь школы, то он уже состоит под юрисдикцией родительской или общественной власти. Это неосновательное убеждение служит причиною того, что ученики, во время их следования в школу или из школы, предоставляются самим себе и предаются всяким шалостям. Толпа учеников несётся по улице, как дикая орда, с криком, не стесняясь никакими требованиями благопристойности, толкая друг друга, оскорбляя проходящих мимо посторонних людей, пачкая углем и мелом стены, дома и памятники. Часто улица становится опасною для проходящих. Нередко устраиваются побоища, причём пускаются в ход палки, книги и всё, что попадает под руку.

Не касаясь нравственной стороны дела, которая не входит в план настоящего сочинения, мы обращаем внимание лишь на пагубные последствия этих уличных беспорядков для здоровья детей. Среди этой суматохи получают нередко серьёзные ушибы, повреждения и раны, которые требуют немедленно врачебной помощи; между тем ученик, по многим побуждениям, скрывает свою болезнь и дома, и в школе. Школа не может относиться равнодушно к подобным приключениям и в предотвращение их обязана принять должные меры. Надзор за учениками на пути их следования, по крайней мере, при возвращении из школы, когда они собираются массами, является делом необходимости. Если обязанность надзора в этом случае не может быть возложена на педагога, то пусть школа высылает на место следования учеников хоть классную прислугу. Надзор должен сопутствовать ученикам до тех пор, пока они идут толпою и не разойдутся по разным направлениям.

Считаем нужным указать на те шалости, которые ежедневно происходят между учениками на улице, от которых надзор должен их удерживать. Ученики вообще любят прогулку с препятствиями. Вместо прямого пути избирается более длинный, вместо более удобного – менее удобный. Вместо того, чтобы идти по ровному месту, ученик взбирается на груды камня, на тумбы; вместо того, чтобы идти по сухому месту, идёт в лужу. Путешествие в школу или из школы нередко служит для учени-

ка временем, в котором наживается привычка к табаку. Нужно всячески противодействовать этой дурной привычке, которая в детском возрасте приносит громадный вред, ослабляя питание ученика, раздражая нервную систему, расстраивая грудь, наконец, составляя естественный переход к употреблению спиртных напитков.

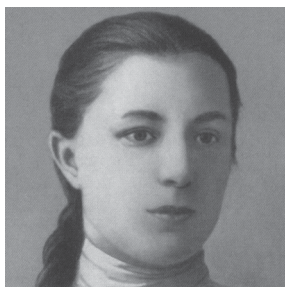
Переходим к другим явлениям школьной жизни, состоящим в тесной связи с тем, которое мы рассмотрели.

Во многих школах по окончании уроков ученики опрометью бросаются из класса. Сам учитель обыкновенно обнаруживает большую торопливость и в редких случаях наблюдает за выходом учеников из класса. Там, где существует запрещение для учеников оставаться в классе по окончании уроков, замедлившие несколько минут ученики немедленно изгоняются из класса сторожем. С точки зрения дисциплины запрещение ученикам оставаться в классе после уроков имеет свои основания; но с точки зрения детского здоровья нельзя не требовать многих исключений из этого правила. Выход ученика из тёплого класса тотчас после урока на холодный воздух представляет опасности не только для слабых натур, но и для крепких организмов. Насморк – самое меньшее, чего нужно опасаться в этом случае.

Ученикам слабосильным и болезненным всегда полезно по окончании урока, побыть несколько времени в классе, чтобы успокоиться от обычного нервного раздражения.

Мы несколько раз касались разнообразных причин болезни, в громадных размерах развивающейся в среде учащегося юношества. Мы разумею искривление позвоночного столба. Теперь мы укажем ещё на одно условие, способствующее развитию этого зла. Это – общепринятый обычай ношения книг. Книги носят обыкновенно под левой мышкой или в левой руке, или в мешке, лежащем на левом бедре. Научными исследованиями доказано, что ежедневно ношение даже самой незначительной тяжести на одной стороне постепенно ведёт к искривлению тела в эту сторону, вследствие одностороннего упражнения мускулов...

Вера КАЛИЦКАЯ (1882–1951)

9 апреля – 140 лет со дня рождения писательницы, мемуаристки Веры Павловны Калицкой, литературный псевдоним – В. Аиен (09.04.1882, г. С.-Петербург – 14.05.1951, там же). Дочь симбирской дворянки Ольги Ивановны Лазаревой из д. Русское Урайкино (ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл.); первая жена писателя А.С. Грина; по линии матери племянница Д.Н. Садовникова. В 1942 и 1944 гг. была проездом на станциях Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Ульяновской обл. Автор рассказов «Беглецы» (1923), «В Лапландии» (1925), «Искатели нефти» (1933); мемуарных сочинений «Фёдор Сологуб в Вытегре» (1997), «Моя жизнь с Александром Грином: воспоминания, письма» (2010) и др.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ГРИНЕ (отрывок)

Жизнь с Александром Степановичем показалась мне сначала идиллией. Утром я уходила в лабораторию, а в час возвращалась домой завтракать. Александр Степанович радостно встречал меня и даже приготовлял к моему приходу какую-нибудь еду. Потом я опять уходила в лабораторию, а по окончании моей работы мы шли куда-нибудь обедать.

Но идиллия очень скоро кончилась. Александр Степанович за год своего пребывания в Петербурге сошёлся с литературной богемой. Это делало нашу жизнь трудной и постоянно выбивало из бюджета. Я была бесхозяйственна и непрактична, а Александр Степанович всякую попытку к экономии называл мещанством и сердито ей сопротивлялся.

Жизнь наша слагалась из таких периодов: получка, отдача долгов, выкуп заложенных вещей и покупка самого необходимого. Если деньги получал Александр Степанович, он приходил домой с конфетами или цветами, но очень скоро, через час-полтора, исчезал, пропадал сутки или двое и возвращался домой больной, разбитый, без гроша. А питаться и платить за квартиру надо было. Если и мои деньги кончались, то приходилось закладывать ценные вещицы, подаренные мне отцом, и даже носильные вещи. Продали и золотую медаль – награду при окончании мною гимназии.

В периоды безденежья Александр Степанович впадал в тоску, не знал, чем себя занять, и делался раздражительным. Потом брал себя в руки и садился писать. Если тема не находилась, говорил шутя: «Надо принять слабительное». Это значило, что надо начитать вдоволь таких книг, в которых можно было бы найти занимательную фабулу, нравящегося героя, описание местности или просто какую-нибудь мелочь, вроде звучного или эксцентричного имени; такие книги давали толчок воображению, вдохновляли и помогали ему найти героя или тему. В подобные периоды Александр Степанович не перечитывал прежде известных ему книг, но доставал приключенческую литературу, фантастические романы, читал А. Дюма, Эдгара По, Стивенсона и т. п.

В те годы, когда мы жили вместе, Александр Степанович был молод, мозг его был свеж, и писалось ему легко. В два-три приёма рассказ бывал окончен. Александр Степанович читал мне его,

диктовал для переписки набело. Наступали тихие, хорошие вечера.

В такие вечера я мучительно задумывалась над вопросом: да что же за человек Александр Степанович? Мне, в то время молодой и совсем не знавшей людей, нелегко было в нём разобраться. Его расколотость, несовместимость двух его ликов: человека частной жизни – Гриневского и писателя Грина – была в глаза, невозможно было понять её, примириться с ней. Эта загадка была мучительна, и однажды, слушая стихи Александра Степановича, я неожиданно расплакалась.

Грин удивленно спросил:

– Что это ты?

Я ответила:

– Очень трогательно у тебя сказано про снег:

*Гнездя на острые углы
Пушистый свой ночлег.*

Александр Степанович не стал допытываться правды. Никаких объяснений он не терпел, да их у нас никогда и не было.

Написанное произведение Грин сдавал в редакцию, получал деньги, а дальше повторялось всё прежнее.

К весне 1908 года такая жизнь утомила меня. Я была настолько наивна, что думала: «Вот поселюсь отдельно, скажу Александру Степановичу, что не вернусь... и он изменится». Я сняла комнату в том же доме, где жил и Александр Степанович. Прожила там до середины лета, а потом переехала на 9-ю линию, к чопорным и почтенным немкам.

Моя жизнь у строгих немок была, конечно, нарушением всех их понятий о порядочности. Ко мне, незамужней, ежедневно приходил молодой, плохо одетый мужчина; являлся он как раз в то время, когда я возвращалась со службы и мне подавали обед. Мы съедали этот обед дочиста. Это они ещё терпели.

Но однажды осенней ночью 1908 года (в это время в Петербурге свирепствовала холера) терпению их пришёл конец. В передней раздался сильнейший звонок. Испуганная хозяйка открыла дверь, постучала ко мне и крикнула:

– Это к вам!

В прихожей стоял Александр Степанович.

– У меня холера! Помогите!..

Константин АКСАКОВ (1817–1860)

10 апреля – 205 лет назад родился поэт и литературный критик Константин Сергеевич Аксаков (10.04.1817, с. Ново-Аксаково, ныне с. Аксаково Бугурусланского р-на Оренбургской обл. – 19.12.1860, остров Закинф, Греция; похоронен в Москве). Сын писателя С.Т. Аксакова. Бывал на Средней Волге и в Симбирске; в конце 1820-х – начале 1830-х гг. месяц жил с отцом в с. Аксаково (ныне Майнского р-на Ульяновской обл.). Окончил Московский университет (1835). В 1851 году гостил с отцом в с. Вишенка (ныне Мелекесского р-на). Автор повестей «Вальтер Эйзенберг» (1836), «Облако» (1837); драмы «Освобождение Москвы в 1612 году» (1848); статей «О Карамзине» (1848), «На смерть Гоголя» (1852) и др.

Я ВИДЕЛ ВОЛГУ

Я видел Волгу, как она
 В серебристом утреннем уборе
 Лилась широкая, как море;
 Всё тихо, ни одна волна
 Тогда по ней не пробегала,
 Лишь наша лодка рассекала
 Воды поверхность и за ней,
 Её приветно лобызая,
 Струя лилась вослед, сверкая
 От блеска солнечных лучей.
 Спокойность чистого кристалла
 Ничто тогда не нарушало;
 Казалось, небеса слились,
 И мир глазам моим являлся:
 С двух солнцев в нём лучи лились,
 Я посредине колебался.

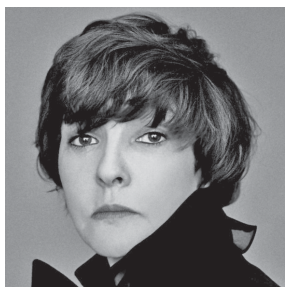
Н.М. ЯЗЫКОВУ

Благодарю. Мне драгоценен
 Приветный, сильный голос твой,
 Будь всё, как прежде, неизменен,
 Об Руси нашей громко пой!
 Свершится наше ожиданье,
 Вперёд недаром смотрит взор;
 Но вот ответ мой на посланье,
 На дружелюбный твой укор.
 Нигде и ни в какое время
 Тому руки я не подам,
 Кто чтит тот град, народа бремя,
 Всея России стыд и срам,
 Кто, разорвав с народом связи,
 Москве и Руси изменив,
 Ползёт червём в столицу грязи,
 И твой упрёк несправедлив.
 Но между нашими врагами –
 Другие есть; открытый бой
 Ведут они; открыто с нами
 Упорной тешатся борьбой.
 Гроза в твоей пусть будет встрече,
 Рука тверда, душа строга, –
 Но пусть и в разъярённой сече
 Ты чтить достойного врага.
 Дела такие встарь бывали,
 И наша память их хранит:
 И прежде руку подавали
 Друг другу Главк и Диомид.

Несутся, мелькают одно за другим
 Виденья в неясном тумане.
 И сердце трепещет и мчится вслед им...
 И плачет о тяжком обмане.

Далёко – но память сроднилась с душой,
 И счастья былого мгновенья
 Живут и теперь благодатной семьёй,
 Даруя мне грусть в утешенье!

Белла АХМАДУЛИНА (1937–2010)

10 апреля – 85 лет со дня рождения поэтессы Беллы Ахатовны Ахмадулиной (10.04.1937, г. Москва – 29.11.2010, пос. Переделкино в Москве). Проезжала на поезде станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово в 1941 году, отправившись с бабушкой в эвакуацию в Казань через Куйбышев и Уфу. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (1960). Автор поэтических сборников «Струна» (1962), «Метель» (1977), «Тайна» (1983), «Гряда камней» (1995), «Друзей моих прекрасные черты» (1999) и др. Член Союза писателей СССР (1962), Союза российских писателей (1991). Была также проездом в Ульяновской обл. в июне 1995-го и в июне 2001 года по пути из Москвы на творческую встречу в Самаре и обратно.

АПРЕЛЬ

Вот девочки – им хочется любви.
Вот мальчики – им хочется в походы.
В апреле изменения погоды
объединяют всех людей с людьми.

О новый месяц, новый государь,
так ищешь ты к себе расположения,
так ты бываешь щедр на одолженья,
к амнистиям склоняя календарь.

Да, выручишь ты реки из оков,
приблизитишь ты любое отдаленье,
безумному даруешь просветленье
и исцелишь недуги стариков.

Лишь мне твоей пощады не дано.
Нет алчности просить тебя об этом.
Ты спрашиваешь – медлю я с ответом
и свет гашу, и в комнате темно.

* * *

Бьют часы, возвестившие осень:
тяжелее, чем в прошлом году,
ударяется яблоко оземь –
столько раз, сколько яблок в саду.

Этой музыкой, внятной и важной, –
кто твердит, что часы не стоят? –
совершает поступок отважный,
но как будто бездействует сад.

Всё заметней в природе печальной
выраженье любви и родства,
словно ты – не свидетель случайный,
а виновник её торжества.

ЗАКЛИНАНИЕ

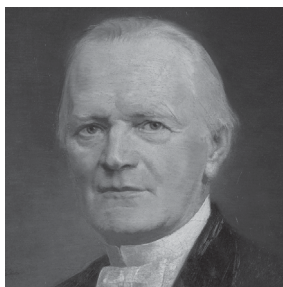
Не плачьте обо мне – я проживу
счастливой нищей, доброй каторжанкой,
озябшею на севере южанкой,
чахоточной да злой петербуржанкой
на малярийном юге проживу.

Не плачьте обо мне – я проживу
той хромоножкой, вышедшей на паперть,
тем пьяницей, поникнувшим на скатерть,
и этим, что малюет Божью Матерь,
убогим богомазом проживу.

Не плачьте обо мне – я проживу
той грамоте наученной девчонкой,
которая в грядущести нечёткой
мои стихи, моей рыжея чёлкой,
как дура будет знать. Я проживу.

Не плачьте обо мне – я проживу
сестры помилосердней милосердной,
в военной бесшабашности предсмертной,
да под звездой моею и пресветлой
уж как-нибудь, а всё ж я проживу.

Михаил ОСТРОВСКИЙ (1827–1901)

11 апреля – 195 лет назад родился государственный деятель, литератор Михаил Николаевич Островский (11.04.1827, г. Москва – 07.08.1901, г. С.-Петербург). Брат драматурга А.Н. Островского. Окончил Московский университет. С 1848-го до 1853 год служил коллежским секретарём в канцелярии гражданского губернатора в Симбирске. По словам современницы, он в это время «писал стихи тётушкам, мамаше, знакомым, воспевал природу, любовь, утро, день, ночь, посвящал отцу, приятелям переводы в стихах, и недурные переводы, начал повесть, начал поэму...». Поддерживал дружеские связи с Н.П. Огарёвым, переписывался с П.В. Анненковым. В дальнейшем – сенатор, член Государственного совета России.

ПРИРОДА

(Симбирск. 10 сентября 1852 г.)

Когда в толпе холодной света
Ты не найдёшь себе друзей,
Не встретишь ласки и привета
У нищих чувствами людей,

Тогда, забыв свои невзгоды,
Ты в лоно благостной природы
Стремися пылкою душой;
Там ты найдёшь, о чём бывало
Душа восторженно мечтала
Во время юности живой.

Делясь и горем, и отрадой,
В природе встретишь ты любовь;
И ароматом и прохладой
Она твою взволнует кровь.

Леса теней и шума полны,
Потока яростные волны
Дадут ответ мечте твоей;
И песнь души твоей влюблённой,
И гимн природе вдохновлённый
Споёт счастливый соловей.

ПИСЬМО БРАТУ

Здравствуй, любезный Саша! Как ты поживаешь? Мне папенька писал, что ты хочешь поступить в Опекунский Совет, поступил ли ты, или нет? Я живу по-прежнему, служба меня не тяготит, хотя занятий и немало. Ты интересовался узнать, что говорил Гончаров о твоей комедии, правда, он и мне говорил более в общих выражениях, но между тем указывал на знание русского языка и сердца русского человека и на искусное введение в комедию драматического элемента. Здесь я хорошо познакомился с известным тебе Юрием Самариним, который стал моим товарищем: чиновником особых поручений у князя, и подробности о котором узнаешь из письма моего Эдельсону.

Между тем наступает холодное время, и в Симбирске скоро начнутся балы, на которые непременно должно будет ездить, а потому я имею теперь нужду в некоторых вещах, которые прошу тебя по-

трудиться купить на прилагаемые при сем деньги и выслать мне как можно скорее. Купи, пожалуйста, 6 пар белых перчаток мерою №71/2, 1 пару чёрных и 1 пару цветных, какую знаешь, мерою обе №73/4. Купи, где сочтёшь лучше: у Юнкера или в *Magazin de Paris*. Ещё купи, пожалуйста, у Дюлу шляпу по прилагаемой при сем мерке, постарайся, чтобы она была не более этой мерки, и пришли или сам, или поручи Дюлу выслать. Всё это будет стоить: перчатки 12 р. с., шляпа 5 р. с., итого 17 р., на пересылку, я думаю, не более 1 р. с., если же более, то напиши и я тебе вышлю.

Симбирск такой город, где ничего этого достать нет никакой возможности; вышли же сделай милость поскорее, чем премного обяжешь.

Любящий тебя брат М. Островский.

Симбирск. 10 сентября 1852 г.

Архиепископ НИКАНДР (1852–1910)

13 апреля – 170 лет со дня рождения духовного писателя, архиепископа Никандра, в миру Николая Дмитриевича Молчанова (13.04.1852, г. Москва – 18.06.1910, г. С.-Петербург). Окончил Московскую духовную академию (1878). Был ректором Санкт-Петербургской духовной академии. В 1895–1904 гг. служил епископом Симбирским и Сызранским; при нём было построено много церквей, открыто свыше 150 церковных школ и Кирилло-Мефодиевское братство при церкви Симбирского епархиального училища. Публиковался в журнале «Церковный вестник». Автор сочинений: «Носители духовного просвещения» (1895), «О свободе вероисповедания» (1905), «Против современного неверия» (1908) и др.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ В СЕМИНАРСКОМ ХРАМЕ

в день храмового праздника Трёх Святителей 30 января 1901 года в Симбирске
(отрывок из сочинения)

На религию некоторые из христиан, и даже очень многие, смотрят теперь не как на действительный союз Бога с человеком, не как на существенную потребность сердца человеческого, без чего человек духовно жить не может, и что, вместе с верой в живого Бога, должно определять собою высшие убеждения его ума, главное направление его воли и всю внутреннюю его настроенность, с подчинением себе всех второстепенных задач его жизни. Эти люди готовы принимать религию лишь в той мере, в какой она не препятствует обычному, в духе времени, течению жизни человека, не изменяет её строя, сложившихся привычек и наклонностей целого общества и отдельных лиц. Церковь с её принадлежностями, уставами и благодатными средствами такие люди не считают Божественным установлением в собственном смысле, как понимает её православие. Хождение в храм Божий для участия в общественной молитве и богослужении не признают насущною потребностью души своей, не видят здесь духовного общения с Богом и благодатного освящения, а потому бывают в храме весьма редко и притом для целей большею частью совсем посторонних. Потребности в молитве они не чувствуют, смысла и значения богослужений не понимают и не хотят знать, считая всё это, если иногда делом и нужным и полезным, то только, будто бы, для людей неразвитых, для простого народа, как младенца в вере и духовном развитии, и потому нуждающегося во внешних средствах для своего духовного и религиозного воспитания.

Не станем пускаться в дальнейшие подробности. Всякому внимательному наблюдателю нетрудно убедиться и видеть, насколько неправильно и односторонне подобно отношение многих членов современного православного общества к вере и Церкви, к Божественному учению и правилам церковной жизни; какая отсюда возникает опасность для современного православия и религиозных убеждений других лиц, ещё не заражённых подобными религиозными предрассудками и заблуждениями. На такой, и подобной ей, почве создавалось и создаётся религиозное сектантство, отпадение от веры и Церкви и т. д. Подобные явления не могут не останавливать на себе самого серьёзного внимания представителей истинного учения Церкви, истинных носителей духовного просвещения, не могут не заставлять их глубоко задумываться над подобными печальными в церковной жизни явлениями.

Как же помочь горю? Как врачевать эти духовные недуги современного общества?

Для более надёжного врачевания, по обычному порядку, принято прежде всего узнавать причину, вызвавшую известный недуг, а потом уже определять и средства или способы врачевания. Главная и общая причина равнодушия и холодности к религии во всех её проявлениях и незнание её со стороны многих членов современного общества, – это, так называемый, материально-практический характер и направление нашего времени, причём в сынах века сего развивается крайнее пристрастие к миру, исключительное увлечение мирскою жизнью, погоня за наживой, за земными, мирскими благами, с целью устроить и обеспечить только личное благосостояние, питать и услаждать лишь своё самолюбие, свой эгоизм. Об общественном благе ныне многие любят только поговорить, но не принимать его близко к сердцу, не заботиться о нём на деле. При таких условиях жизни и стремлениях людей века сего, идущих вразрез с требованиями Божественного и церковного учения, естественно нужно ожидать, что люди эти пойдут не по пути Церкви и Евангелия, а своею особою дорогою, которая, если прямо и не отрицает последние, то не хочет знать их, или ложно понимает их и кривотолками объясняет, относясь совершенно равнодушно и холодно к их внутренней истине и святости.

Для большего своего оправдания люди века сего даже дерзают возводить обвинения на самую Церковь и её служителей. Первую укоряют в том, будто она наполнена только пустою обрядностью и сухим формализмом; будто не имеет в себе нравственной силы и духа жизни для благотворного влияния на христиан и потому, будто бы, не способна удовлетворять духовным потребностям современного общества. Вторых обвиняют в умственной отсталости, неразвитости, невоспитанности, нерадении о своём долге, косности, неучтительности, и потому также, будто бы, неспособных отвечать на запросы умственной и религиозно-нравственной жизни образованного христианина и оказывать на него благотворное нравственное влияние. Говорят, что служители Церкви так же, как и все, погрузились в материальные интересы жизни, в погоню за наживой, за материальным благосостоянием, денежною обеспеченностью и т. д. и в жертву этому готовы принести и приносят высшие духовные интересы своего служения и своей миссии...

Александр ШИРЯЕВЕЦ (1887–1924)

14 апреля – 135 лет назад родился поэт и драматург Александр Васильевич Ширяевец, настоящая фамилия – Абрамов (14.04.1887, с. Ширяево Симбирской губ., ныне в составе г. Жигулёвск Самарской обл. – 15.05.1924, г. Москва). Имеет симбирские корни: его дед Ермолай Семёнов и мать Мария Ермолаевна родом из Сенгилея, отец Василий Абрамов служил в Сенгилее приказчиком. Бывал на родине матери. Жил и работал в Самаре, Ташкенте, Бухаре, Ашхабаде, Москве. Дружил с поэтами Николаем Клюевым и Сергеем Есениным. Автор книг стихотворений «Богатырь» (1915), «Алые маки» (1917), «О музыке и любви» (1917), «Мужикослов» (1923), «Раздолье» (1924), «Волжские песни» (1928) и др.

ВОЛГЕ

Тускнеет твой венец алмазный,
Не зыкнет с посвистом жених...
Всё больше пятен нефти грязной –
Плевки Горынычей стальных...

Глядишь, старея и дряхлея,
Как пароходы с рёвом прут,
И голубую телогрею
Чернит без усталы мазут...

А жениха всё нет в дозоре...
Роняет известь едкий прах...
Плывёшь ты с жалобой к морю,
Но и оно – в плевках, в гудках...

РОССИИ

Давно-давно на подвиг славный
Богатыри не мчатся вскачь,
И горше плача Ярославны
Твой заглушённый тихий плач...

Не злым врагом, не в поле ратном
Твой щит старинный дерзко смят, –
В краю родном ножом булатным
Сыны любимые рязят!

Как зверь, метнувшийся из чащи,
Бегут они, и дик их зов,
И отдают рукой дрожащей –
Дары отважных Ермаков...

Да что дары: твой крест нательный
Они заложат под галдёж!
И плачешь ты в тоске смертельной,
И клича мининского ждёшь...

– Ужель не будет светлой яви,
Ужель последний час настал?..
– Избави, Господи, избави!
Спаси, Угодник, как спасал!

МАСЛЕНИЦА

Сергею Городецкому

Взвились кони, пляшут санки –
Мигом смерим все концы!
– Голоси мне в лад, тальянка!
Заливайтесь, бубенцы!
Сколько смеху! Сколько песен!
Ошалело всё село!
Снег дорожный месим, месим,
Пообгоним всех назло.
Алым цветом пыщут девки,
Глянут – звонче я зальюсь...
Да неужто, в кои веки,
Пропадёт такая Русь!
Голосистую тальянку
Бросил в ноги...
Шибче! Эх!..
Мчатся кони, пляшут санки,
Свищет ветер, брызжет снег!

Иван ЛОЩИЛИН (р. 1952)

17 апреля – 70-летний юбилей отмечает литератор, сценарист Иван Викторович Лощилин (р. 17.04.1952, пос. Новосёлки Мелекесского р-на Ульяновской обл.). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1977), сценарный факультет ВГИКа (1983). Дебютировал как поэт и прозаик в мелекесской газете «Знамя труда». Публиковал стихи в журналах «Россия», «Московский вестник», «Наследие предков». Написал сценарии к кинофильмам «И будем жить» (1980), «Караул» (1989), «Доминус» (1991), «Убийство на Ждановской» (1992) и др. Лауреат премии кинофестиваля «Золотой витязь» (1994). Член Союза кинематографистов СССР (1989), Союза писателей России (1998). Автор повести «Завтра не умрёт никогда» (2003). Живёт в Москве.

ЗАВТРА НЕ УМРЁТ НИКОГДА (отрывок из повести)

Танковое орудие дёрнулось и изрыгнуло огонь. От выстрела танк подпрыгнул, окутался облаком сизого дыма и осел на тяжёлую гусеничную задницу.

Кумулятивный снаряд влетел в окно на четырнадцатом этаже светлого здания за рекой. Осыпались по фасаду осколки лопнувшего оконного стекла и водопадом хлынули вниз, стуча по стенам и карнизам, расплскиваясь по асфальту мелкими брызгами.

Дымное красное пламя вырвалось из окна, следом повалили жирные чёрные космы.

Толпа на мосту взревела от восторга, забесновалась:

– Так их, так! Жги коммуняк! Смерть им!

– Чтобы они все там сдохли, сволочи красно-коричневые!

Зевак было много, десятки тысяч. Вся набережная напротив Дома Советов России забита людьми, пришедшими поглазеть в своё удовольствие.

Они облепляли крыши домов, кучились на балконах, теснились в окнах – с биноклями, телекамерами, фотоаппаратами.

Ликующие зрители бесплатного спектакля.

Содрогнулся второй танк, послав снаряд в ту же цель.

Из окон Дома Советов клубился дым, окрашивая белые стены в чёрное. Лопались, летели вниз стёкла.

Выстрелил третий танк...

Четвёртый...

Снаряд... Ещё снаряд... И ещё...

На Калининском мосту по всей его ширине стояли ровно в ряд четыре танка. Стреляли по очереди, методично, один за другим – непрерывно.

Били прицельно, прямой наводкой.

После каждого выстрела ликующая толпа вопила: «Ура!» – или с пьяным азартом скандировала: «Шайбу! Шайбу! Шайбу-у-у!!!».

На верхних этажах Дома Советов бушевал пожар. Через окна вырывались языки пламени, густой чёрный дым клубами поднимался к небу, застыл хвое октябрьское солнце.

По обе стороны широкого коридора с красной дорожкой посередине плотными цепями застыли роботоподобные фигуры спецназовцев с автоматами наперевес, в тёмно-оливковых бронекольчугах с наплечниками и бронированных шлемах, с пуленепробиваемыми забралами.

Всюду: на полу, на ковровой дорожке, на паркете – битое стекло, стреляные гильзы... И кровь. Пятна, лужицы, кровавые полосы...

Из тёмного жерла коридора появилась вереница людей. Некоторые шли с зажжёнными свечами. В их колеблющемся пламени лица то пропадают, то появляются снова.

Первым, сторбясь, еле передвигая непослушные ноги, шёл долговязый тощий старик в дешёвой болоньей куртке. Лицо его было сумрачно, в поднятой руке он держал светлую рубашку – вместо белого флага.

Их было больше сотни: молодые и старые, подростки, много женщин. Были здесь армейские офицеры и рабочие, депутаты, студенты. Потерянные и взволнованные, полные тревоги, они брели опустив глаза, понурые, молча.

Звучно хрустела под ногами осыпавшаяся штукатурка, скрипели пронзительно осколки стекла.

Журналист Андрей Свягин, худощавый щёголь лет тридцати в длинном тёмном плаще с поднятым воротником, шёл впереди, почти сразу за стариком. Осунувшийся, с густыми тёмными тенями под серыми глазами, он, по всегдашней своей профессиональной привычке всё замечать и подмечать, время от времени взглядывал – на неподвижных спецназовцев, на замкнувшихся сидельцев Дома Советов, на усеянный стрелянными гильзами пол. И тревожно, тоскливо было на душе его.

Тёплый октябрьский день догорал, смеркалось.

За оцеплением десантников, теснясь, вплотную к ним, галдела возбуждённая толпа. Вышедших из Дома Советов она встретила не просто недружелюбно – агрессивно, с ненавистью. Истошным визгом и свистом...

Фёдор АБРАМОВ (1877–1918)

18 апреля – 145 лет со дня рождения журналиста, литератора Фёдора Андреевича Абрамова (18.04.1877, с. Ундоры Симбирского у., ныне Ульяновского р-на Ульяновской обл. – 1918, Симбирская губ.). «По бедности родителей» переехал в Симбирск, где работал садовником у основателя симбирской общины белоризцев. В 1908 году написал письмо Л.Н. Толстому, в котором спрашивал его мнение об организации общины. Редактировал газеты «Симбирские вести», «Народные вести», «Волжские вести», «Симбирянин». Публиковал заметки на злобу дня; подвергался административным взысканиям за публикацию в «Народных вестях» работ Л.Н. Толстого; сидел за агитацию в тюрьме. Расстрелян белочехами в Майне или Чуфарово.

Алексей НОВИЦКИЙ (1862–1934)

19 апреля – 160 лет назад родился историк искусства, библиограф Алексей Петрович Новицкий (19.04.1862, г. Симбирск – 24.09.1934, г. Киев Украинской ССР). Окончил Московский университет (1887). Работал в Императорском историческом музее, Высшем художественном училище живописи, скульптуры и архитектуры, в Политехническом музее. Автор книг «Опыт полной биографии А.А. Иванова» (1895), «Передвижники и влияние их на русское искусство» (1897), «История русского искусства с древнейших времён» (1903), «Черты самобытности в украинском зодчестве» (1911), «Граф Ф.П. Толстой» (1912). После революции жил в Крыму, в 1922 году переехал в Киев. Академик Всеукраинской АН (1922).

К ИСТОРИИ МОЗАИЧНОГО ИСКУССТВА В РОССИИ

(отрывок из статьи)

Хотя мозаические работы явились в России почти одновременно со введением христианства и в летописях наших сохранились сведения, что материалы для мозаики, смальта и цемент составляли одну из статей привозной, византийской торговли, но тем не менее начало мозаического дела в России нужно искать гораздо позднее.

Найденные в киевских церквях мозаики своими греческими надписями указывают прямо на византийское происхождение. Кроме того, с концом киевского периода нашей истории и эти мозаики окончательно исчезают.

Первый же, кто поднял вопрос об устройстве у нас мозаического заведения, и не только поднял его, но и действительно сам, собственными усилиями, решил и даже осуществил это решение, – был Ломоносов.

В 1746 году канцлер граф Михаил Илларионович Воронцов, возвратясь из путешествия по Европе, привёз с собою несколько мозаик, частью купленных за дорогую цену, частью полученных в подарок от папы Бенедикта XIV. Это и дало мысль Ломоносову – самому попытаться отыскать способ приготовления необходимых для такого дела смальт, и, не щадя трудов, он принялся за химические опыты. В конце марта 1750 года у него было уже «не малое число таких стёкол, которые в мусию годятся»; в августе 1751-го граф Воронцов представил их пробы Государыне, а 4 сентября 1752-го был уже готов мозаичный образ Богоматери с оригинала Солимены, поднесённый Императрице и весьма благосклонно ею принятый, причём в своём рапорте, поданном в Академию наук, Ломоносов говорил: «составлен-де помянутый образ с оригинала славного римского живописца Солимена; всех составных кусков поставлено больше четырёх тысяч, все его [Ломоносова] руками, а для изобретения составов делано 2184 опыта в стеклянной печи, а чтобы сие дело при Академии на том не окончилось, и для того требует, чтоб дать ему в научение достойного ученика, ибо он, изобрет к сему делу все способы, и показать может довольно, но сам всегда в том не может упражняться, желая служить отечеству другими знаниями и науками». Согласно этому заявлению, Академия выбрала «двух человек из рисовальных учеников из ведомства мастера Гриммеля» и

определила их в ученики к Ломоносову.

Заняв этих учеников работою портрета Петра Великого, сам он стал хлопотать об устройстве фабрики «для делания разноцветных стёкол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей, с привилегией на тридцать лет», говоря, что, если ему «повелено будет здесь производить мозаичное художество, то обещается он показать, кому повелено будет, удобные способы к набиранию всяких мозаических вещей и, сверх того, ставить для сего дела с его заводов требуемое количество составов, ценою тридцатью процентами ниже, чем как оные в Риме продаются, т. е. отпускать оные по три рубля пуд». В 1753 году ему действительно была пожалована для устройства фабрики деревня в Копорском уезде Петербургской губернии, в 211 душ. Отсюда Ломоносов и брал своих учеников и работников.

Но фабрика, как видно, не много имела заказов и плохо окупалась; так что в 1757 году он обратился с просьбою на высочайшее имя, говоря, что «позже указом Вашего Императорского Величества данным из Правительствующего Сената прошлого 1756 года, повелено, чтоб я особливо к размножению мозаического искусства прилагал старание, – того ради, исполняя оный указ, паче прочих вещей старался я о произведении в совершенство помянутого художества, которое и достигло уже такого состояния, что совершенно служить может для украшения церквей Божиих и других публичных строений, каковы Высочайшим Вашего Императорского Величества повелением строятся к украшению отечества и к вечной славе благословенного государствования. А как чрез многие достоверные опыты из древних лет подлинно известно, что мозаичная живопись не подвержена такому тлению, как её другие роды, но, кроме чрезвычайных и насильных действий, – ни воздухом, ни долготою времени не повреждается, оными неувядающими цветами могу и желаю я, низжайший, как для церквей Божиих святыя образы, так и для других публичных строений, изображать на моих заводах лица и дела великих Ваших предков, а особливо бессмертной памяти дражайших Ваших родителей, равно как геройское Вашего Величества на родительский престол восшествие и благодеяния к отечеству...».

Валерий БОКОВ (р. 1947)

20 апреля – 75 лет исполняется поэту и барду Валерию Дмитриевичу Бокову (р. 20.04.1947, г. Феодосия Крымской обл. РСФСР). Окончил Казанский авиационный институт (1972). По распределению работал в аэропорту города Сочи. Песни на свои стихи пишет с 1964 года. Участник пеших, горных и водных походов по Алтаю, Кавказу, Южному Уралу. Лауреат фестивалей авторской песни в Смоленске (1967, 1969), Рязани (1968), Минске (1969, 1972), Грушинского фестиваля (1976). Автор книги стихов «Ностальгия по...» (1995). Не раз выступал с концертами в Ульяновске: участвовал в фестивале авторской песни «Гамбургский счёт» (1979), побывал на 40-летию Ульяновского клуба авторской песни (2016). Живёт в Казани.

АРИНА РОДИОНОВНА

Солнце село за околицей села.
Вот и свечка, велика или мала,
Засветилась в оконце слюдяном.
Чей-то голос слабый слышен за окном.
Ты не плачь слезами светлыми, свеча,
Ты уйми мою старушечью печаль.
Думы долгие мои спали огнём
Всё о Сашеньке, о Саше, всё о нём.
Не осадит боле верного коня
И не скрипнет половицей во сенях.
Не возьму я в толк, седея голова,
Как же это: нет его, а я жива.
Я жива, а он уснул навечным сном.
То не саван – белый снег лежит на нём.
Свет прикрыли не дощечкой гробовой.
Спи же сладко, мой родимый, Бог с тобой.
Тяжко встала, будто вспомнив про дела,
Помолилась, свечку в руки – и пошла,
Только стала свечка ох как нелегка
У Арины Родионовны в руках.

Зима осторожно подкралась и белой порошею
По просекам бродит, последней листвою звеня.
Я знаю, что где-то горит моё ясное солнышко,
Но светит, но светит оно уже не для меня.

Привет: Вот и ушло тепло на юг –
Много ли нам его досталось?..
Было тепло – и вдруг
Стало бело вокруг.
Что же теперь, мой друг, осталось?

Пирог на сочельник и слёзы свечей оплывающих,
И саночек лёгких весёлый рождественский скрип,
И след от полозьев, в морозную синь убегающий,
И птицы, отставшей от стаи, пронзительный крик.

И я, как та птица, гляжу на леса серебрёные
И первую наледь ломаю, взлетев тяжело,
И крылья метели, и крылья метели калёные
Своим рассекаю пока ещё тёплым крылом.

Привет.

Остыну, промёрзну, как речка, до самого донышка,
И не ворочусь уж из снежного из далека.
А где-то по небу плывёт и плывёт моё солнышко,
Да вот закрывают его от меня облака.
По небу плывет и плывет мое ясное солнышко,
Да вот закрывают его от меня облака.

МОИ ГОРОДА

Большой своей жизнью живут города:
Они – как большие и добрые люди...
Друг-друга сменяя, проходят года,
А мы города только преданней любим

Мы им доверяем всю душу свою,
Мы им поверяем все думы и беды,
Скупые рассветы над ними встают,
И дарят нам радость скупые рассветы.

Тревожно на стыках гремят поезда,
По небу плывут журавлиные стаи,
И мы, расставаясь, своим городам
Частицу себя навсегда оставляем.

Но что это слышу? Друзей голоса,
И тает туман, и сомнения тают...
Под ветры подставив домов паруса,
Мои города как суда выплывают.

И настезь все окна, и ветер в лицо,
Куда-то лечу я в звенящем трамвае,
А улицы вьются, смыкаясь в кольцо,
И я их названья как книги читаю.

И в водовороте осенней листвы,
В круженье весны и январской метели
Ступаю привычно по их мостовым
И трогаю старые тёплые стены.

Но что-то случилось, всё стало не то,
Неясная в сердце закралась тревога...
Уходит эскадра моих городов,
Меня позабыв у чужого порога.

Ну что ж ты, приятель? Вот вспыхнул маяк,
Чьего же ещё ждёшь ты благословенья,
Неужто мельчаешь, как гавань твоя?
Лови уходящие эти мгновенья.

Скорее-скорее к моим городам,
Хоть в это, пожалуй, никто уж не верит...
Я делаю выбор лишь раз навсегда,
Как старый корабль, покидающий берег.

Алексей БОБРИНСКИЙ (1762–1813)

22 апреля – 260 лет назад родился граф, литератор, мемуарист Алексей Григорьевич Бобринский (22.04.1762, С.-Петербург – 02.07.1813, г. Богородицк Тульской губ.). Внебрачный сын Екатерины II и графа Г.Г. Орлова. Окончил Сухопутный кадетский корпус (1782). В 1782 году совершил путешествие по России в сопровождении академика Н.Я. Озерецковского. Посетил многие города России, в том числе на Волге. В Симбирске находился 6–26 октября; оставил впечатления в путевом дневнике. Автор сочинений «Дневник графа Бобринского, ведённый в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу», «Записки графа Бобринского о карточной игре» (опубликованы в журнале «Русский архив»).

ДНЕВНИК ГРАФА БОБРИНСКОГО (отрывок из сочинения)

15 октября 1782 года (Симбирск). Обедали у господина Шагарова, где стол очень хорош был и гораздо лучше, нежели у господина губернатора вчерашний день. Прежде обеда был у нас господин губернатор с визитом, с братом своим, с вице-губернатором, господином Колтовским, который в Сухопутном шляхетном корпусе был и с господином прокурором, который также кадетом был. Господин Кристиани был поутру. После и прежде обеда играли в лото, где я проиграл. Я позабыл сказать, что вчерашний день приезжал новобрачный звать нас к себе ужинать и на бал на сегодняшний день. Поехали домой от г. Шагарова, а оттуда – к г. Плещееву. Отец его – капитан гвардии в отставке, а сын его прапорщиком в гвардии в отставке же. Бал был и ужин очень хорош.

Во время ужина случилось мне сидеть возле господина губернатора, который меня спрашивал в рассуждении перемен в конной гвардии и вступления господина Михельсона; правда ли, будто по ночам возили смотреть в новом колете к князю Потёмкину и что как князь Орлов приехал, что все сии новости уничтожились и что очень бьют в пехотных полках и что в комплект на всю артиллерию требуется только сегодняшнего года 300 человек для комплектирования всего артиллерийского корпуса в Империи; что он был в бомбардирском полку полковником год и что имел тот артиллерийский полк, в котором г. Ганнибал теперь полковником. Звал к завтрашнему дню нас обедать, и прогуливались по городу. Я этот вечер проиграл более 30 рублей. Свечин и Озерецковский не выезжали, потому что у одного нога болела, а у другого голова, так что оба остались дома. Отдал я два письма одному артиллерийскому офицеру, который в Казань едет завтрашнего дня для Александра Ивановича Свечина, от Свечина и Озерецковского. Званы были отобедать завтрашний день у губернатора.

17 октября. Ездили смотреть город. Прежде читали в Санкт-Петербургских газетах об учреждении нового ордена Святого Владимира для служащих в статской или гражданской службе. Сей орден надела Государыня 23 числа сентября. Город Симбирск

очень хорош в рассуждении местоположения. Ездили смотреть за городом старинный вал, который сделан был для обороны от татарских набегов при царе Алексее Михайловиче. При самом основании города, за рекой Свизью, речка Симбирка, по которой город Симбирск своё название получил, там и течёт в середине большого оврага. Были в богадельне, в рабочем доме, где все те содержатся, которые менее 20 рублей украли в первый раз. Они должны вырабатывать только ту сумму; ежели же в другой раз украдут такую же сумму, то есть менее 20 рублей, то они должны выработать также, но с тою разностью, что они при входе и выходе из этого дома биты бывают.

Сегодняшний день мне сказали, что г. Кикин, здешний помещик, говорил о князе Г.Г. Орлове, что будто, ехавши в Царицын целительную воду пить, проехал он чрез деревню двух братьев Анненковых (один из них офицер конной гвардии, а другой в Преображенском полку был капитаном и вышел в отставку в бригадиры); что у них сестра умная женщина, что будто князь в неё влюбился и что ей пропозировал за себя взять; но что она на это не согласилась и ему сказала, что она благодарит его за честь, ей сделанную, и что она на это согласна; но зная, что он сам собою не может зависеть и что на это соизволение Её Императорского Величества надо на их женитьбу, что она до тех пор даже кольцо не переменит; будто на это князь ещё более к ней приступил и хотел кольцо уже переменить, уговаривал её; но она никак на это не согласилась и что призывала графа Ивана Григорьевича, чтоб князя уговаривал; но что князь, вместо его слушать, его разругал и выслал его вон; но что со всем тем князь уехал в Москву без промена кольца, чтоб просить дозволения жениться на ней.

Ещё тот же г. Кикин принёс известие, что граф Алексей Григорьевич Орлов писал к князю, что Херсон взят турками и что там командующий генерал Ганнибал взят в полон турками. Званы сегодняшний день на завтрашний обедать у г. Волкова, предводителя дворянства здешнего...

Ринат ИЛЬКИН (р. 1947)

25 апреля – 75 лет исполняется татарскому поэту, переводчику, краеведу Ринату Басыровичу Илькину (р. 25.04.1947, с. Аллагулово Мелекесского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский политехнический институт. Работал на различных предприятиях и в организациях Димитровграда. Состоит в местной писательской организации «Слово». Автор сборников стихов и переводов «Мы все у времени в плену» (2012), «Кружится шар земной, кружится» (2013), «Вот так проходят годы» (2016); краеведческих изданий «История села Аллагулово» (2015), «История села Филипповка» (2016). Написал слова гимна Мелекесского района. Занесён в региональную Книгу почёта «Герои малой Родины» (2017).

ГИМН МЕЛЕКЕССКОГО РАЙОНА

Край Мелекесский – малая Отчизна,
Земли приволжской милый уголок.
Не зря тебя подрайскою землицей
Народ в своих преданиях нарёк.

На волжском берегу, на Черемшане
Четыре века вместе мы живём.
В семье народов все мы россияне,
Россию гордо Родиной зовём.

Как в Волгу Черемшан всегда впадает
И колосятся золотом хлеба,
Россию так в веках объединяет
Народов наших дружба и судьба!

Озёра и реки, леса и поля,
Холмы и равнины – родная земля.
Хлебом и нефтью, трудом процветай,
Любимый край! Наш Мелекесский край!

Двадцатый век,
Вторая половина.
Стал человек
Ценней рубина.

А двадцать первый показал –
Он ниже плитуса упал!

Любите книгу, но не в дефиците.
Любите книгу у любителей в руках.
Любите книгу и людей любите –
Дельцы уйдут, а книгам жить в веках.

В мягком приливе танца,
В тонком изгибе рук,
В розовых вспышках румянца,
В молчании чувственных губ
Мы повстречались, и властно
Судьба нас ломала, круша...
Как пели цикады! Как страстно
Волны вздымались! И пела душа!

Ты ушла красиво, как уходит солнце.
Щёки полыхали, как закат в оконце.
Очи потемнели – голубые, в гневе.
Так уйти красиво подобало Еве.
Некуда податься Еве от Адама.
Ты ушла к другому – вот какая драма.
Да, к нему! К другому! В том себя уверив,
Я не смог сдержаться и рванул к двери...
Милая! Родная! Попрошу прощенья!
Нервы вышли, видно, из повиновенья.
Извини, но, видно, мы с тобой не пара.
Вновь, как заводная, во дворе гитара.
Ладно, будь что будет, и промолвил строго:
– Уходи, коль хочешь, скатертью дорога!
– Что? Да как ты можешь! Ведь тебя люблю я!
...Что-то сейчас будет – я тебя целую.

Юрий МЕЛЕНТЬЕВ (1932–1997)

25 апреля – 90 лет со дня рождения государственного деятеля, публициста Юрия Серафимовича Мелентьева (25.04.1932, г. Кыштым Уральской, ныне Челябинской обл. – 19.12.1997, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1982). В 1974–1990 гг. министр культуры РСФСР. Не раз бывал в Ульяновске: в 1986 году приезжал сюда с рабочим визитом; в 1987-м выступил здесь вместе с писателем П.Л. Проскуриным на конференции Советского фонда культуры; был почётным гостем на одном из Пушкинских праздников в пос. Языково Карсунского р-на. Автор книг «Овод живёт в Уругвае» (1967), «Ваятели» (1971), «Предтечи свободы» (1976), «Не за три моря» (1979), «Сеятели» (1982), «Краски времени» (2002) и др.

ВАЯТЕЛИ (отрывок из книги)

Существует мнение, и по-своему оно справедливо, что всё меньше становится вокруг нас белых пятен, что не зря человечество рвётся за пределы своей планеты, где каждый шаг – открытие.

Всё это так и совсем не так... Конечно, нелегко сделать сегодня большое открытие на земле для всех, это не всегда под силу учёному или даже целому коллективу исследователей, но – в чём я уверен абсолютно – каждый может стать первооткрывателем для себя или для рядом стоящего.

Открывать что-либо для себя – это совсем не мало и отнюдь не эгоистично. Большие или малые открытия способен делать каждый. И эта способность есть та основа творческого начала в человеке, которая уже сама является противоядием от самодовольного мещанства. Ведь мещанин не удивляется ничему. Удивиться тому, что вчера мог не заметить, – разве это не значит сделать свою жизнь богаче?

Конечно, вам приходилось хоть несколько раз за зиму выбраться за город. Встать на лыжи и вдруг, как в детстве, обрадоваться чему-то. Всё кругом: волшебные от снежного убора деревья, пробивающиеся через еловые лапы весёлые лучи, которые светят, но ещё не греют, колючий комок ветра в лицо – сливается в единое ощущение подъёма, которое охватывает тебя в этом общении с русским лесом.

Но вот невесть куда ведущая лыжня нырнула в глубокий овраг, солнце пропало, не видно никого рядом, одиночество и тишина обступают тебя. И вот тогда, остановившись, вдруг сделаешь открытие: увидишь ту самую сосну, мимо которой, может быть, пробежал не раз. Увидишь, что она сама гармония, то неповторимое единение могучего ствола, припорошенной коры и напрягшихся от снежной тяжести зелёных веток, на которых каждая иголочка может запеть под ветром вечную лесную песню. Но сейчас тишина и окаменелая неподвижность живой красоты.

«Какое же это открытие – увидел дерево в лесу?» – ухмыльнётся скептик. Пусть себе ухмыляется. «Имеющий глаза – да видит». Мы ругаем под-

час наше суетливое, быстротечное время, спешим, мечтаем вырваться из текучки и... привыкаем к ней, отдаём себя её ритму. Но во многих случаях от нас самих зависит возможность остановиться, оглядеться не только в переносном, а иногда в прямом смысле этих слов.

Так было и со мной, пока один добрый знакомый не предложил просто пройтись по примелькавшимся местам Москвы. Эта неторопливая прогулка стала для меня началом многих открытий.

Кто не знает причудливого здания гостиницы «Метрополь»? Теперь оно принарядилось после ремонта. А совсем недавно было другим: днём у него более независимая и самобытная осанка, вечером здание вынужденно сутулилось под тяжестью неоновых букв и громоздкого силуэта Ту-104 с рекламой «Аэрофлота».

Возникшее в самом конце XIX века на углу бывшей Театральной площади, оно не было бы столь известно, если бы не один важный элемент, властно вторгшийся в его стиль. Этот элемент – красочные майолико-изразцовые панно Врубеля и Головина, которые сделали «Метрополь» знаменитым гораздо в большей степени, чем все утилитарные торговочно-ресторанные функции, которые были предусмотрены его строителем англичанином Валькоттом.

Каждый, кто бывал в Третьяковской галерее, может припомнить, что наиболее запечатлелось в самый первый приход. Для меня с детства это были Куинджи с его таинственной «Ночью на Днепре», Верещагин с его картиной «Двери Тамерлана», Васнецов с «Царём Иваном Грозным» и «После побоища». Врубеля тогда память почти не зафиксировала. Зрительно помню лишь, что его «Сидящий Демон» был где-то поблизости от скульптур Антокольского.

Но затем всякий раз я подолгу останавливался у полотна Врубеля, стремясь понять «Пана», проникнуться очарованием «Царевны Лебеди», разобраться в мощных мазках его лермонтовских мотивов...

Святослав БЭЛЗА (1942–2014)

26 апреля – 80 лет назад родился литературовед, музыкальный критик, публицист Святослав Игоревич Бэлза (26.04.1942, г. Челябинск – 03.06.2014, г. Мюнхен, ФРГ). Окончил Московский университет (1965). Член Союза писателей СССР (1975). Автор книг «Человек читающий. Ното Legens» (1983), «Вдохновенный друг Шекспира» (1984), «Избранное: из истории мировой художественной культуры» (2012); очерков «Брюсов и Данте», «За пушкинской строкой», «Дон Кихот в русской поэзии», «Розанов и читатель» и др. Народный артист России (2006). Приезжал в Ульяновск 1 марта 2014 года: принял участие в 52-м музыкальном фестивале «Мир, Эпоха, Имена...»; выступил на сцене Ленинского мемориала.

СУДЬБА БЛАГОВОЛИТ ВОЛЯЩЕМУ (отрывок из книги)

Даже те, кто не прочёл ни единого написанного им стиха, не видел его пьес на сцене или в кино, цитируют – порой сами того не подозревая – Шекспира, ибо огромное количество его слов, строк и строф стали крылатыми. Таких фраз только из «Гамлета» можно вспомнить немало: «Быть или не быть, вот в чём вопрос», «Подгнило что-то в Датском королевстве», «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», «Распалась связь времён», «Башмаков она ещё не износила», «Слова, слова, слова», «Человек он был», «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?», «Ты славно роешь землю, старый крот!» и т. д. Выражения эти – следует оговориться – бытуют в различных вариантах, потому что существует свыше тридцати русских переводов трагедии.

Слово «гений», казалось бы, само по себе служит исчерпывающей характеристикой и ни в каких дополнительных эпитетах не нуждается. Но когда речь заходит о Шекспире, этого оказывается мало, и вот какими – и чьими! – определениями сопровождается оно применительно к творцу «Гамлета»: «многосторонний» (Пушкин), «необъемлемый» (Лермонтов), «мирообъемлющий» (Белинский).

Если верно установлена дата его появления на свет, то родился Уильям Шекспир в 1564 году и умер в 1616-м в один и тот же день – 23 апреля. Вскоре после того, как ему исполнилось двадцать, он покинул родной Стратфорд-на-Эйвоне, с тем чтобы вернуться туда на покой за несколько лет до смерти. Собственно говоря, он вернулся сюда уже бесмертным, но мало кто из современников отчётливо сознавал это, да и он сам не помышлял ни о чём подобном.

За плечами у него осталась почти четверть века напряжённейшего творческого труда. Мы знаем сейчас тридцать семь шекспировских пьес, сто пятьдесят четыре сонета и две поэмы, но учёные полагают, что ещё какая-то часть его наследия не дошла до нас. Правда, имеют хождение легенды, что не сам Шекспир написал произведения, известные под его именем, и на их авторство выдвигается множество титулованных претендентов. Но все версии, будто подлинными создателями шекспировских пьес были граф Рэтленд, или граф Оксфорд, или ещё какой-нибудь граф, или прославленный философ Фрэнсис Бэкон, оказались на поверку не

основательны. И нет никаких причин сомневаться в том, что «Гамлета» создал сын стратфордского ремесленника и торговца, избравший для себя в Лондоне малопочтенное, по тогдашним представлениям, поприще актёра и сочинителя.

По имени властвовавшей в те годы королевы вторую половину XVI столетия в Англии принято называть елизаветинской эпохой. Человечество, однако, вносит коррективы и в хронологию, для которой всё чаще избираются в качестве ориентиров имена ярчайших светочей разума, а не тех или иных коронованных особ. Была дантовская эпоха в Италии и пушкинская пора в России, а её величество Елизавета I восседала на английском троне во времена «царя драматических поэтов» – Шекспира.

Отпущенные ему судьбой полвека пришлись на знаменательный период в истории Западной Европы. Предшествовавшую эпоху – Средневековье – тоже никак не следует представлять себе в виде тысячелетнего «провала» в истории, ибо и тогда разум людской не раз торжествовал над невежеством, создавались непреходящие эстетические ценности. Но именно Возрождение отмечено дерзновенными исканиями человеческой мысли и поразительным взлётом творческих сил, которые вызвали к жизни высокое искусство. Это была эпоха не только возрождения (отсюда её название: Возрождение или по-французски – Ренессанс) интереса к искусству и философии древних греков и римлян, но также рождения новой гуманистической культуры, отвечавшей духовным потребностям времени. Достаточно вспомнить итальянцев Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэля, голландца Эразма Роттердамского, француза Франсуа Рабле, немца Альбрехта Дюрера, испанца Мигеля де Сервантеса, чтобы убедиться в справедливости этих слов.

Одной из вершин блистательного искусства Ренессанса стало творчество Шекспира.

Человек энергично осваивал тогда планету: Колумбовы каравеллы достигли берегов Нового Света; Магеллан совершил первый – как говорили в старину – кругоземный вояж. Человек пытливно проник в тайны мироздания: начало распространяться «крамольное» учение Коперника о том, что Земля – вовсе не центр Вселенной, а наряду с другими планетами послушно обращается вокруг Солнца...

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ (р. 1962)

27 апреля – 60 лет исполняется литературоведу, писателю Александру Николаевичу Архангельскому (р. 27.04.1962, г. Москва). Работал в журналах «Дружба народов», «Вопросы философии», «Профиль». Член Союза российских писателей (1991). Ведущий телеканала «Культура». Автор книг «Герои Пушкина» (1999), «Базовые ценности» (2006), «Русские писатели. XIX век» (2007) и др. Не раз бывал в Ульяновске: в 2006 году принял участие в семинаре «Культура имеет значение»; в 2011-м выступил на Международном конгрессе «Культура как ресурс модернизации»; в 2013-м представил читателям новую книгу «Музей революции»; в 2016-м участвовал в работе VI Международного культурного форума.

ГЕРОИ ПУШКИНА (отрывок из книги)

Поэты предпушкинских поколений – от Державина до Жуковского – сумели решить художественную задачу, с которой не справились прозаики конца XVIII – начала XIX века. Они сохранили традиционный набор жанрово-стилевых масок, сменяемых лириком в зависимости от темы стихотворения (торжествующий одописец, меланхолический элегик, язвительный сатирик, сибаритствующий автор послания, умудрённый вельможа на пасторальном покое, страстный любовник). Но при этом у читателя возникло неведомое прежде ощущение, что за разнообразными масками скрывается таинственная личность поэта, его второе «я», что сквозная общность мира, создаваемого сочинителем, обеспечена единством поэтической биографии *лирического героя*.

Разумеется, тогда не знали такого термина; он возникнет лишь столетие спустя, в статье Ю.Н. Тынянова «Блок» (1921): «Блок – самая большая лирическая тема Блока. Это тема притягивает как тема романа ещё новой, нерождённой (или неосознанной) формации. Об этом *лирическом герое* и говорят сейчас». Но термин термином, а литературная практика литературной практикой. Задолго до тыняновского определения в поэзии Державина, Батюшкова и прежде всего Жуковского, как в некоей литературной лаборатории, совершалось принципиальное преобразование устаревшего художественного материала, начал вырабатываться новый для русской литературы тип *лирического героя*, наделённого важнейшими личностными характеристиками: *внешней определенностью и внутренней непредсказуемостью*. Это открытие сулило огромные возможности – и не только для лирики. Традиционная литературная маска фиксировала образ героя – и тем самым навязывала ему стереотип поведения; лирический герой непредсказуем, он дан в нескончаемом развитии, предел которому может положить лишь физическая смерть поэта.

Молодому Пушкину предстояло усвоить именно этот урок – и затем перенести накопленный опыт в область повествовательной прозы.

В его лицейской лирике ещё использовался набор привычных *поэтических масок*, которые от стихотворения к стихотворению неостановимо сменяют друг друга: влюбленный монах, пирующий

студент, оссианический певец, разочарованный эпикуреец. Уже по выходе из лица Пушкин перестал довольствоваться скромными возможностями «литературного маскарада», но не мог вырваться за его жёстко очерченные пределы. В стихах 1818–1819 гг. поэт начал увлечённо экспериментировать, играть разными масками в пределах одного текста, что очень хорошо видно на примере общеизвестной «Деревни», где в первой части использована маска счастливого ленивца, праздного мудреца, а во второй – маска возмущённого, бичующего пороки сатирика.

Истинный лик поэта скрыт от читателей; художественных средств для изображения этого «лика» у Пушкина пока нет, но само *несовпадение* маски и лица стилистически обозначено, маркировано. Сатирик *сменяет* в «Деревне» идилика, однако не *отменяет* его; несправедливость современного мира в состоянии затмить, но не в состоянии уничтожить прекрасные черты окружающей жизни: «Я твой, люблю сей тёмный сад / С его прохладой и цветами...» Оттого поэт и уповает на добрую волю монарха, оттого и торопит минуту, когда «Над отечеством свободы просвещённой / Взойдёт <...> наконец прекрасная заря», что именно в этом счастливом будущем он сможет «примирить» в себе идилика и сатирика.

Следующим в заданном направлении шагом, предпринятым сразу после завершения «Руслана и Людмилы», этого полного собрания наиболее распространённых поэтических масок, «остраненных» с помощью всепроникающей смеховой стихии и безраздельно царствующей иронии, стала романтическая лирика южного периода. Сохраняя принцип взаимозаменяемости поэтических масок, Пушкин всё увереннее создавал единую лирическую легенду о поэте-изгнаннике, чей сумрачный образ просвечивает сквозь подчёркнуто условные черты коварно преданного любовника, вольнолюбца, узника или бонвивана. И потому, когда пришла пора попробовать силы в жанре байронической поэмы, предложившей миру новый тип героя (открытый, как полагал сам Пушкин, Бенжаменом Констаном), он был полностью готов к переходу на качественно иной литературный уровень...

Максим ЗАМШЕВ (р. 1972)

27 апреля – 50-летний юбилей отмечает поэт, прозаик, критик Максим Адольфович Замшев (р. 27.04.1972, г. Москва). Член Союза писателей России (1997). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2001). С 2017 года главный редактор «Литературной газеты». Автор поэтических сборников «Ностальгия по настоящему» (1999), «Сбежавшие краски» (2012), «Икар мне друг» (2019); романов «Аллегро плюс» (2007), «Избранный» (2009), «Карт-блани» (2015) и др. Не раз бывал в Ульяновске: в 2018 году выступил во Дворце книги; в мае 2019-го прочитал здесь же публичную лекцию, а в сентябре провёл творческую встречу с читателями в рамках XIX Международного форума молодых писателей.

Довоенной дыхание мебели,
Кто-то память ударил под дых.
Журавли улетели, как не были,
Может, вправду и не было их.

Краток путь от злодея до гения,
Всё в Колхиду стремится Ясон.
Всё придумано, даже сплетение
Этих кружев всего лишь твой сон.

Мир разомкнут. В одном полушарии
Нынче осень, а где-то весна.
Журавлей подстрелили, зажарили,
Чтобы вдоволь гулять дотемна.

Погуляли, и глотки хрипатые
Растревожил задиристый хмель.
А наутро поднялись с лопатами,
Чтоб прорыть до Нью-Йорка туннель.

И прорыли бы. Только позвали их
То ли жёны, а то ли судьба.
У диванов – потёртые валики,
У часов – всё ходьба да ходьба.

Онемели просторы осенние
Нарисованной спяну страны.
Тихо всё. Даже землетрясение
Не нарушит земной тишины.

Пройдусь переулком вечерним,
Зардеются щёки домов.
Кто путь мой отныне прочертит?
Кто выйдет на волю из снов?

Не видно сияющих истин,
Когда догорает жильё.
Сирень отцветает так быстро,
Что ты не заметишь её.

Очнутся на крышах паяцы
В дурацких своих колпаках.
А вещи мои запылятся
В каких-нибудь разных углах,
На разных квартирах и дачах,
В гостиницах, просто в траве.

Желай мне сегодня удачи
И ветра желай в голове.
Давно уже изгнаны сваты,
И сват опоздал на метро.

Наденешь ты лучшее платье
И в зеркало взглянешь хитро.

За ночью твоей не успею,
Любовь расстреляв в решето.
Взлечу, словно пепел Помпеи,
Взлечу, несмотря ни на что.

А к сумраку проклятых комнат
Рассвет безнадежно прилип.
Уж лучше родиться, не вспомнив,
Зачем ты когда-то погиб.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ (1907–1992)

28 апреля – 115 лет назад родилась разведчица и детская писательница Зоя Ивановна Воскресенская (28.04.1907, г. Алексин Тульской губ. – 08.01.1992, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1965), лауреат Государственной премии СССР (1968). Автор произведений о Ленине «Сквозь ледяную мглу» (1962), «Встреча» (1963), «Сердце матери» (1965), «Утро» (1967), «Пароль – Надежда» (1972), «Папина вишня» (1980), «Повести и рассказы о Ленине» (1980), а также книги «Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы» (1997). В середине 1980-х гг. приезжала в Ульяновск: посетила местные музеи, встречалась с Ж.А. Трофимовым, подарила библиотеке Ленинского мемориала свою книгу с дарственной надписью.

ПАПИНА ВИШНЯ (отрывок из книги)

...Саша сидел у себя в комнате и готовил уроки. Все в доме уже спали. Вдруг порыв ветра распахнул форточку, и в комнату роем белых комаров влетели снежинки, ледяной ветер пахнул в лицо.

Саша побежал в комнату Володи:

– Володя! Проснись! Беда!

Володя сел на кровати, протёр глаза и в следующую секунду начал одеваться и успел догнать Сашу, когда он вышел на крыльцо. Пахло зимой, снегом и свежей зеленью. Северный ветер обрывал лепестки цветов, смешивал их со снегом, пригибал к земле ветви молодых деревьев. Мороз, как ворюга, пробрался в сад и душил цветы.

Аню разбудили отсветы огня, которые плясали по потолку. Она выглянула в окно и сквозь белёсую сетку метелицы увидела две тени возле костра. «Мороз! Братья спасают сад», – поняла она. Быстро оделась и, взяв в руки башмаки, на цыпочках пробралась через детскую комнату. Скрипнула половица. Оля подняла голову с подушки:

– Аня, ты куда?

– В сад, жечь костры. Мороз.

– Я с тобой.

– Хорошо, не разбуди малышей.

Но Митя уже спустил ноги с кровати.

– Мороз! Погибнет папина вишня, мне её жалко, – чуть не плакал он.

– Пойдём, оденься потеплее. Давай я помогу тебе зашнуровать ботинки, – наклонилась Оля к брату.

Маняша только покруче свернулась калачиком. Аня накинула на неё второе одеяло.

Ветер дул изо всех сил, старался погасить костёр, но он разгорался ещё ярче; мороз хватал колючими пальцами молодые побеги, но тёплый дым окутывал их и не давал заморозить.

Саша выбежал на улицу, постучался в соседние дома, разбудил людей, предупредил об опасности. Один за другим задымились костры в садах Симбирска.

Володя, Оля и Митя подносили поленья, пучки сена. Саша с Аней разводили новые костры. Проснулись птицы и заматались по саду. Порывом ветра из гнезда над окном сдуло птенцов. Оля подобрала их и завернула в шарф. Птенцы были голенькие – одни

круглые синеватые животики и над ними широко раскрытые клювы. Воробиха летала над Олиной головой.

– Не бойся, глупенькая, – приговаривала Оля, – я твоих птенцов отнесу на веранду, а как только взойдёт солнце, согреет землю, мы их тебе вернём.

Но воробиха не отставала от Оли и залетела в застеклённую веранду.

Дружно и отважно отстаивали дети цветущий сад от мороза. А утром им помогло солнце. Оно растопило снег на крышах, отогрело деревья.

Побледневшие после бессонной ночи, но счастливые, сидели дети за завтраком и наперебой рассказывали папе и маме, как они победили мороз. А Мария Александровна и Илья Николаевич видели всё это в окно и решили дать возможность детям самим справиться с бедой. Только Маняша не могла понять, почему Дед Мороз, которого все так ждут под Новый год с мешком подарков, весной становится таким злым и нападает на цветы и птенчиков.

Сад был спасён, только кое-где сморщились листочки, пожухли и опали. Птенчиков Саша с Володей водворили в гнездо. Снова загудели пчёлы. А на вишнёвых деревьях на месте опадающих цветков стали появляться зелёные горошины. В загустевшем малиннике по утрам пели пеночки. Воробьи носились по саду и склёвывали с деревьев жучков и гусениц.

– Молодцы воробьи, наши хорошие помощники, – хвалила Оля трудолюбивых птиц и подсыпала им пшено в кормушки.

...Кончились занятия в гимназии. В саду наливались красным соком вишни, яблоки стали светлее листьев, на грядках поспевала клубника. Сад прихорошился.

Володя устроился на толстом суку вяза, грыз семечки и читал книгу. Он уселся поудобнее, сук, который нависал зелёным крылом, качнулся, и с папиной вишни взвилась стайка воробьёв. Птицы покружились в воздухе и снова опустились на дерево. Они острыми клювами вырывали кусочки мякоти, вишни сморщивались и становились уродливыми. И Володе показалось, что воробьям пришлось по вкусу именно папина вишня...

Валерий ВИНОКУРОВ (р. 1952)

28 апреля – 70-летний юбилей отмечает поэт и шансонье Валерий Сергеевич Винокуров (р. 28.04.1952, г. Ульяновск). Окончил школу №52 и физкультурно-педагогическое училище в Засвияжье, подрабатывал в ресторане «Венец». В 1973 году женился на француженке и уехал в Париж. Пел в кабаре «Царевич», «Распутин», «Балалайка», где собирались русские эмигранты; встречался с В.С. Высоцким, по его приглашению бывал в Москве на спектаклях театра на Таганке. Дружил с певцом А. Димитриевичем. Выпустил в Париже музыкальные альбомы «Ностальгия» (1982), «Цунами» (2007), «Крик души» (2015), «Эмигрант» (2019). Автор поэтических сборников «Ностальгия» (1994, Ульяновск), «Рябиновые вечера» (2007, Париж).

ПЕСНЯ И ГИТАРА

Я тебе совсем, совсем не пара,
Я такой беспутный и шальной.
Только песня да ещё гитара
Навсегда останутся со мной.

И везде – в пивной, за стойкой бара –
До конца, до гроба мне верна
Эта песня, да ещё гитара,
Да бутылка горького вина.

За окном заря как дым пожара,
Этой ночью молодость ушла.
Только песня да ещё гитара
Эту ночь со мною провела.

Ты прости, но я тебе не пара,
Я, как ветер, шалый и шальной.
Только песня да ещё гитара
Навсегда останутся со мной.

ЗАПАХ РОДИНЫ

Не хочу я ни денег, ни славы:
Мне бы только бы петь да петь,
Как под осень в родной дубраве
Осыпается листьев медь.

Пусть услышит Россия мой голос,
Как люблю я родимый свой край:
Запах Родины, рыжий колос,
Поле русское, красный май!

Хоть в Париже, хоть в Сан-Франциско
Снова буду о ней я мечтать.
Далеко ведь она – и так близко:
Сердце чувствует Родину-мать!

* * *

За окном горько плачет весна,
Мой корабль вдаль плывёт по лужам.
Может, где-то любовь ждёт меня,
А быть может, я ей не нужен?

А быть может, всё это во сне?
Только нет, гром весенний слышен...
Как порой не хватает мне
Переспелых симбирских вишен!

* * *

Вот и всё, ничего мне не надо,
И душа возносится ввысь,
Чтоб на ветках райского сада
Золотые яблоки грызть.

И всю ночь напролёт тоскуя,
Окунаясь в ночной полумрак,
Как безжалостная статуя,
Примеряю я чёрный фрак.

Плачет где-то рябина горько,
Весь промок под дождём ковыль.
На земле я оставлю только
С голубою позёмкою пыль.

Дмитрий БАБИЧЕВ (1757–1790)

265 лет назад родился переводчик Дмитрий Григорьевич Бабичев (1757, ? – 1790, имение Александровское Костромского наместничества). Сын депутата Комиссии нового Уложения, князя Г.И. Бабичева, являвшегося с 1780 года землевладельцем Курмышского у. Симбирского наместничества и здесь проживавшего. Как литератор известен прозаическим переводом с французского пятиактной комедии в стихах П.-К. Нивеля де Лашоссе «Училище дружества» (1776); перепечатана в журнале «Российский феатр» (1788). В 1789 году занимал должность прокурора Симбирской верхней расправы в чине коллежского асессора, как это видно из подписи под его статьёй в «Трудах Вольного экономического общества» (1790, ч. 10).

Матвей БАРСОВ (1842–1896)

180 лет назад родился духовный писатель Матвей Васильевич Барсов (1842, Новгородская губ. – 11.03.1896, г. Симбирск). Богословское образование получил в Петербургской духовной академии (1865). С 1866 года преподавал в Симбирской духовной семинарии, был здесь инспектором и ректором. Публиковал статьи и заметки в «Симбирских епархиальных и губернских ведомостях». Автор изданий «Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четверо-евангелия» (1893), «Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний святых Апостолов и Апокалипсиса, с библиографическим указателем» (1894). Был в 1872 году пожалован императрицей золотыми часами.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВА ХРИСТОВА (отрывок из сочинения)

Священное Писание даёт нам понять в слове Христовом три существенные особенности, отличающие его от слова человеческого: во-первых, в отношении к его смыслу и влиянию на людей, потом в способах проникновения его в души человеческие и, наконец, в господствующем его направлении.

Иисус Христос с первых слов Своей проповеди дал нам понять, что Он не человек-мыслитель, не учёный, сообщающий людям новое учение, а обетованный Искупитель мира, пришедший совершить спасение людей и призвать всех в Царство Отца Своего Небесного. Его слово, как слово Сына Божия, было, по сознанию самих слушателей, со властью, покоряющею дух человека силе Божией, а не таково, как слова книжников и фарисеев. Поэтому при первом его звуке смирялись души, способные его слышать, как умолкает малое дитя пред твёрдым голосом своего отца. Это и теперь чувствуют все берущие в руки Евангелие с мыслью, что в нём Бог говорит душе человеческой.

При этом общем понятии о слове Христовом для нас становится весьма важно та особенность, что Господь никогда не обращался к одному человеку, а всегда к целому духу человеческому – его уму, сердцу и совести. Он брал людей там, где их находил по внутреннему их состоянию, – в страданиях сердца, в мучениях совести, в скорбях земной жизни и, дав им почувствовать тягость настоящего их состояния, возводил их к сознанию возможности лучшей жизни и говорил: *«покайтесь, приблизилось Царствие Небесное»; «приидите ко Мне труждающиеся и обремененные»*. Таким образом, Он, явившись в мир, как бы подавал Своему погибающему созданию Свой творческий и отеческий голос. Какая мысль в голосе человека, зовущего нас к себе и называющего нас по имени? На первый раз никакой. Всё дело в том, знаком ли нам голос, мил ли он нам и желательно ли нам видеть того, кто зовёт нас к себе. Если зовёт любимый нами человек, мы идём, и не зная зачем; с другой стороны, если мы заблудились, нуждаемся в чём-нибудь, страдаем, мы идём на всякий понятный нам голос в надежде помощи. В этом смысле учение Спасителя нашего и называется званием Божиим, привлечением человека к Богу, и в этом же смысле Он говорит, что овец Своих Он знает по имени и что овцы гласа Его слушают. Это таинственное отношение духа человеческого

ко Христу Спасителю всегда познаётся и нами, но не умом, а сознанием и опытом сердца, если мы не очерствели и не оплотнялись, а, по слову Господа, имеем уши, чтобы Его слышать.

Что касается до способов действия слова Христова на человека или до тех путей, какими оно проникает в нашу душу и покоряет нас себе, то эти пути и способы навсегда останутся для нас тайною. Когда, где и как из нашей грешной души Господь позовет нас к Себе, с чего Он начнёт убеждать, или лучше, побеждать нас, когда и чем Он даст нам почувствовать силу Своего слова, – всего этого ни узнать, ни изучить, ни привести в систему мы не можем. Это Господь дал нам понять в беседе о возрождении с учёным и любознательным Никодимом: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит; так бывает со всяким, рождённым от Духа». Что это учение о таинственных действиях благодати возрождения относится не только к христианским таинствам, но и к слову и учению Христову, мы находим этому подтверждение в знамениях, явленных при сошествии Святого Духа на апостолов: на каждого из них низошли «огненные языки» – знак слова и при «шуме с неба, как бы от несущегося сильного ветра» – знак силы; затем мы видим оправдание того и другого указания в последовавшем обращении проповедью апостола Петра многих тысяч людей к вере во Христа. Побеждаемые благодатию Христовою, мы подчиняемся Его руководству, а подчинившись, начинаем познавать и Его Божественное учение в качестве истин, просвещающих ум до приобретения целого «образа здравых словес» или цельного христианского мирозерцания.

Отсюда становится ясным, что просвещение учением Христовым совершается не так, как просвещение наукою человеческою, а в обратном порядке. В науке мы сначала изучаем, познаём и потом вследствие познания убеждаемся в истине, а в просвещении евангельскою истиною сначала убеждаемся в силе Христовой, покоряемся Ему и веруем в Него как Сына Божия, как Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, а потом уже в этом свете познаём всю совокупность открытых нам тайн Божественной премудрости в деле спасения людей. И только этот путь ведёт к истинному христианскому Богопознанию...

Мария РУННЕ-ФЕДОРЕНКО (1877–1970)

1 мая – 145 лет назад родилась мемуаристка Мария Александровна Рунне-Федоренко (01.05.1877, г. Казань – 1970, пос. Ильичёво Ленинградской обл.). Внучка симбирского провизора Фёдора Ивановича Рунне. С раннего детства жила в Симбирске, окончила здесь Мариинскую женскую гимназию (1894). Работала врачом в Казанской губ., в больницах Феодосии и Петрограда. В Гражданскую войну вступила в Добровольческую армию А.И. Деникина, служила на санитарном поезде. Затем жила в Крыму, Новороссийске, Темрюке. Автор мемуаров «Воспоминания и дневник. 1877–1970», изданных её внуком А.Н. Чижовым в Феодосии и Москве (2017). В книге, в частности, описала Симбирск конца XIX века.

СИМБИРСК (отрывок из воспоминаний)

Небольшой город, о котором идёт речь, расположен на высоком берегу Волги, с которой он почти не виден, так как покато спускается к другой реке – Свияге, текущей в противоположном направлении от Волги. Но зато со всех точек берега открывается громадный горизонт, который ограничивается только способностью глаза.

От пристани по горе, сплошь засаженной фруктовыми деревьями, поднимается хорошая шоссе-ная дорога. Весной вся эта местность благоухает и кажется белой от распутившихся плодовых деревьев. Шоссе в городе продолжается главной Большой Саратовской улицей (ныне ул. Гончарова). Её пересекает ряд параллельных улиц, начинающихся у Нового Венца, обрывистый берег, идущий к Волге и кончающийся у Свияги. Большая Саратовская застроена только с правой стороны. Слева почти сплошь тянутся серые высокие заборы. Улица начинается скучными деревянными чёрными одноэтажными домиками, продолжается каменными двухэтажными зданиями и оканчивается опять скучными серыми домиками. Всё это упирается в громадную площадь, в которую вливается с разных сторон много улиц. Одна сторона этой площади называется Старым Венцом.

С обоих Венцов открывается чудный вид на Волгу с её излучинами. Но сама площадь ужасно грязная. Страшно и идти, и ехать, так как она не мощена. По центральным улицам, поднимающимся от Свияги, расположены лучшие здания: громадный кадетский корпус, женская гимназия, мужская гимназия, около которой сквер с памятником Карамзину. А дальше опять громадная площадь,

но уже не страшная, а поросшая зелёной муравой. В центре – большой красивый собор. Одна сторона площади доходит до Нового Венца с его замечательными видами вниз по Волге. А Венец представляет собой длинную аллею из жёлтой акации и нескольких серебристых тополей, вид которой может навести только скуку. Недалеко от Венца расположен ряд зданий разных казённых учреждений в стиле Александра I и довольно красивых. Сзади них помещается Дворянское собрание с хорошей библиотекой и хороший театр.

Город необыкновенно тихий; зимою засыпанный снегом, а летом, в жару, заснувший глубоким сном. Изредка проедет извозчик, на тротуарах вдоль улицы больше двух пешеходов не увидишь. Только вечером по Большой Саратовской плотными рядами и как бы в одном направлении гуляют демократическая публика, да зимою на Масленицу летят тройки и рысаки – гуляют купцы и дворяне.

На углу Б. Саратовской и Покровской – небольшая площадь. На ней церковь с высокой колокольней и две будки – одна городского, а другая – водопроводная.

На одном из углов стоит большой двухэтажный деревянный дом, напоминающий большой ящик. У одного из окон второго этажа сидит красивая, средних лет женщина с ребёнком на руках. Пальцы рук её искривлены тяжёлой работой, а кожа нежная.

Комната, где они сидят, не очень длинная, как коридор, и на противоположных концах её по окну, кроме двух кроватей и стола, мебели почти нет. Чисто. Ребёнок беспокойно тянется и показывает ручкой наверх. На его лице напряжение, женщина

старается понять, что ему надо, и смотрит по направлению его глаз. На колокольне около креста летают галки. Ребёнок, поняв, что женщина смотрит на них, радостно говорит: «Гаки». Женщина прижимает его к себе, нежно целует и почти бегом выходит из комнаты.

В большой комнате с тремя окнами, выходящими на улицу, сидит пожилая женщина. Слово «старуха» не подходит к ней, хоть она и стара. Голова её твёрдо посажена на полное тело. Осанка важная и властная. Она медленно поворачивает голову на шум отворившейся двери.

– Что случилось? – недовольно говорит она вошедшей женщине с ребёнком.

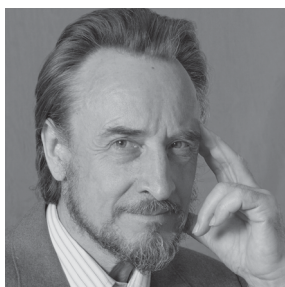
– Шурёнка сказала первое слово, – говорит няня.

– Какое? – медленно спрашивает бабушка.

– Гака.

– Гака! Что это значит «гака»? Почему гака, а не мама или папа? У нас всё не по-людски. Подумать только – «гака».

Медленно поворачивает голову и продолжает бесстрастно смотреть в окно...

Николай ШАДРИН (1947–2018)

1 мая – 75 лет со дня рождения актёра, прозаика Николая Ивановича Шадрина (01.05.1947, д. Бирюса Абанского р-на Красноярского края – 03.09.2018, г. Владикавказ, похоронен в Курске). В 1973–1976 годах был актёром Димитровградского драматического театра; написал воспоминания о поездках по Ульяновской области. С 1977 года играл в Курском театре им. А.С. Пушкина. Член Союза писателей России (1991). Автор книг прозы «Грех» (1993), «Закат звезды» (1997), «Без царя» (2002), «Китеж-град» (2002), «Надежда – жизнь» (2002), «Бог простит» (2003), «Le temps des troubles» (2004) и др. Лауреат Всероссийской премии им. В.М. Шукшина (1999). Почётный работник культуры и искусства Курской области (2012).

ВОСПОМИНАНИЯ (отрывок)

С Димитровградом ведь у меня связаны самые добрые воспоминания, и играл достаточно много и интересно, и друзья там были хорошие, и театр в то время был какой-то славный, и область за три года объездил всю вдоль и поперёк – до сих пор стоят перед глазами дворянские усадьбы: например, Анненково Степное. Говорят, тот громадный с колоннами дом уже разрушен, а в наше время там ещё вполне успешно функционировала больница.

Да и жену я вывез из Димитровграда. Слава Богу, так получилось, что мы с нею умудрились за всё это время ни разу не поругаться. Бывало иногда некоторое недовольство, но оно куда-то рассеивалось, растворялось – и опять тихая радость.

Помню Репьёвку с каменным барским домом и парком, это было имение, кажется, Скачкова. Этим именем назвал главного героя «Без царя». Вообще, Димитровград для меня место ностальгии, чего-то радостного.

А какие подвиги были там совершены... Как-то сидел в библиотеке, зашёл парень, плачет – часы сняли. Я с библиотекарейшей выбежал, догнал бандитов, набил им рыло и отобрал часы. Много было хорошего в Димитровграде... Очень много было хорошего.

Что касается интересных мест в Симбирской области – их очень много. Помнятся заброшенные усадьбы каменные (Воейкова), на горке вдалеке от речки великолепный деревянный, так и хочется сказать дворец.

Помню Жеребятниково с остовом деревянной церкви, построенной дедом Пластова. От Жеребятникова до родины Аксакова Сергея Тимофеевича буквально каких-то три километра, и я пошёл под угрозой опоздать на спектакль, но был очень глубокий снег, и одолеть его мне оказалось не под силу (забивался в сапожки).

А Чуфарово – это имение бабки Аксакова.

Помню и Ново-Никольское с помещичьими постройками. Там ведь управляющим был Григорович. А Языково! Родина и вотчина прекрасного поэта Николая Языкова. Там ель, якобы посаженная А.С. Пушкиным. Он там бывал.

А Нижнюю Мазу посетить не успел, там жил в то время Денис Давыдов. Там памятник ему есть. Давыдову. А замок Крылова, генерала морского дела, инженера. Игнатовка со своими остатками дворянской мебели: кресла и великолепное зеркало. И со всем этим воспоминания молодости, извините, какого-то творчества...

Я бы много мог рассказать об актёрах театра, необыкновенных, интересных, любящих своё дело, но дойдёт ли это сообщение до кого-нибудь, вот в чём вопрос!

Ну, например, сейчас живёт в Нижнем Новгороде, живёт и работает Герман Кретов. Я уж сорок лет служу в разных театрах, но такого обаятельного, живого человека не встречал ни на одной сцене. Если и преувеличиваю, то совсем немножко. Иной спектакль идёт, ты смотришь и всё понимаешь, но как-то холодно на душе, и за ушами вот-вот хрустнет зарождающийся зевок, а вышел на сцену Кретов – и будто теплом повеяло в зал, глаза у публики заблестели, на губах играет улыбка. Отчего это происходит? Да от него самого, от таланту-с. Я играл с ним в Димитровграде три сезона, и так-то радостно, мило вспомнить то время, те спектакли.

Хоть были, конечно, и проходные спектакли, но были и очень интересные. Не хочу называть их, не хочу обижать кого-то, ведь актёры как устроены... Для счастья актёра мало, чтобы его похвалили, нужно, чтобы поругали товарища. Много-много было интересного! И актрисы тоже.

Тирская – как она пела, бывало, в автобусе! Едешь после спектакля – и она с кем-нибудь запоешь, милые вы мои – мороз по коже!

Были представители старой школы – Фёдор Бакакин! Играл Сталина и трижды был представлен на звание заслуженного, однако ж так и не получил.

Куликов, Девяшин, Миллер, Рудченко – каждый мог бы оказать честь любой столичной труппе (на мой взгляд).

Рад, что Сан Саныча вывел в одной из своих повестей, думаю, что его характер мне удался. Как много он рассказывал о своей военной жизни...

И Лихачёв – у того вся грудь была в орденах. А Антонов – громopodobный! Однажды заблудились в поле, не знаем, куда ехать, догнали какого-то

мужичка в телеге. Борис Васильевич открыл дверцу и спрашивает: «Извините, вы не подскажете, как доехать?..» А голосина – Шалыпина знаете? – так вот, как у него, только через сильный громкоговоритель. Лошадка бедная испугалась, кинулась в сторону, перевернулась вверх ногами, одна оглобля пополам! Телега тоже перевернулась. Мужичок вёз какой-то лёд – лёд рассыпался. Мужичок буквально плачет. И ругается, конечно. «Как, – говорит – я дальше поеду, на одной оглобле?» Смех и грех. Замечательный театр был в Димитровграде! Надеюсь, таким и остаётся...

Павел МАРТЫНОВ (1847–1921)

2 мая – 175 лет со дня рождения историка, краеведа и общественного деятеля Павла Любимовича Мартынова (02.05.1847, г. Кронштадт – 21.05.1921, г. Симбирск). В 1886–1913 гг. служил в Симбирском окружном суде, был членом губернской архивной комиссии, а позже её председателем (1917–1921). Член комиссии по организации 250-летнего юбилея Симбирска; участвовал в организации строительства Дома-памятника И.А. Гончарову. Автор изданий «Книга строельная города Симбирска» (1897), «Город Симбирск за 250 лет его существования» (1898), «Боярин Б.М. Хитрово – симбирский помещик» (1901), «Потомки Ивана Сусанина в Симбирской губернии» (1901), «Селения Симбирского уезда» (1903) и др.

СЕЛЕНИЯ СИМБИРСКОГО УЕЗДА (отрывок из книги)

Основателем села Языкова следует считать синбиренина Василия Языкова, как это явствует из выписи с отводных книг, данных в 1684 году первоначальникам соседнего села Прислонихи; там говорится, что у них объявилась лишняя, примерная, земля «вверх Уреня, по речке Каменному Броду, по Васильевы грани Языкова». Следовательно, у Василия Языкова уже была здесь земля в 1684 году, но дана она ему несомненно после построения города Симбирска и Симбирской черты, потому что в строельной книге города Симбирска воеводы Ивана Камынина Языков не значится в числе лиц, получивших тогда поместные земли в Симбирском уезде.

Документальные данные по селу Языкову мы имеем только со времени генерального межевания; тогда это селение принадлежало отцу нашего славного поэта Николая Михайловича Языкова, гвардии прапорщику Михаилу Петровичу Языкову, правнуку первоначальника Василия Языкова. Сколько было дано земли в поместье сему последнему – нам неизвестно, но надо полагать, что не более 60 четвертей, т. е. 90 десятин, потому что свыше этого количества никому из боярских детей в Симбирском уезде земли в поместье не давали; между тем, через сто с лишком лет, правнук его является уже богатым помещиком, обладателем нескольких деревень с 1900 дворами крестьян и с землёю в количестве около 20 тысяч десятин. В селе Языкове ему принадлежало 80 крестьянских дворов (383 муж. и 357 жен.) и земли 3774 дес. 2223 саж.

Это имение наследовал его младший сын, поэт Н.М. Языков (405 и 6066 дес. земли), а от него перешло в 1850 году к старшему брату, гитенфервальтеру Петру Михайловичу Языкову, после же его смерти, в 1851 году, село Языково получил Василий Петрович Языков. Но в 1881 году это прекрасное родовое имение симбирских дворян Языковых, 3645 десятин, купил симбирский купец Фёдор Степанович

Степанов. В 1902 году он умер, и теперь Языково принадлежит его сыну, Михаилу Фёдоровичу Степанову.

Крестьяне В.П. Языкова при освобождении от крепостной зависимости получили, на 400 ревизских душ, 1799 дес. 1188 саж. наделной земли (56 дес. 580 саж. усадебной, 1477 дес. 1968 саж. пашни, 41 дес. 2252 саж. выгону и 223 дес. 1188 саж. лесу), да затем в 1875 году общество прикупило у В.П. Языкова 41 дес. 400 саж. пашни в особом участке, называемом «овраг труба». В настоящее время в селе Языкове 175 дворов с населением в 1188 человек (567 муж. и 621 жен.). За недостатком земли (на одну наличную душу приходится по десятина в поле), многие уходят на посторонние заработки: пилить дрова, плотничать и валять тёплые сапоги.

Во время генерального межевания близ села Языкова было ещё сельцо Языковка, принадлежавшее вдове надворного советника Анне Михайловне Наумовой и её детям: секунд-майору Павлу, гвардии прапорщику Михаилу и гвардии Преображенского полка сержантам Николаю, Алексею и Владимиру Михайловичам Наумовым. У них был здесь деревянный господский дом и 43 крестьянских двора, в них 139 муж., 141 жен. и 1833 дес. земли. Селение находилось на левом берегу реки Урень, между рекой и большой дорогой из Тагая в Карсун. В настоящее время не видно и следа этого селения. Когда оно возникло, когда и при каких обстоятельствах оно уничтожилось – сведений не имеется. Никто из местных старожилов о нём ничего не знает. В 1850 году, когда братья Пётр и Александр Михайловичи Языковы делили наследство после поэта Николая Михайловича, сельцо Языковка уже не существовало.

Здесь кстати упомянуть, что поэт Языков, в официальных документах именованный «из дворян канцеляристом», был богатым помещиком

Симбирского уезда: после отца к нему перешло в 1837 году село Языково (405 крестьян, и в селе Языкове церковь каменная, по имени Владимирской иконы Божьей Матери, построена Михаилом Петровичем Языковым в 1796 году; местные иконы в ней художественной работы исполнены в Италии, по заказу М.П. Языкова. Прежде была в селе деревянная церковь и на другом месте).

Школа открыта здесь в 1869 году и с 1875 года помещается в особом общественном доме.

В 1853 году помещик Василий Петрович Языков построил здесь суконную фабрику, которая в 1877 году перешла к купцу Степанову. В настоящее время эта фабрика образует особый посёлок при селе, в 30 дворов, с населением в 500 человек фабричных рабочих...

Раиса АЗАРХ (1897–1971)

2 мая – 125 лет назад родилась писательница, очеркист, мемуаристка Раиса Моисеевна Азарх (02.05.1897, г. Щербиновка Екатеринославской губ., ныне г. Торезк Донецкой обл. Украины – 09.11.1971, г. Москва). Её брат Исаак Азарх, комбриг Курской бригады Железной дивизии, участвовал в боях за Симбирск; в 1918 году погиб в бою у деревни Отрада. Осенью 1923 года посетила братскую могилу в Отраде, издала в Симбирске книжку воспоминаний «Октябрь в Москве». Член Союза писателей СССР (1934). Автор романов «Борьба продолжается» (1930), «Дорога чести» (1957); повестей и очерков «Сыны народа» (1941), «Отважные» (1942), «В Симоновском районе» (1957), «Гуманисты» (1957) и др.

У ВЕЛИКИХ ИСТОКОВ (отрывок из книги)

По пути в лазарет я встречал множество людей – они строились в ряды, брали винтовки, уходили в тёмную ночь. В их движениях не было суеты, поспешности, не слышно было шума. Всё было до предела просто, внутренне спокойно, величаво и даже слегка медлительно. Это был не порыв, а глубочайшее сознание своего долга, своего призвания! «Какая смелость – быть таким простым!» – припомнились мне слова Немировича-Данченко о Толстом.

Доктора в лазарете не оказалось.

– В Военно-революционном комитете докладывает, – с этакой гордецей ответила моему спутнику высокая статная женщина. – Ведь мы из разведки... – И продолжала певучим говорком что-то рассказывать собравшимся вокруг неё молодым женщинам в белых халатах.

«Вот тебе и на! – вернулись ко мне сомнения. – Доктор-то, выходит, разведчик?!» – И я невольно прислушался к рассказу.

– У Большого театра нас было в плен взяли. Да я так на старшего накричала – роженицу, мол, в больницу везу, она вот-вот на ваших глазах разродится!.. У Каменного моста – как из-под земли: «Стой!». Штыки наставили. Застава!

– Это у Шукинского дома! Мы их давно приметили, обходим, – вставила девушка в красной козынке с небольшими живыми глазами.

– ...А доктор вынимает удостоверение: «Ординатор 128-го военного госпиталя. На мост, за ранеными». «Что вы, сестрица, – говорит офицер, – как же вы на мост проедете-то! Красные вас сразу подбьют или в плен возьмут!». «А вы загадательный пулемётный огонь откройте», – отвечает наш доктор. У нас на всё заранее ответ припасён...

Въехали мы на мост. Пули впереди так и цыкают, частая строчка пыль поднимает. Шофёр – на полную скорость. Чуть в свой окоп не угодили. Ну, приехали в Замоскворецкий штаб, рассказали: вот-вот Московский совет захватят! Тут же, при нас, рабочие стекаться стали. Потом слышим – у храма Христа Спасителя и на Остоженке бой завязался. Отвлекут силы, – уверенно закончила женщина свою «оперативную сводку». – Ах, девоньки, – по-деревенски

вскрикнула рассказчица, глянув на часы, – заговорила с вами... Открой, Аня, автоклав, перевязочный материал уже готов! Халаты операционные и перчатки отдельно в клеёнку заверни: опять дождь вот-вот хлынет. А вы не тревожьтесь, – наконец обратилась она ко мне, – у нас к операции всё подготовлено. Сейчас и доктор явится.

И точно: вслед за этими словами открылась огромная высокая дверь. Но выпустила она не исплина хирурга, каким я мысленно рисовал себе доктора-разведчика, а женщину крошечного, как мне показалось, роста.

– Здравствуйте, – сказала вошедшая, обращаясь сразу ко всем, как человек, привыкший быть на людях. – У вас там горячая вода найдётся или надо прихватить с собой? – спросила она.

Я сказал, что горячая вода в детском саду имеется.

– Инструменты понесёт вот этот товарищ – артиллерист, – она указала на сопровождавшего её солдата. – Он проведёт нас понадежнее.

«Неужели это и есть почтенный хирург? – недоумевал я. – Где-то я её видел...». Но раздумывать было некогда. Женщина шла рядом с артиллеристом, который нёс на вытянутых руках, как хлеб-соль, продолговатую никелированную коробку.

Нас было шестеро – три женщины, я, артиллерист и ещё один солдат, за плечами которого виднелся тщательно завязанный вещевой мешок.

...Вот и площадь. Как будто было слегка осветлело. Звуки приглушены, только изредка посвистывают пули, как чирки на болотах. Серый тяжёлый туман то и дело прорезают лучи прожектора, белые молнии вспыхивают на мокрых крышах домов.

– Наклонитесь немного, – поучает меня самокатчик.

По площади нас провожает группа солдат. Кажется, даже орудия ожили и указывают дорогу.

Наконец заветная дверь. Вынимаю ключ, гляжу на часы. Весь мой поход совершился в один час. Но какой это был час! Я уже в другом, Новом Мире! Только бы остался жить в нём наш мальчик!

Елена ЧИЖОВА (р. 1957)

4 мая – 65 лет исполняется прозаику, переводчику, эссеисту Елене Семёновне Чижовой (р. 04.05.1957, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Преподавала в вузах управление производством и английский язык. Кандидат экономических наук. В 1990-х гг. занималась бизнесом. Главный редактор международного журнала «Всемирное слово» (С.-Петербург). Автор романов «Крошки Цахес» (2000), «Лавра» (2002), «Орест и сын» (2007), «Полукровка» (2010), «Терракотная старуха» (2011), «Планета грибов» (2014) и др. Лауреат премии «Русский Букер» (2009). Приезжала в Ульяновск 29 ноября 2017 года на Литературный фестиваль одной буквы «Ё»; провела презентацию своего нового романа «Китаист».

ПОЛУКРОВКА (отрывок из романа)

После Валиного ухода Мария позвала брата в другую комнату, и между ними начался разговор, в котором Валя и вовсе не поняла бы ни слова. Хотя и заметила бы разительную перемену: весёлость, красившая их лица, уступила место тягостной озачеченности. Сидя друг против друга, они разговаривали вполголоса, приглушённо.

– Видишь, я говорил, получится, – в голосе Иосифа звучало упорство. Он подошёл к двери и, убедившись, что никто не услышит, повторил пословицу про *клин* и *лопасть*, но по-другому, грубо, так что Мария сморщилась, и эта мелькнувшая гримаса показалась бы Вале страдальческой.

– А вдруг вскроется? Там ведь тоже не идиоты. А потом, всё-таки... – сестра замылась, не решаясь договорить.

– Что? Морально-этический кодекс? – брат закончил раздражённо. – Брось! В этой грязи... Выискивать этику и мораль? Вот уж действительно, жемчуг в навозе. Да и не станут они доискиваться. В их мозгах такое не родится. Привыкли, что верноподданные приносят на блюдечке. Стучат сами на себя.

Мария понимала, знала, что такое *их*. Давным-давно, когда она училась в девятом классе, брат рассказал ей страшную правду: «Понимаешь, миллионы. Миллионы уничтоженных людей. Ты только представь себе... Они идут по дороге. Это – как у Данте...»

Тогда она попыталась, но не смогла. Миллионы, уходящие в небо. Миллионы, уничтоженные теми, кого – вслед за братом – привыкла называть *они*.

– Да разве я о них? Перед ними? Я же о папе, – Мария говорила жалобно, – если папа узнает...

– Вспомнила десять заповедей? – Иосиф поморщился и дёрнул щекой. – Как же там?.. Не произноси ложного свидетельства, почитай отца своего и мать свою? Да, вот ещё: не убий. Звучит заманчиво. Только, если я ничего не путаю, все эти заповеди Моисей получил *после* египетского плена. Заметь, не в процессе. Ладно, оставим дурацкие шутки... – помолчав, Иосиф начал снова. – Полагаешь, были другие варианты?

– Да пойми ты: я не боюсь, – оглядываясь на дверь, Мария заговорила шёпотом. – Но если они – подлые, почему я должна уподобляться? – она смотрела с надеждой, как будто ясное слово брата могло и должно было успокоить. – Я хочу одного: понять.

– Что понимать? – Иосиф мотнул головой. – Они нападают, мы защищаемся. Нормальные военные действия, считай, партизанская война. Насколько я знаю, лесные братья не особенно стесняли себя в средствах.

– Да нет, ты не думай, я же не жалею. Но это ужасно унижительно... – рука, пробежав по вырезу блузки, коснулась шеи.

– Да... – Иосиф покачал головой. – И это – с твоей-то пятёркой по русскому. Унижительно?! Да это не ты – тебя унижают. Или скажешь – нет? Да. Система. Граждане второго сорта. И, что характерно, никто ни в чём не виноват.

– Но за что? – сестра смотрела беззащитно.

– Брось! Не ломай голову. Много умов, почище наших, билось над этой задачей, – на губах Иосифа заиграла кривая усмешка. – Чем больше думаю, тем решительней убеждаюсь: правильное решение – валить. В этом смысле я – готовый сподвижник Моисея. Если бы не *допуск*... – он махнул рукой.

Последнее время Иосиф всё чаще заговаривал об отъезде. И каждый раз Мария пугалась, как будто брат говорил о смерти.

– Чай будете? – Михаил Шендерович заглянул в комнату.

– Всё. Пустые разговоры, – Иосиф поднялся. – Пора и честь знать.

Проводив брата, Мария поплелась в ванную. Дверь оказалась запертой – похоже, Панька снова взялась стирать.

– Прасковья Матвеевна, вам ещё долго? – она обратилась вежливо.

Из-за двери буркнуло, и, не расслышав, Маша отошла.

В этой квартире, восхитившей провинциальную гостью, их семье принадлежало две комнаты. Первая – гостиная и родительская спальня. За ней – вторая, поменьше. Там они жили с младшей сестрой. Из прихожей начинался коридор, уходивший на кухню. Между кухней и ванной была ещё одна комната, в которой обитали две старухи, Ефросиния Захаровна и Прасковья Матвеевна – мать и дочь. Подслеповатую соседскую комнату, выходящую во второй двор единственным окошком, Иосиф, вечный насмешник, величал *людской*. Маша фыркала и обзывала его графом.

Свои комнаты Маша семья получила ещё до её рождения. Отцу предоставили от института, где он работал главным инженером. Давно, лет двадцать назад. В отличие от них, соседки-старухи были старожилками – въехали во время войны. А ещё раньше квартиру занимала одна семья, Панька говорила: немцы. В начале войны эти немцы куда-то исчезли. В детстве Маша не задумывалась об этом – исчезли и исчезли. Мало ли куда...

Всеволод АРНОЛЬД (1907–1985)

5 мая – 115 лет назад родился публицист и краевед Всеволод Николаевич Арнольд (05.05.1907, г. Симбирск – 30.09.1985, г. Куйбышев, ныне Самара). Праправнук писателя А.Н. Марина (1789–1873). Детские и школьные годы провёл в Симбирске, студенческие – в Москве, с 1932 года жил и работал в Самаре переводчиком и преподавателем иностранных языков. В 1946-м был приговорён к расстрелу, заменённому на 10 лет заключения. С 1950-х годов выступал в печати Куйбышева и Ульяновска с рассказами о краеведческих находках, критическими разборами литературы о Симбирске. Автор очерков о соратниках В.И. Ленина, книг «Семья Ульяновых в Самаре» (1979) и «Семейная хроника фамилии Арнольд» (2005).

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ФАМИЛИИ АРНОЛЬД (отрывок из родословной)

17 сентября 1876 года в городе Тамбове родился первый ребёнок у Николая Густавовича Арнольда и его жены Варвары Семёновны – сын Николай. Было положено начало большой и дружной семьи, запечатлённой на фотографии 1897 года. Двенадцати лет Николай был отдан в Тамбовскую мужскую гимназию, окончив которую в 1898 году, поступил на юридический факультет Московского университета. В 1903 году он окончил университет с дипломом второй степени и приказом старшего председателя Московской судебной палаты от 7 июня был определён младшим кандидатом на судебную должность при Московской судебной палате с откомандированием для занятий в канцелярию Уголовного департамента этой палаты.

Так, вероятно, Николай Николаевич и остался бы в Москве или перевёлся бы в родной Тамбов, где бы и потекла его судебная карьера, если бы не одно важное обстоятельство, которое изменило все расчёты на будущее. Подошло время отдавать в среднее учебное заведение младшего брата Николая – Романа. Было решено послать его в Симбирск и определить в кадетский корпус. Хотя в Симбирске жила семья Владимира Густавовича Арнольда, сын которого, Николай, тоже должен был учиться в кадетском корпусе, было решено, что в Симбирск поедет Николай Николаевич для наблюдения за младшим братом.

Вакансий на судебные должности при Симбирском окружном суде не оказалось, поэтому 19 июля 1903 года Николай Николаевич написал прошение управляющему акцизными сборами Симбирской губернии о предоставлении ему места в Симбирском акцизном управлении. 21 октября 1903 года Николай Николаевич был зачислен на должность старшего штатного контролёра при Симбирском акцизном управлении с местом жительства в Симбирске. Так в Симбирске появились ещё два Арнольда – Николай и Роман.

Здесь, в Симбирске, Николаю Николаевичу будет суждено прожить свои лучшие годы, и в возрасте 50 лет, в 1926 году, он будет вынужден покинуть ставший ему родным Симбирск и переехать в Самару.

А пока он, приехав в Симбирск, остановился у дяди – Владимира Густавовича, жившего на казённой квартире в так называемом «новом кадетском корпусе» на Комиссариатской улице. «Коля жил у нас, – вспоминает в дневнике его двоюродная сестра Варвара Владимировна Арнольд, по мужу Панкова, – пока мы не переехали с казённой квартиры на частную (в 1905 году Владимир Густавович вышел по болезни в отставку), Коля снял комнату у наших хороших знакомых Оже-де-Ренкур на Лисиной улице, где мы довольно часто у него бывали... Он всегда очень радушно принимал нас и почему-то любил угощать нас какао Ван-Гутена».

В Симбирске Николай Николаевич случайно встретил знакомую по Тамбову Шуру Книпер, которая приехала в Симбирск к своей сестре Ольге Ивановне, жене секретаря Симбирской духовной консистории Андрея Фёдоровича Жукова. Шурочка жила с отцом Иваном Христофоровичем Книпером в селе Горяиновке Николаевского уезда Самарской губернии, где он служил управляющим имением помещика Н.В. Горяинова. Три сестры – Татьяна, Мария и Ольга – были уже замужем, Татьяна жила в Симбирской губернии, Мария – в Саратове, а Ольга – в Симбирске. За первой встречей с Шурочкой последовала вторая, и теперь Николай Николаевич с нетерпением ждал приезда Шуры в Симбирск. Наконец последовало предложение, и Шура его приняла.

24 апреля 1906 года Николай Николаевич взял отпуск до 1 мая для поездки в Самарскую губернию, чтобы познакомиться с родителями Шуры – Иваном Христофоровичем и Прасковьей Максимовной, а 5 июня подал управляющему акцизными сборами Симбирской губернии прошение о разрешении вступить ему в брак с девицей Александрой Ивановной Книпер, 24 лет. Разрешение было получено, и свадьба была назначена на август. В июле Шурочка (так её звал Николай Николаевич, а родные звали её Сашенькой) была снова в Симбирске, вместе подыскали квартиру в доме Плотникова в Анненковском переулке. 22 июля 1906 года Шура выехала домой на пароходе «Лермонтов» общества «Самолёт» (до Хвалынского). До Самары её поехал провожать жених...

Николай ЧЕБОКСАРОВ (1907–1980)

6 мая – 115 лет со дня рождения этнографа, антрополога Николая Николаевича Чебоксарова (06.05.1907, г. Симбирск – 01.02.1980, г. Москва). В начале Гражданской войны переехал с семьёй в Сибирь, затем на Дальний Восток, в Харбин. Окончил Московский университет. С 1943 года сотрудник Института этнографии АН СССР. Доктор исторических наук (1947). С 1957-го заведовал сектором Азии, Австралии и Океании в Институте этнографии. Опубликовал около 300 научных работ. Автор изданий «Народы, расы и культуры» (1971, совместно с женой И.А. Чебоксаровой), «Этническая антропология Китая» (1982). Лауреат премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (1947, 1966). Награждён орденом «Знак Почёта» (1954).

Дмитрий САДОВНИКОВ (1847–1883)

7 мая – 175 лет назад родился поэт, переводчик, собиратель русского фольклора Дмитрий Николаевич Садовников (07.05.1847, г. Симбирск – 31.12.1883, г. С.-Петербург). С 1861 года учился в Симбирской мужской гимназии, жил в Москве и С.-Петербурге. Составил сборники «Загадки русского народа» (1875), «Сказки и предания Самарского края» (1884). Открыл сказочника Авраамия Новопольцева. Его стихотворение «Из-за острова на стрежень» (1883) стало народной песней. Незадолго до смерти хлопотал о должности секретаря губернского статистического комитета в Симбирске, но не получил её. Имя поэта Садовникова присвоено улице в Ульяновске, Новоульяновской центральной городской библиотеке (2016).

ЖИГУЛЁВСКИЕ КЛАДЫ

Души человека бесценнейший клад
В свободе, желанье и силе.
Те клады все здесь, на вершинах лежат
В большой известковой могиле.

За них-то на Волге в былые года
Сходились всё люди и бились,
За клады-то эти вздымалась вражда
И крови потоки струились.

Но клады другие явились в горах,
Былое ушло безвозвратно...
И только по кручам на голых местах
Как будто кровавые пятна.

Но это не кровь, – то нагие хребты,
Обмытые влагой стремнины,
Богатую кладь выдвигают – пласты
Цветной и уступчивой глины.

К ВОЛГЕ

Тебе несущи стихи, река моя родная,
Они – навеяны и созданы тобой –
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Как рыбки вольные сверкают чешуёй.
Простор песков твоих, лесов живые краски,
Разливы вешние ликующей воды
И тёмных Жигулей предания и сказки
На них оставили заметные следы.

Я вырос близ тебя, среди твоей природы;
На берегах твоих я речь свою ковал
В затишье вечеров и в шуме непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла вал...
И я не позабыл, живя с тобой в разлуке,
Разбега мощного твоей живой волны
И вот несущи тебе мятежных песен звуки,
Ты навевала их, тобой они полны!..

РОДНОЕ

Всё родное: и лес, и равнины,
Деревушка и сумрачный бор,
И на фоне далёком картины
Силуэты белеющих гор...

Всё родное: взмыленная тройка,
Визг полозьев, весёлый ямщик,
Пристяжные – бегущие бойко,
Колокольчика звонкий язык...

Всё родное: летящие мимо
Вёрсты, ветра сердитого шум
И столбы деревенского дыма,
Ряд мечтаний дорожных и дум...

Всё родное!.. В блестящем уборе
Мне сродни вековая сама,
Заковавшая всё на просторе,
Лиходейка седая – зима!..

Марина КНЯЗЕВА (р. 1952)

7 мая – 70 лет исполняется поэтессе, детской писательнице Марине Леонидовне Князевой (р. 07.05.1952, г. Москва). Окончила факультет журналистики МГУ (1976) и аспирантуру при нём, работает здесь старшим научным сотрудником; кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Автор книг «Превращения» (1994), «Мистерии камня» (1998), «Люди и ангелы» (2002), «Тайна пути» (2011), «Поговори со мной» (2011) и др. В декабре 2016 года была участницей III Международного театрального фестиваля «История государства Российского. Отечество и судьбы» в Ульяновске, посетила спектакль местного драмтеатра «Капитанская дочка». Лауреат Пушкинской премии Российского союза писателей (2019).

МОЛЧАНЬЕ

От тесноты, от нищеты, от спуда,
От непосильных непонятных снов,
От грязных окон, простыней, посуды,
Засаленных в тени особняков –

От муки бесполезного терпенья,
От вкуса пригорелой похвальбы
Выходишь ты в прокуренные двери,
В причуды удалого настроения –
В блаженство беспросветной пустоты.

И всё придёт, что было невозможно...
Погибнет тот, кому пристало жить.
Смешалось сущее в одно большое крошево,
Где жизнь от смерти нам не отличить.

Мы всё растратим. Горькие заначки
Легко поставим на последний кон.
Смеётся в горе, а от счастья – плачет,
Кто стал молчанья знатоком.

ПЫЛЬ

Но там, на душевных экранах,
Идёт одиночный сеанс –
Укрыт в невесомую раму
О главном, о дальнем рассказ...

Что будет с волшебным свеченьем,
Покуда, нетлен и летуч,
Пронзает твоё средостенье
Незримо-сжигающий луч?

Что выпадет там, из проекций
Прошедших событий и бед?
Что в памяти цепкого сердца
Рождает сгустившийся свет?

Душа, как всегда, дальнорюк
В быту, где любой близорук...
И пылью танцует в восьмёрку
Пылинок светящийся круг.

Луч высветит время и место,
И светом опишет кольцо,
И глянет отчётливо-резко
Что где-то волнилось темно.

Всей ясностью изображенья
Проглянет просвет световой –
Ты вырвешься из искаженья
Обычной пурги деловой –

Посмотришь, глаза обжигая,
Где, миру невидим, экран –
И двинешься, жизнь продолжая
Под лучшую из охран.

И будет душа напрягаться,
И, свет собирая в клинок,
Из пыли начнёт собираться,
О чём и мечтать ты не мог!...

Виктория ХВАЛОВА (р. 1947)

9 мая – 75-летний юбилей отмечает поэтесса Виктория Геннадьевна Хвалова (р. 09.05.1947, р.п. Сурское Ульяновской обл.). Окончила Краснослободский медицинский техникум в Мордовии (1965), жила и работала в г. Заречный Пензенской обл. Стихи начала писать в юности. С 2004 года член литературных объединений «Радуга» и «Поиск», поэтического клуба «Берега». Публиковалась в местной «Любимой газете», в журнале «Сура» (Пенза), в сборнике «Рождённые «Радугой». Автор поэтических сборников «Разнополосье» (2006), «На перекрёстке двух ветров» (2007), «Волне наперерез» (2011). Член Союза писателей России (2012). С 2015-го живёт в г. Белореченск Краснодарского края и г. Щёлкино Республики Крым.

ПЕЧАЛЬНО...

Печально, что с течением лет
Мы не становимся моложе.
Не потому ль нам всё дороже
И шелест лип, и яблонь цвет?

Но возраст – не предлог для грусти.
У чаши жизни нету дна.
И сердце горечи не впустит,
Когда в нём вечная весна.

Взгляни, увидишь сквозь обиды прошлые:
На землю небо выплеснуло синь.
Прополоскало гадкое и пошлое...
И ты переболевшее отринь.

Иди туда, где под замшелой крышею
Сбегало детство по ступенькам вниз.
В краю, хранимом волею Всевышнего,
Остановись, постой, не торопись!

Ведь только здесь пути судьбы не пройдены.
И все они – вперёд и напрямик.
И только здесь, из чрева малой Родины,
Бьёт самый чистый для тебя родник!

Развернёт гармонь меха,
Оглушит аккордов взрывом, –
То криклива, то тиха,
То с печалью, то с надрывом.

Знать, талантлив гармонист –
Аж закрыв глаза играет!
Сразу видно – сердцем чист:
До печёнок пробирает!

Ах ты, русская душа,
Ну, куда ж ты без тальянки,
Той, что может не спеша
Разогреть народ без пьянки!

Приоткроет к счастью дверцу...
Далеко ли до греха,
Если, будоража сердце,
Развернёт гармонь меха!

До черноты снега затоптаны.
И где ж снежинок белизна?
И где затерянными тропами
Ты ходишь, девочка-весна?

Всё дуют ветры переменчивы,
Всё бьётся о стекло февраль,
И на груди земные женщины
Плотнее стягивают шаль.

Из края в край поэмка мечется,
Всего живого прячет след...
И сердце радостью не лечится
Неисчислимо много лет.

Ахмед ибн ФАДЛАН (10 век)

12 мая – 1100 лет назад в Волжскую Булгарию прибыл арабский путешественник, литератор Ахмед ибн Фадлан. По происхождению перс. Был секретарём посольства багдадского халифа аль-Муктадира. В местечко Хеллече (ныне село Три Озера Спасского р-на РТ) прибыл 12 мая 922 года. В путевых записках писал: «И мы переправились через реки Джерамсан, Уран, Байнах, Вутыг» (ныне реки Большой Черемшан, Урень, Майна и Утка, протекающие в ульяновском Заволжье). В отчёте о поездке описал нравы, обычаи болгар, хазар, русов и других народов Поволжья. На русском языке его записки под названием «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу» были подготовлены к печати историком А.П. Ковалевским (1939).

ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН ФАДЛАНА НА ВОЛГУ (отрывок из записок)

Мы видели у них домочадцев в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам. Все они известны [под названием] Баранджар. Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся. Они не умеют читать [молить], так что я научил [одну] группу [из них] тому, как [какими словами] молятся.

Право же, раз под моим руководством принял ислам человек по имени Талут, и я назвал его Абдаллахом. Он же сказал: «Я хочу, чтобы ты назвал меня твоим [собственным] именем Мухаммед». Я это сделал. И приняли ислам его жена, его мать и его дети, и всех их стали называть Мухаммедом. Я научил его [сурам] «Хвала Аллаху» и «Скажи: он Аллах един». И радость его от [знания] этих двух сур была большей, чем его радость [в случае], если бы он сделался царём «славян».

Когда мы прибыли к царю, мы нашли его оставившимся у воды, называемой Хеллече, а это три озера, из которых два больших и одно маленькое. Однако из всех их нет ни одного, в котором дно было бы достижимо. Между этим местом и огромной рекой, текущей в страну хазар, называемой рекой Атыл, около фарсаха. На этой реке место рынка, который бывает бойким во всякий [благоприятный] момент. На нём продаются многочисленные ценные вещи.

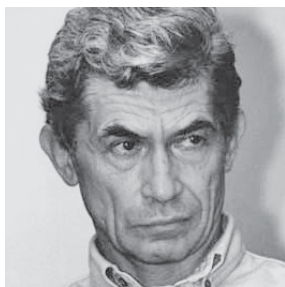
Когда-то Текин рассказал мне, что в стране царя [есть] один человек чрезвычайно огромного телосложения. Итак, когда я прибыл в эту страну, я спросил о нём у царя. Он же сказал: «Да, он [раньше] был в нашей стране и умер. Он не был из жителей этой страны, да также и [вообще] не из числа [обыкновенных] людей. История же его такова. Люди из числа купцов вышли к реке Атыл, как они [обыкновенно] выходят. А эта река поднялась, и вода её выступила из берегов. И однажды, ещё не успел я об этом узнать, как уже явилась ко мне толпа купцов, которые сказали: «О царь! На воде приплыл человек, – если он из народа, близкого к нам, то нет для нас возможности жить в этих местах, и нам ничего другого не останется, как переселиться». Итак, я поехал верхом вместе с ними, пока не прибыл к реке. И вот передо мной этот человек, и вот в нём двенадцать локтей, меряя моими «локтями», голова у него, как самый большой из котлов, нос более четверти, глаза огромны, а пальцы – каждый боль-

ше четверти. Случай с ним привёл меня в ужас, и овладел мною такой же страх, как и теми людьми. И начали мы говорить с ним, а он не говорил нам [ничего], только смотрел на нас. Я доставил его в своё местопребывание и написал жителям *страны* Вису, – а они от нас на [расстоянии] трёх месяцев [пути], – спрашивая их о нём.

Тогда я спросил его [царя] об [этом] человеке, и он сказал: «Он оставался у меня некоторое время. И бывало, как взглянет на него мальчик, так и умрёт, и беременная [взглянет] и выбросит свой плод. И бывало, если он овладеет человеком, то сжимает его обеими руками, пока не убьёт его. Когда же я увидел это, я повесил его на высокому дереве посредством крепкой цепи, пока он не умер. Если ты хочешь посмотреть на его кости и его голову, то я отправлюсь с тобой, чтобы ты посмотрел на них». Я же сказал: «Клянусь Аллахом, я очень хочу этого». Итак, он поехал со мной верхом в большой лес, в котором были огромные деревья. Он привёл меня к большому дереву... и голова его под ним. И я увидел, что голова его подобна большой кадке, и вот рёбра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и в таком же роде кости его голени и обе его локтевые кости. Я изумился этому и удалился.

И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Джавшыр и оставался около неё два месяца. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочёвка [племён], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему. И [они] разделились на две партии. Одна партия – с [разным] отребьем, и над ними [ещё раньше] провозгласил себя [самозванным] царём [князем] [некто] по имени Вырыг. И послал к ним царь [булгар] и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я – раб его [Аллаха], и это – дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражаю мечом. – Другая же партия была вместе с царём [князем] из [кочевого] племени, которого называли царём [племени] эскэл. Он был у него в повиновении, хотя [официально] ещё не принял ислама. – Когда же он [царь] послал им это послание, то [они] испугались его намерения, и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр...

Игорь КУБЕРСКИЙ (р. 1942)

12 мая – 80 лет со дня рождения писателя, поэта и переводчика Игоря Юрьевича Куберского (р. 12.05.1942, г. Ульяновск). Окончил Ленинградский университет (1970). Член Союза писателей СССР (1981). Автор книг прозы «Свет на сцену» (1979), «Отблески» (1987), «Ночь в Мадриде (1997), «Маньяк. Катастрофа» (1997), «Массажист» (2004), «Лола» (2004), «Игры с ветром» (2010), «Репетиция прощания» (2010); романов «Пробуждение улитки» (1993), «Американочки» (1998); сборника стихов «Праздник свиданий» (2000) и др. Лауреат литературной премии журнала «Звезда» за роман «Египет-69» (2011). В последние годы – главный редактор в издательстве «Балтийская книжная компания». Живёт в С.-Петербурге.

Когда мир вокруг одинаков,
Пусть будут подарком судьбы
Поля разноцветные маков
И смех из подозрительной трубы,
Страницы загадочной прозы
И чей-то вдали вертоград,
В котором летают стрекозы
И крыльями книг шелестят.

Моё окно осенний лист
Прочертит по диагонали,
Вновь горизонт суров и мглист,
Ну, в общем, так и обещали.
К земле под тяжестью плодов
Отчаянно пригнулась ветка,
Собрать бы – никаких трудов,
Да только где она, соседка,
И что-то припозднился сын...
Небес раздёрганная вата.
Не то чтобы осенний сплин,
И не сказать, что грустновато,
Когда осталось столько дел...
Но только снова голос строгий –
Как будто ангел пролетел,
И время подводит итоги...

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Они его спасут, они его сокроют,
Он будет доживать в ухоженной норе.
Охранники его – их двое или трое –
С ним будут до конца... На утренней заре
Он будет совершать неспешные прогулки –
Ни друга, ни жены – лишь верный волкодав,
И на его вопрос с небес раздастся гулко
Желаемый ответ, что, как всегда, он прав.
И всё бы ничего, и нет в душе сомненья,
Пусть где-то там народ вершит неправый суд,
Когда б не этот спазм сердечный на мгновенье,
Когда б не этот страх, что и за ним придут.

Записываюсь в старики –
Они идут походкой шаткой,
Чтоб, у забвения реки
Оставив все свои манатки,
На том очнуться берегу
И, оклемавшись, превратиться
Кто в жеребца на всём скаку,
Кто в головастика, кто в птицу,
Кто в росной влаги пузырьрёк,
Кто в вечерюющие дали,
Кто в двери радостный звонок:
– Ну что, родимые, не ждали?

Борис ВАЙХАНСКИЙ (р. 1952)

12 мая – 70-летний юбилей отмечает поэт, автор-исполнитель Борис Семёнович Вайханский (р. 12.05.1952, г. Минск). Окончил Белорусский государственный институт народного хозяйства (1974). Победитель фестиваля авторской песни памяти Валерия Грушина в Куйбышевской обл. (1978). Провёл домашний концерт в Ульяновске 30 марта 1979 года. С 2015-го живёт в Израиле. Занимается поэтическими переводами с иностранных языков. Автор книг стихов и песен «Пусть идёт этот дождь» (1991), «Эволюционное танго» (2012); музыкальных альбомов «Эти редкие свидания» (1988), «Песни на облаке» (1999), «Серебряные часы» (2007), «Линия жизни» (2010), «Прощание с августом» (2015) и др.

И ДОГОРИТ ЗВЕЗДА

И догорит звезда в неистовом паденье,
И разобьёт волна свой лоб о парашют,
И будет новый день, и новое смятенье,
И ветренный закат по-новому пропет...

Пока живёт Любовь, нам есть за что держаться,
Нам есть куда идти, и для чего идти,
И падать в небеса, чтоб к звёздам приближаться,
Храня огонь спасительный в груди.

И смерти – ни одной, и всё – не понапрасну,
И мы летим стремглав, не разжимая рук...
Мы будем вечно жить, и будет всё прекрасно.
И наш полёт на этот свет неясный
Не оборвётся вдруг.

И не коснется нас людское суесловье,
И тень не упадёт с вороньего крыла,
Пока с тобою мы осенены Любовью,
И в пухе тополей ночь, словно день, бела.

Ещё не замкнут круг, ещё надеждой живы,
И жилка на виске пульсирует, дрожа.
И есть ещё слова, которые не лживы.
Они одной Любви принадлежат.

ПРОЩАЙТЕ, МИЛЫЕ МЕСТА...

Прощайте, милые места, –
Леса в брусничном одеянье,
Звенящие стальные грани
Сухого ломкого листа,

И след, ведущий в никуда,
И хруст ветвей под грузным лосем,
И девочка, что звали Осень,
И те ушедшие года.

Я к вам когда-нибудь вернусь,
Соскучившись по звонким птицам,
По тем далёким милым лицам,
Таящим ласковую грусть.

И плеском медленным река
Моё отметит появление.
Трава прильнёт к моим коленям,
И всё я вспомню... А пока, –

«Прощайте», – говорю я вам,
Леса в брусничном одеянье
И охра красок Модильяни
С листа, упавшего к ногам,

И этот бледно-голубой
Озёрный свет, плывущий мимо,
Всё то, что так невыразимо
В душе моей нашло покой.

Николай ЕРЁМИН (р. 1967)

13 мая – 55 лет исполняется поэту, автору-исполнителю Николаю Викторовичу Ерёмину (р. 13.05.1967, р.п. Сурское Ульяновской обл.). Окончил Ленинградский механический институт (1990). Автор музыкальных альбомов «Царские дети» (2004), «Я – русский» (2005), «Родина» (2006), «Памятник» (2010), «Кавказский альбом» (2013), «Венецианские мосты» (2015); поэтических сборников «К душе» (2002), «Прощение души» (2002), «Галилейская повесть» (2011), «Где небо и где земля» (2015). Член Союза писателей России (2015). Работает старшим экспертом по качеству в ОАО «РАОПРОЕКТ». Живёт в городе Всеволожске Ленинградской области. Не раз приезжал в р.п. Сурское на творческие встречи с земляками.

НИКОЛЬСКИЙ РОДНИК

На Никольской горушке часовня стоит
И в Суру голубую глядится.
С той горы открывается сказочный вид
На края, где пришлось мне родиться.

А из недр горы выбегает родник,
Серебром под лучами играя.
Знает в Сурской округе и мал, и велик
Мирликийского Николая.

Кто водички целебной с молитвой попьёт,
Тот получит у Господа милость.
Принесёт он Творцу покаяния плод,
И спасётся, чего б ни случилось.

Так Никола-угодник наш край возлюбил –
Говорили мне старые люди.
Ты водички Никольской ещё не испил? –
Так спеши, не забудь о посуде.

СВЯТЫНИ РОДИНЫ

Я еду, чтобы снова прикоснуться
К твоим святыням, край родимый мой!
У стен часовни на горе разуться,
И ко кресту приникнуть головой.

Припомнить, что не силой ратоборца
Был остановлен здесь татарский полк –
Молитвою Николы Чудотворца –
Врагам России на века урок!

Чтоб городских привычек устыдиться,
И счастья на рыбалке попытать,
На кладбище безмолвно помолиться,
А в храме панихиду заказать,

Испить воды из древнего колодца,
Листвой дерев от зноя заслонясь...
Я верю, что вовеки не прервётся
С родной землёй живительная связь.

НИКОЛА ПРОМЗИНСКИЙ

Если заступника близкого
Не отыскать на Руси –
Ты у Николы Промзинского
Скорой подмоги проси.

Мигом прогонит на выселки
Вражье унынье и страх
Верный защититель истины
С храмом и саблей в руках.

Ведают жители сурские:
Крепче в молитве взывай!
Любит селения русские
Старец святой Николай.

Очи сверкают под митрою,
Недруг в смятении бежит –
С храмом и саблей молитвенник
Русский предел сторожит.

Владимир АРТАМОНОВ (р. 1967)

14 мая – 55-летний юбилей отмечает поэт и бард Владимир Николаевич Артамонов (р. 14.05.1967, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский педагогический университет им. И.Н. Ульянова (1996); доктор филологических наук (2007); профессор, с 2013 года заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики УлГПУ. Публиковался в журналах и альманахах «Карамзинский сад», «Гончаровская беседка», «Симбирскъ», «Золотая строфа» и др. Автор поэтических сборников «Сказки гадкого утёнка» (2006), «Стихафоризмы и поздравирши» (2013), «Пробы перьев и струн» (2021). Член Союза писателей России (2015). Написал более 400 песен. Лауреат VII Пензенского фестиваля поэзии и авторской песни «Часовые любви» (2018).

Сердце бьётся в груди –
И дай бог ему биться.
А в клетки взаперти
Бьётся белая птица.

Рвётся в новый полёт,
Бьётся в ломаном ритме...
Бьюсь как рыба об лёд
Над капризную рифмой.

Вот скрестились клинки,
И соперники бьются.
Из неловкой руки –
Бьётся – выскользнув – блюдец.

Зверь, попавший в тенёт,
Или судно на рифах –
Бьюсь как рыба об лёд
Над капризную рифмой.

Так устроил Творец –
Его славлю в молитвах,
Что биенье сердец
Учащается в битвах.

От зимы до зимы – весна:
Солнца мартовского блесна...

От зимы до зимы – апрель,
И капель, и капель, КАПЕЛЬ!!!

Май с невестою молодой
Под черёмуховой фатой.

С ней, как прежде, красив и юн,
И исполнен надежд июнь.

В нём бы плыть во сне, наяву ль,
Но уже отпылал июль.

Август... И расстаёмся мы
На пороге большой зимы.

На пороге большой беды,
Где пусты без листвы сады,

Где росой не звенят луга,
И повсюду снега... Снега...

От зимы до зимы – зима,
Только я не сойду с ума,

Ведь всего-то и надо мне
Счёт вести от весны к весне...

От весны до весны – июнь,
Я исполнен надежд и юн.

От весны до весны – июль,
В нём плыву – во сне, наяву ль...

Даже августовская грусть
И осеннего неба груз

Не утянут меня ко дну –
Я плыву из весны в весну.

Вадим АРЕФЬЕВ (р. 1957)

15 мая – 65 лет со дня рождения прозаика Вадима Александровича Арефьева (р. 15.05.1957, г. Губаха Пермской обл.). Автор сборников рассказов «Воздушный змей», «По звёздам», «Подснежники». Член Союза писателей России (1995). Член Русского географического общества, военный моряк, путешественник. Совершил плавание на парусных судах «Крузенштерн» (2005–2006) и «Надежда» (2011). Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова (2008) за книгу «Вокруг света на «Крузенштерне»; приезжал в Ульяновск на вручение премии 21-22 июня 2008 года. Лауреат всероссийских литературных премий имени А.С. Грибоедова (2009) и имени А.П. Чехова (2010). Живёт в Москве.

ВОКРУГ СВЕТА НА «КРУЗЕНШТЕРНЕ» (отрывки из книги)

Луна на экваторе

Забавная Луна на экваторе. Она – живая. Воздух ночью становится прохладнее, чем вода в океане, и вверх – к небу – мощными потоками поднимаются испарения. И Луна в этих тёплых воздушных массах начинает по-особому светиться, играть и даже пульсировать.

Выйдешь на полубак или на ют и смотришь на неё, словно лунатик. А она, будто ощущая на себе любопытный взгляд, всё меняет и меняет свои тона и краски. То она ярко-оранжевая, как апельсин, то окрасится в персиковые тона, то станет лимонно-жёлтой. Важно не торопиться, а подождать, и она непременно покажет свой неожиданный тропический наряд.

А ещё интересно смотреть, как на экваторе день за днём, или точнее – ночь за ночью – нарождается месяц. У нас в Северном полушарии месяц идёт слева направо. Вспыхнет вначале, даже не серпом, а тоненькой яркой линией, и потом растёт, растёт. В Южном полушарии месяц нарождается на оборот – слева направо. Смотришь, и глазам не веришь: «Неужели, в самом деле – в другую сторону?».

Но более всего интересен месяц на экваторе. Там он словно не знает, в какую сторону ему податься. И тогда он поступает очень хитро. Месяц на экваторе идёт не справа и не слева, а сверху вниз или снизу вверх.

Казалось бы, всё это уже давно известно не только учёным, но и обычным морякам-странникам. Однако увидишь это сам и чувствуешь, что совершил какое-то очень важное личное открытие.

Ленин на Маврикии

Второй день нашей стоянки на Маврикии принёс новость – оказывается, среди многих и многих достопримечательностей острова есть памятник Ленину. Мы попросили нашего таксиста-экскурсовода отвезти нас туда.

Казалось бы, что тут особенного? Наверное, немало подобных памятников-бюстов точно так же стояли и стоят, по сей день, среди пальм и эвкалиптов где-нибудь у нас – в Ялте, Сочи, Сухуми. Но вот ведь не мчимся же мы туда на такси, чтобы сфотографироваться с Лениным на память. А здесь – на Маврикии – это что-то вроде экзотики. Рядом – Мадагаскар, Африка и Ленин. Мой товарищ – корреспондент телекомпании «Звезда» – восторженно сказал, что это будет «главный репортаж» его репортажа.

«Но ведь мы совсем недавно столько снесли, переплавили или спрятали на задворках страны таких же бюстов и памятников, – подумал я. – А теперь, вот, снимаем как центральное событие. Фотографируемся на память...»

Подумал, но тоже сфотографировался рядом с Лениным. Так, на всякий случай.

Чайная церемония

Когда наш барк «Крузенштерн» прибыл в Гонконг, то первым делом я отправился на прогулку по окрестностям близ порта. Пришвартовали нас к отдалённому от центра города причалу, и мне захотелось в первый день стоянки судна посмотреть именно эти непарадные места.

Для начала я заглянул в ближайшее кафе с золотыми драконами на окнах и сел за свободный столик. Вокруг были одни китайцы. Я заказал кофе с молоком. Причём сделал это на немецком языке, так как другого просто не знал.

– Битте айн кофе мит милк унд цукер! – сказал я. И ещё подумал – поймут ли.

Поняли. Через несколько минут на моём столике дымился большой бокал сладкого кофе с молоком. И всё было хорошо. Попил я вкусный кофе, полюбовался на китайцев и китайнок, на кудрявые иероглифы и изображения змей, обезьян, собак на красных стенах и собрался уже идти дальше. И тут подходит ко мне для расчёта официант и произносит:

– Чайная церемония! – на чистейшем русском. Словно мы не в далёком Гонконге, а у нас в России.

– Да! – с удивлением воскликнул я. – Только не чайная, а кофейная. А где Вы так хорошо научились говорить по-русски?

– Чайная церемония! – ещё раз с улыбкой произнёс и поклонился китаец.

И тут до меня дошло, что на русском он знает только два этих слова. Выучил – и произносит словно китайский болванчик.

– Ми хау! Чи фань ли ма? – ответил я ему на прощанье. Это было приветствие, которое я знал по-китайски со времён службы в морской пехоте на Тихом океане.

Официант был счастлив. Он проводил меня до самого выхода, много раз кланялся вслед, и всё бормотал благодарно: «Чайная церемония! Чайная церемония...». Чисто по-русски!

Игорь СЕВЕРЯНИН (1887–1941)

16 мая – 135 лет назад родился поэт Серебряного века, переводчик Игорь Васильевич Лотарёв, литературный псевдоним – Игорь Северянин (16.05.1887, г. С.-Петербург – 20.12.1941, г. Таллин). Утверждал, что является по линии матери дальним родственником Н.М. Карамзина. Издал 35 поэтических сборников, в т.ч. «Громокипящий кубок» (1913), «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915), «Вервена» (1920), «Менестрель» (1921). В ходе турне по России в 1914 году выступал с «поэзоконцертом» в Симбирске, где «пел свои стихи на сочиняемые им же мотивы». Называл город «волжской жемчужиной», восхищался памятником Н.М. Карамзину, сохранил добрую память о симбирской публике.

НАДРУБЛЕННАЯ СИРЕНЬ

Проснулся хутор.
Весенний гутор
Ворвался в окна... Пробуждены,
Запели – юны –
У лиры струны,
И распустилась сирень весны.

Запахло сеном.
И с зимним пленом
Земля простилась... Но – что за сны?!
Согнулись грабли...
Сверкнули сабли
И надрубили сирень весны!..

ПРИЗРАК

Ты каждый день приходишь, как гризетка,
В часовню грёз моих приходишь ты;
Твоей рукой поправлена розетка,
Румянцем уст раскрашены мечты.

Дитя моё! Ты – враг ничтожных ролек.
А вдохновлять поэта – это честь.
Как я люблю тебя, мой белый кролик!
Как я ценю!.. Но чувств не перечеть.

Я одинок... Я мелочно осмеян...
Ты поняла, что ласка мне нужна –
Твой гордый взор так нежен, так лилеен,
Моя сестра, подруга и жена.

Да, верю я глазам твоим, влекущим
Меня к Звезде, как верю я в Звезду.
Я отплачу тебе своим грядущим
И за собой в бессмертие введу!

1909

ПОЭЗА О КАРАМЗИНЕ

Известно ль тем, кто, вместо нарда,
Кадит мне гарный дух бревна,
Что в жилах северного барда
Струится кровь Карамзина?

И вовсе жребий мой не горек!..
Я верю, доблестный мой дед,
Что я – в поэзии историк,
Как ты – в истории поэт!

1912

1908

МОДЕЛЬ ПАРОХОДА

(Работа Е.Н. Чирикова)

Когда, в прощальных отблесках янтарен,
Закатный луч в столовую скользнёт,
Он озарит на полке пароход
С названьем, близким волгарю: «Боярин».

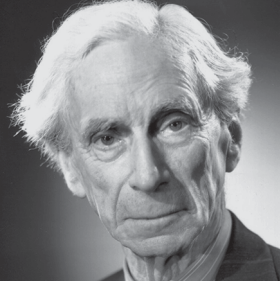
Строителю я нежно благодарен,
Сумевшему средь будничных забот
Найти и время, и любовь, и вот
То самое, чем весь он лучезарен.

Какая точность в разных мелочах!
Я Волгу узнаю в бородачах,
На палубе стоящих. Вот священник.

Вот дама из Симбирска. Взяв лохань,
Выходит повар: вскоре Астрахань, –
И надо чистить стерлядей весенних...

1925

Бертран РАССЕЛ (1872–1970)

18 мая – 150 лет назад родился британский философ и публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел (18.05.1872, Великобритания – 02.02.1970, там же). В июне 1920 года посетил Симбирск с иностранной делегацией, путешествуя на пароходе по Волге от Нижнего Новгорода до Саратова. В Москве встречался с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким, А.А. Блоком, А.М. Горьким. Автор книг «Проблемы философии» (1914), «Практика и теория большевизма» (1920), «Воздействие науки на общество» (1952), «Человеческое познание. Его сфера и границы» (1957), «Почему я не христианин» (1958) и др. Нобелевскую премию получил в 1950 году за книгу «Брак и мораль» и публицистическую деятельность.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ? (отрывок из книги)

Прежде чем обсуждать вопрос о том, продолжим ли мы существовать после смерти, следует выяснить, в каком смысле человек является той же самой личностью, какой был вчера. Философы считали, что есть определённые субстанции – душа и тело, и каждая из них непрерывно существует изо дня в день; что душа, будучи сотворённой, продолжает существовать во веки веков, в то время как тело временно прекращает своё существование по причине смерти, до тех пор, пока не происходит воскресения.

В том, что касается жизни, которую мы наблюдаем сегодня, это учение совершенно ложно. Вещество тела постоянно изменяется в процессе питания и изнашивания. Даже если бы этого не происходило, атомы не существуют как что-то непрерывное. Бессмысленно говорить: это тот же самый атом, что и существовавший несколько минут назад. Непрерывность человеческого тела есть вопрос внешнего облика и поведения, а не субстанции.

То же самое относится к сознанию. Мы думаем, чувствуем и действуем; но не существует, в дополнение к мыслям, чувствам и действиям, какой-то чистой сущности – сознания или души, – которая делает эти вещи или с которой всё это происходит. Непрерывность человеческого сознания есть непрерывность привычки и памяти: вчера был человек, чувства которого я помню, и этого человека я считаю самым собою вчерашним; но в действительности «я вчерашний» – только определённые состояния сознания, которые сейчас вспоминаются, и их следует считать принадлежностью той личности, которая их припоминает в настоящее время. Всё, что образует личность, суть ряд восприятий, связанных памятью и определённого рода подобиями, которые мы называем привычкой.

Поэтому если мы хотим верить, что человек живёт после смерти, то мы должны допустить, что память и привычки, которые образуют его личность, будут воспроизводиться в новых обстоятельствах.

Никто не может доказать, что этого не случится. Но, как легко видеть, это весьма маловероятно. Наши воспоминания и привычки связаны со структурой мозга, почти так же, как связана река со своим руслом. Вода постоянно меняется, но река

продолжает течь в том же направлении, потому что прежнее течение образовало канал. Подобно этому, предыдущие события образовали канал в мозге, и наши мысли текут по этому руслу. В этом причина памяти и привычек сознания. Но мозг и его структура разрушаются со смертью, и память, видимо, тоже должна разрушаться. Нет оснований считать иначе – как не приходится ожидать сохранения старого русла, после того как землетрясение воздвигло на месте долины гору.

Всякая память и, следовательно, все явления сознания зависят от свойства, присутствующего в некоторых материальных структурах, но другим структурам не свойственного или свойственного лишь в малой степени. Это – свойство образовывать привычки в результате частых и повторяющихся событий. Например: яркий свет заставляет зрачок сокращаться, и, если вы будете регулярно производить вспышку перед глазами человека и одновременно ударять в гонг, в конце концов одного лишь гонга будет достаточно для сокращения зрачков. Этот факт касается мозга и нервной системы, иначе говоря, определённой материальной структуры. Мы обнаружим, что точно такие же факты объясняют наши ответные реакции на язык и его использование, на наши воспоминания и вызываемые ими эмоции, на наши моральные или аморальные привычки – фактически на всё, что образует нашу личность, за исключением той части, которая определяется наследственностью.

Наследственные свойства передаются нашим потомкам, но не могут остаться у индивида после распада тела. Таким образом, как наследственные, так и благоприобретённые свойства личности связаны, насколько нам известно, с характеристиками определённых телесных структур. Все мы знаем, что память можно стереть, если повредить мозг, что добродетельного человека можно сделать порочным, если заразить его летаргическим энцефалитом, и что смыслённый ребенок может превратиться в идиота, если ему не давать достаточно йода. В свете этих известных фактов представляется маловероятным, что сознание продолжает существовать после полного разрушения мозговых структур...

Виталий КАЛЫПИДИ (р. 1957)

18 мая – 65 лет исполняется поэту, издателю, литературному критику Виталию Олеговичу Кальпиди (р. 18.05.1957, г. Челябинск). Окончил Пермский университет. Работал грузчиком, кочегаром; жил в Перми и Свердловске. В 1990 году вернулся в Челябинск. Публиковался в журналах «Знамя», «Урал», «Юность», «Литературная учёба». Автор поэтических сборников «Аутсайдеры-2» (1990), «Пласты» (1990), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2010), «В раю отдыхают от бога» (2014) и др. Приезжал в Ульяновск 1 октября 2015 года; провёл творческую встречу с читателями и презентацию нового поэтического сборника IZBRANNOE в областном Дворце книги.

Про сквозняки в трубе внутриутробной,
про изумлённых нежностью мужчин,
про тёплых рыб, про женщин хладнокровных
с волосным покровом узких спин.

Про то, как отвратительно и быстро
сбежал отец работать мертвецом,
потом про то, что не имеет смысла
быть в принципе кому-нибудь отцом.

Про сладкий хлеб, про слесарей Челябины.
Про двух щенят, убитых во дворе.
Про конский топот падающих яблок
в так и не наступившем сентябре.

Про мысли деревянные природы
(особенно прямые у сосны).
Про то, что у страны есть тьма народу,
а у народа – только тьма страны.

Про молодых, да раненых, да ранних,
кто «в клещи» брал поганый Хасавюрт,
про клятву их на найденном Коране,
раз Библии в бою не выдают.

Про то – как по лицу нас полицаи,
лакейскую выказывая прить.
Про то, как я отлично понимаю,
что некому мне это говорить.

Про то про сё, про самое простое.
И уж совсем неведомо, на кой, –
про то, как Менелай доплыл до Трои,
застав там только Шлимана с киркой.

В Еманжелинске, прятась по углам,
под мостовой, в водопроводном кране,
ангину гладиолусами гланд
щекочет бог внутри своей гортани.

Наевшись на ночь мокрых макарон,
дрожа от им же созданного ветра,
он, как всегда, закончит моцион,
листая комикс Ветхого Завета.

Он встанет ночью восемь раз подряд
убавить газ в раздолбанной духовке,
где плавится миниатюрный ад,
уже который год без остановки.

Оттуда крики плещут через край.
И если уж не с бухты, то с барахты
он пальцем на стекле духовки – «Рай» –
выводит, улыбаясь артефакту.

Потом сидит, рассматривая пол,
и сам себе, поморщившись капризно,
Бог внутривенно делает укол
проверенным снотворным атеизма.

Даниил ДОНДУРЕЙ (1947–2017)

19 мая – 75 лет назад родился кинокритик, культуролог, публицист Даниил Борисович Дондурей (19.05.1947, г. Ульяновск – 10.05.2017, Израиль; похоронен в Москве). Окончил Академию художеств в Ленинграде (1971). Кандидат философских наук (1975). В 1993–2017 годах был главным редактором журнала «Искусство кино». Член Союза художников СССР (1979), Союза театральных деятелей СССР (1982), Союза кинематографистов СССР (1988). Соавтор книги «Каннские хроники. 2006–2016. Диалоги» (2017). Фрагменты его текстов, последние публикации и избранные беседы изданы в книге «Даниил Дондурей. Навстречу» (2019). Работы опубликованы в Болгарии, Германии, Италии, Польше, США, Франции и др.

КАННСКИЕ ХРОНИКИ (отрывок из книги)

Такой уникальный феномен, как Каннский фестиваль, нуждается в осмыслении его предназначения, устройства, явных и скрытых функций, пройденного пути, потенциальных перспектив. Каннский фестиваль – это огромный этап не только в пространстве кинематографа, его искусства, но и в социальных процессах, политике, бизнесе. Это результат амбиций, стратегий, тактик. Это многосторонние попытки расширить представления и о кино, и о его пребывании в реальности. У искусства, как известно, много функций, но есть и миссия, которая обсуждается менее всего. Это так называемая работа со временем (конечно, с заглавной буквой). Речь идёт не только об освоении прошедшего времени, но и о прогнозировании будущего – прямо, косвенно, подсознательно, разной степени интенсивности.

Все современные экономические теории почти через сто лет после возникновения первых фестивалей предполагают, что человечество движется от прежнего понимания эффективности, рациональности, здравого смысла к принципиально иному подходу, согласно которому будущее зависит от человеческого капитала. От индивидуальных усилий. От свойств личности, от гуманизации бизнес-технологий, от нагрузок, очень, казалось бы, далеких от кино. То есть от инвестиций, технических достижений, наличия полезных ископаемых – от традиционно значимых обстоятельств.

Основным ресурсом нашего развития станет усложнение человека. Такой процесс немалозначим без свойств, которые сегодня не кажутся сверхактуальными и, разумеется, успешными. Многие будут зависеть от противоречивой, ошибающейся, сомневающейся – в сущности, креативной (не в банальном смысле этого слова) личности.

После социально-экономического кризиса эпохи Великой депрессии, связанного с появлением в США массового общества, стало очевидным, что человечество стало искать ответы на такие вызовы. Уже перед Второй мировой войной было понятно, что киноиндустрия не может оставаться в рамках досуга, бизнеса, развлечений. Нужна была реакция на эти процессы: системная, многоаспектная, масштабная. В Италии, Франции, России в 1930-х появились фестивали авторского кино. Но уже после Второй мировой войны возникло большое число

разнообразных фестивалей, из которых постепенно выросла гигантская сеть киносмотров. Сегодня их в мире более тысячи. Только в России почти сотня. В центре этой сети находится, естественно, Каннский фестиваль. Более тридцати лет он сохраняет такой статус.

Каннский фестиваль, впервые проведённый в 1946 году, осуществляет роль диагностического института, а не только селекционирует и оценивает фильмы для своих программ, обозначая тем самым значимые тренды развития искусства кино. В диалогах, собранных в этой книге, мы стремились зафиксировать нервное сплетение проблем, стилей и прочих важных характеристик конкретного года за последнее десятилетие. Поэтому они и называются, скажем, «Фестиваль отчаяния?», «За пределы нормы» или «После травмы». Каждый раз акцент делался именно на различии концептуального формирования программ.

Отборочная комиссия смотрит в год до двух тысяч фильмов, чтобы выбрать из них двадцать – двадцать пять названий для основного конкурса и столько же для программы «Особый взгляд». Селекция идёт по многим критериям. Задача критиков, журналистов заключается в том, чтобы почувствовать, угадать нечто, что после фестиваля будет объявлено актуальным (или модным) кино.

Каннский фестиваль обладает правом не только «назначать» режиссёров-лидеров, но и определять, порой интуитивно, новый тип художественного мышления, эстетических сдвигов, а также веяния социальных, политических, психологических процессов конкретного – текущего – времени. Для Каннского фестиваля всё-всё на свете является материалом для представления, знакомства или интерпретации.

Каннский фестиваль, таким образом, является не только площадкой для репутационных стратегий, но и пространством интуиций (как было в 2016 году с фильмом Марин Аде «Тони Эрдман»), предчувствий того, как пойдёт (подобное было с «Розеттой» братьев Дарденн) развитие кино. Каннский фестиваль к тому же умеет преодолеть то, что ещё в прошлом году виделось самым существенным в кинематографе и в мире. Именно этот фестиваль наиболее свободен в предпочтениях, выборе имён и фильмов...

Анна КОЛЬЦОВА (р. 1997)

21 мая – 25-летний юбилей отмечает поэтесса Анна Александровна Кольцова, псевдоним – Иоанна Ларина (р. 21.05.1997, г. Норильск Красноярского края). С 2011 года жила в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный университет (2019). Автор поэтических сборников «Русь в ладонях» (2015), «Мир – Душе моей» (2015), «Самый нежный...» (2016), «Фламинго» (2016), «Здравствуй, это я» (2018). Победитель Всероссийского конкурса «Моя страна – моя Россия» в номинации «Поэзия» (2015). Член Российского союза профессиональных литераторов (2014). Лауреат областного молодёжного литературного конкурса «Первая роса» (2016). В настоящее время живет в Санкт-Петербурге.

ДИКАЯ

Меняю в себе я что-то,
Открыв приключениям дверь.
Пропахла костром и потом,
Как загнанный дикий зверь.
Вдали от мирского вздора
Покой обретёт душа.
Поэтому лезу в гору –
Навьюченный, злой ишак.
Почувствовать жажду, голод,
Звать Солнце – иди ко мне!
И в быструю реку голой
Вбежать, не боясь камней.
Пусть горные воды смогут
Смыть времени нервный тик.
Тернистой дорогой к Богу
Сумела и я пройти.

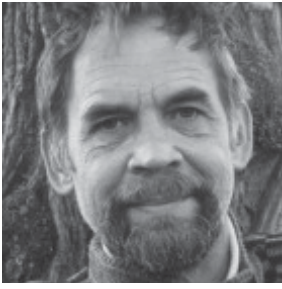
АНГЕЛ ПРОЛЕТЕЛ

Мне предписали на роду –
Коль мир разрушен,
То ждёт подарок за беду –
Венец цветущий.
Стоять под взором Высших Глаз –
Отнюдь не малость.
Я помню, как я в прошлый раз
Здесь причащалась:
На Пасху в дымке голубой
Сверкает лучик...
Я познакомилась с тобой,
И этот случай
Слияньем душ, умов и тел
Нам обернулся.
Наверно, ангел пролетел,
Крылом коснулся.

ДУРОЧКА

Коль увижу истины незримые –
Растеряю разум, не запал!
Я решила – буду ждать любимого,
Даже если он навек пропал.
Почему, скажите, одинаковы
Наши расплетённые пути?
Я два года мучилась и плакала,
А теперь решила прекратить.
Я прошла по белоснежным улочкам –
Собирать святую благодать.
Мне вчера сказали, что я дурочка.
Но не стала долго горевать:
Значит, мне дано, презрев неведенье,
Окропить чернилами перо.
Я его найду, спустя столетия,
Я его найду сквозь сто миров...

Николай ШАБУНИН (р. 1952)

22 мая – 70 лет исполняется поэту и барду Николаю Ивановичу Шабунину (р. 22.05.1952, д. Веслянка Кунгурского р-на Пермской обл.). Лауреат Грушинского фестиваля авторской песни (1978). Учился в Пермском государственном университете, УлГПИ им. И.Н. Ульянова. С 1983 года жил в Ульяновске. Работал на кожевенно-обувном комбинате. Был зам. директора ДК «Руслан». В заводском Доме пионеров создал детский клуб авторской песни «Кредо» (1987). В 1990-х годах вернулся в Пермь; занимается кузнечным ремеслом, художественной ковкой металла. Автор книг стихотворений «Песни к спектаклю по мотивам сказки А. Волкова «Волшебник изумрудного города», «Пиратская кадрили», «Доски старого моста».

БУРЛАКИ

Я не знаю, когда в первый раз
по отравленным руслам
Бурлаки волокли неподъёмную баржу судьбы,
И какой-то упырь,
матерясь беспросветно по-русски,
Прожигал их клеймом,
отправляя этапом в Сибирь.

Я не знаю, когда
и кто первый закладывал душу,
Но он за ночь спилил и спалил
верстовые столбы.
А клеймёные лбы на галерах
гребли через сушу.
И теперь эта пыль называется знаком Судьбы.

Я не знаю когда,
но однажды случилось такое:
Облысела земля и гноились озёр зеркала.
А рабы у стола
из порожнего сыплют в пустое,
И под знаком Судьбы
бурлаки надрывают тела.

Я не знаю, когда и какое знамение свыше
Обозначит предел
размножению новых рабов!
Но из прошлых веков
только стон по-над Волгою слышен,
Да гуляет дубина
по спинам своих бурлаков...

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

От станции до станции
вагон плацкартный скачет.
Сосед сверху храпит. А проводница плачет.
И выгнувшись дугой, за хвост себя кусает
Мой поезд проходной, судьба моя кривая.

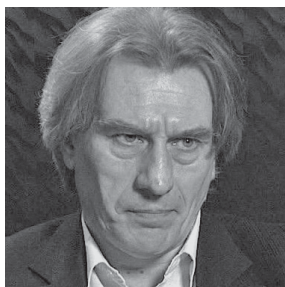
Сигового посла селёдкой в ржавой бочке
Торчу от аромата соседовых носочков.
Но никуда не деться от злостного духана!
И на вторые сутки мы все здесь – наркоманы.

...К концу четвёртых суток качает даже лёжа.
Соседка, в дупель трезвая, на пьяную похожа.
И кажется в протрации – давно все озверели,
А если бы не спали –
вообще б друг друга съели!

Поближе к туалетной общественной параше
Китайчики щебечут на языке не нашем!
Наверно, обсуждают они момент текущий?
А может, замышляют, кого ограбить лучше?

А может, на плантациях весь рис поела тля?
Спросить? Да иероглифов не выговорю я.
И выгнувшись дугой, за хвост себя кусает
Мой поезд проходной, судьба моя кривая...

Сергей КУНЯЕВ (р. 1957)

23 мая – 65-летний юбилей отмечает критик, литературовед Сергей Станиславович Куняев (р. 23.05.1957, г. Москва). Сын поэта С.Ю. Куняева. Окончил МГУ (1980). Член Союза писателей России. С 1992 года заведующий отделом критики журнала «Наш современник». Автор книг «Огнепалый стих» (1990), «Николай Клюев» (2014, серия «ЖЗЛ»); в соавторстве с отцом – «Растерзанные тени» (1995), «Сергей Есенин» (1997); повести «Русский беркут» (2000) и др. Не раз бывал в Ульяновске: 17-18 июня 2018 года участвовал во Всероссийском молодёжном литературном совещании «На родине Гончарова», 15-16 июня 2019-го – в I Всероссийском фестивале литературных журналов «Волжская пристань». Живёт в Москве.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (отрывок из книги)

Любопытно, что многие весьма именитые современники Есенина, хорошо знавшие его, чуть ли не на другой день после смерти поэта, отвернувшись от фактов и житейской правды, начали сочинять о нём бесконечную сказочную эпопею. Борис Пастернак, к примеру, знал о Есенине многое: его характер, стихи, быт, странный роман с Айседорой, чудачества и порой весьма расчётливое отношение к жизни. Но он пишет о Есенине так, будто они разделены морем пространства и времени, словно о Байроне или Казанове: «Есенин к жизни своей отнёсся, как к сказке. Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами...»

Валентин Катаев попытался сочинить несколько легенд («Алмазный мой венец»): о Пастернаке, Юрии Олеше, Владимире Маяковском, Михаиле Булгакове, Эдуарде Багрицком... Все эти жизнеописания, однако, как ни старался Катаев, не превратились в легенды и остались всего-навсего новеллами. У них не было подлинной основы, ядра, к которому должны были бы прирасти эти новеллы, ибо легенда не сочиняется после смерти, она должна зародиться ещё при жизни. И поэтому совершенно естественно, что из всех катаевских новелл один лишь рассказ о «королевиче» Есенине как бы «прилип» к медленно катящемуся есенинскому снежному кому, следуя тайным законам притяжения легендарных частиц к уже существующему ядру воспоминаний.

Сейчас уже почти невозможно разобраться в том, где сам Есенин осмотрительно или легкомысленно рассыпал зёрна своей легенды, а где их сеяли его современники. Достаточно вспомнить самые первые шаги... Когда двадцатилетний поэт всего лишь на два неполных месяца приехал в Петроград, он побывал в нескольких редакциях, встретился с Блоком, Городецким, выступил на нескольких поэтических вечерах, был принят в салоне у Зинаиды Гиппиус. Но тут же по литературному Петрограду поползли слухи. Вот как вспоминает о них один из современников М. Бабенчиков: «О Есенине в тогдашних литературных салонах говорили как о чуде. И обычно этот рассказ сводился к тому, что неожиданно-негаданно, точно в сказке, в Петербурге появился кудрявый деревенский паренёк, в нагольном тулупе и дедовских валенках, оказавшийся сверхталантливым поэтом... О Есенине никто не говорил, что он приехал, хотя железные дороги действовали

исправно. Есенин пешком пришёл из рязанской деревни в Петроград, как ходили в старину на богомолье. Подобная версия казалась гораздо интереснее, а главное, больше устраивала всех».

Создаётся впечатление, что литературная столица ждала пришествия некоего поэтического «мессии» из народа и признала его в Есенине. Один из рецензентов даже написал: «Это была нечаянная радость». Осторожно напомним, что «Нечаянная Радость» для людей той эпохи была не только названием блоковской поэтической книжки, но и чтимым в России иконописным образом Богородицы. Дальше, как говорится, некуда. Поэт сразу же почувствовал какую-то религиозную основу интереса к себе. В январе 1918 года он рассказывал Александру Блоку, что происходит из «богатой старообрядческой семьи», потом повторил И. Розанову, что его дед был «старообрядческим начётчиком», который знал «множество духовных стихов наизусть и хорошо разобрался в них».

Однако дед поэта по отцу, Никита Осипович Есенин, умер ещё до рождения Сергея, а дед по матери, Фёдор Андреевич Титов, был отнюдь не книголюбом, а лихим купцом, владельцем нескольких барж. Не думая о священных книгах, он после удачных заработков гулял по неделе с земляками, и, как вспоминала Екатерина Есенина, «бочки браги и вино ставились около дома».

– Пейте! Ешьте! Веселитесь, православные! – говорил дедушка. – Нечего деньгу копить, умрём, всё останется... Давай споём!»

А когда сам И. Розанов в 1926 году приезжал в Константиново, дед поэта откровенно сказал, что ни к каким раскольникам он не причастен, что духовных стихов почти не знает, а его сын говорил, что в их селе никаких раскольников и старообрядцев в помине не было.

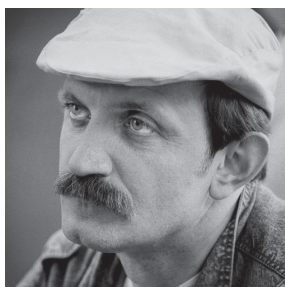
Однако уже после смерти Есенина Сергей Городецкий, выступая на одном из вечеров памяти поэта, заявил, что «от деда-начётчика, сказителя сказок и быллин, Есенин взял свои песни!»

Легенда Есенина такова, что если этот «сказочный мешок» опрокинуть, то содержимое будет сыпаться из него бесконечно. Высыплутся десятки сообщений из газет 1915–1917 годов о молодом крестьянском поэте, который ведёт «мужицкое хозяйство» и «пашет землю». Ни тем ни другим Есенин в жизни не занимался...

Галимжан НАСИРОВ (1922–1990)

25 мая – 100 лет назад родился татарский журналист, поэт, прозаик, публицист Галимжан Гайнуллович Насыров (25.05.1922, д. Елхово-Озёрная, ныне с. Елховое Озеро Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 10.09.1990, г. Ульяновск). Учился в Мелекесском педагогическом училище. Работал учителем в школе, главным экономистом колхоза «Волга». В 1989 году стал первым редактором областной татарской газеты «Эмет» в Ульяновске. Автор книг «Незабываемые мгновенья» (2006), «Село на Казанском тракте» (2009, в соавторстве с Г. и А. Курчаковыми). На доме в Елховом Озере, где он жил, установлена мемориальная доска (2007); его имя присвоено музею истории села, у истоков создания которого он стоял.

Александр СУХАНОВ (р. 1952)

25 мая – 70 лет исполняется поэту, барду Александру Алексеевичу Суханову (р. 25.05.1952, г. Саратов). Окончил МГУ (1974), аспирантуру при нём. Работал научным сотрудником в лаборатории вычислительных методов МГУ. Кандидат физико-математических наук. Был участником фестиваля авторской песни «Гамбургский счёт» в Ульяновске (1979). Автор песен «Ах, телега ты моя...», «Можжевельный куст», «Моя звезда», «Баня» и др. Записал более 15 музыкальных альбомов. Выступал с концертами в Венгрии, Германии, Франции, США, Канаде. Член Союза литераторов России (1995). Автор поэтических сборников «Музыкальный полёт» (1997), «День из апреля манит меня» (1998). Живёт в Москве.

ТЕЛЕГА

Ах, телега ты моя,
Вдребезги разбитая,
Ты куда везёшь меня,
Всюду позабытая?
Мой коняга так устал,
Сонная дорога.
Колокольчик зазвучал,
Переливом трогая.

Ночь прошла, поёт рассвет,
Будто путь недлинный,
И звучит его сонет
Музыкой старинной.
Рысью конь мой поскакал.
Светлая дорога.
Колокольчик всё звучал,
Переливом трогая.

Но ненастье подошло
Как-то незаметно.
Листья в небо унесло
Налетевшим ветром.
Солнце спряталось у скал.
Мокрая дорога...
Колокольчик всё звучал,
Переливом трогая.

ЛЕДОХОД

Под мостом ледоход, ледоход:
Кто как будто парит над рекой,
Кто глядит на сверкающий лёд
И к руке прикоснулся рукой?

Тишина, только птица одна
Одинокая криком кричит,
Тихо, тихо речная волна
В неуклюжую льдину стучит.

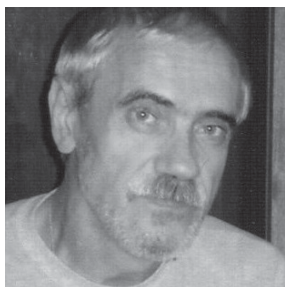
Серебристый туман над водой –
Лёгкий, будто из шёлка вуаль:
Кто вдыхает весенний покой
И глядит очарованный вдаль?

Кто, смеясь, ни о чём говорит?
Льдина-лебедь плывёт в никуда,
И мерцает, как будто горит,
Голубая речная вода.

Кто уйдёт, и покинутый мост
Опустеет вечерней порой,
Кто забудет пологий откос,
Назовёт всё, что было, игрой?

Торопливо плывут облака,
Тёплый ветер поднялся и стих...
Кто продолжит в далёких веках
Эту встречу, игру для двоих?

Валерий КРУШКО (1952–2008)

26 мая – 70 лет назад родился поэт Валерий Викторович Крушко (26.05.1952, г. Ульяновск – 24.11.2008, там же). Учился в Ульяновском высшем военном училище связи, в УлГПИ им. И.Н. Ульянова; оба не окончил. В 1970-е гг. был рабочим сцены в Ульяновском драмтеатре. Жил и работал в Ленинграде, где проникся духом петербургской поэтической школы. В 1979 году вернулся в Ульяновск. Трудился слесарем на заводе, торговал на рынке, занимался индивидуальным предпринимательством. Стихи публиковались в газетах «Стрежень», «Ульяновская правда», «Град Симбирск», в журнале «Симбирскъ» и альманахе «Северный царь». Первая книга стихов «Пыль пепла» издана в Ульяновске посмертно в 2009 году.

МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНА

Они взахлёб ловили твой прищур...
Щетинилась толпа, словам внимая,
когда ты раскрутил в неё пращу,
последний шанс у жизни отнимая...

И чтобы показать, как ты велик,
внесли твой гроб через глухие двери,
и на икону натянули лик,
как на шаманский бубен – кожу зверя...

...с этой землёю измученной,
с этой ветлой у пруда,
с этой речною излучиной
я распрощусь навсегда.
Беспрекословное таинство:
там, где ты примешь исток,
там мы с тобой и расстанемся:
я – прямиком на восток.
Очередному «учителю»
смешивать краски для схем?
Это смешно, и мучительно,
и непонятно – зачем?
Бог же с тобою! Хоть вроде бы
не жили порознь ни дня,
что ж ты, любимая Родина,
не пожалела меня?..

ГОРОДУ

...этот город во мраке лукав и опасен
на семи он ветрах рукотворный и плоский
одиноким могила слагателя басен
остальное бетон да тиснённые доски

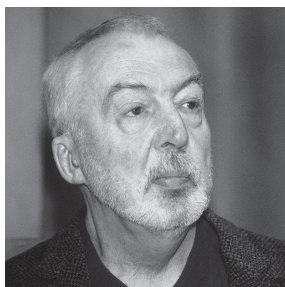
три докуки историку три наказанья
предстоит из бездонного черпать колодца:
как называли его да как переназывали
да как вновь назовут коли жить там придётся...

...слепой умирает – во тьме.
Он шепчет, мол, что я теряю?
Ту жизнь, что лишь грезилась мне
мерцаньем, мельканьем, тенями?..

...любовь, что пропала вдали?
Свободу с бессильным проклятьем?
Смертельной дорогой прошли
мы, слепорождённые братья...

...В последнем, предвечном, покое
вздохнёт и умолкнет Земля,
и люди услышат такое,
чего не услышать – нельзя.
Не сумерки праведных странствий,
не злая свобода стиха,
но – как отпущенье тиранства –
грядёт Опознание Греха.
И каждому – пить свою чашу,
покуда не станет чиста!
И бедную Родину нашу
Господь вознесёт до креста...

Андрей БИТОВ (1937–2018)

27 мая – 85 лет со дня рождения писателя Андрея Георгиевича Битова (27.05.1937, г. Ленинград – 03.12.2018, г. Москва). Окончил Ленинградский горный институт (1962). Член Союза писателей СССР (1965). Автор книг «Аптекарский остров» (1968), «Воскресный день» (1980), «Пушкинский дом» (1989), «Ожидание обезьян» (1993) и др. За романы «Улетающий Монахов» и «Оглашенные» получил Государственную премию РФ (1992, 1997). В феврале 2006 года приехал в Ульяновскую область, посетил музей Дениса Давыдова в с. Верхняя Маза Радищевского р-на. В Ульяновске побывал в Музее современного искусства им. А.А. Пластова, в областном Дворце книги, встретился с ректором и студентами УлГУ.

БЕЗДЕЛЬНИК (отрывок из рассказа)

Руководитель сказал мне:

– Нет, Витя, так не пойдёт. Так не годится. Не могу, Витя, понять, чем у вас голова забита. Вы производите впечатление такого солидного человека, а на поверку выходит что? Выходит вот что. Испытательный срок кончается? Кончается. А кончится – будет что? Будет фук? (Это он так шутит.) Так вот, слушайте меня внимательно...

Это он верно отметил. Впечатление такое я произвожу. Я произвожу очень много разных впечатлений. Солидного человека – тоже. Точно, какой я на самом деле, сказать не могу. Возьмём, скажем, зеркало. Ведь именно перед зеркалом мы понимаем, какими нас видят люди. Для того и смотримся. Я же редко узнаю себя в зеркале. То стою перед ним высокий и стройный, и лицо красивое, подтянутое, черты правильные и резкие, то невозможно толстая оладья – не понять вообще, есть ли эти черты. И не просто широкое, а безбрежное у меня иногда лицо, и сам я тогда коротенький и толстый. Одно время я думал, что только сам в этом путаюсь, а остальные видят меня объективно, с такими-то и такими-то определёнными, именно мне присущими чертами. Оказывается, нет.

Руководитель сказал мне как-то: «Позвольте, что с вами? Какой вы, оказывается, высокий! Вы что, на котурнах? Вы же всегда были низеньким?» При этом он знал меня уже около месяца и каждый день видел. Тогда, как водится, я заметил это за всеми. Не обращал, не обращал – и вот заметил. За всеми и всюду. И не только, что разные люди видят меня по-разному, – и каждый в отдельности, даже лучший друг твой. И есть у меня один момент, так его я просто страшусь. Это мои уши. Их никогда не замечают сразу. И каждый твой приятель неизбежно когда-нибудь их заметит. У каждого на это уходит разное время. Некоторые не замечают их очень долго. И это страшно. Представьте себе какое-нибудь сборище, в котором вы хотите произвести то или иное благоприятное впечатление, – и вдруг ваш приятель, разговаривая с вами, может, о чём-либо очень серьёзном, замирает на полуслове, смотрит на вас удивительными глазами, лицо его делается неузнаваемым, и он начинает хохотать. И только в редкие промежутки, когда он, красный, пытается вдохнуть или выдохнуть, вы слышите свистящее: «Уш-ши... Посмотрите, какие у него уш-ш-ши!» И

тогда все замирают, у всех удивлённые лица, и все шипят: «Уш-ши! Уш-ш-ши!» А один даже сказал: «Что, у тебя и второе такое же?» и заглянул сбоку.

Так что ничего мы не видим сразу и всё видим по-разному. Не говоря о том, что люди – это разные люди. Ну а уж о том, какие разные черты характера вижу я в своём лице, глядя в зеркало, и говорить не приходится. Вот оно волевое и нежное, лицо Джека Лондона. А вот фанатичное, сгоревшее – одни глаза, – лицо индийского факира. Вот лицо чемпиона мира Юрия Власова. Вот лицо князя Мышкина. А вот безвольное, грязное лицо, со следами разврата, лицо человека, способного на любую подлость. Есть, конечно, и кое-какие объективные, вернее, полицейские данные: глаза – карие, волос – русский, губы – толстые. Хотя, кто знает: может, и это неточно.

– Теперь вы всё поняли? – говорит руководитель. – Это всё и переделайте, как я сказал. А то чёрт знает что, Витя. Теперь-то вы всё поняли?

Что я понял? Что я должен переделать? О чём говорил мне этот ненавистный человек?

...Я встаю, беру бутылку чернил, подхожу, все движения мои замедлены и неумолимы, подхожу и выливаю бутылку чернил ему на лысину. Ну что, понял?..

Я сижу с ним рядом, смотрю на него ясными глазами и киваю.

...Я встаю, медленно лезу в карман, мои пронзительные серые глаза чуть прищурены, я так поднимаюсь с носка на пятку и обратно с пятки на носок, медленно вытягиваю руку из кармана, и в кулаке у меня лимонка. «А это ты видел?» – говорю я и подношу гранату к его сизому носу. «Вот разожму кулак, – говорю я, – и не будет ни тебя, ни этой проклятой конторы»...

Я сижу рядом с ним, смотрю на него ясными глазами и киваю.

...Я встаю, смотрю на него моими зелёными ненавидящими глазами и бросаю ему в лицо всю правду. Голос мой чуть дрожит от негодования. Я не такой, говорю я, он от меня этого не добьётся, я человеком останусь, а если ты на что-либо такое надеешься от меня, так вот на тебе, выкуси!..

– Вижу, вижу, – говорит руководитель особым, поощрительно-ласковым голосом, по глазам вижу, что понял.

Что он понял? Что он понял по моим глазам?..

Максимилиан ВОЛОШИН (1877–1932)

28 мая – 145 лет назад родился поэт, критик, переводчик Максимилиан Александрович Волошин (28.05.1877, г. Киев – 11.08.1932, пос. Коктебель Крымской АССР). В 1909 году был исключён из Московского университета за участие в студенческих волнениях и сослан в Ташкент; по пути туда и обратно проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово Симбирской губ. Сделал свой дом в Коктебеле бесплатным Домом творчества писателей. Автор поэтических сборников «Стихотворения. 1900–1910» (1910), «Anno mundi ardentis» (1916), «Иверни» (1918), «Демоны глухонемые» (1919), «Усобица: стихи о революции» (1923), «Ночное солнце» (1930); книги статей «Лику творчества» (1914) и др.

В ЦИРКЕ

Андрею Белому

Клоун в огненном кольце...
Хохот мерзкий, как проказа,
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра; свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро хлещущих пощёчин.

Как огонь, подвижный круг...
Люди – звери, люди – гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Всё крикливо, всё пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро...

В лунном свете с мандолиной
Он поёт в своём окне
Песню страсти лебединой
Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа;
Клоун в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза...

В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог –
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной погибели обрёл.

И, не противясь древней силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили.

Не верил в чудо смерти жрец,
И жертва тайны не страшилась,
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.

Выйди на кровлю. Склонись на четыре
Стороны света, простёрши ладонь...
Солнце... Вода... Облака... Огонь... –
Всё, что есть прекрасного в мире...

Факел косматый в шафранном тумане...
Влажной парчою расплёсканный луч...
К небу из пены простёртые длани...
Облачных грамот закатный сургуч...

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений земли.

Лев ОШАНИН (1912–1996)

30 мая – 110 лет со дня рождения поэта и прозаика Льва Ивановича Ошанина (30.05.1912, г. Рыбинск Ярославской губ. – 30.12.1996, г. Москва). Член Союза писателей СССР (1976). Вёл в Литературном институте семинар для молодых поэтов. Автор поэтических сборников «Москва майская» (1949), «Беспокойные сердца» (1951), «Так нам сердце велело» (1959), «Песня о тревожной молодости» (1961), «Просто я работаю волшебником» (1966), «Пока я дышать умею...» (1985) и др. Не раз бывал в Ульяновске, подарил книгу с дарственной надписью библиотеке Ленинского мемориала. Написал стихотворение «Над родным Симбирском» (1942), тексты песен «Ленин всегда с тобой» (1955), «Течёт Волга» (1962) и др.

КЛЯТВА

В ту ночь бросала стужа в дрожь,
И звёзды холодно мерцали.
Любимый друг, великий Вождь
Лежал в гробу в Колонном зале...

Прощаясь с лучшим из людей,
Народы горя не скрывали.
И под личиною друзей
Враги тайком торжествовали.

В ту ночь, когда лучился взгляд
И сердце словно подколотось,
В ту ночь сквозь плач, печаль и яд
Раздался вдруг спокойный голос.

Он был как совесть, как судьба.
С тем, кто лежал в Колонном зале,
Тот голос время и борьба
На веки вечные связали!

И все мы поняли, что с ним
Сквозь мрак и горесть мы пробьёмся,
И мы дыханием одним
Сказали вслед за ним: «Клянёмся!»

1939

НАД РОДНЫМ СИМБИРСКОМ

Над родным Симбирском, над широкой Волгой
В час, когда прохлада настаёт,
За туманом синим медленно и долго
Загудит далёкий пароход.

Вслушиваясь в шорох на лесных полянах,
В плеск волны, в знакомые гудки,
Медленно проходит юноша Ульянов
По крутому берегу реки.

Волга, ты не знаешь тяжести утраты,
Ты всё так же широка – светла,
Только чёрной тенью виселица брата
Поперёк волны твоей легла.

Он от брата принял ненависть в наследство,
В молчаливой клятве руки сжал.
Так, внезапно, разом оборвалось детство,
Так он в этот вечер возмужал.

Тихой майской ночью медленной и долгой
Юноша глядит, как даль светла.
За родным Симбирском, над широкой Волгой
Вся Россия перед ним легла.

1942

Огоньки от звезды проплывают к звезде,
Так на Волге плывут огоньки по воде.
Так в степи, пропадая потом без следа,
Огоньками сверкая, бегут поезда.

Всё как прежде – и степи, и веточки рек,
Просто на небе светится нынешний век.
Просто движутся люди от нас или к нам
По своим человеческим добрым делам.

1959

Пётр ПЕКАРСКИЙ (1827–1872)

31 мая – 195 лет назад родился историк литературы, библиограф Пётр Петрович Пекарский (31.05.1827, поместье Отрада, ныне в черте г. Уфы – 24.07.1872, г. Павловск, похоронен в Петербурге). Окончил Казанский университет (1847). С 1848 года служил в Самарской удельной конторе Симбирской губ.: вёл лесоустроительные работы в Ставропольском у. (ныне заволжская территория Ульяновской обл.). С 1851-го служил в канцелярии Министерства финансов, в Петербургской академии наук. Автор сочинений «Русские мемуары XVIII в.» (1855), «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862), «Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова» (1867), «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву» и др.

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕТЕРБУРГЕ (отрывок из книги)

Наивный летописатель детства Петра Велико-го утверждал, что он ещё в малых летах «вся в совершенство изучи... книжное же учение толико имея в твердости, что вся Евангелии и Апостол наизусть или памятью остро прочитал». А между тем сам государь впоследствии сознавался, что только в четырнадцать лет от роду он в первый раз услышал об астрологии, и что никто из окружавших его тогда не мог разъяснить ему этого инструмента до тех пор, пока не выискался один голландец, знавший настолько математику, что был в состоянии преподавать Петру геометрию и фортификацию. Как и от кого этот государь узнал о других науках, неизвестно. Есть много данных предполагать, что в этом случае ему немало помогали иноземцы, жившие издавна в России и с которыми он особенно любил проводить время в своей юности. Некоторые из них, как-то: Вейде, Брюс, Виниус были знакомы не понаслышке с европейскими науками. Последний даже занимался переводами на русский язык и владел замечательно библиотекою. Только в переписке с этим Виниусом Пётр примешивал иногда сравнения из мифологии, упоминал о Вулкане, Марсе и т. п.

По возвращении из первого путешествия по Европе, Пётр в первый раз высказал о необходимости распространения в России знаний в беседе своей с патриархом (в 1698 или 1698 г.). «И zde (т. е. в Москве), – говорил тогда царь, – порадеть мощно, но мало которые учатся, что никто школы, как подобает, не назирает». И далее: «Хотя бы послати колико десять человек в Киев в школы». Пётр рассуждал с патриархом, а потому прежде всего высказывал: «Евангельское учение и свет его, сие есть знание божеское человеком паче всего в жизни сей надобно», и потом уже прибавил: «И из школы бы во всякия потребности люди, благоразумно учася, происходили в церковную службу и в гражданскую, воинствовати, знати строение и докторское врачевское искусство».

В 1703 году пленный шведский пастор Глюк, с разрешения царя, завёл в Москве школу в доме Нарышкина на Покровке и надеялся преподавать в ней не только картезианскую философию, но и языки, кроме европейских, еврейский, сирский и халдейский (сам Глюк был ориенталист). Но пастор вскоре умер, и школа перешла в заведывание ма-

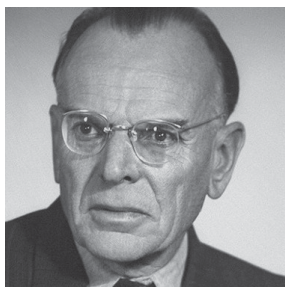
гистра философии Йенского университета Иоганна-Вернера Паузе, которому по этому случаю, в начале 1706 года, дана была особая инструкция. Тогда предполагалось в этой школе иметь шесть классов, и здесь следовало преподавать языки: латинский, французский, итальянский, шведский, еврейский, греческий; также обучать: стилистике, орфографии, счетоводству, истории, геометрии, географии, астрономии, музыке, грамматике, риторике, логике, физике, политике, наконец пристойному обхождению и страху Господню.

В феврале 1706 года Паузе представлял, что для русских необходимо изучение языков турецкого и персидского, для чего надобен учитель и ученики особливо из благородного сословия, и что русская школа, заведённая папистами в Немецкой слободе, должна быть уничтожена, так как там совращаются молодые русские в ущерб государству и господствующей вере. Вскоре потом Паузе рассорился со своими учителями, учениками и родителями последних. 20 апреля 1706 года он жаловался князю Меншикову на неприятелей своих. «И тогда, – писал он между прочим по-русски, – три ученики, предпущенни на тое дело, лжесвидетельствовали, сиречь детския басни и сказки некоторыя приносили, яко против святых образов говорил. Не во единой школе обычай есть, что ученики власть имеют против учителя своего свидетельствовать, для того и недостоверни суть со некоторыми учителями, ненавистью, завистью, солганием и лукавством исполнениями».

Школа эта вскоре за тем исчезла, но несмотря на краткое существование, из учеников её известны несколько образованных людей, как-то: Исаак и Фёдор Веселовские, Иван Келлерман, Иван Грамотин, Лаврентий Блюментрост.

Около того же времени, когда существовала в Москве школа Глюка, представлен был Петру Великому проект о мерах к распространению просвещения в России. Неизвестный составитель его, очевидно иностранец, является здесь поборником греческого языка, называя его главою прочих языков, которые разделяет: одни на избранные для благочестивой веры, другие же – для учений богомерзких, еретической веры...

Константин ПАУСТОВСКИЙ (1892–1968)

31 мая – 130 лет со дня рождения писателя, журналиста Константина Георгиевича Паустовского (31.05.1892, г. Москва – 14.07.1968, там же). Во время Первой мировой войны служил санитаром поезда, доставлявшего раненых в тыловые лазареты. Зимой 1914–1915 годов бывал в Симбирске, Сызрани, Базарном Сызгане, Инзе, о чём позже вспоминал в книге «Беспокойная юность» (1955). Его имя присвоено Базарносызганской межпоселенческой библиотеке (2004); на здании станции Базарная открыта мемориальная доска (2015). Член Союза писателей СССР. Автор книг «Блистающие облака» (1929), «Чёрное море» (1936), «Созвездие гончих псов» (1937), «Далёкие годы» (1945), «Книга скитаний» (1963) и др.

ДАЛЕКИЕ ГОДЫ (отрывок из книги)

В те годы, во время службы моей на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки. Я как бы растворился в народном разливе, среди солдат, рабочих, крестьян, мастеровых; от этого было очень уверенно на душе. Даже война не бросала никакой тревожной тени на эту уверенность. «Велик бог земли русской, – любил говорить Николаша Руднев. – Велик гений русского народа! Никто не сможет согнуть нас в бараний рог. Будущее – за нами!».

Я соглашался с Рудневым. В те годы Россия предстала передо мной только в облике солдат, крестьян, деревень с их скудными достатками и щедрым горем. Впервые я увидел многие русские города и фабричные посадки, и все они слились своими общими чертами в моём сознании и оставили после себя любовь к тому типичному, чем они были наполнены.

Я помню Арзамас с плетёными корзинами румяных крепких яблок и таким обилием похожих на эти яблоки, таких же румяных куполов, что казалось, этот город был вышит в золотошвейной мастеровской руками искусных мастериц.

Нижний Новгород ударил в лицо пахнущим рогожами волжским ветром. Это был город русской предприимчивости, оптовых складов, бочек, засола – буйная перевалочная пристань в истории России.

И Казань с памятником Державину, присыпанным снегом. Там в Оперном театре я, усталый, уснул на галёрке на спектакле «Снегурочка», вспоминая сквозь сон только что услышанные слова: «Разве для девушек двери затворены, входы заказаны?». Я проснулся среди ночи. Сторожа схватили меня и отвели в полицейский участок. Там пахло сургутом, и тучный пристав составил протокол «о недозволенном сне в театральном зале». Я шёл к вокзалу. С Волги лепил в лицо снег, и мне было жаль промёрзшего насквозь Державина, глядевшего во мрак твёрдыми бронзовыми глазами.

В Симбирске я тоже был зимней ночью. Весь этот пустынный тогда город был покрыт инеем. Запущенные его сады стояли как бы в оловянной листве. Со Старого Венца я смотрел на ночную Волгу, но ничего не увидел, кроме тусклой, смёрзшейся мглы.

Тогда я ещё не знал, что Симбирск – родина Ленина. Сейчас мне, конечно, кажется, что уже тогда я

видел тот деревянный дом, где он жил в Симбирске. Мне это кажется, может быть, потому, что там много таких тёплых домов, бросающих по вечерам свет из окон на узкие тротуары. В то время я только знал, что в Симбирске жил Гончаров – медлительный человек, владевший почти сказочным даром русского языка. Этот язык живёт в его книгах легко, сердечно и сильно.

Саратов показался мне слишком правильно выстроенным и даже скучным. На городе лежал отпечаток зажиточности и порядка. Такое впечатление осталось от главных улиц. Но потом я попал в улицы боковые, в проулки, на Бабушкин взвоз, где в вихрях сухого снега слетали с горы на салазках мальчишки.

Я катался вместе с мальчишками. Мне понравилось, лёжа на салазках ничком, проноситься мимо домишек, плававших из-за оконных стёкол геранью. И, признаться, я позавидовал обитателям этих домишек. Потому что я был в одном из них.

Мальчишка провёл меня к какой-то Софье Тихоновне в один из таких домов – попить горячего молока. Я увидел застеклённые сенцы. На чистом полу квадратами оконных рам лежал слабый солнечный свет. Во вторых тёплых сенцах стояла в кадке холодная вода. В ней плавал деревянный ковшик. За дверь открылась горница с бархатными бордовыми занавесками на окнах. Стенные часы с огромными стрелками стучали так громко, что надо было повышать голос, чтобы разговаривать с застенчивой старушкой Софьей Тихоновной. На столике у окна, покрытом кружевной скатёркой, лежала толстая пачка номеров «Нивы» в голубых бумажных обложках и стояли давным-давно засохшие цветы. На стене среди фотографий и акварельных картинок висела большая, чуть пожелтевшая афиша о спектакле «Дети солнца» Максима Горького.

– Сын у меня актёр, – сказала мне Софья Тихоновна. – В Петербургском театре. Раз в год летом приезжает он ко мне на недельку-другую – то на пути в Минеральные Воды, то с Минеральных Вод.

Я постарался представить себе эту жизнь, наполненную ожиданием сына. Должно быть, это была горькая жизнь, но старушка несла её легко и безропотно. Каждая вещь мылась, перетиралась, облюбовывалась только потому, что за эти мимолетные семь дней в длинном году она могла понадобиться сыну...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед*